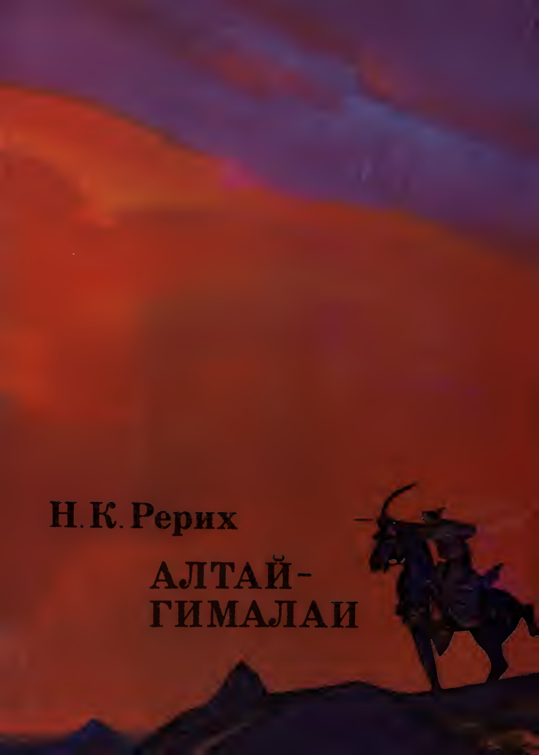
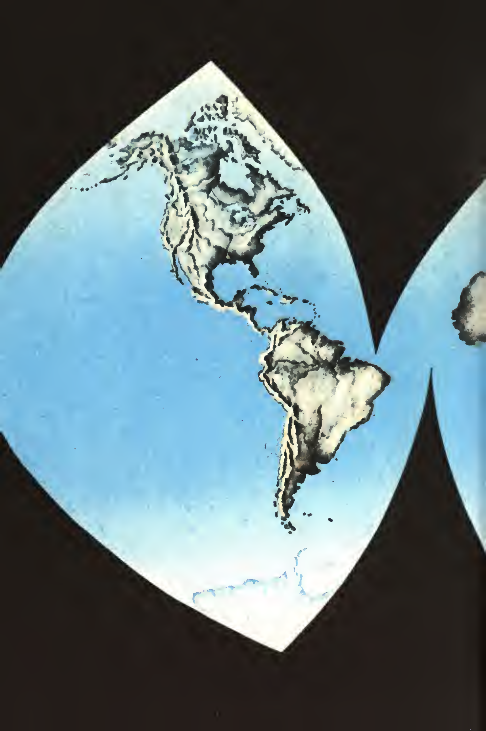

Н.К. Рерих
АЛТАЙ-
ГИМАЛАИ

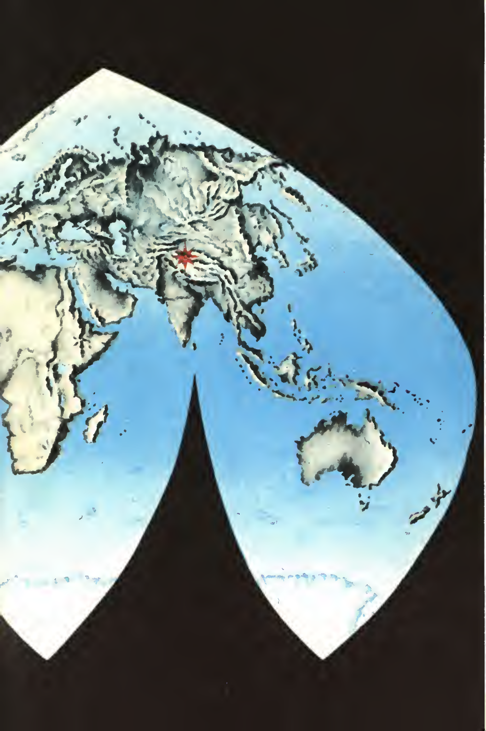

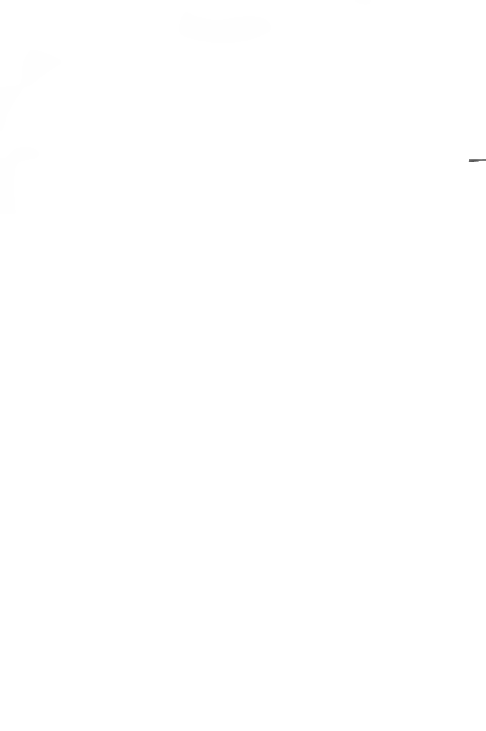
Издательство
«Мысль»

Н. К. Рерих

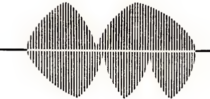
АЛТАЙ-ГИМАЛАИ

XX век: Путешествия
Открытия
Исследования

Книга подготовлена
при участии
Института востоковедения
АН СССР

Научная редакция тома:

Окладников А. П.
Котовский Г. Г.
Шастина Н. П.
Решетов Ю. Г.
Тюляев С. И.

Составитель
Богданова И. М.

Р $\frac{20901\text{-}225}{004(01)\text{-}74}$ подписное

Н. К. Рерих

АЛТАЙ — ГИМАЛАИ

Предисловие
академика
Б. Г. Гафурова

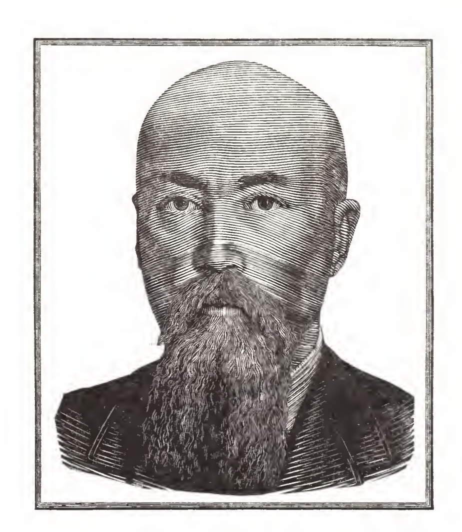
Послесловие
академика
А. П. Окладникова

Комментарии
С. И. Тюляева
и Ю. Г. Решетова

Издательство
«Мысль»
Москва
1974

Н.К. Рерих

АЛТАЙ-
ГИМАЛАИ

Путешественник, художник, гуманист

 Осенью 1974 года прогрессивная общественность многих стран мира отмечает столетие со дня рождения нашего соотечественника, замечательного художника-гуманиста Николая Константиновича Рериха. Широко известен его выдающийся вклад в сокровищницу мировой культуры. Его творчество принадлежит всему человечеству. Размаху, богатству его деятельности и творческого гения поражался Джавахарлал Неру. «Уже само количество картин,— писал он,— изумительно — тысячи картин и каждая — великолепное произведение искусства. Когда вы смотрите на эти полотна, из которых многие отображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, которые веками возвышались над равнинами Индии и были нашими стражами. Картины его напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного духовного наследия, многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, и мы чувствуем, что мы в долгу у Николая Рериха, который выявил этот дух в своих великих полотнах».

Творчество замечательного русского художника высоко ценили такие крупнейшие деятели мировой культуры, как Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Ромен Роллан, Рабиндранат Тагор.

Долгая и самоотверженная жизнь Н. К. Рериха была заполнена неустанным трудом в области искусства и науки. Его полувековая культурная и общественная деятельность увенчана «Пактом Рериха», легшего в основу Гаагской конвенции 1954 года по сохранению культурных ценностей человечества. Сейчас членами этой конвенции являются все ведущие страны мира.

Н. К. Рерих был не только великолепным мастером кисти, но и крупным знатоком культуры, особенно искусства Востока, а также выдающимся путешественником. Еще в конце XIX века он начинает изучать историю куль-

туры стран Востока, древнеиндийскую философию. Интерес и любовь к Востоку разделяет вся семья Николая Константиновича, и прежде всего его старший сын Юрий Рерих, ставший видным востоковедом и одним из ближайших помощников отца во всех его начинаниях. С годами у семьи Рерихов крепнет желание организовать экспедицию на Восток — в Центральную Азию. В 1913 году в статье «Индийский путь» Н. К. Рерих пишет: «Уже давно мечтали мы об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древнего быта и искусства от Индии... Вот к ней мы и направляемся... Заманчив великий Индийский путь».

Преодолев все трудности, Рерихи лишь через 10 лет начали свой легендарный «Индийский путь». Восьмого мая 1923 года они выезжают в Индию, начинается знаменитая рериховская Центрально-Азиатская экспедиция.

Как писал впоследствии Ю. Н. Рерих, основной задачей экспедиции было — создать живописную летопись стран и народов Центральной Азии. Пятьсот полотен, созданных Н. К. Рерихом во время этой экспедиции,— итог необыкновенного творческого подвига.

Цель экспедиции состояла также в том, чтобы исследовать археологические памятники, изучить возможности для новых археологических исследований, подготовить путь для будущих экспедиций и, наконец, собрать материалы по этнографии и языкам, иллюстрирующие культуру народов Центральной Азии.

Со всеми этими задачами Центрально-Азиатская экспедиция (1923—1928 гг.) Рерихов блестяще справилась.

Пройдя по обширным пространствам Индии, Китая, СССР и Монголии, она собрала огромный научный материал о жизни и культуре кочевых народов. Был открыт своеобразный художественный стиль, присущий кочевникам Центральной Азии,— так называемый «звериный стиль», тесно связанный с искусством древних скифов. Изучено и сфотографировано множество ранее неизвестных археологических памятников. И самое главное — за эти годы Н. К. Рерих создает в сотнях своих картин величественную панораму жизни стран и народов Центральной Азии. Н. К. Рерих тонко понимал своеобразную красоту стран Азии и больше всех сделал для ее раскрытия перед нами. И во всем, что он создает — картины или книги,— чувствуется дыхание живой Азии и все проникнуто подлинной поэтичностью. Этим он отличается от многих других исследователей Центральной Азии.

Совершая эту труднейшую экспедицию, Н. К. Рерих все время думает о Советской России, остается ее неизменным патриотом. В советском консульстве в г. Урумчи он работает над памятником В. И. Ленину. В 1926 году Рерихи приезжают в СССР, в Москву. Вспоминая об этом, Николай Константинович писал: «В 1926 году в Москве мы, т. е. я, моя жена и сын Юрий, имели долгие добрые беседы с Чичериным, Луначарским, Бокием. Мы хотели тогда же остаться на Родине, приобщившись к строительству. Но мы должны были ехать в Тибетскую экспедицию, и Бокий советовал не упускать этой редкой возможности».

8 Много и других встреч с государственными и общественными деятелями, художниками и артистами имели Рерихи в Москве. Они встретились с Н. К. Крупской, К. С. Станиславским, А. В. Щусевым и И. Э. Грабарем.

После успешного окончания экспедиции Рерихи основывают в 1928 году в Индии, в Гималаях, в древней долине Кулу, Гималайский институт научных исследований «Урусвати». Институт был задуман как международный научный центр. Он вел интереснейшую научно-исследовательскую работу, изучал и обрабатывал научные материалы, привезенные из Центрально-Азиатской экспедиции, и организовывал новые экспедиции.

Институт обменивался научными коллекциями и изданиями с Ботаническим садом АН СССР. Крупнейший советский ботаник и генетик Н. И. Вавилов поддерживал научные контакты с «Урусвати» и получал оттуда семена для своей уникальной ботанической коллекции.

Друзьями Н. К. Рериха становятся многие выдающиеся люди Индии — Джавахарлал Неру и Рабиндранат Тагор, будущий президент Индии доктор С. Радхакришнан.

В 1942 году по инициативе Н. К. Рериха и при содействии его индийских друзей начинает выходить журнал «Новости Советского Союза». Он пишет брату Б. К. Рериху в Москву: «Вчера я послал тебе новогодний номер здешнего журнала «Новости Советского Союза». Журнал начал выходить в Дели с ноября и сразу был встречен повсюду огромным успехом. Номера все немедленно расхватали, даже нельзя было выполнить заказы из Ирана, Египта. Теперь очень трудно с бумагой, а то тираж мог бы утроиться. Интерес и сочувствие везде. В будущем номере пойдет в красках моя картина «Партизаны».

Вероятно, в Дели состоится в феврале наша выставка в пользу военного фонда — все пойдет русскому воинст-

ву. Каждый должен принести и средства, и знания, и труд во славу Родины».

Всю свою жизнь Н. К. Рерих посвятил служению Родине и многое сделал для укрепления ее дружбы с другими странами, и в первую очередь с Индией.

«Тянется сердце Индии к Руси необъятной,— писал он.— Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно Алтай — Гималаи — два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских».

Книга «Алтай — Гималаи»[1] — это не только рассказ о путешествии в Центральную Азию, но и важнейший источник ценных сведений по ее истории и культуре. Здесь материалы по географии, этнографии, лингвистике, искусству. Эта книга еще раз свидетельствует о замечательных традициях отечественного востоковедения в изучении Центральной Азии. Выход книги — хороший подарок к юбилею ее автора.

Б. Г. Гафуров

---

[1] В этой книге публикуется рукопись Н. К. Рериха, хранящаяся в квартире-музее его сына Ю. Н. Рериха. При подготовке рукописи к печати редколлегией сделаны некоторые сокращения. Отдельные неясные места уточнены по прижизненному изданию («Altai—Himalaya. A travel by diary by Nicolas Roerich». London — New York, [1929, 1930]). Географические названия, собственные имена и различная терминология даются в современной транскрипции.

Глава

1
Цейлон — Гималаи

(1923—1924)

«Урус карош!»— кричит лодочник в Порт-Саиде, увидев мою бороду. Всюду на Востоке звенит этот народный привет всему русскому. И сверкает зеленая волна, и красная лодка, и бело-голубая одежда, и жемчуг зубов: «Карош урус!» — привет Востока!

Вот и Синай показался в жемчужной дымке. Вот источник Авраама *. Вот и «двенадцать апостолов» — причудливые островки. Вот и Джидда* — преддверие Мекки. Мусульмане парохода молятся на восток, где за розовыми песками скрыто их средоточие. Направо древним карнизом залегла граница Нубии *. На рифах торчат остовы разбитых судов. Чермное море * умеет быть беспощадным вместе с аравийским песчаным ураганом. Огненный палец вулкана Стромболи недаром грозил и предупреждал ночью. Но теперь, зимой, Чермное море и сине, и не жарко, и дельфины скачут в бешеном веселье. Сказочным узором залегли аравийские заливы — Кориа Морна * .

Японцы не упускают возможности побывать около пирамид. Эта нация не теряет времени. Надо видеть, как быстрозорко шевелятся их бинокли и как настойчиво насущны их вопросы. Ничего лишнего. Это не вакантный туризм усталой Европы. «Ведь мы же договоримся наконец с Россией»,— деловито, без всякой сентиментальности говорит японец. И деловитость пусть будет залогом сотрудничества.

В Каире в мечети сидел мальчик лет семи-восьми и нараспев читал строки корана. Нельзя было пройти мимо его проникновенного устремления. А в стене той же ме-

---

* См. комментарии в конце книги.— Ред.

чети нагло торчало ядро Наполеона. И тот же завоеватель империи разбил лик великого Сфинкса *.

Если обезображен Сфинкс Египта, то сфинкс Азии сбережен великими пустынями. Богатство сердца Азии сохранено, и час его пришел. И оно дождалось крушения империализма.

Древний Цейлон — Ланка Рамаяны *. Но где же дворцы и пагоды? Странно. В Коломбо встречает швейцарский консул. Английский полицейский — ирландец. Француз — торговец. Грек с непристойными картинками. Голландцы — чаевики. Итальянец — шофер. Где же, однако, сингалезы *? Неужели все переехали в театры Европы?

Будда и Майтрейя * скрыли свои лики в потемках храма Келания около Коломбо. Мощные изображения заперты в каких-то гигантских стеклянных шкафах по темным углам. Хинаяна * гордится своей утонченностью и чистотой философии перед многообразной махаяной *.

Обновленная большая ступа * около храма напоминает о древнем основании этого места. Впрочем, и все Коломбо и Цейлон только напоминают по осколкам о древней Ланке, о Ханумане, Раме, Раване * и прочих гигантах.

Множество храмов и дворцовых строений могут хранить остатки лучшего времени учения *. Кроме известных развалин сколько неожиданностей погребено под корнями зарослей. То, что осталось поверх почвы, дает представление о былом великолепии места. Всюду скрыты находки. Не надо искать их, они сами кричат о себе. Но работа может дать следствия, если будет произведена в широких размерах. К развалинам, где один дворец имел девятьсот помещений, нельзя подходить без достаточного вооружения. Цейлон — важное место.

Общие купания около кисло-сладкой горы Лавиния являют царство гиганта современности — всепоглощающей пошлости. Тонкие пальмы стыдливо нагнулись к пене прибоя. Как скелеты, стоят фрагменты Анурадхапуры *. По обломкам Анурадхапуры можно судить, как мощен был Борободур * на Яве.

И опять неутомимо мелькают лица наших спутников-японцев, с которыми мы оплакивали останки каирских пирамид, перешедших из славной истории в паноптикум корыстного гида.

Тягостный осмотр вещей в данушкоди * . Люди хотят досмотреть обоюдную сущность, вывернуть наизнанку ценности. Но никогда эти досмотры ничего не создавали, кроме пропасти между человечеством.

Неужели Индия? Тонкая полоска берега. Тощие деревца. Трещины иссушенной почвы. Так с юга скрывает свой лик Индия. Черные дравиды * еще не напоминают Веды * и Махабхарату *.

Пестрый Мадурай * с остатками дравидских нагромождений. Вся жизнь, весь нерв обмена — около храма. В переходах храма и базар, и суд, и проповедь, и сказитель Рамаяны, и сплетни, и священный слон, ходящий на свободе, и верблюды религиозных процессий. Замысловатая каменная резьба храма раскрашена грубыми нынешними красками. Художник Шарма горюет об этом, но городской совет не послушал его и расцветил храм по-своему; Шарма горюет, что многое тонкое понимание уходит и заменяется пока безразличием.

Предупреждает не ходить далеко в европейских костюмах, ибо значительная часть населения враждебна саибам *. А в Мадурайе все-таки один миллион жителей. Шарма расспрашивает о положении художников в Европе и Америке. Искренне удивляется, что художники Европы и Америки могут жить своим трудом. Для него непонятно, что искусство может дать средства к жизни. У них занятие художника — самое бездоходное. Собирателей [картин] почти нет. Махараджи * предпочитают иметь что-либо хоть поддельное, но иностранное, или вообще [ничего] не имеют, заменяя продукты творчества аляповатыми побрякушками, или тратят тысячи на лошадей. Довольно безнадежны эти соображения о положении искусства.

Сам Шарма — высокий, в белом одеянии, с печально-спокойной речью, ждет что-то лучшее и знает все тяготы настоящего.

Часто жалуются в Индии на недостаток сил. Говорят, что тем же страдает школа Рабиндраната Тагора * в Больпуре (Шантиникетане). Недавно, в 1923 году, школа понесла тяжелую утрату. Умер друг дела Пирсон; помните его прекрасную книжечку «Заря Востока»? Было в школе несколько приезжих хороших ученых, но их влияние было кратковременным. Профессор С. Леви * жаловался, что состав слушателей не отвечал его курсу. Индийцы боятся за дальнейшую судьбу школы Тагора. Они говорят:

14

Бесконечные переговоры о найме каравана до Шибочена (за Аньси) предположено идти три недели. Конец Апреля для верблюдов уже недорог. Уже жарко, и шерсть падает, а с нею уходит и верблюжья сила. Находится проводник старый лама контрабандист. Предлагает вести короткой дорогой, через дикие места. Обычно там не ходят боясь безводья, но лама ходил там не менее двадцати раз и знает что и там есть и колодцы и речки и родники. Но и на обычной дороге весною могут пересохнуть колодцы, и потому лучше идти по краткой тропе. Единственная опасность этого нового направления — шайки знаменитого Джа-Ламы. Но сам он уже убит, а его сотрудники рассеялись. Хотя этот район всетаки признается опасным. Лама-проводник уверяет, что теперь можно пройти эти места безопасно. И мы предполагаем, что наш проводник не был ли сам доверенным лицом Джа-Ламы. Слишком много он знает о нем и очень уверен, что с ним мы пройдем. Знает, как Джа-Лама заставлял пленников строить укрепленный город, мимо которого мы пройдем. Решили идти новым путем.

Страничка из рукописи
Н. К. Рериха

покуда поэт жив, он может давать на это дело личные средства и личным воздействием доставать вспомоществование от махараджей и навабов *. Но что будет, если дело останется без руководителя и без притока средств?

С Тагором не пришлось повидаться. Странно бывает в жизни. В Лондоне поэт нашел нас. Затем в Америке

удавалось видаться, в Нью-Йорке, а Юрию * — в Бостоне, а вот в самой Индии так и не встретились. Мы не могли поехать в Больпур, а Тагор не мог быть в Калькутте. Он уже готовился к своему туру по Китаю, который прошел так неудачно. Китайцы не восприняли Тагора.

Многие странности. В Калькутте мы хотели найти Тагора. Думали, что в родном городе все знают поэта. Сели в мотор, указали везти прямо к поэту Тагору и бесплодно проездили три часа по городу. Прежде всего нас привезли к махарадже Тагору. Затем сотня полицейских, и лавочников, и прохожих бабу * посылала нас в самые
14 различные закоулки. На нашем моторе висело шесть добровольных проводников, и так мы наконец сами припомнили название улицы, где дом Тагора.

Передавали, что, когда Тагор получил Нобелевскую премию, депутация от Калькутты явилась к нему, но поэт сурово спросил их: «Где же вы были раньше? Я остался тем же самым, и премия мне ничего не прибавила». Привет Тагору!

Встретили родственников нашего друга Тагора. Абаниндранат Тагор * — брат Рабиндраната — художник, глава бенгальской школы *. Гоганендранат Тагор — племянник поэта — тоже художник, секретарь бенгальского общества художников. Теперь подражает кубистам. Хороший художник Кумар Халдар теперь директором школы в Лакхнау. Трудна жизнь индийских художников. Надо много решимости, чтобы не покинуть этот тернистый путь. Привет художникам Индии! Отчего во всех странах положение ученых и художников так необеспечено?

Тернист путь и индийских ученых. Вот у нас на глазах борется молодой ученый Бхош Сен, биолог, ученик Джагадиса Бхоша *. Он открыл свою лабораторию имени Вивекананды *. В его тихом домике над лабораторией помещается комната, посвященная реликвиям Рамакришны *, Вивекананды и других учителей этой группы. Сам Бхош Сен — ученик близкого ученика Вивекананды — несет в жизнь принципы Вивекананды, бесстрашно звавшего к действию и познанию. В этой верхней светелке Бхош Сен собирается с мыслями, окруженный вещами, принадлежавшими его любимым учителям. Запомнился ярко портрет Рамакришны и его жены. Оба лица поражают своею чистотой и устремленностью. Мы посидели в полном молчании у этого памятного очага. Привет!

Тут же (в Калькутте), недалеко за городом,— два памятника Рамакришны *. На одном берегу — Дакшинисвар, храм, где долго жил Рамакришна. Почти напротив, через реку,— миссия Рамакришны, усыпальница самого учителя, его жены, Вивекананды и собрание многих памятных вещей. Вивекананда мечтал, чтобы здесь был индийский университет. Вивекананда заботился об этом месте. Там много тишины, и с трудом сознаете себя так близко от Калькутты со всеми ее ужасами базаров и «колониальной цивилизации».

Встретили сестру Кристину, почти единственную оставшуюся в живых ученицу Вивекананды. Ее полезная работа была прервана войною, а затем английское правительство не пускало ее вернуться в Индию ввиду ее отдаленного немецкого происхождения, хотя она и американская гражданка. И вот после долгого ряда лет сестра Кристина снова приехала на старое пепелище. Люди изменились, сознание занято местными проблемами, и нелегко сестре Кристине найти контакт с новыми волнами индийской жизни. Бхош Сен понимает и ценит ее лично, работавшую с сестрой Ниведитой под руководством Вивекананды. В памятный день Рамакришны собирается до полумиллиона его почитателей.

После самого чистого — к самому ужасному. В особых кварталах Бомбея за решетками сидят женщины-проститутки. В этом живом товаре, прижавшемся к решеткам, в этих тянущихся руках, в этих выкриках заключен весь ужас современности. И индус-садху *, с зажженными курениями в руках, медленно проходит этим ужасным местом, пытаясь очистить его... Калькутта, так же как Бомбей и Мадрас, как и все портовые города, оскорбляет лучшие чувства. Здесь гибнет народное сознание *.

Когда мы входили в Чартеред-банк, навстречу из дверей вышла священная корова. И это сочетание банка со священной коровой было так поражающе нелепо.

Огорчило нас «Модерн Ревью» *. Мы хотели установить связи с Америкой, но редактор сказал: «Мы интересуемся только тем, что касается самой Индии». При такой национализации кругозора трудно развиваться и эволюционировать.

Много национальной узости, с одной стороны, и много запутанности и подозрительности — с другой. От этого тухнет пламя искания и смелости. Хотел я зайти в редакцию газеты. Друг остановил меня: «Вас не должны там

видеть, могут возникнуть подозрения». И так трудно лучшим людям Индии. Книга по изучению древних религий, присланная нам из Америки, была принята за мятежную литературу. American Express * имел много переписки, прежде чем смог доставить нам посылку. А оттиски статьи Юрия и совсем не дошли из Парижа.

Рычат тигры в Джайпуре *. Махараджа запрещает стрелять их. Пусть лучше пожирают его подданных, но его светлость должна иметь безопасную забаву — стрельбу тигров из павильона на спине слона. В Голта Пасс * сражаются два племени обезьян. Проводник устраивает этот
16 бой за самую сходную плату. Теперь все битвы могут быть устроены очень дешево.

Сидят факиры, «очаровывая» старых полуживых кобр, лишенных зубов. Крутится на базаре жалкий хатха-йог *, проделывая гимнастическую головоломку для очищения своего духа. «Спиритуалист» предлагает заставить коляску двигаться без лошадей, но для этого нужно, «чтобы на небе не было ни одного облачка».

И тут же, рядом, фантастичный и романтичный обломок старой Раджпутаны — Амбер *, где с балконов принцессы смотрели на турнир искателей их сердец. Где каждые ворота, где каждая дверка поражают сочетаниями красоты. И тут же углубленный и причудливый Голта Пасс, который не может представить фантазия — только «игра» жизни наслаивает такие неожиданные созидания. И тут же Джайпур со сказочной астрологической обсерваторией и с очарованием неиспорченного индо-мусульманского города. Фатех пур Сикри *, Агра * — редкие обломки ушедшей культуры. И стенопись Аджанты * уже не прочна.

Все остатки строительства Акбара * имеют налет какой-то грусти. Здесь великий объединитель страны хоронил свои лучшие мечты, так непонятные современникам. В Фатехпур Сикри он беседовал со своим мудрым Бирбалом * и с немногими, понявшими его уровень. Здесь он строил храм единого знания. Здесь он терял немногих друзей своих и предчувствовал, как не сохранится созданное благополучие государства. И Агра, и Фатехпур Сикри — все это полно безграничною грустью. Акбар знал, как будет расхищено достояние, данное им народу. Может быть, уже знал, как последний император Индии дотянет до половины девятнадцатого века, торгуя мебелью

своего дворца и ковыряя из стен дворца в Дели осколки мозаик...

Новый Дели * с какими-то ложноклассическими колоннами, казарменно-холодными, нарочито вычерченными, показывает, что это строительство не может иметь общее понимание с сознанием Индии.

Очистить Индию и возвеличить ее можно не этими мерами. И прежде всего надо вместить индусское сознание.

При всей запыленности временем архитектура Бенареса * [Варанаси] все же сохраняет очарование. Все смешение форм, староиндусских, дравидских и мусульманских, может давать новые решения для непредубежденного архитектора. Можно представить комбинацию многоэтажного тибетского строения с удобствами американского небоскреба. Можно провести уравнение от дворцов Бенареса к дворцам Венеции и к жилому особняку. Можно разработать стиль американских пуэбло * в новейшем понимании, как делается в Санта-Фе *.

Но обезобразить Индию чуждыми ей ложноклассическими колоннами и казарменными белыми бараками! Это глубокое безвкусие происходит от отсутствия всякого воображения и прозрения.

Один индиец жаловался мне на отсутствие индийцев-архитекторов. Я говорил: «Если нет архитектора, дайте живописцу разработать идею, но идите от гармонии народного сознания с характером природы». Нельзя опоганить весь мир одним казенным бунгало. Нельзя из Явы делать шведский Стокзунд *. И нельзя команчей и апачей * видеть в коттеджах Бостона. Соизмеримость должна быть соблюдена.

Седобородый человек на берегу Ганга, сложив чашу [из] рук, приносил все свое достояние восходящему солнцу. Женщина, быстро отсчитывая ритм, совершала на берегу утреннюю пранаяму *. Вечером, может быть, она же послала по течению священной реки вереницу светочей, молясь за благо своих детей. И долго бродили по темной водной поверхности намоленные светляки женской души. Глядя на эти приношения духа, можно было даже забыть толстых брахманов Золотого Храма *. Вспоминалось иное...

Гигантские ступы буддизма — погребальные памятники, обнесенные оградою, те же курганы всех веков и наро-

дов. Курганы Упсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан *. Всюду те же очищающие сожжения.

Много благовоний, розовой воды и пахучего сандалового дерева. Потому не тяжел дым сожжений тел в Бенаресе. И в Тибете сожжение тоже принято.

Значит, опять писатели напутали, когда описывали исключительно «дикие» погребальные обычаи Тибета. Откуда же это желание показать все чужое более диким? Черня других, сам белее не станешь. Лишь отсутствие горючих материалов заставляло отступать от лучшего способа, т. е. от сожжения.

Обратите внимание на нежные детские игры Востока. Послушайте сложный ритм пения и тихой музыки. Нет грубых бранных слов Запада.

Махараджа Майсора просыпается под особые песни. Песни начала и конца.

В Мадурайе, в тесном закоулке, старик чеканит изображения «богов». Последний старик, с ним умрет это умение. Прошлое умирает. Так приходит будущее.

На полях стоят круги из белых керамических коней. Откуда эти световитовы кони? * На них тонкие тела женщин мчатся по ночам *. Спина, днем согбенная в домашнем обиходе, выпрямляется ночью в полете. Что это — козлиный прыжок на шабаш? Нет, это скачка валькирий * — дев воздуха. Скачка за прекрасным будущим. Привет женщине!

Рука женщины каждый день покрывает особым рисунком песок перед входом в дом. Это символ того, что в доме все благополучно, нет ни болезни, ни смерти, ни ссоры. Если нет счастья в доме, то и рука женщины замолкает. Как бы щит красоты в час благополучный полагает перед домом рука женщины. Уже девочки в школах учатся разнообразию узоров для знаков счастья. Невыразимая красота живет в этом обычае Индии.

Вивекананда звал к работе и свободе женщину Индии, он же спросил так называемых христиан: «Если вы так любите учение Иисуса, почему вы ни в чем ему не сле-

дуете?» Так говорил ученик Рамакришны, прошедшего сущность всех учений и научившегося на жизни «не отрицать». Вивекананда не есть прилежный «свами» *. Что-то львиное звучит в его письмах. Как он был бы нужен Индии сейчас...

Мать Бхоша в свое время продала все свои драгоценности, чтобы дать сыну образование. Ученый, показывая свое «царство», говорит: «Вот здесь в роскошных условиях находятся дети богачей. Посмотрите, как стали они пухлы и дряблы. Им нужна хорошая буря, чтобы опять вернуть их к жизненным условиям». Зная пульс растительного мира, ученый здраво подходит ко всем проявлениям жизни. Очень ценит отзыв Тимирязева о его трудах. Одну из лучших книг своих Бхош написал на высотах Пенджаба, в Майявати *, в общине Вивекананды.

Фрески Аджанты, мощная Тримурти Элефанты * и гигантская ступа в Сарнатхе * — все это говорит о каких-то других временах, теперь уже неприложимых [к настоящему]. Существует известие, что уже во времена Будды культура Индии начала поникать. И сейчас, может быть, нигде так не мерещится эта бывшая красота, как иногда в тонком и стройном силуэте женщины, несущей свою вечную воду. Воду, питающую очаг. И колодезь, так же как в библейские времена, остается местом средоточия всего поселения.

На самых задворках в маленькой клумбочке убогих цветов покоится безобразненькое изображение Ганеши * — слона счастья. Семья индийского кули, живущая в шалаше, уделяет ему последние зерна риса. Не много счастья принесло им это изображение. Индию надо знать не из дворца махараджи.

По разным соображениям, понятным лишь для побывавших в Индии, пришлось отказаться от личной встречи с Ауробиндо Гхошем *. Помните ли, видели ли замечательные предсказания Гхоша о ближайших судьбах человечества в Азии? Эти замечательные письма Поля Ришара и прозрения Ауробиндо Гхоша? На современном фоне близоруких политик его работа полна знания для будущего. Обычно о нем мало слышат люди. Помните ли слова о семи нациях? * И о мировых катаклизмах? * Привет!

Слишком рано ушел Вивекананда; Бхош, Тагор и Ауробиндо Гхош — лучшие лики Индии.

И ведь люди, ругающие все русское, втайне мечтают о какой-то торговле и сношениях именно с Россией.

Экспортеры Цейлона, Ассама и Даржилинга * очень хотели бы иметь дело с Россией. Китайский Туркестан *, говорят, мечтает об этом, ибо трудный караванный путь через Каракорум и Кашмир необычайно сложен.

Несмотря на обилие туристов, как-то мало знают Америку. Оно и понятно. Вся масса туристов быстро протекает через блиндированные каналы Томаса Кука и К° * и Американского Экспресса и не может входить в действенный контакт с жизнью страны. На севере Индии американцев называют «кочевниками», ибо агентства придают
20 этим спешащим, запыхавшимся группам особый характер, совершенно вне народного понимания. Из окон вагона мелькают притаившиеся деревушки — эти первоначальные поставщики всех продуктов и делатели народа. Кому дело до этих первоисточников?

Могучий «Сварадж» *, где он? Устой его, Дас *, умер. У Ганди * вырезали аппендикс. Сароджини Найду * — прекрасная деятельница и поэтесса, но не борец. Мотилал Неру * утомлен.

При наличии таких изысканных ценностей, как Рабиндранат Тагор, Джагадис Бхош и Ауробиндо Гхош, нельзя примириться с тем, что еще составляет содержание храмов.

Вот фаллический культ в Элефанте. Еще до сих пор в святилищах этого культа видны следы свежих жертвоприношений. Из древней мудрости мы знаем, что «Линга — сосуд знания» *, и знаем научное объяснение этого незапамятного понимания мудрого распределения сил. Но ведь сейчас, вне всяких пониманий, идет суеверное поклонение.

Еще безобразное зрелище! В Золотом Храме в Бенаресе мимо нас провели белую козочку. Ее увели в святилище. Там, вероятно, она была одобрена, ибо через малое время ее, отчаянно упиравшуюся, спешно протащили перед нами. Через минуту она была растянута в притворе храма, и широкий нож брахмана отсек ей голову. Трудно было поверить, что было совершено священное действие. Мясо козы, должно быть, пошло в пищу брахманам. Ведь брахманы мяса не вкушают, за исключением мяса жертвенных животных. А таких животных запуганное население, вероятно, приводит ежедневно. Плохи, очень плохи брахманы в храмах. Даже декоративно они не хороши. Учение, предполагавшее брахманов, очевидно, видело их

какими-то иными, но не теми, как они выродились сейчас. Могут ли они хранить красоту символов знания? Пока уложение каст * не изменено в Индии, страна не может развиваться.

Теперь касты пришли в неописуемую неразбериху. Махараджи иногда бывают из низшей касты чистильщиков нечистот. Впрочем, каждый чистильщик нечистот знает, что в следующем воплощении * он будет королем. Не отсюда ли происходят внешность и мозговые качества некоторых королей? А сколько драм, убийств и самоубийств происходит вследствие кастовой разницы между мужьями и женами? Даже за наше пребывание пришлось читать о нескольких тяжелых семейных драмах на этой почве явного пережитка. В то же время Веданта и Адвайта * ясно устанавливают принцип единства. Некоторые, наиболее космогонические части Вед написаны женщинами. И теперь в Индии приходит время женщины. Привет женщине Индии!

Памфлет о Бенгалии кончается обращением к Великой Матери Кали *. Люди, мало знающие Индию, были бы удивлены. Индию и весь Восток надо знать во всех его ликах.

Может быть, мы пристрастны к брахманам? Вспомним, что о них говорит Вивекананда в своих письмах. Строго и полно осудил этих суеверов Вивекананда.

Рамакришна говорил: «В атмане нет различия * между мужчинами и женщинами, между брахманами и кшатриями».

Рамакришна исполнял самые черные работы, чтобы лично показать отсутствие различий.

В декабре хотим ехать к Гималаям. На нас смотрят изумленно: «Но ведь там теперь снег». Снега боятся! Между тем единственное время для Гималаев — ноябрь — февраль. Уже в марте подымается завеса тумана. А в мае — августе совсем редко можно на короткое время увидеть всю сияющую гряду снегов. Правда, такое величие нигде не повторено.

Так же как когда приближаетесь к Большому каньону Аризоны *, подъезжая к взгорьям Гималаев, попадаете в особо неинтересный пейзаж. И только на рассвете в Силигури *, как первые вестники, перед вами на миг покажутся белые великаны и опять скроются в курчавых

джунглях. И опять чайные плантации. И опять казарменные бараки и фактории. Иногда только покажется «местное» жилье и спрячется, точно видение другого мира. Рассказы о нападениях тигров и леопардов. Горы ящиков чая с меткою Оранж-Пико. Миссионер-бельгиец из Курсеонга.

Становится студено. Толпы маленьких кули чинят обвалы минувшего муссона. В морозном воздухе нельзя себе и представить гнет муссонного летнего ливня, от которого плесневеет вся природа. Птиц мало. Видны орлы.

22 Горы плотно закрылись. Вид самого Дарджилинга разочаровывает. Неужели нужно искать Гималаи, чтобы найти такую неталантливую Швейцарию? Цветистые типы базара не видны сразу, а бесталанные бараки и бунгало уже бьют в глаза. Еще хуже выглядит Лебонг *, где угрожают перевалами на Тибет Нату-ла и Джелан-ла.

Ищем дом. Первые сведения неутешительны. Уверяют, что хороших домов нет. Показывают нечто, лишенное и вида, и простора, нечто тонущее в закоулках деревянных дач и заборов. Все не то. Мы хотим вот туда, перед ликом всех Гималаев, где не играет городской оркестр, где нет приглашений на игры в клубах. «Там ничего не найдете». Но мы упрямы. Идем сами. И сами находим отличный дом. И тишину. И уединение. И всю цепь Гималаев перед нами. И еще неожиданность. Именно здесь жил далай-лама во время своего долгого бегства * из Лхасы. И до сих пор паломники приходят издалека поклониться этому жилью. А для нас именно это то, что надо.

Не раз мы просыпались от пения и мерных ударов вокруг дома. Это ламы, земно простираясь, многократно обходили наш дом. Побывали и тибетцы, и бутанцы, и непальские шерпы *. Появляется в огненно-красном халате монгол из Ордоса *. Все само пришло.

Кто-то сказал, что это дом привидений. Где-то в народе болтали, что в этом доме живет черт и показывается в виде черной свиньи. Но чертей мы не боимся, а в соседней деревне Бхути-Басти много черных свиней, похожих на диких кабанов. Не исполняли ли роль черта наши милые обезьяны, забиравшиеся к нам в ванную и поедавшие около дома горох и цветы?

Скучная необходимость иметь много слуг. И причины — все те же касты. Доходит до абсурда. Сторож не чистит дорожки... Почему? Оказывается, по касте своей он кузнец и не имеет права взять метлу в руки, иначе он

осквернится и станет чистильщиком нечистот. Он решает проблему оригинально: начал разгребать дорожки пятернею, ползая по земле. Конюх оказался из высокой касты кшатриев и намекал на потомков короля, что не мешало ему утаскивать лошадиную пищу. Иногда на кухне устраивались религиозные митинги, и повар — председатель местной Арья Самадж * — в чем-то долго убеждал своих слушателей. Лучше всех себя вели тибетцы. У них, у буддистов, нет никаких запретов. Работают быстро. Веселы. Очень понятливы и легко усваивают. А уж если пойдут по круче скалы, то не угонитесь.

Много рассказов о Тибете, о воинственном племени кхампа и о диких голоках *, которые сами себя называют 23
«дикие псы». Там еще времена Зигфрида *: закрепляют братскую клятву, смешивая и выпивая братскую кровь. Не расстаются с оружием. И среди шкур часто выглядывает профиль самых тонких пропорций. За все время от тибетцев мы не видели ничего дурного. Наоборот, было несколько трогательных проявлений [их отношения к нам].

Складывается серия «Его страна» и начинается серия «Знамена Востока» *. В июне после первых дождей оказалось, что вся темпера * покрылась белыми пятнами плесени. Нужно было усиленно топить, чтобы она высохла и начала сходить.

«Его страна». В самом Сиккиме * находился один из ашрамов махатм *. В Сиккиме махатмы проезжали на горных конях. Их физическое присутствие сообщает торжественную значительность этим местам. Конечно, сейчас ашрам перенесен из Сиккима. Конечно, сейчас махатмы оставили Сикким. Но они были здесь. И серебро вершин цепи сияет еще прекраснее...

В сопровождении учеников, художников и ваятелей приходит величавый ринпоче из Чумби *. Ходит по всему краю, воздвигая новые изображения Майтрейи. Все ускоряется. В длинной беседе лама указывает, что все может быть достигнуто лишь через Шамбалу *. Для тех, кому Шамбала представляется легендарным вымыслом, это указание — суеверный миф. Но есть и другие, вооруженные более практическими знаниями [о Шамбале].

Славный Атиша *, столп учения, шествовал из Индии в Тибет для очищения учения. Учитель проходил мимо уединения Миларайпы *. Великий отшельник обратил внимание на проходящее шествие и, желая испытать силы

столпа учения, оказался сидящим на конце стебля травинки. Славный Атиша, увидя это проявление отшельника, сошел с носилок и также поднялся на конец соседней травинки. И тогда обменялись ученые дружественным приветом. Миларайпа сказал: «Одинаковы познания наши, но отчего подо мною слегка погнулась травинка, а под тобою она сохранила свое напряжение?» Славный Атиша улыбнулся: «Поистине одинаковы знания наши, но я иду из страны, где жил и учил сам благословенный Татхагата *, и это сознание возносит меня».

Какие магниты заложены в Индии? Неповторяема прелесть детского хоровода под Мадрасом. Эти крошечные Гопи и малюсенький Кришна — Лель и Купава *. Самые лучшие образы рассыпаны в неосознаваемом богатстве. Индия знает всепроникающее качество магнита.

Два качества нужно отдать англичанам — выдержка и точность во времени. Оба этих качества поразительны для Востока. Если бы к ним еще прибавить чистоту мысли! Но этим свойством все европейцы мало отличаются. Именно детскими попытками скрыть истинные свои намерения европейцы закрывают себе врата Востока. Точность в назначенных сроках, конечно, совершенно необходима, ибо «худшая кража есть кража чужого времени», но одна точность без ясности и чистоты мысли еще мост между людьми не создает.

Не опаздывайте, если хотите, чтобы вас уважали. Не лгите мысленно, если собираетесь найти друзей на Востоке.

Началось с неизвестных следов, найденных эверестской экспедицией *. Затем в «Statesman» * английский майор рассказывал, как во время одной из экспедиций в область Гималаев он встретил странного горного жителя. На восходе солнца, среди студеных снегов майор вышел из стана и поднялся на скалы. Взглянув на соседнюю скалу, майор, к изумлению, увидал высокого, почти обнаженного человека, стоящего опершись на высокий лук. Горный житель не смотрел на майора. Его внимание всецело было привлечено чем-то невидимым за изгибом утеса. И вдруг человек нагнулся, напрягся и безумно-опасными скачками бросился со скалы и исчез. Когда майор рассказал своим людям о встрече, они улыбнулись и сказали: «Саиб видел «снежного человека» *. Они стерегут охранные места»...

Джагадис Бхош утверждает, что чувствительность растений совершенно поразительна. Так, растения чувствуют образование облачка задолго до его видимости глазом. Восток чувствует мысль при ее зарождении.

В реальном чередовании очевидного и незримого глазом, в эпической простоте особых возможностей очарование Индии. Махендра Пратап * замечательно говорит о Лемурии * и о сравнении Запада и Востока.

Приходит тибетский портной шить кафтаны. Всю мерку снимает на глаз. Но удивительнее всего то, что кафтан выходит впору. И все то делается не зря. И качество золота на обшивку, и цвет подкладки, и длина, и все — обдуманно. Местная домодельная ткань очень узка, и надо удивляться, как умеют загладить многие швы. Для войска эта же ткань делается гораздо шире, но в частную продажу она не поступает.

Тибет помнит о троекратном разделе всех имуществ *, бывшем в VIII веке.

Если возьмем твердые исторические даты прошлого века, то можно поразиться, как планомерно освобождалось народное сознание от явных пережитков средневековья. Защитники пережитков могут просмотреть исторические пути и удостовериться, что происходящее сейчас не случайно, но определенно планомерно. Кто страшится этой планомерности, тот не может понять эволюцию...

«Наблюдай движение светил, как принимающий участие в нем, и постоянно размышляй о переходе элементов друг в друга. Ибо подобное представление очищает от грязи земной жизни» — так размышляет Марк Аврелий *. То же самое говорит вам образованный индус Гималаев.

Л. Хорн пишет: «С принятием учения об эволюции старые формы мысли рушатся повсюду, встают новые идеи на место изжитых догматов, и мы имеем перед собой зрелище общего интеллектуального движения в направлении, до странности параллельном с восточной философией.

Небывалая быстрота и разносторонность научного прогресса в течение последних пятидесяти лет не могли не вызвать небывалого ускорения мышления и в широких

вненаучных кругах общества. Что высочайшие и наиболее сложные организмы развились из простейших организмов; что на единой физической основе жизни стоит весь живой мир; что не может быть проведена черта, разделяющая животное и растительное царство; что различие между жизнью и нежизнью есть различие по степени, а не по существу — все это сделалось уже общими местами в новой философии. После признания физической эволюции нетрудно сказать, что признание эволюции психической — вопрос лишь времени».

В Дао дэ-цзин * сделано такое подразделение типов
26 ученых: «Ученые высочайшего класса, когда слышат о Дао, серьезно проводят свои знания в жизнь. Ученые среднего класса, когда слышат о нем, иногда соблюдают его, а иногда снова теряют его. Ученые самого низшего класса, когда слышат о нем, лишь громко над ним смеются». Лао-цзы знал это.

Наблюдательность на Востоке и поражает, и радует. И не показная наблюдательность, сводящаяся к мертвому трафарету, но тонкая, молчаливая наблюдательность по существу. Вспоминается, как учитель предложил новопришедшему ученику описать комнату. Но комната была пуста, и в сосуде плавала лишь одна маленькая рыбка. За три часа ученик написал три страницы. Но учитель отверг его, сказав, что об одной этой рыбке он мог бы писать всю жизнь.

В технической подражательности сказывается та же острая наблюдательность. В усвоении песенного лада, в характере зова, в движениях вы видите старую мощную культуру. Где-то сравнивали индийцев, завернутых в плащи, с римскими сенаторами. Это сравнение ничтожно. Скорее, философы Греции, а еще лучше — создатели Упанишад, Бхагаватгиты *, Махабхараты. И никакого Рима и Греции не было, когда цвела Индия. И последние раскопки начинают поддерживать этот несомненный вывод *.

Проникновенно смотрит индиец на предметы искусства. Конечно, от индийца вы уже ожидаете интересный подход и необычайные замечания. Так оно и есть, и потому показывать картины индийцам — настоящая радость. Как увлекательно подходят они к искусству! Не думайте, что их занимает лишь созерцание. Вы будете изумлены замечаниями о тональности, о технике и о выразительности

линии. Если зритель надолго замолчит, не подумайте, что он заскучал. Наоборот, это добрый знак. Значит, он вошел в настроение и можно ждать особо интересных выводов. Иногда он скажет целую притчу и в ней не будет ничего грубого или пошлого. Удивительно, как преображаются люди Востока перед художественным произведением. Положительно, зритель Европы труднее входит в струю творчества и часто менее умеет синтезировать свои впечатления.

В эпических узорах Индии все укладывается. Окажется в толпе вашим ближайшим соседом остов человека, побелевший от проказы,— вы не пугаетесь. Прислонится к вам садху, выкрашенный синими разводами, с прической из коровьего помета — вы не удивляетесь. Обманет вас факир с беззубыми кобрами — вы улыбаетесь. Давит толпу колесница Джагарната * — вы не поражаетесь. Движется шествие страшных нагов Раджпутаны * с кривыми жалами клинков — вы спокойны. А где же те, ради которых вы приехали в Индию? Те не сидят на базарах и не ходят в шествиях. И в жилища их вы не попадете без их желания. Да правда ли они есть? Не пишут ли о них досужие писатели только для необыкновенности? Есть, есть и они *. И есть их знание и умение. И в этом изощрении человеческих качеств возносится вся человеческая сущность, и никакая проказа не отвратит вас от Индии...

Очень чувствителен мир Востока... Хотелось иметь старого тибетского Будду, но это уже трудно теперь. Говорили и мыслили между собою, как достать. Через несколько дней приходит лама и несет отличного Будду: «Госпожа хотела иметь Будду и мне указано отдать Будду с моего домашнего алтаря. Не могу продать священное изображение — примите в дар».— «Как же Вы узнали наше желание иметь Будду?»— «Белая Тара * явилась во сне и указала отнести Вам»...

Только что прочли в «Statesman», что низшие касты Индии начинают охотно принимать буддизм. Рабиндранат Тагор в беседе с Ганди высказался против каст. Из уст брахмана это признание значительно. Много значительных и прекрасных знаков!

Особое внимание должно быть обращено на пураны *. В них множество ценнейших указаний. «Когда сочетаются Солнце и Луна, и Юпитер, и Калиюга *, тогда

наступит век сатья — век истины». Так отмечает вишну-пураны * век Майтрейи.

Постоянно приходят ламы. Развешивают по лужайке картины. И нараспев, указывая палочкой, говорят целый эпос. Яркие краски картин сливаются с самоцветами природы. Воздействие через зрение уже издавна оценено.

Приходит монашка. Садится у порога и, закинув благообразную голову, поет молитвы. Разбираем только «та-ти-шо!».

Вообще с языками трудно. Все эти горные наречия немного похожи на тибетский, но все же разница очень велика. А число наречий маленьких племен тоже велико.

Наконец приезжает из Лхасы кунг Кушо из Доринга, чтобы поклониться дому далай-ламы. Кунг (титул вроде герцога; замечательно совпадение конунг, кунг, кинг) — важный старик с добродушной женою и круглолицей (как украинка) дочерью, с многочисленными слугами. На черных рослых мулах — подбитые серебром высокие седла и многоцветные чепраки. На лбах — ярко-красный колпачок с изображением чинтамани *. В 1912 г. на кунга напали китайские солдаты, едва не ранили. Убили его секретаря. Это повело к восстанию Тибета. Кунг удивлен и обрадован нашим буддийским предметам. Завтракаем. Делаем тибетские блюда.

Очень чинный старик, полный своеобразной культуры.

Интересны рассказы об атаках конницы кхампской и голокской. Дикие наездники не нуждаются в уздах. Кони их, как в древних описаниях, принимают участие в битве зубами и копытами. На битву всадники сбрасывают халаты до пояса. В шлемах, с мечами, копьями и ружьями эта лавина несется, временами всадники исчезают под брюхом коня. Если все средства нападения иссякли, всадники хватают с земли камни и бьются с криком, похожим на хохот. Есть один знак, который сразу обуздывает эту лавину. Конечно, каждое племя имеет свои особенности в битве, и незнанием их можно ослабить самую лучшую силу. Тибетские женщины и в песнях, и в жизни не отстают в проявлениях отваги. Они обливают врага горячим варом; они насмешливо встречают временных победителей.

С двух сторон пытались поработить Тибет *; пытались сделать из сильной страны механический заградительный барьер; пытались нарушить внутреннее сознание страны.

Но свободен дух Тибета, и эта срединная страна хранит потенциал своего достоинства. Умеет хранить непроницаемо.

Около Гума * стоит высокая скала. Говорят, на вершине ее лежит знаменательное пророчество. В каждой ступе положены какие-нибудь значительные предметы. Ошибочно думать, что те книжные полки, которые показывают в храмах некоторым путешественникам, составляют все книжное имущество монастыря. Кроме этих официальных томов учения всюду в тайниках у настоятеля имеются рукописи необычно интересные. Одно опасно: часто эти тайники повреждаются сыростью или мышами, или просто забываются при стремительных отъездах. Часто лама вам скажет: «У меня записаны пророчества, но с собой их не ношу. Они лежат под камнем». Но происходит какое-то нежданное событие, лама спешит закинуть мешок за спину и идти, а нужные списки погибают.

Характерны некоторые условные приказы [у тибетских племен]. «Надеть штаны» — значит готовиться к походу. Условные выражения часто вносят затруднения в переговоры. Однажды посланник говорил в очень высоких выражениях о «волосах Брахмы». Никто не понял, и переговоры прекратились. Между тем он имел в виду не что иное, как реку Брахмапутру.

Часто языки, преподаваемые в университетах, не помогают на местах.

Китайская книга «Вей Цзян-ду ши» описывает Поталу *: «Горные дворцы сияют в пурпурном блеске. Сияние вершин гор равняется смарагду. Истинно, красота и совершенство всех предметов делают это место несравненным».

Читаем о строителе Поталы при Пятом далай-ламе, именуемом «Владыка заклинаний, красноречивый, священный, океан бесстрашия». Это он, вступив в достоинство далай-ламы в 1642 году, строил Поталу— Красный дворец (Пхо Бранг Марпо) на Красной горе (Марпори). Он же строил замечательные монастыри Мору, Лебран, Гармакия и много других. Он же воздвиг на скале колоссальный рельеф Будды и подвижников буддизма. При нем монголы во второй раз вступили в Тибет.

Иезуит Грубер очень не любит этого сильного деятеля, хотя и находит, что он был осторожен в средствах, стремителен и предан искусству и знанию. Конечно, уже одна цитадель Поталы, это фиксирование духовной субстанции Тибета, не могла нравиться иезуиту.

Необычен конец этого далай-ламы. По одной версии, далай-лама умер в восьмидесятых годах, и смерть его в течение нескольких лет была скрываема, чтобы дать истечь разным политическим обстоятельствам. По другой версии, далай-лама добровольно покинул правление и много лет скрывался в уединении в Гималаях.

История сопровождена следующим древним преданием: «Каждое столетие архаты * делают попытку просветить мир общиною. Но до сих пор ни одна из этих попыток не удалась. Неудача следовала за неудачей. Сказано, до тех пор пока лама не родится в западном теле и не явится как духовный завоеватель для разрушения веко-
30 вого невежества, до тех пор будет мало успеха в рассеянии козней Запада».

Другое предание говорит, что «истинное учение будет сохраняться в Тибете, пока Тибет будет свободен от иностранных вторжений».

Китайские императоры жили согласно астрономическим временам года. Для каждого времени года имелся особый цвет одеяния. Каждая часть года проводилась в особой части дворца.

Метод буддийского учения напоминает метод Каббалы *. Не навязывание, но привлечение и указание лучшего пути.

Говорят о замечательном монастыре Мору, об особой учености лам монастыря. На три летних месяца ламы уходят для сосредоточения за три дня пути на запад.

При «слушании» ламы часто закрывают голову тканью. Это напоминает «библейские» обряды *. Напоминает свидетельство Дамиса — ученика Аполлония Тианского *, как Аполлоний, когда слушал свой «тихий голос», всегда обертывался весь, с головой, в длинный шарф из шерстяной ткани. Этот шарф сохранялся лишь для этого употребления. Совсем из других времен доходят те же подробности. Современники удивлялись, как иногда Сен Жермен * странно «закутывался». Вспомним и теплый платок Блаватской *. Ламы очень наблюдают известное состояние температуры [тела]...

Приезжала леди Литтон смотреть картины. В семье Литтон остались традиции их знаменитого деда Бульвера Литтона *. Приезжал полковник Бейли *. Потом пришла вся экспедиция с Эвереста * [Джомолунгмы]. Все-таки непонятно, что они оставили двух погибших

товарищей без длительных розысков. Между прочим, добивались узнать, не поднимались ли мы к Эвересту. На картине «Сжигание тьмы» * они узнали точное изображение глетчера около Эвереста и не понимали, как этот характерный вид, виденный только ими, попал на картину...

Страница истинного Востока: «Опять приступят с вопросом, как быть с препятствиями? Кому семья мешает, кому — нелюбимое занятие, кому — бедность, кому — нападение врагов. Добрый всадник любит изощряться на неученых конях и предпочитает препятствия ровной дороге. Всякое препятствие должно быть рождением возможности. Явления затруднения перед препятствием все-таки возникают от страха. В какой бы убор ни нарядился трус, мы должны найти страницу о страхе. Друзья, пока нам препятствия не являются рождением возможностей, до тех пор мы не понимаем учения. Удача лежит в расширенном сознании. Невозможно приблизиться [к цели] при наличии страха. Луч мужества поведет поверх явления препятствий, ибо теперь, когда мир знает куда идет, семя крови растет... Если народы говорят на незнакомых языках, значит, можно открыть душу. Если надо спешить, значит, где-то новый враг готов. Будьте благословенны препятствия,— вами мы растем!»

Индия, знаю твои скорби, и все-таки мы будем вспоминать тебя с тем же радостным трепетом, как первый цветок на весеннем лугу.

Из брахманов твоих мы выберем самого лучшего, который понял мудрость Вед. Изберем раджу *, который стремился к нахождению путей истины. Усмотрим вайшью и шудру, которые вознесли свое ремесло и труд для восхождения мира.

Котел кипящий — горнило Индии. Кинжал верований над белою козочкой. Призрак пламени костра над вдовицей *. Вызывания и колдовство — преступления.

Сложны складки одеяния твоего, Индия. Грозны покрывала твои, раздутые вихрем. И смертоносно палящи неумолимые скалы твои, Индия.

Но мы знаем благовония твои. Но мы будем вспоминать тебя с тем же трепетом, как лучший первый цветок на весеннем лугу.

Глава

2

Сикким

(1924)

32 Зазывно и остро свистят стрелы через овраг из рощи бамбука. Сиккимцы вспоминают свое исконное любимое занятие. Говорят: «Стрела лучше пули. Стрела поет, поражая, а пуля кричит, [вылетая]».

Утром принесли красный лист: «Вечером придет сангха» *. После заката по зигзагу тропинки засверкали огни и загудели трубы. И вот пришло, привалило. Пестрое, шумное, трубное, барабанное. И с драконом, и с самодельными конями, и с бумажными яками. И с хлопушками, и с разноцветными огнями. И само действо, и пестрая толпа, уходящая в лиловую эмаль ночи, и взрывы пламенных искр. Это половецкие пляски! А знамена на шестах — это бунчуки Чингис-хана!

Если вы поймете, то и вас поймут. Трогательны дары лам. Надо знание, чтобы понять всю тонкость замысла подарков. Кому какое именно изображение. Кому — медвежью шкуру. Кому́ — леопардову. Кому — шубу. Кому — халат. Кому — хадак * или с рисунками, или белый. По иероглифам вещей можете прочесть все отношение к вам. Признаны ли большим ученым, или оставлены в пределах условной вежливости, или оставлены без внимания. Часто непонятная «церемонность» — просто краткий изысканный шифр жестов и отношений.

Два мира выражено в Гималаях. Один — мир земли, полный здешних очарований. Глубокие овраги, затейливые холмы столпились до черты облаков, курятся дымы селений и монастырей. По возвышениям пестрят знамена, субурганы, или ступы. Всходы тропинок переплели крутые подъемы. Орлы спорят в полете с многоцветными бумажными змеями, пускаемыми из селений. В зарослях бамбука и папоротника спина тигра или леопарда мо-

жет гореть богатым дополнительным тоном. На ветках прячутся малорослые медведи, и шествие бородатых обезьян часто сопровождает одинокого пилигрима.

Разнообразен земной мир. Суровая лиственница стоит рядом с цветущим рододендроном. Все столпилось. И все это земное богатство уходит в синюю мглу гористой дали. Гряда облаков покрывает нахмуренную мглу.

Странно, поражающе неожиданно, после этой законченной картины увидеть новое надоблачное строение. Поверх сумрака, поверх волн облачных сияют яркие снега. Бесконечно богато возносятся вершины ослепляющие, труднодоступные. Два отдельных мира, разделенные мглою.

Помимо Эвереста пятнадцать вершин гималайской цепи 33
превосходят Монблан *. Если от реки Великий Рангит * осмотреть все подступы до снеговой черты и все белые купола вершин, то нигде не запоминается такая открытая стена высот. В этом грандиозном размахе — особое зовущее впечатление и величие Гималаев: «Обитель снегов».

В сторону восхода вершины сливаются в стену сплошную. Зубчатый бесконечный хребет священного ящера. Трудно догадаться, что именно там притаились снежные перевалы Джелан-ла и Нату-ла по дороге на Шигацзе * и Лхасу. Туман особенно часто закрывает этот путь.

Навершия буддийских знамен составлены из крестовидного копья, диска, полумесяца и лепестков лотоса. Не все ли эмблемы учений срослись на одном древке? В этих напоминаниях о символах элементов мира каждый найдет изображение, ему близкое.

На иконах и священных украшениях Тибета часто горит драгоценными камнями изображение рыбы * — священный знак, такой же, как на стенках римских катакомб. Сошлись в одном понимании «колесо жизни» Будды *, круг «начал, тайну образующих» христианской церкви и колеса Иезекииля *. Многоокие серафимы * и бесчисленные глаза светлого духа Дуккар * проникают в те же тайники души.

В культах Зороастра * изображается чаша с пламенем. Та же пламенеющая чаша отчеканена на древнееврейских серебряных шекелях * времени Соломона * и древнée. В индийских раскопках эпохи Чандрагупты Маурьи * видим то же самое, мощно стилизованное изображение. Сергий Радонежский *, трудясь над просвещением

России, приобщался от пламенеющей чаши. На тибетских изображениях бодхисаттвы * держат чашу, процветшую языками огня. Помним чашу жизни друидов *. Горела чаша Грааля *... Язык чистого огня!

Давно сказано: «вера без дел мертва». Будда указал три пути. Долгий — путь знания, короче — путь веры, самый краткий — путь действия. Давид * и Соломон славословят устремления труда. Веданта твердит о проявлении дел. Поистине в основании всех заветов положено действие. Творящий огонь!

Разве чужды символы индусской Тримурти — Троицы?
34 Разве буддийское «древо желаний», увешанное предметами
всех желаний, не отвечает нашему понятию рождественской елки? А все детали устройства алтарей, храмов? А схимники и пещерники, затворившиеся в каменных гробах? А лампады и огни заклинаний? А венки и свечи добрых молений, посылаемые по течению Ганга? Троицына березка. Мускус и ладан. Кованые, усыпанные каменьями ризы икон. И камни, брошенные в Будду его близким родственником, разве не сродни камням Стефана? *

Право, не случайно запечатлена буддийская легенда на фресках пизанского Кампо Санто *. И глубокое значение имеет мусульманское предание, что матерь Иисуса явилась матери Магомета перед рождением пророка. И ладакхские замки возносятся в том же взлете, как орлиные гнезда Фаэнцы или Монте Фальконе *...

Сарнатх и Гайя *, места личных подвигов Будды, лежат в развалинах. Являются лишь местом паломничества. Так же как Иерусалим остается лишь местом паломничества. «Ибо сам Иисус свидетельствовал, что пророк не имеет чести в своем отечестве».

По преданию, Будда принял посвящение в присутствии высших [существ]. Место посвящения названо «святейшая ступа», но где оно — не указано. Известны места подвигов Будды на Ганге. Известны места рождения и смерти учителя — в Непале *. По некоторым указаниям, посвящение совершилось еще севернее — за Гималаями, ибо на подвиг Будда пришел с севера.

Но где же Иисус был до тридцатилетия? Кто знает эти благие прибежища? Где эти Кориа Мориа? Можно ли их поведать?

Легендарная гора Меру *, по Махабхарате, и такая же легендарная высота Шамбала в буддийских учениях — обе лежали на севере и служили высотами посвящений. И всюду подробно нельзя говорить о таких местах высокого знания.

Мудрые общения. Сверху виднее. Вместо мелких ссор отрицания история напоминает нам о поистине международных связях...

На кисти руки тибетской женщины — странный синий знак. Присмотрелись. Оказалось — нататуирован синий
равноконечный крест. Спросили, откуда такой знак. По- 35
лучилось разъяснение, что знак нанесен тибетским врачом во время «очень опасного кашля» — по-видимому, воспаления легких. Под таким знаком обычно тибетские врачи впрыскивают лекарства. Этот знак был сделан личным врачом далай-ламы во время трехлетнего пребывания в Дарджилинге. Этот знак — символ зарождения жизни и огня.

По пророчеству ламы Царинпоче и нынешняя попытка овладеть Эверестом окончится лишь потерями. Посмотрим, прав ли старый лама *.

Лама изумился желанию чужеземцев непременно подняться на вершину Эвереста. «Зачем принимать столько трудов в земном теле. Не проще ли побывать там в духе?»...

Из этого окна * посылал верховный священник моления обеспокоенному китайцами Тибету. Три года перед стеной Гималаев. Бодрствовал. Спать далай-лама не ложится. На отдых остается сидя, в молитвенном движении. Для освобожденного духа нет ни стены, ни войны.

Во времена старых иезуитских миссий, около трехсот лет тому назад, в Лхасе была христианская часовня. Великие ламы посещали ее. Сейчас никто не помнит даже приблизительного места ее.

Лама жалуется на приезжих охотников. Пришли и убили много оленей. И теперь, когда лама идет в лес, к нему приходит очень мало оленей. А он любит, чтобы к нему приходили животные. Не «дикостью», но культурностью звучит эта жалоба...

В буддийских монастырях был обычай запирать в библиотеку проигравшего в ученом споре. Поучись еще. Отличный обычай.

Китайский амбань *, человек злой и распутный, добивался навестить почитаемого святого игумена местного монастыря в Тибете. Настойчиво и властно потребовал свидания. Но когда вошел в приемную комнату, где был игумен, то на троне вместо святого увидел обличье уродливой свиньи. И бежал в ужасе. Распутный человек, ворвавшись силою, нашел облик, которого был достоин. Прекрасное напоминание всем насильникам. «В какую
36 меру мерите — возмерится и вам».

Среднеазиатское предание говорит о таинственном подземном народе агарти. Приближаясь ко входам в его благое царство, все живые существа умолкают и благоговейно прерывают путь.

Вспомним русское предание о таинственной чуди *, ушедшей под землю от преследования злых сил. Священная легенда о подземном граде Китеже ведет в тот же тайник.

Вся земля толкует о подземных городах, хранилищах, о храмах, ушедших под воду *. И русский, и нормандский крестьянин знает это одинаково твердо. Так же как житель пустынь знает о сокровищах, иногда сверкающих из-под волн песков пустынь, и снова — до времени — уходящих под землю. К одному костру сходятся помнящие о положенных сроках. Не о суеверии, но о знании говорим. О знании, выраженном в прекрасных символах. Зачем сочинять, когда истинного так много, когда в Ла-Манше и сейчас виден город, ушедший под воду.

О подземных жилищах в области Лхасы и Кукунора говорят многие источники. Лама из Монголии вспоминает предание: когда строили основание монастыря Гандана * во времена учителя Дзонкхапы * (XIV век), то заметили, что через щели скалы подымаются струи курений. Пробили ход и нашли пещеру, где недвижно сидел старец. Дзонкхапа вывел его из экстаза. Тот попросил чашку молока. Спросил, какое теперь учение на земле. И затем исчез.

Также указывается, что Потала, дворец далай-ламы, имеет скрытые помещения большой древности. Конечно, проверить это случайным путешественникам не удалось.

По выражению лиц высоких лам ничего не поймете. Иным путем надо искать...

С 1924 года по тибетскому летосчислению начался новый век. Век считается не в сто лет, а в шестьдесят...

Самые формулы часто поражают своею общечеловечностью. В них соединяются возгласы мистерий с молитвами самых неожиданных культов, разделенных целыми эпохами, целыми материками. Язык Матери Мира * одинаков для всех колыбелей...

Простой человек, проводник, вдруг оборачивается на пути и спрашивает: «Ведь должны люди наконец признать, что все едино и все равны?» Так мыслит и допрашивает простой и бедный человек среди синеющих холмов Сиккима. Из-за ожиданий проводника слышится мощное признание Вивекананды: «Если бы я встретил на моем пути Иисуса, я бы омыл кровью сердца моего его ноги». Откровенно утверждал мужественный Вивекананда; пытался идти близким путем языка сердца. Без отрицаний, лишь во всемогущем обобщении и благом понимании. Хочется, чтобы наши священнослужители так же мыслили о Будде, как просвещенные ламы говорят об Иисусе. Только в таком понимании залог будущего строительства. Все созидатели общины должны быть узнаны.

Главное — поменьше невежественных отрицаний.

С трудом удается достать растения, которыми питаются мускусные бараны. Но как довезти эту горную хвою до лаборатории? Ниже шести тысяч (футов) растения гибнут.

Со стороны Бутана чаще всего наползают мохнатые сизые клубы тумана. Не только снеговой хребет, но все предгорные ступени проваливаются в густую мглу. Трудно поверить скрытому сверканию. Не начать ли отрицать самое существование Гималаев? Раз их не видно, значит, их нет. Раз нам сейчас что-то невидимо, значит, оно и не существует. Так полагает убожество.

Горные пути сложны. Столько поворотов. Столько осыпей под копытами. Столько пересекающих дорогу потоков и ручьев с мертвящей сыростью из-под зелено-синей листвы. Поистине, много змей под цветами. И язык шорохов в листве непонятен.

Рано зажигаются звезды. К востоку неугасно горит тройное светило Ориона. По всем учениям проходит это поражающее созвездие. В архивах старых обсерваторий, надо думать, можно найти многое о нем замечательное. Культ, окружающий некоторые созвездия, вроде Медведицы и Ориона *, поражает своей распространенностью.

Шаманская мудрость поклоняется им. Не случайно Иов * перечисляет именно их как акт высшего достижения. Блестки разбросаны всюду. В последнем выпуске журнала Лондонского Азиатского общества многозначительна неожиданная заметка: «... в окрестностях Баракоха находится мечеть, называемая Джавца Маджид. Истинное значение этого названия есть «дом Ориона». Джавца есть имя Ориона». С каким же древним культом слилась мечеть, указанная Бабером, теперь, вероятно, смытая песками великих пустынь.

Неустанно притягивает Орион глаз человеческий. Опять говорят астрономические бюллетени о непонятных розовых лучах, вспыхнувших в этом созвездии. Созвездие Ориона включает знаки «Три Мага» *. В древних учениях значение Ориона приравнивалось значению Атласа, державшего ношу мира. Звезда Востока...

Воздух чист. Маленькие лепча — сиккимские кули — несут на спине огромные камни в гору. К неведомому строению. Головы их так низко нагнулись, что не рассмотрите лица из-за платка и металлических колец и цепочек. Донесут ли? Можно ли перегружать четырехфутовое тело непомерною тягостью камня? Но вместо скрежета [зубов] раздается смех из-под согнутой спины.

Много смеха слышится в Сиккиме. Чем дальше к Тибету — тем говорливее. И поют чаще. И провожают шуткой. Воздух тут лучше.

«Сардар» — называется начальник каравана. Плотно сидит в лиловом кафтане на белой горной лошадке. Много белых коней.

Далеки еще пещеры Канченджанги *, где хранились сокровища. В одной из пещер находится статуя Падмасамбхавы * (учителя Тибета), а за нею виднеется каменная дверь, никем никогда не открытая. А они говорят: «Ничего сокрытого не осталось».

«Сознание человеческое часто — как хвост собачий. Уж если свернулся калачиком — как его ни выпрямляй,

а он все скрутиться норовит» — как сказали древние китайцы...

И если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины космоса — какой новый, чудесный, неисчерпаемый аспект примет мир для освобожденного глаза. Древняя медицина утверждает, что смех очень полезен для очистки щитовидных желез. Как же должна быть полезна улыбка для мозга. И дрожащее заклятие страха превратится в смелый клич радости.

Бкра-Шис-Лдинг * (1924) 39

Разноцветная толпа фигур ада * попирается мощными ногами Белых Духов *. Красные и зеленые «хранители входов» многоруко, в страшном оскале зубов грозят нарушителям. Взрывно кудрявятся золотые языки стихийного пламени. Мерцают тусклоцветные ауры сияний...

Почтительно и холодновато или писарски-научно рассматриваем тибетские и непальские знамена-картины в Британском музее или в Музее Гимэ в Париже, или в Фильдс-Музее в Чикаго. Совсем иначе подходите вы к тем же картинам на месте. И они говорят вам совсем иное. Каждое движение руки Будды полно живого значения для здешнего мира. Добрые и злые духи с их бесчисленными символами из орнамента преображаются в живущий эпос. Оправлены образы поражающей гармонией тонов. Лучше старинная работа, но и новые картины бывают отличны.

Предскажем этим изображениям большое будущее, так же как двадцать лет назад было указано грядущее значение русских икон.

Было оказано справедливое внимание китайскому и японскому искусству. Сложная литература кристаллизовала это тонкое художество. Но после изучения классического Египта, после японской зоркости, после романтического Китая и после узорчатости персидской и могольской миниатюры * теперь появился новый предмет изучения и любования. Подходит среднеазиатское и тибетское искусство. В пламенной фантастике, в величавости тонкой формы, в напряженной сложной гамме тонов яв-

лено совершенно особое яркое творчество. Своим спокойным выражением это искусство отвечает тайне колыбели человечества. Образует собою Азию, к которой вовремя направлены вопросы и поиски.

Только бы постучаться в двери этой красоты без угроз, без оружия, без грабежа. С полной готовностью собрать жемчуг глубочайших, анонимных достижений. И без внешне научного лицемерия. И без подкупного предательства.

Изучать жизнь соловья, прежде всего убив его, не есть
40 ли это варварство?

Четко запомнились некоторые вещи из находок Козлова в Харахото *, в Монголии. Вспоминается чудесное изображение женской головы. Если такие люди жили в замолкших городах пустынь, то как далеки были эти места от дикости.

Мудро, мудро, что пустыни успели сохранить для человечества новые сокровища. И не только сокровища вещей...

Не только о мечах татарских надо вспоминать, представляя жизнь Средней Азии. Там шатер всех путников и искателей. Духовность Монголии и теперь считается высокой. Даже к ханским ставкам приглашались лучшие художники.

Помню, как бедствовал один молодой доктор, по службе посланный в Ургу [Улан-Батор], в Монголию. Бедный, он не знал, как и что искать. Если бы молодежь знала, какие сокровища для нее уже приготовлены и лежат на краю дороги не поднятыми! Иногда только взять остается.

Пастушонок нашел три пуда золота в скифских вещах, ибо заинтересовался искоркой металла, блеснувшей в откосе смытого дождями холма. Сколько таких искр сверкает, но часто глаза полны лени.

Благословенный Майтрейя — Мессия * всегда изображается в венце. В большом образе. В Ташилумпо * (монастырь таши-ламы) три года назад поставлено гигантское изображение Майтреи — носителя нового века мировой общины. Эту идею принес наступающий век тибетского летосчисления.

Во время служения в храмах разносят дымящийся тибетский чай. Есть идея Грааля в этом наполнении сосудов перед Ликом Благословенным. Не оставьте сосуд пустым — это противно обычаю Востока. И потом эти гигантские трубы, как глас грозы с громом, с призывом к будущему. И согбенные спины в пурпурных плащах мыслят о будущем. И сто восемь огней огненным полем переливаются под ликом Мечты Мира [Майтрейи].

В особом помещении хранятся маски хранителей * религии. Неужели страшные личины могут символизировать религию блага? Они не символы религии, но образы земных сил стихийных. И небо и земля.

Даже физический мир учения тантры *, опустившийся в современном понимании, должен быть очувствован возвышенно. Не мог учитель Падмасамбхава явить лишь низменное учение.

Смотрю на старую картину из монастыря Далинга. Деяния учителя Падмасамбхава. Все его магические силы изображены в действии. Вот учитель в виде черноголового ламы с Соломоновой звездой на головном уборе поражает дракона. Вот учитель низводит дождь. Вот спасает утопающего. Пленяет мелких злобных духов. Безоружно покоряет зверей. И магическим кинжалом поражает тигра, предварительно накрыв ему голову священным треугольником. Вот учитель обезвреживает змей. Вот он заклинает бурный поток. И посылает дождь. Вот он бесстрашно беседует с гигантским горным духом. Вот учитель летит превыше всех гор. Вот из убежища пещеры он спешит на помощь миру. И, наконец, в кругу бедной семьи молится о счастливом плавании отсутствующего домохозяина. Как бы ни было теперь затемнено его учение, но жизненность его изображена достаточно.

Или другая старинная картина — «Рай Падмасамбхавы». Учитель сидит в храме, окруженный праведными. Храм стоит на горе, отделенной от земного мира голубою рекою. Через реку протянуты белые хадаки, и по ним самоотверженные путники совершают переход к храму. Опять ясная картина духовного восхождения. Конечно, толкователи засорили и это явление, как перегружены ложной догмой и все прочие религии.

Конечно, учитель Дзонкхапа нам еще ближе. Он повысился за пределы магии. Он запретил монахам проявлять

магические силы. Его учение — «желтые шапки» — представляется менее испорченным.

Под Новый год, четвертого февраля, после заката вспыхивают огни в монастырях по холмам. И звон гонгов и дальние барабаны звучат... Утром — танцы.

Перед Новым годом уничтожают злых духов заклинаниями, танцами. В оленьем танце разрубается фигура злого духа и части его разбрасываются. И важно ходит по кругу покровитель религии, взмахивая мечом. И кружатся, размахивая крыльями широких рукавов, черношапочные ламы. И музыканты в желтых высоких шапках выступают, как берендеи в «Снегурочке». И орлы черкают по воздуху над узорными углами храма. И на уступах холма пестреют собравшиеся толпы.

И самые танцы в день Нового года со страшными символами злых духов и скелетов приобретают жизненное значение. И как далеко впечатление страшных масок на солнечном фоне Гималаев от давящей черноты углов музеев, где такие атрибуты часто составлены, пугая посетителей видом условного ада. Конечно, весь этот ад и создан для слаборазвитых душ. Много фантазии положено на изощрение адских обличий.

В монастыре «красных шапок» впечатление не так светло. Там, где ближе благословенный Майтрейя, там звучнее и светлее движения и мощнее трубные гласы. В Красных монастырях Падмасамбхавы символика более условно земная. Действо начинается простой «мистерией» суда над умершим. Приходит важный владыка ада со своими помощниками. Зверообразные служители влекут черную душу умершего злодея: взвешивают преступления. Чаша проступков перевешивает, и злодея тут же ввергают в кипящий котел. То же происходит с душой преступницы.

Но вот ведут святого — в одеянии ламы. Белый шарф украшает его. Конечно, суд милостив, и три вестника радости ведут вознесенного в рай.

Пятнадцать лет назад умер замечательный лама, пришедший из Монголии. Астрологически он установил ряд важных событий будущего *. Мы видели его изображение — в типе русского схимника. Сильный лик. Непобедимо тверды скулы. Остро зорки глаза. «Во время ухода

этого сильного духа радуга играла над основанным им монастырем». У него были редкие книги.

Книги доставать трудно. Надо посылать доверенное лицо в далекий путь. Существуют замечательные книги. Есть книга одного таши-ламы о посещении им священной Шамбалы. Имеются сборники символических притч, имеется трактат о переселении душ *. Не переведены.

Учения, принесенные из Шамбалы, попадаются и в трудах ученых Европы. На кладбище Дарджилинга погребен загадочный человек. Венгерец родом. Живший в начале XIX столетия. Пешком он прошел из Венгрии в Тибет и оставался много лет в неизвестных монастырях. В тридцатых годах прошлого века Чома де Кереш * скончался. В трудах своих он указывает учение из Шамбалы, установившее следующую за Буддою иерархию. Пришел этот ученый из Венгрии — характерно. Загадочна его деятельность...

Кому ведома верховая езда по Кавказу или по каньонам Аризоны и Колорадо, тот знает, как взбираться по кручам холмов Сиккима. Только вместо красочной трагедии американских чудес вы имеете восходящий сад, взращенный таинственным подъемом возвышенного учения. И сейчас по неведомым пещерам сидят отшельники и на струнах земли творят легенду жизни неба.

Кому ведомы подходы к старым монастырям и городищам Руси с их цветущими холмами и пряно пахучим бором, тот поймет, как чувствуются подходы к монастырям Сиккима. Всегда твержу: если хотите увидеть прекрасное место, спросите, которое место здесь самое древнее. Умели эти незапамятные люди выбирать самые лучшие места.

Каждый перевал увенчан красивым менданróм * с колесами жизни, с рельефами молитв и с нишами седалищ перед ликом зовущих далей. Здесь медитируют ламы и путники *. Здесь развеваются знамена. Здесь каждый ездок приостановит коня.

С перевалов опять окунаетесь в уходящие холмы. Убегают ребра разноцветных бугров. Точно спины барсов, тигров и волков.

После холмов — опять сказки леса. Зеленые лесовики и чудища загораживают путь. Спутались зеленые нити.

Змен переплелн стволы. Пpнтанлись мшнстые тнгры н леопарды. Заколдованный мир.

Самые причудлнвые холмы и скалы образуют как бы священную чашу — обширную долину. Посередине долины неприступно стонт опоясанная двумя реками гора Белый Камень, увенчанная монастырем Ташндннг, что значит «долнна, открытая небу». Древнее место. Попробуйте обыскать бесчисленные морщины и впадины всех скал. Попробуйте найти сокровища, собранные у монастыря. И чудесный камень исполнения всех желаний. И бессмертную амрнту *. И сто нзображеннй Будды. И все священные, временно сокрытые книги. И все другое, указанное в древней рукопнсной книге «Путешествие по Сиккиму».

Очень трудны подступы к Ташидингу. Лишь недавно непроходнмые тропы обратнлись в крутые пешеходные тропннкн. Понстине, путь духа должен быть пройден ногами человеческими. Однн переход через внсячий бамбуковый мост не легок. Гремит н мчится под ним горная река, неся ледяной поток с Канченджангн. И выше моста, по отвесным склонам, много раз остановнтесь: дойду лн. Много дыхания надо набрать, чтобы одолеть вековую гору.

На верхнем склоне [нам] устроена почетная встреча от землевладельцев. Брага, сахарный тростник и танжерины * под плетеным навесом, украшенным желтымн букетами. Дальше гремят барабаны н звенят серебряные гонги. Встреча от монастыря. На последнем уступе встречают рожечники и трубы.

Среди рядов пестрой толпы идете к старому месту. За воротами монастыря встречают нас ламы в пурпурных одеждах. Впереди них — чудесный старик, настоятель монастыря. Точно тонкое резное нзображенне XV века. Так ндете до раскинутых бирюзовых палаток. Средн леса ступ н разноцветных знамен. Среди веселых вереннц огней прнношений.

В первое полнолуние после Нового года (было 20 февраля) в Ташидннге годовой праздник. Пронсходит чудо наполнения чашн.

С давних времен, более восьмн поколений, заповедано это чудо. Из указанного места горной рекн берется небольшой сосуд воды н вливается в старнннную деревянную

чашу. В присутствии свидетелей, представителей махараджи Сиккима, чашу плотно закрывают и запечатывают. Через год в то же полнолуние, на восходе солнца чашу торжественно вскрывают и измеряют количество воды. Иногда вода уменьшается, но иногда и сильно увеличивается *. В год великой войны вода в три раза увеличилась, что и означало войну. Нынче вода вдвое уменьшилась, что значит голод и беспорядки.

Этот недобрый знак увеличился еще другим знамением. Двадцатого февраля было полное лунное затмение. Небывалый знак, недобрый.

Загудели трубы, пронзительно завыли свистки. Народ 45
в костюмах из «Снегурочки» устремился к большой ступе. Громкий хор пошел толпой вокруг. Многие распростерлись ниц на земле. Гулко загремели барабаны лам. Только что ясное лунное небо зачернело. Золотые огни приношений засверкали, как по черному бархату. Полное затмение! Демон Раху похитил луну! Такого еще не бывало в день «чуда» Ташидинга.

Сказал асура Раху * солнцу: «Так как ты обманом унес рашиану, да проглочу я тебя, бог солнца, в то время, когда тридцатого числа ты соединишь узлы орбиты». И еще произнес Раху пророческое пожелание: «В воздаяние за то, что ты, луна, узнав меня, указала меня разрубить, да схвачу и пожру я тебя пятнадцатого числа, во время полнолуния». И внимательно следят люди за лунными и солнечными затмениями, и бьют в барабаны, и угрожают Раху.

Но был и один добрый знак. На восходе солнца старший лама видел, как по вершинам гор загорелись гирлянды огоньков.

Когда луна была возвращена миру, вокруг главной ступы пошли танцы. Сущий русский хоровод. И песни тоже словно русские. Содержание духовное. «В монастыре живет наш владыко Будда. Ему несем наше приношение». Так начинается одна песня. Или: «Велика священная книга, но я найду ей место у моего сердца». Или: «Вспоминаю я священный монастырь».

В белом кафтане подходит художник, делавший роспись местного храма. Сговорились. Пойдет с нами и будет писать Благословенного Майтрейю. Покажет технику местного живописания.

Красные, желтые, белые, лиловые кафтаны. Алые, зеленые, белые женские рукава. Остроконечные шапки с опушками. Говор. Молитвы. Две ночи хождения вокруг ступы.

Прикладываются к камню, на котором благословлял сие место учитель Падмасамбхава. Обходят другой камень с отпечатком ступни учителя и отпечатком копыт и звериных лап. И опять хоры вокруг ступы исполнения всех желаний.

Входя в храм, идете по левую руку до стены алтаря.
46 В храмах желтой секты, в середине алтарной стены,— статуя Будды или теперь даже Майтрейи-будды. В красной секте посередине Падмасамбхава, а Будда — по праву руку. Иногда нижний храм посвящен Падмасамбхаве (земля). По боковым местам изображения Авалокитешвары — духовный коллектив, многоглавый и многорукий, как наша русская Сторучица, а также статуи «держателей молний», основателей монастырей, и шестнадцать архатов, сидящих в резных пещерах. На алтаре — светильники и всякие приношения. Семь чаш с водой. Блюдце риса и кадильницы курений. Ковчег реликвий.

Стены покрыты росписью. Чаще всего одна стена — алтарная. При входе — изображения четырех хранителей частей света. В каждом храме найдется изображение семи сокровищ, предлагаемых человечеству. На белом коне изображение чудесного камня [чинтамани].

В особом помещении хранятся священные книги. Общая мечта монастырей увеличить число книг. Но книги дороги. Священный сборник — до тысячи рупий.

Особо трогательно служение тысячи огней под вечер перед «чудом». Низкий храм с росписными колоннами и балясинами. Посередине — длинный стол, уставленный огнями. Вдоль стен тоже вереница огней, и все это море огоньков ласково колышется и мерцает, подернутое облачком курений сандала, дикой мяты и других благовоний, сожигаемых в кадильницах. Стройно, хорошо пели во время этого служения.

По всем тропинкам вьются караваны богомольцев. Высокие седла покрыты яркими тканями. Совсем дикие

лошадки несут пузатую поклажу. Все толпится. Ищут места ночевки. Воздвигают новые знамена в память живых, но чаще умерших. Толпа собралась до двенадцати сотен. Но мирная, добрая толпа.

На ранней заре задолго до восхода, когда снега на горах еще мутно янтарны, лагерь уже шевелится. Ползет и ширится неясное гуденье. Ранние молитвы мешаются с ударами копыт коней и мулов.

Утром к нашим шатрам идет шествие. Сам старший лама возглавляет несение даров. За ним, высоко поднятые, следуют подносы с рисом, с ребрами барана, с сахарным тростником, с брагой и плодами. Сам лама передает приношение в нашу походную кухню.

Посреди ступ раскинулись шатры богомольцев. Вот под зеленым навесом сидят ламы из Тибета. Женщины им переворачивают страницы длинных молитвенников. Под ручные барабаны и гонги ламы поют тантрическую песню. Где же Стравинский, Стоковский, Прокофьев, где же Завадский, чтобы изобразить мощный лад твердых призывов? И как тонко бело-золотое лицо у той, которая переворачивает страницы перед певцами.

Недалеко группа из Непала бьет в такт ладонями и припевает. Посреди них женщина с застывшим лицом экстатически танцует танец шерпов, полный тонких движений волхования. Иногда она трепещет руками, как птица, и издает какое-то птичье рокотанье. Очень замечательно.

Тут же странники из Бутана молятся под красным навесом. Перед «чудом» и раздачей целебной воды вокруг ступ идет священный ход. Впереди — трубачи в высоких красных шапках; за ними — ламы в тиарах. Следом — длинный ряд священных книг.

На закате в палатке старший лама тихо говорит о святынях Сиккима, о чудесах, слышанных и им самим виденных. То шум роя невидимых пчел, то пенье и небесная музыка, то явление образов священных. При нашем отъезде лама указал два добрых знака. По пути три полных бамбуковых водоноса и два дровосека с полными вязанками дров навстречу.

Талай-Пхо-Бранг
(1924)

Ташидинг принадлежит к приходу большого монастыря Пемайанцзе в дне пути. Тоже на вершине. Пемайанцзе стоит властно. Недавно перестроен, но сделано подновление с чутьем. И даже новейшая живопись доставляет радость своей тонкой замысловатой декорацией. И резьба наличников сказочна. И высокие пороги тяжелых дверей переносят в древние деревянные храмы России. И сановиты главные ламы. И торжественны пурпурные одежды. И красные тиары на головах полны достоинства. Но все-таки еще больше вспоминается восьмидесятилетний настоятель Ташидинга. И все-то он борется, и заботится, и старается улучшить строение свое. И хозяйственный глаз его везде проникает.

За воротами Пемайанцзе стоят стражи трехсотлетних деревьев. Сказочный лес Берендея. А уличка домов лам, как берендейская слобода, раскрашена и оснащена крылечками цветными и лесенками.

Вот «Небесная Священная Гора», и на вершине ее блестит горное озеро. Там маленький храм, основанный на месте жития основателя красной секты в Сиккиме. Из Дубди основатель перешел на Святое озеро, а оттуда в древний Санга Челлинг.

Четыре древнейших монастыря Сиккима: Дубди, Санга Челлинг, Далинг и Роблинг. И значение названий отличное: «место размышления», «остров тайного учения», «остров молнии», «остров счастливого устремления».

Славный монастырь Санга Челлинг. Незабываем Далинг с бело-синим, словно фарфоровым, входом среди бамбуковой рощи. Там бережно у алтаря хранится запечатанный, невскрываемый ящик с реликвиями основателя храма. Знамена — золотые по черному фону. В Санга Челлинге нет реликвий, но зато там камень, освященный благословением основателя. Когда чиста жизнь монастыря, прочен и камень. Всякая грязь жизни заставляет камень трескаться.

Вот они мои милые новгородские и ярославские дверки. Вот она прекрасная фресковая живопись. Вот они цветные орнаменты, обвившие все наличники оконцев и две-

рей. Вот те же согбенные спины богомольцев, преданных вере. И огни прилежных приношений. И наши кули засвечивают огонек. Истинная лепта вдовицы. А над ними властно возвышается «держатель молнии».

В Пемайанцзе учитель Падмасамбхава не был, но в монастыре хранятся вещи, принадлежавшие основателю религии. Вещи запечатаны, но изредка показываются. Одеяние. Головные уборы. Четки. Колокольчики чудного звона. Два магических кинжала и небольшое чудесное изображение Будды.

И трубы громче в Пемайанцзе. И драконы-охранители страшнее. И влияние монастыря больше. И развалины дворца махараджи вблизи. А первый махараджа был (по-библейски) избран на царство главою религии. Но фигуры Майтрейи нет в большом монастыре.

Некоторые одинокие храмы с единым огоньком, обвеянные персиковым, розовым цветом и усыпанные орхидеями и дикими пионами, еще ближе ведут по стопам простого постижения учения.

Из леса выходит мужик, и голова его украшена белыми цветами. Где же это возможно? В Сиккиме.

Бедны ли сиккимцы? Но там, где нет богатства, там нет и бедности. Просто живут люди. На холмах, среди цветущих деревьев, стоят мирные домики. Сквозь цветные ветки горят яркие звезды и сверкают снежные хребты. Люди носят овощи. Люди пасут скот. Люди приветливо улыбаются. Со сказочной музыкой ходят по крутым тропинкам в свадебных шествиях. Зная о перевоплощениях, спокойно сжигают прах тел. И поют. Заметьте, часто поют.

Правда, можно петь под навесом из разных цветов и растений. Орхидеи, как цветные глаза, прилепились к стволам великанов. Розовые, пурпурные и желтые букеты заливают путь веселыми искрами. И не простые растения. Много среди них издревле лечебных.

Полная даров ждет природа. Придите излечиться. Шарура, парура, оррура — три самых главных плода против простуды, кашля и лихорадки. Шарура — как желтая вишня. Парура — как зеленый каштан. Ор-

рура — зелено-желтое яблочко. Все терпки и полны танина. Вот красная кора аку омбо против ран. Как гигантский сухой боб серги пруба — от лихорадки. Шута — сухой, горький корень от опухоли и от горла. Бассак — коричневый порошок от простуды. Красный стебель цо поставляет маженту *. Горькая на вкус пурма — для курений. Варево из корней берекуро — для женских болезней. Цветы дангеро — от желудка, так же как и цветы красного рододендрона. Лист дисро — для дезинфекции ран. Мемшинг-пати — священное растение в Непале, им украшают голову на торжествах. Без конца полезных растений, ждущих лучшего применения и
50 изучения.

Листья травы ауа дути размягчают камни, так же как и снежные лягушки в Гималаях. Потому, если видите на камне отпечаток копыта оленя или лапы зверя, значит, они или ели или касались чудесной травы. Еще один поворот к легенде. Около Фалюта, на путях к Канченджанге, растет драгоценное растение — черный аконит. Цветок его светится ночью. По этому свету и отыскивают это редкое растение. Легенда русского жар-цвета, волшебного цветка исполнения всех желаний, ведет не к предрассудку, а в тот же родник, где скрыто еще так многое.

Перед нашими воротами оказался странный дар. Ветка пихты, рододендрона и еще какого-то растения лежали, обращенные листьями к нашему дому, прикрытые плоским камнем. Это сунниум, заклятие. Человек, поднявший это приношение, получает на себя то, что положено. Или худое, или хорошее. Или болезнь, или горе. Или радость. Много дней лежал этот сунниум, и даже лошади как-то не касались его. Такое же заклятие видели мы в предместье Джайпура. Там посреди улицы в плоской корзине лежала печень барана, цветы и три серебряные рупии. Никто не дотронулся до них. Эти заклятия очень древнего происхождения.

Инвольтация черных магов * всегда говорит о заклятых предметах.

Так же всюду известны легенды о случайном посещении охраненных мест, причем болтливость вызывает немоту или даже смерть. Так, говорят, что один шикари (охотник) в Ассаме случайно дошел и видел тайны священного места, но пытался рассказать об этом и потому онемел...

Записывайте не то, что прочтут из книг, а то, что расскажут, ибо эти мысли живут. Не по книге, но по мысли будете судить жизнь.

В сумерках, при загорающихся звездах, в лиловом сиянии тумана звучит тихий рассказ ламы о «владыке мира» *, о его мощи, о его действии и мудрости, о его воинстве, в котором каждый воин будет наделен какою-либо чудесною силою. О сроках нового века общины.

Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения далай-ламы и таши-ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы правителей, при которых страна подпадет под правление обезьян. Но затем оправится, и тогда придет некто очень большой. Его прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936.

Когда пришло время благословенному Будде покинуть эту землю, просили его четыре владыки Дхарма-пала оставить людям его изображение. Благословенный дал согласие и указал лучшего художника. Но не смог художник снять точные промеры, ибо дрожала рука его, приближаясь к благословенному. Тогда Будда сказал: «Я стану у воды. Ты сними промеры отражения». Смог художник это сделать, и таким путем произошли четыре изображения, отлитые из священного состава семи металлов. Два из них сейчас в Лхасе, а два пока сокрыты до времени.

Тибетский владыка женился на китайской и непальской принцессах, чтобы за ними привлечь в Тибет два священных изображения Будды.

Через тысячу двести лет после Будды учитель Падмасамбхава приблизил к земным путям учение благословенного. При рождении Падмасамбхава все небо светилось и пастухи видели чудесные знаки. Восьмилетний учитель показался миру в цветке лотоса. Падмасамбхава не умер, но ушел, чтобы научить новые страны. Без его ухода миру грозила бы опасность.

В пещере Кандро Сампо, недалеко от Ташидинга, около горячих ключей жил сам Падмасамбхава *. Некий гигант вздумал строить проход на Тибет и пытался проникнуть в Священную Страну. Тогда поднялся благой

учитель, возвысился ростом и поразил дерзкого попытчика. Так уничтожен был гигант. И теперь в пещере стоит изображение Падмасамбхавы, а за ним каменная дверь. Знают, что учитель скрыл за дверью священные тайны для будущего, но сроки им еще не пришли.

Отчего так звучны большие трубы в буддийских храмах? Владыка Тибета решил призвать из Индии, из мест жизни благословенного, ученого ламу, чтобы очистить основы учения. Чем же встретить гостя? Высокий лама, имев видение, дал рисунок новой трубы, чтобы гость был встречен неслыханным звуком. И встреча была чудной.

Не роскошью золота, но ценностью звука.

Отчего так звучны гонги в храмах? Серебром звучат гонги, и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает легенду о высоком ламе и китайском императоре. Чтобы испытать знание и ясновидение ламы, император сделал для него сидение из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел. Император спросил: «Если вы все знаете, то как же вы сели на священные книги?» —«Здесь нет священных книг»,— отвечал лама. И изумленный император вместо священных книг нашел пустую бумагу. И дал император ламе дары и много колоколов ясного звона. Но лама велел бросить их в реку, сказав: «Я не могу донести все это. Если надо, то река донесет эти дары до моего монастыря». И река донесла колокола * с хрустальным звоном, ясным, как волны реки.

Священны талисманы. Мать много раз просила сына привезти ей священное сокровище Будды. Но молодец забывал просьбу матери. Говорит она: «Вот умру перед тобой, если не принесешь теперь мне». Но побывал сынок в Лхасе и опять забыл материнскую просьбу. Уже за полдня езды от дома он вспомнил, но где же найти в пустыне священные предметы? Нет ничего. Вот видит путник череп собачий. Решил, вынул зуб собаки и обернул его желтым шелком. Везет к дому. Спрашивает старая: «Не забыл ли сынок мою последнюю просьбу?» Подает он ей зуб собачий в шелке и говорит: «Это зуб Будды». И кладет мать зуб в божницу и творит перед ним самые священные молитвы и обращает все свои помыслы к своей святыне. И сделалось чудо. Начал светиться зуб чистыми

лучами. И произошли от него чудеса и многие священные предметы.

Человек двенадцать лет искал Майтрейю-будду. Нигде не нашел. Разгневался и отказался. Идет путем. Видит странник конским волосом пилит железную палку. И твердит: «Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю». Смутился человек: «Что значат мои двенадцать лет перед таким упорством, вернусь я к моим исканиям». И тогда явился человеку сам Майтрейя-будда и сказал: «Давно уже я с тобою, но не замечаешь и гонишь, и плюешь на меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоем». Пошел человек, зная, что несет Майтрейю, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза. «Почему бежите вы, люди?» — «Что за ужас у тебя на плече. Вся в язвах смердящая собака». И опять не увидели люди Майтрейю-будду. И увидели, чего каждый достоин.

Лама сказал: «Три рода учения: одно — для посторонних. Другое — для своих. Третье — для посвященных, могущих вместить [его]. Вот по неразумию они убивают животных *, и пьют вино, и едят мясо. И живут грязно. А разве учение позволяет все это? Где красота — там учение. Где учение — там красота».

Чувствительны здесь люди. Ваши ощущения и намерения передаются здесь так легко. Потому знайте четко, что хотите. Иначе вместо Будды увидите собаку.

Главное не то, что захоронено в прошлом, что запылено в старинных книгах, переписанных и недописанных. При новом строительстве важно то, что еще сейчас вращается в жизни. Не по полкам библиотек, а по живому слову измеряется состояние духа.

Под Канченджангой притаились пещеры, где хранимы сокровища. В каменных гробах молятся пещерники, истязая себя во имя будущего. Но будущее уже овеяно солнцем. Уже не в тайных пещерах, но в солнечном свете — почитание и ожидание Майтрейи-будды. Уже три года, как таши-лама в своем Ташилумпо торжественно и явно воздвиг великое изображение грядущего. Идет незримая, напряженная работа.

Таши-лама через Сикким и Калькутту, путями Китая проехал в Монголию. Никогда такое не бывало. Тайна.

Впрочем, может быть, через Сикким проехал лишь отводный отряд, а сам лама двинулся на Монголию.

В священное утро на горах засветились вереницы огоньков. Тайна.

Сейчас волна внимания к Тибету. За стеною гор идут события. Но тибетская тайна велика. Сведения противоречивы. Куда исчез таши-лама? Какие военные действия на границе Китая?

Что делается на монгольской границе *? Год событий. Называли Сикким страною молний. Конечно, и молнии здесь бывают, но не проще ли назвать: «Страна небесных ступеней». Лучшего преддверия к тайнам будущего трудно придумать. Неисследованная, малопроникаемая страна скал и цветов.

Как в сказке. Как на блюдечке за серебряным яблочком. Открываются холмы и ступени Гималаев. Сто монастырей Сиккима. Наверное, гораздо больше. Каждый из них увенчал вершину холма. Малый храмик в Чаконге. Большой субурган и монастырь в Ринченпонге. На следующей горе белеет Пемайанцзе. Еще выше — Санга Челлинг. Ташидинг мало виден. По другую сторону долины — Далинг. Против него — Роблинг. Ближе — Намцзе. За сорок миль видны монастыри. Забываем, что здесь видится необычно далеко.

И опять перед нами стена на Тибет. И не хребет ящера, но белоснежный пояс раскинулся по вершинам стены. Пояс Земли. Поставим стрелу на север. Там должны быть основания горы Меру...

Подошел сам, потрогал — прикоснулся к шатру. Кто этот человек, с длинной черной косою, с бирюзовой серьгой в ухе, в белом кафтане? Местный иконописец — лама Пема Дондуб.

«Можешь ли написать нам благословенного Майтрейю совершенно так, как в Ташилумпо?» Взялся, и вот сидит на коврике, в уголке белой галереи, и различно-цветно пишет полный символами лик. Приготовляет ткань для писания, покрывает ее левкасом (мел на клею) и выглаживает раковиной. Совершенно как русские иконописцы. Так же растирает краски, так же греет их на жаровне, так же втыкает запасную кисть в черные густые волосы. И жена его, из Тибета, помогает ему готовить краски.

И так в уголке белой галереи расцвечивается замысловатый образ. Все символы укрепляют благословенного. И страшный, птицеподобный Гаруда *, и мудрые наги, и Ганеша — слон счастья, и чинтамани — конь белый, несущий на спине чудесный камень — сокровище мира. Целый священный хоровод избранных образов. А на лик и благие руки кладется чистое золото.

И так же как наши иконописцы, поет лама-иконописатель стихиры * во время работы. Стихиры усилились — значит, приступил к самому Лику.

И еще диво, возможное только в этой стране. В глубоких сумерках, когда наливающийся месяц уже вступает в права, по дому разносятся серебряные звуки самодельной флейты. В темноте художник лама на коврике переливчато играет перед ликом Майтрейи — Мессии — Мунтазара *.

Струны Земли!

Глава

3
Пир-Панджал*. Знамена Востока

(1925)

56 Где проходили орды великих монголов? Где скрылось исчезнувшее колено израилево? * Где «Трон Соломона»? * Где пути Христа-странника? * Где зарево шаманского бон * — религии демонов? Где Шалимар — сады Джахангира? * Где пути Памира, Лхасы, Хотана? * Где таинственная пещера Амаранта? * Где тропа великого Александра к забытой Таксиле? * Где стены Акбара? Где учил Ашвагхоша? * Где созидал Авантисвамин? * Где твердыни Чандрагупты Маурии? Где мудрые камни царя Ашоки? * Все прошло по Кашмиру. Здесь старые пути Азии. И каждый караван мелькает, как звенья сочетаний великого тела Востока.

И песчаные пустыни на пути к Пешавару *. И синие вершины Сонамарга *. И белые склоны Соджи-ла *. И в полете орлов — тот же неутомимый дух. И в резвых конях — то же непреклонное движение. И мир роз и шалей кашмирских не похож на забытый и скрытый мир кашмирских клинков.

«Весна Священная» *. Когда мы сочиняли ее со Стравинским, не думалось, что Кашмир встретит нас этой постановкой. В Гари, на ночлеге, когда вызвездило яркое весеннее небо и засинели горы, мы заметили вереницы огней по горам. Огни двигались, расходились и странно кружились. И по всем склонам зажглись эти огненные процессии. И в деревне внизу закружились темные силуэты, размахивая смоляными факелами на длинных шестах. Огненные круги возвещали о конце холодов зимних. И песни возвещали весну священную. Этот праздник девятого марта.

«Бюль-Буль» — соловей-птица поет на яблоне. Кукушка отсчитывает долгую жизнь. На лужайке расстелены белые полотна и кипит самовар. Красные и желтые

яблоки и сдобные лепешки предлагаются сидящим на весенней траве. Глазки фиалок и бело-желтые нарциссы ткут пестрый ковер. А вечером стада уток и станицы * гусей усеивают мочежины озер. Выходят на весенние поляны маленькие медведи. И никто не боится их, разве если это матка с детьми...

Пологие речные берега. Вереница бурлаков ведет крытые лодки... По широкой дороге тянутся волы и скрипят колеса. Трехсотлетние чинары и высокие тополя оберегают пути. И часто блестят зубы встречных путников в улыбке привета.

На сеновале лежат сани — московские розвальни. На дворе скрипит журавль над колодцем. Соломенная крыша проросла зеленым мхом. Скрючились придорожные ивы. Гомонят приветствия детишек. Где же это? В Шуе или Коломне? Это в Сринагаре *, в «городе солнца».

Пузатые белые колонки. Мелкая роспись орнаментов. Крутые каменные лесенки. Золоченая крыша храма. Скрипучие расписные ставни окон. Заржавленные замки. Низкие дверки «с поклоном». Резные балюстрады. Покосившиеся плиты каменных полов. Запах старого лака. Мелкие стекла оконцев. Где же мы? В Ростовском кремле? В суздальских монастырях? В ярославских храмах? И стаи бесчисленных галок. И голые ветки за окнами. Это главный дворец махараджи Кашмира. Любопытно все, что от старины сохранилось. Все новейшие приделки ужасны.

По дорогам много моторов Форда. В столовой гостиницы видны лица американцев. В ювелирной лавке рядом висят две картины. Одна — вид Дели. Другая — вид Московского Кремля. Среди кристаллов, в которые смотрят судьбу, среди кашмирских сапфиров и тибетской бирюзы зеленеют китайские жадеиты * и цветными садами раскинулись полы шитых кафтанов. Как ценные шали, залиты комнаты музея мелким иранским узором, и оббитая судьбою Гандхара * сводит воедино расколовшиеся ветви Запада и Востока.

В характере храмов и мечетей, в угловых резных драконах, в шатровой четырехскатной вышке неожиданное сочетание деревянных старых церквей Норвегии и китайских пагод. Из одного колодца почерпнуты романская химера, звериный орнамент Алтая и зверьки Китайского

Туркестана и Китая. Сибирские пути народов далеко вынесли одинаковый смысл украшений.

Твердо стоит крепость Акбара. Но когда подыметесь по всем кручам и ступеням, то видно, что старые кирпичи и глинобитная смазка с трудом держатся. Своды готовы упасть.

Нишад — сад Акбара,— занял место от озера до взгорья. Высокое место. Строения скромны и по углам любимые им башенки. Характер простоты и ясности.

58 Шалимар — сад Джахангира. Тоже в характере своего хозяина. Стоит «для себя». Меньше внешнего вида. Больше роскоши. Той роскоши, которая довела до нищеты потомков моголов. Последний могол в Дели тайно продавал мебель из дворца и разрушал ценные облицовки стен Шах-Джахана и Аурангзеба *. Так кончилось.

Ткач Кашмира сопровождал каждый узор особым напевом. Великую гармонию труда напоминает такое искание ритма.

Ни в одной песне не сказывается, отчего гора «Трон Соломона» носит это имя. Ведь это место очень древнее. Еще Джалаука, сын Ашоки, утвердил там один из первых буддийских храмов. Через семь веков храм был перестроен и посвящен Махадеве *... Но откуда имя Соломона? Имя Соломона гора получила от легенды, что Соломон, желая скрыться от условностей царской жизни и тягостей двора, на ковре-самолете переносился с любимой женой на эту гору... Такая же гора в [Русском] Туркестане * и в Персии.

Не только гора «Трон Соломона» переносит сознание в библейские сферы. В долине Синдха почему-то особенно почитается пророк Илия. Очень звучны легенды о том, как пророк, сидя в пещере, спасает рыбаков и путников. В различных обликах, то благий, то грозный, пророк является на защиту дел справедливости и благочестия. Мусульмане и индусы, разрозненные многими причинами, одинаково чтут пророка Илию.

Лиловый ирис всегда напоминает мусульманское кладбище. Они залиты этими цветами. Но вот радость: распустилась сирень, закивали ландыши и забелела черемуха...

После «мелкого рисунка» современного Кашмира отдыхаете на развалинах Мартанда и Авантипура *. И здесь девятый и десятый век дали расцвет. Здесь фантастика азиатской колыбели романеска * торжественно слилась с радостным культом Вишну *. Чувствуете, что и здесь, на фоне сапфировых предгорий Гималаев, стояли величественные сооружения. Вскрыты они лишь частично. Пологие наносные бугры скрывают целые дворцы и города. Картина мощи Азии еще не явлена. Только искры ее можно отметить на случайных листках. Любящие руки соберут чашу прекрасного сознания.

«Слава тебе Хакаура, Гор * наш, бог по бытию, защи- 59
щающий страну, обуздатель пустыни змеем своего урея*, без лука пускающий стрелу, как делает богиня Сихмет *. Язык царя обращает в бегство азиатов». Так говорит гимн в честь Сенусерта III *. Два выражения имеют особое значение. «Пускающий стрелу без лука» — воздействующий на расстоянии. «Обуздатель пустыни змеем своего урея» напоминает о древнейшем культе Азии — жена и змей. Змеинообразные капители колонн Азии и майев говорят о том же культе — мудрой жены. О том же указывает старое блюдо из Кашмира. Посредине сидит царь змеев с волшебным цветком в руке. У царя две пары рук — черные и светлые, ибо мудрость имеет полное вооружение. Перед царем женщина с покрывалом на голове. Женщине царь вручает мудрость. Вся группа находится на фоне множества змей, поднявшихся и соединивших головы. Вокруг срединного изображения — ряд отдельных фигур властителей, имеющих на шее изображение змея. Этот знак мудрости заставляет человекообразных и животноподобных джиннов служить и помогать владетелям древнего знака. В длинную трубу джинны передают далекие вести. Джинны приносят цветы для украшения жизни. Джинны в виде животных переносят по воздуху. Джинны приносят ларцы драгоценностей. Джинны присутствуют в виде стражи. Так хранит древний знак мудрости.

«Гулиджан-Марда», «Илло-Алладин — Шабаша», «Илайла-Сулейман» *,— перекликаются гребцы. Весла с сердцевидной лопаткой режут желтую воду.

Современному Сринагару не более 150—200 лет. От старого «города солнца» ничего не осталось. Старые мечети стоят лишь в остовах. В уродливых облицовках «набережной» видны следы рельефов отличных камней девя-

того, одиннадцатого века. Отдельные осколки. Ничто не связывает их с домиками современности. Старые мосты должны скоро рухнуть. Кто положил начало кашмирских каналов? Кто обсадил дороги частым тыном тополей? Не сделал ли это кто-то из пришельцев от Средней Азии, где зима заставляет обозначать путь и пески требуют каналы орошения? И откуда эти шикара — легкие гондолоподобные лодки?

У ровного берега пошли бечевою. И желтые плесы напомнили Волгу или Миссисипи. Река Джелам — нерв Кашмира.

Самое большое озеро — Вулар. Самое красивое. Самое грозное. Две ночи опасно било лодку о глинистую отмель. Еще остались бы, еще поработали бы, но «ковчег» может треснуть. На этом озере все привлекательно. Весь сияющий снегами Пир-Панджал на западе. Густые горы — на север и восток. Даль Сринагара — на юг. Перед закатом строится изумительная Вальхалла * над Пир-Панджалом, а утром — кристально синие горы востока. На отмелях — стада, и каждый конь виден на далекой мели — так воздух небывало прозрачен. На восточной отмели виден островок. На нем — развалины храма и, бывает, сидят размышляющие садху и факиры. Мир религии в Кашмире менее заметен.

Детали разрушенного храма на островке могут быть перенесены в любой романский собор. Много ходили готы * и всюду посеяли свой стиль. Украшения женских шапочек напоминают готские фибулы *. Только не красная эмаль, а красные стекла вставлены в медную оправу.

Около лодки носятся касатки-ласточки. По борту важно шагают удоды. Над полями звенит жаворонок. Посреди деревни — кладбище — бугор, усеянный камнями,— наш северный «жальник». На бугре — часовня с шатровой зеленою крышей. Старинные костистые чинары сторожат покой. Около деревень — остатки храмов и «городища» — песчаные бугры с засыпанной стариною. Гребцы под вечер поют протяжные песни «бурлацкие» и горласто гремят стаи собак. От дальнего севера до юга одно и то же строение жизни. Удивительно!

На северо-востоке озера Вулар горы сходятся. В этом проходе какая-то зовущая убедительность. Само селение

Бандипур * уже имеет какой-то особый характер. Когда подходите к почтовому отделению, вы поймете значительность места. Здесь подымается в горы дорога на Гилгит. Вы проходите до первого подъема и следите за извилинами восходящего пути. На вершине перевала — первый ночлег. Потом путь сперва идет по самому гребню, где еще белеет снег полоскою, а затем окунается в новое преддверие. Гилгит и Читрал берегутся особо. Если трудно идти на Ладакх, то Гилгит и Читрал всегда под особым запретом. Лиловые и пурпурные скалы. Синева снежных вершин. Каждый всадник в чалме привлекает внимание: не с севера ли? Каждая вереница груженых лошадок тянет глаз за собою. Значительный угол [подъема]!

Сундук, караул, самовар, чай, чепрак, сюды-сюды, кавардак, колпак и много других слов странно и четко звучат в кашмирской речи. И плетеные лапти напоминают о других, северных путях.

Лодочник устраивает нам кашмирский обед. Приходят шесть поваров. Стол засыпается синими ирисами. С утра, кроме чая, нам ничего не дали. Собра, и его брат Рамзана, и сметливый Ибрагим, и какие-то неведомые братья и дяди, и, может, сам столетний дед, сидящий с хуккой (трубкой) в кухонной лодке,— все заняты каким-то таинством. Наконец в семь часов вечера появился таинственный обед. В очередь было подано двадцать семь блюд. И каждое должно было быть испробовано. Перечень всех изощрений шести поваров: миндальный суп, намки-плов, мехти, табак маэ, кабаб, руган яш, дупиаз, батха-курма, абгош, алюбукар-курма, чана-курма, марзеван-ган-курма, субзе-курма, намки-кабаб актаби, коофта, тикеа, дампокта, кокарпуту, канди руган иош, мета-плов, тула-шум, риван, мета-зунт, мета-тул, дизи-алю, пирини, тула-халва. Так назывался этот апофеоз баранины и пряностей. И как было сказать, что именно изысканность обеда была так далека нам.

Кашмирское пение. Семеро в белых чалмах. Один — рыжий, с длинной ситарой *. У троих — саазы *. В глубине сидит искусник на двух таблах (узкие барабаны). По углам двое поющих. В середине — певица в синей шали с серебряными браслетами и пронизками. Поют персидские песни, арабские, урду и кашмирские. Как на ассирийских рельефах, певица поднимает указательный палец или левую ладонь, или складывает руки у лба.

Иногда она вскакивает и «уточкой», мягко обегает круг. Персидская песня «Сурам» — песнь разлуки и вечных воспоминаний. «Шахназ» — арабская песнь: «Самый богатый не возьмет с собою имущество после смерти». «Когда Христос возносился, прославляли его все слуги». Вот песнь урду: «Два друга на всяком расстоянии думают взаимно. Мир — ничто, и каждый должен уйти из него». «Кошюр» — кашмирская песнь: «Ты идешь по пути, но невидим ты мне. Дал мне вина жизни и ушел от меня. Все зависит от бога». «Если я увидел одного человека или женщину — я уже увидел весь мир». «Камач» — кашмирская песнь: «Говорят хвалу Христу всякими словами.

Он был лучше солнца и луны».

Так на красном ковре восемь мусульман непрошенно и нежданно до полуночи славословят Христа и мироздание. Вслед за ними и все лодочники шевелят белыми чалмами и качаются, подпевая. И саазы гудят, как шепот леса. И наш конфуцианец-китаец твердит по-тибетски: «Як поду», т. е. «хорошо». А потом виктрола повторяет «Песнь Леля» Римского-Корсакова, и чутко кивают чалмы кашмирцев. Одно сознание. Кончаем песней про Акбара. И вся полночь проходит без всяких отрицаний. И все обоюдно найденное принято с доброй улыбкой.

Можно ли превратить эту полночь понимания в пошлость безобразия? Вероятно, можно. Видели постыдные письма, посылаемые иностранцами [местным жителям]. Постыдные запросы плоти. Можно заменить улыбку гримасой звероподобности? Конечно, не трудно. Можно вызвать весь ужас безобразия. Можно разрушить всеобщее благо. Можно уйти с клеймом пылающим пошлости. Можно уйти во мрак невежества и предрассудка.

Как и в Сиккиме, так же и в Кашмире поражает духовная понятливость. Не успеете подумать, а уже собеседник делает соответственный жест. И сколько добрых мыслей можно сеять этими струнами чутья.

И опять ритмично перекликаются гребцы: «Ампошьпампошь», «Дазгир-Кашмир, «Шахан-шах — падишах». А значат эти клики: «Страна роз», «Храм», «Царь царей», «Лотос», «Человек», «Все хорошо».

Живем на взгорьях Пир-Панджала. Грозы сплошные, ослепительные, по трое суток. Град в голубиное яйцо. Звезды — свечи! Землетрясения — каждую неделю.

В Сибири есть такие городища на крутых буграх, опоясанные гремучими потоками. Кедровые и сосновые рощи сурово хранят эти жилья, а высоко сверкают белые шапки гор. Дятлы, горлинки, иволги, мускусные бараны и горные козлы. Так и живем в желтом, некрашеном рудовом домике. Если солнце — все напоено хвоею, но если гроза... Трое суток свирепо грохотало и ослепляло ночью кольцо молний. И неслись ливни, и град в голубиное яйцо сразу белил все зеленеющие бугры. Грозно.

Разрешение на Малый Тибет через три недели получено. Тысячи рупий были истрачены на поездки и телеграммы. А ...тот вообще даже на письма не отвечает. 63

Серия «Знамена Востока» сложилась *. 1. «Будда Победитель» перед источником жизни. 2. «Моисей Водитель» на вершине, окруженный сиянием неба. 3. «Сергий Строитель» — самосильно работает. 4. «Дозор Гималаев» в ледниках. 5. «Конфуций Справедливый» — путник в изгнании. 6. «Иенно Гуйо Дья» — друг путников (Япония). 7. «Миларайпа Услышавший» — на восходе познавший голоса дев. 8. «Дордже Дерзнувший» стать лицом к лицу с самим Махакалой. 9. «Сараха — Благая Стрела», не медлящий в благих посылках. 10. «Магомет на горе Хира (весть архангела Гавриила)», предание. 11. «Нагарджуна — Победитель Змия» видит знамение на озере владыки нагов. 12. «Ойрот — вестник Белого Бурхана», поверие Алтая. Уже в музее: 13. «Матерь Мира». 14. «Знаки Христа». 15. «Лао-цзы». 16. «Цзонхапа». 17. «Падмасамбхава». 18. «Чаша». 19. «Змий Древний».

В Монголии есть обычай большой древности. В случаях народного бедствия или нужды ламы всходили на высшую гору и с заклинаниями разбрасывали бумажных коней. Конь, как символ Будды, силы и счастья. И, кружась, неслись эти кони валькирий, эти световитовы кони, неся помощь неведомым бедствующим. На Двине сидел Прокопий * и благословлял неведомых плывущих; на хребтах Азии ламы слали коней неведомым бедствующим. И в этой неведомости — та же забота об общем благе. Такие обычаи лам ценны. Это не «сидение под древом», не просьба в пространство, не фигурные движения ритуала, но «приказ» о помощи неведомым бедствующим, горний голос, требующий, чтобы умиротворились беды людские.

И еще два трогательных облика не должны быть забыты. Основатель так называемого манихейства *, Мани, в III веке распятый на воротах города в Персии за синтез учений и за идею общины. Другой — гуру * Камбала, отдавший голову свою как символ преданности и служения. И Камбала, и белые кони в сущности тоже входят в «Знамена Востока».

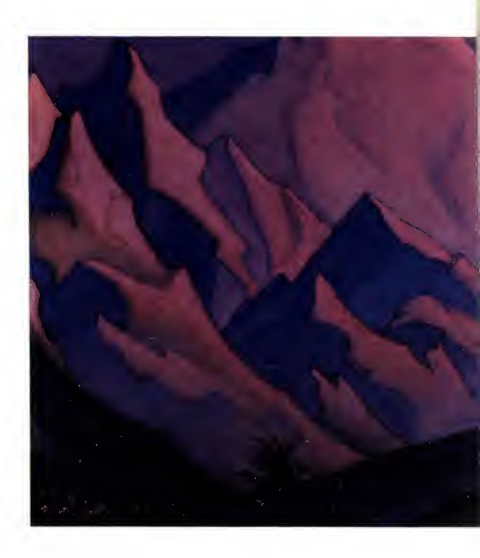
Манихейство жило долго. В самой Италии манихеи, преследуемые, жили до XIV века. Может быть, от них Беноццо Гоццоли * воспринял содержание пизанской фрески о четырех встречах царевича Сиддхартхи — Будды, озаривших его сознание. Вместо индийского владетеля движется кавалькада итальянских синьоров... И в некоторых восточных трактовках, точно где-то в глубине понимания, чудится характерная фантастика Гоццоли, с его пышно-узорными скалами и хвойными деревьями, с его золочеными чепраками и навершиями ярких знамен. Ручные «пардусы» * Востока сидят за седлом, и чалма охотно обвивает шлем, как на символах крестоносцев. Что это? Отзвучия крестовых походов, о которых мечтал даже Герри Мет де Блес? * Или более древняя организация синтеза верований Мани пронизала и связала сознание Востока и Запада?..

И еще подробность, связующая Восток и Запад. Помните ли турфанскую Матерь Мира с младенцем? Среди Азии, может быть, несториане * или манихеи оставили этот облик. Или, вернее, этот облик остался претворенным от времен гораздо более древних. Кали или Гуаньинь * — кто знает сколько им веков? За ними скрывается жена и змий. Древность этого символа уже неисчислима. Не к библейской странице, не к символам Каббалы ведет этот облик. Несуществующие материки уже сложили красоту Матери Мира — этой Materia Lucida [светоносной материи]. Только невежество толкует о незнании древности.

Спрашиваете, как мы обходимся без театров? У нас театр ежедневный, только без подмостков, а в жизни. То китайский театр, с легендами о небывалых народах. То зловещий балет кашмирских купцов-шайтанов. То угрожающий монолог полицейского. То драма разбиваемой волнами лодки. То процессии коней. То тихие вечерние песни. То фуриозо * града и землетрясения. И не нужно вешать ветшающие холсты, не надо марать лиц,

Ашрам (Цейлон). 1931 г.
▲

Кришна. 1946 г.

Джомолунгма. 1931 г.

Канченджанга. Год неизвестен.

Путь. 1936 г.

►

Перевал Чанг-ла в Гималаях. 1932 г.

►

Перевал Джелан-ла (Граница Тибета). 1936 г.

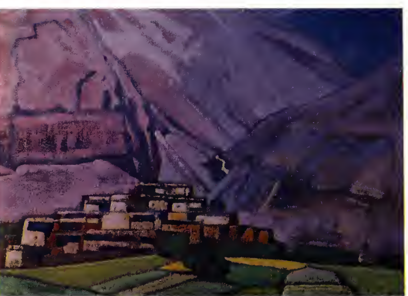
►

Поселок Кардонг в Лахуле. 1932 г.

►

Даби-Нулла (Даби-Куллах). 1931 г.

Брахмапутра. Год неизвестен.

Крепость Чаконг. 1933 г.

►

Тибетский стан в Кейланге. 1932 г.

►

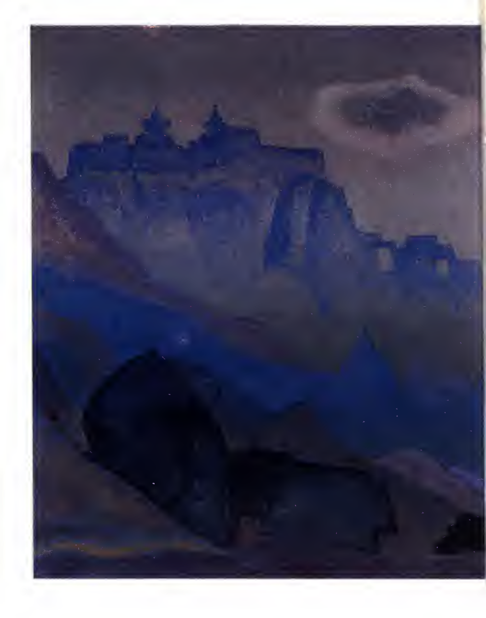
Путь на Тибет. 1925 г.

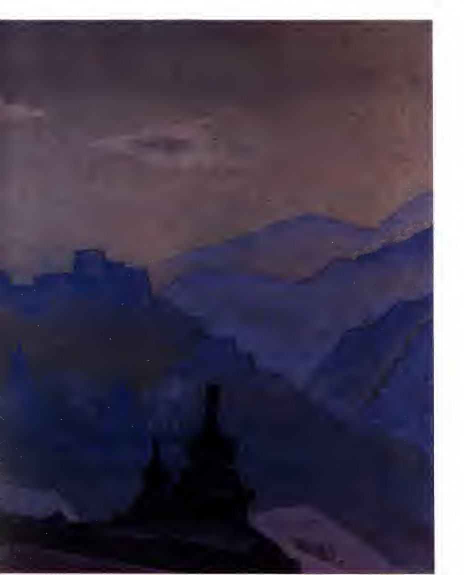

Тибет. 1937 г.

Ладакх. 1937 г.

Гималаи (Граница Тибета).
1946 г.

когда весь мир участвует в мистерии эволюций. Когда обновленные понятия входят в жизнь повелительно в новообразованиях вселенской красоты.

В Монголии поход объявлялся посылкой стрелы князю-нойону. Стрела, прилетевшая к Федору Тирону *, шла с востока.

Юрий едет на коне из Яркенда. Я и китаец — на конях из Хотана. У моего [клеймо] — звезда; у яркендского коня тавро китайское — крест в квадрате.

Глава

4

Ладакх*. Горы

(1925)

66 Индра, Агни и Сурья — воздух, огонь и солнце! Индусская Тримурти — Троица — остается позади. Древняя Сарасвати * Вед — великий Инд — ведет к своим снежным истокам. Если Ганг — приветствие, сидение, сосредоточение, то Инд — движение, неуклонность, стремительность. Как притягательно неуклонны пути движения народов через Гиндукуш и Памир!

Опять караван. Опять легко забываются дни и числа. Качество дня становится значительнее его числа или названия. Подобно египтянам, называвшим года по их качеству: «год битвы» или «год неурожая»,— можно сохранить лишь качество дней. День коня, когда лошади провалились на снеговом мосту. Ночь волка, когда звери пробрались к становищу. Заря орла, когда беркут со свистом налетал на шатер... Закат замка, когда вознесся самый неожиданный замок, приросший к медно-огненной вершине... Вместо тюрбана из-за камня поднялась мохнатая шапка. Путь в страну Будды.

Качества Будды: Шакьямуни — мудрый из рода Шакья. Шакья-сингха — Шакья-лев. Бхагават — благословенный. Саттха — учитель. Джина — победитель.

Говорил Будда * изуверам и ханжам: «Все ваши правила низки и смешны. Иной из вас ходит нагой. Иной не станет есть из кувшина или с блюда. Не сядет за стол между двумя собеседниками или между двумя блюдами. Иной не примет подаяния в том доме, где есть беременная женщина или где встретит собаку. Иной не ест из двух сосудов и на седьмом глотке перестает есть. Иной не садится на скамьи или на циновки. Иной лежит нагой на колючих растениях или на коровьем помете.

Чего ожидаете вы, произвольные труженики, за свои «тяжкие» труды? Ожидаете от мирян подаяния и уважения, и, когда достигнете этой цели, вы крепко пристращаетесь к удобствам временной жизни и не хотите расстаться с ними. Если завидите издали посетителей, как тотчас показываете вид, будто вас застали в глубоком размышлении. Когда вам подают грубую пищу, вы отдаете ее другим, а всякую вкусную еду оставляете у себя. Предаваясь порокам и страстям, вы надеваете личину скромности. Не таково истинное подвижничество».

Шесть лет положил Будда на убеждение Кашьяпы *. Даже возжигал огни чуждых ему алтарей, прежде чем упрямство старых убеждений Кашьяпы было сломлено и Будда мог присоединить к новому учению «старый авторитет». Там, где выдвигается красота, научный подход и просвещенная жизненность, там «старые крепости» особенно прочны. Надо понять все трудности Будды при ломке предрассудков, если один человек потребовал шесть лет на усвоение прекрасной простоты, чтобы потушить огни никому не нужных приношений суеверия.

Прожить восемьдесят лет в постоянном учительстве *, видеть, как на глазах извращалось учение, понимать, как многие государи и священники принимают учение лишь из своекорыстных соображений, предчувствовать уже приготовляемую оболочку новой условности...

Он, сам вместивший понятие ничтожности власти, сказал: «Идите, нищие, несите спасение и благо народам». В одном слове «нищие» заключена вся программа. Пришло время, когда из-за позолоты идола появляется лик Будды, великого общинника, учащего против собственности, против убийства, пьянства, излишеств. Появляется могучий облик, зовущий к переоценке ценностей, к труду и познанию.

Много раз очищали учение Будды, и все-таки оно быстро засыпалось копотью предрассудков. Жизненность превращалась в груду трактатов и метафизическую номенклатуру. Что же изумляться, если и сейчас еще высятся стены монастыря Ламаюры — твердыни верований бон, с их шаманскими вызываниями, зародившимися задолго до рождения Будды.

Но все-таки произошло полезное сознание: привыкли очищать учение. Конечно, не пресловутые соборы в Рад-

жагрихе, Весали и Патне * возвращали учение к первоначальной простоте общины. Но сильные духом отдельные учителя искренно пытались снова явить прекрасный лик учения. Атиша, поражавший условщину, боролся с темным пережитком чародейства бон. Ашвагхоша — основатель всей махаяны Севера, применявший для убедительности и наглядности форму драматических представлений. Смелый Нагарджуна *, почерпнувший на озере Юмцзо * мудрость из бесед с Нагом — «змеиным царем». Тибетский Орфей Миларайпа, окруженный животными и слушавший вещие голоса гор. Поборовший силы природы Падмасамбхава, мощный, хотя и искаженный условностями «красных шапок». Ясный и деятельный Дзонкхапа, так полюбившийся всему Северу, основатель «желтых шапок». И многие другие, одинокие, понимавшие предуказанную эволюцию, счищали пыль условности с заветов Будды. Их труды снова прикрывались затхлым слоем механических ритуалов. Условный ум обывателя, даже признав учение Будды, все-таки пытался одеть его по своему предрассудочному разумению.

Ни у Алары Каламы, ни у Уддаки Рамапутты * Будда не нашел спасительных решений. Преобразователь, стремившийся к жизненности, не мог удовлетвориться перетолкованиями Ригведы. Далеко уходит Будда, в тайники гор. Предание доводит смелого искателя до Алтая. И сказание о Белом Бурхане * сохраняется на Алтае во всей жизненности. Около таинственной Урувелы * Будда приближается к простейшему выражению всех накоплений. И на берегах Наирнагары озаряется решимостью сказать слова об общине, об отречении от личной собственности, о значении труда на общее благо и о смысле познания. Установить научный подход к религии было истинным подвигом. Обличить своекорыстие жрецов и брахманов было высшим бесстрашием. Явить истинные рычаги скрытых сил человеческих было неслыханно трудно. Царю прийти в облике могучего нищего было необыкновенно прекрасно.

В осознании эволюции человечества облик общинника Будды занимает неоспоримое, прекрасное место.

Будда должен был телесно услышать грохот разрушения родного города Капилавасту *. Конфуций * должен был переезжать изгнанником с места на место. И его странственная колесница поставлена в храме вместе с его сочинениями и музыкальными инструментами. Не диво, ибо в основе учения Конфуция лежит та же община.

Вспомним его учение: «Если любовью будут воспламенены сердца смертных, то весь свет будет наподобие одного семейства. Все люди будут представлять в себе одного человека, и все вещи, по причине удивительного взаимного порядка и союза, покажутся одним и тем же существом. Мы должны любить других, как самих себя, следовательно, должны желать им всего того, чего себе желаем». «Лицемерие есть порок ненавистнейший». «Тот, кто прикрывается одною внешностью добродетели, походит на злодея, который днем показывается честным человеком, а ночью занимается похищением имущества ближнего».

«Опасайся тех, которые учиняются скорей хвалителями добродетели, нежели ее последователями. Не обманывайся их учеными рассуждениями, которые хотя бы можно было понимать за выражение души убежденной, но они являются лишь плодом испорченного ума и выдуманными побуждениями сердца. Те, которые говорят с некоторым родом чувствительности о смиренномудрии, о благе общем, не всегда сами бывают в том примерами».

«Воздержание, простота в одеянии, приличество, изучение наук и искусств, отвращение к ласкателям, любовь к низшим, бескорыстие, благоразумие, постоянство, доброта — суть обязанности предписанные».

«Учись наукам и изящным искусствам, пользуйся наставлениями мудрости». «Скупой, будучи сам в беспокойствии, делается для других предметом страшным и отвратительным. Благоразумие да управляет всеми твоими делами».

«Для познания людей, добры ли они или злы, нет лучшего способа, как смотреть на зрачок глаза; ибо зрачок глаза не может скрывать порока, таящегося в сердце».

«Не давай чувствовать высокого твоего положения низшим, не покажи преимущества твоих заслуг равным».

«Нет ничего такого, чего не могло бы достигнуть постоянство. Могу всякий день приносить корзину земли. И если я то [буду] продолжать [делать], то наконец воздвигну гору».

«Человек должен стать сотрудником неба и земли».

«Все существа питают друг друга». «Законы движения светил совершаются единовременно, не нарушая друг друга».

«Действия неба и земли разделяются на бесчисленные потоки, действуя на каждое существо по отдельности; их общее действие совершает великие превращения — вот в чем величие неба и земли».

«Сознание, человечность и мужественность являются тремя мировыми качествами, но, чтобы приложить их,

нужна искренность».

«Человек, не осознавший свое назначение, не может считаться великим человеком».

«Не существует ли панацея для всего сущего? Не есть ли это любовь к человечеству? Не делайте другим того, что не желаете для себя».

«Если человек умеет управлять собою, какую же трудность мог бы он встретить в управлении государством?»

«Мудрец тверд, но не упрям». «Будьте медленны в словах и быстры в действии».

«Мудрый ждет все от самого себя, ничтожество — все от других».

70 «Я люблю блеск добродетели, который не проявляется громкими словами и напыщенными движениями. Шумиха, возвещение — вещи очень второстепенные в преобразовании народов».

«Невежда, гордящийся своим знанием, ничтожный, желающий чрезмерную свободу человек, возвращающийся к древним обычаям, подвержены неминуемым бедствиям».

«Стрелок являет пример для мудреца. Когда он не попадает в середину цели, он ищет причину в себе».

Уча об общем благе, Конфуций должен был всегда под рукою иметь свою колесницу...

Толкует старый китаец о Конфуции. Эти старые мысли сливаются со следами старых китайских путешественников, оставивших столько полезных сведений об Индии и всей Средней Азии...

Не должен быть забыт Ориген *, знавший значение древних мистерий и понимающий истинный смысл учения Иисуса. Ориген еще мог сказать словами «деяний»: «Все же верующие были все вместе и имели все общее *, продавали имения и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца».

Ориген знал, почему это общее благо важно, и глубоко заглядывал в истину. За это церковь, иногда очень щедрая на звания святых, лишила его этого титула. Но даже враги не отказали назвать Оригена учителем. Ибо он подходил к учению научно и не боялся говорить об очевидном...

Как мыслят народы Азии? Алтайцы помнят о Белом Бурхане. Даже пострадали за ожидание его лет двадцать тому назад. Они обращаются к Белому Бурхану на вершине Херема [крепости]:

Вы, сущие за белыми облаками,
За синими небесами —
Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы,—
Белый Бурхан!
Ты, дух Алтая,—
Белый Бурхан!
Ты, поселивший в себе, в золоте и серебре,
Народ, Белый Алтай!
Ты, который светишь днем —
Солнце-Бурхан!
Ты, который светишь ночью —
Месяц-Бурхан!
Да напишется мой зов
В книге Садур *.

Белый Бурхан требует сжечь идолов и обещает плодородие общей земли и пастбищ. И вот общее благо дойдет и до алтайских становищ. Так претворяют давнее предание о приходе Будды на Алтай.

Как мыслят народы Азии? Буряты поют:

Скажешь: солнце, стой ты!
Что же значит его захождение?
Скажешь: век, постой ты!
Что же значит, что он стареет?

Скажешь: луна, стой ты!
Что же значит ее захождение?
Скажешь: век, постой ты!
Что же значит, что он стареет?

Скажешь: снег, останься ты!
Что же значит его таяние?
Скажешь: старцы, останьтесь вы!
Что же значит их отправление?

Скажешь: облако, стой ты!
Что же значит, что оно скрывается?
Скажешь: старцы, стойте вы!
Что же значит их отшествие?

Монголы поют:

Тот, кто не имеет вещей, которые он собирал бы корыстолюбиво,
Не имеет вещей, с которыми не хватит у него сил расстаться.
Кто твердо мыслит —
Обладает прочным и прекрасным наслаждением.

Да, Азия мыслит твердо. И под чалмою, и под феской, и под тюбетейкой — находчивый ум и уменье богато применяемое.

Древние китайцы сохранили прекрасный гимн матери Солнца, называя ее владычицей Востока.

Глава
5
Ламаюра — Лех — Хеми

(1925)

72 В древних китайских сторожевых башнях были находимы среди манускриптов словари и биографии знаменитых женщин. На далеких границах были такие устремления.

Когда уже знаете красоты Азии, уже знаете всю насыщенность красок ее, и все-таки они опять поражают, опять возносят чувства. И самое недосягаемое становится возможным.

Мухи, москиты, блохи, уховертки. Всякие дары Кашмира. Уход наш был не без крови. В Тангмарге * банда провокаторов напала на наш караван и начала железными палками избивать наших людей. Семерых повредили. Пришлось с револьверами и маузерами оберегать порядок. За выход из Кашмира можно и заплатить. Заплатили и вышли. В Хунде конюхи накормили коней ядовитой травою — кони начали дрожать и легли. Всю ночь их выхаживали. Особенно пострадали мой Мастан и Сабза Юрия. Погонщики развели костры вокруг ящика с патронами. В палатку под постель Юрия заползла дикая кошка. Много мух, москитов, блох, уховерток и «шайтанов» в Кашмире.

Пришел Саттар Хан (караванщик), привел пять оборванцев: «Это особая стража от деревни. Поблизости ходят африди * (из Афгана [Афганистана]). Могут грабить». Оборванцы спали около палаток. Никто грабить не пришел.

Мокрый, ненастный Балтал *. Не успели раскинуть мокрые палатки, как является новая провокация. Приходит полицейский с рапортом о том, что наши люди только что уничтожили санитарный пост и тяжко оскор-

били врача. По счастью, сторож почтовой станции не подтвердил эту злую выдумку. Повторяем нашим людям: не отвечать ни на какие оскорбления. Караванщики заставили лишний день простоять в Балтале из-за боязни обвалов на Соджи. Толковали, ходили на гору и с трудом решились тронуться. Никаких обвалов не было, хотя, как всегда на горных карнизах, могли быть отдельные падающие камни. На перевале, как всегда, ледяной ветер. Шуба делается легче газа.

Балтистанец заболел животом. По неосторожности ему дали коньяку. Немедленно «заболели» еще трое, а когда им дали очистительного, они стали требовать того же лекарства, как и первому.

Около Драса * в поле работали замечательно красивые женщины. Арабский тип. Одеты в черные рубахи. На головах черная повязка. Думали, что это дарды *, но, говорят, это африди, пришедшие на летние пастбища из Афгана. Те самые, которых боятся.

Рассказы, как уничтожаются караваны: один тибетский караван был захвачен сининским амбанем. Другой был уничтожен полностью монгольским Джаламой *, который, начав национальным деятелем, кончил феодальным бандитом. Его хошуны * до сих пор грабят в Цайдаме *.

Рассказы о высоких процентах, взимаемых китайцами. Чиновники и офицеры — все дают деньги в рост, беря до 20 процентов месячных. Ужасно.

Идут встречные караваны. Всякие народы — дарды, балтистанцы, ладакхцы, астарцы, яркендцы *. Языки совершенно различны. Точно переселение народов.

Древние готы не сравнивали ли Тироль с Кашмиром? Или с Рейном? Ажурна, непрочна красота Кашмира. Трудно представить себя в мощной Азии. Дальше, дальше, туда, к скалам и янтарным пескам.

Показалась береза — белая сестра. Встречный старик говорит об обвале на Соджи. Будто идти нельзя. Пошлем шикари * разведать. Из-за оползней просидели день в Балтале. Много ядовитых трав в Балтале, и все эти травы принимают благонамеренный вид. Опасно для коней. На Соджи выпал снег — очень рано для половины августа.

После Соджи все изменилось. Позади остался Кашмир со всеми его ядовитыми травами, холерой и насекомыми. Пройдя ледяные мосты над гремящею рекою, пришли как бы в иную страну. И народ честнее, и ручьи здоровые, и травы целебные, и камни многоцветные. И в самом воздухе бодрость. Утром — крепкие заморозки. В полдень — ясный сухой жар. Скалы пурпурные и зеленоватые. Травы золотятся, как богатые ковры. И недра гор, и приречный ил, и целебные ароматные злаки. Все готово принести дары. Здесь возможны большие решения.

После Драса встретили первую буддийскую весть. Около дороги две каменные стелы, изображающие Майтрейю. Около них — камень с изображением всадника. Не на белом ли коне этот всадник? Не вестник ли нового мира? Значительно, что первым буддийским знаменем является именно облик Майтрейи.

В Маульбеке * побывали в настоящем тибетском доме старого уклада. Взошли по приставной лестнице, как по подъемному мосту. Домашняя моленная. Запах курений. Степенная вдова — хозяйка. С балконов прекрасный вид, со всеми горами и фантастикой песчаных изваяний *. Тихие горницы. На полу, около двери, девушка выжимает растительное масло для лампад. За спиной у нее шкура яка. На голове тяжелый убор из бирюзы.

В Драсе лишь первый знак Майтрейи. Но в древнем Маульбеке гигантское изображение Грядущего стоит властно при пути. Каждый путник должен пройти мимо этой скалы. Две руки к небу, как зов дальних миров. Две руки вниз, как благословение земле. Знают — Майтрейя идет. Не об этом ли гигантском изображении писал Фа Сянь * в своих дневниках? Похоже!

Монастырь Маульбек с двумя храмами и бесчисленными развалинами венчает скалы необычно героическим аккордом. Как драгоценный бронзовый слиток! И спит страна забытого геройства. Забыта легенда Геродота о муравьях, приносящих золото с берегов Инда. Но кто-то помнит об этом золоте. И Гесер-хан * в срок обещает открыть золотые поля людям, которые сумеют достойно встретить грядущее время Майтрейи. Век общего блага, век мировой общины, завещанный самим Буддою.

Ладакхские погонщики-буддисты перед каждой едой моют руки, голову и полощут рот. И поют звонко и ра-

достно. И мой черный конюх начинает пляс по дороге. Идем весело. Замечаем краски и профили скал.

Те, кто строил Ламаюру * и Маульбек, знали, что такое истинная красота и бесстрашие. Перед таким размахом, перед такой декоративностью тускнеют итальянские города. И эти торжественные ряды ступ, как радостные светильники на турмалиновых песках. Где вы найдете такую декорацию, как замок «Тигровая вышка», или бесчисленные развалины замков около тибетской Карну, увенчавшие все утесы? Где же страна, равная этим забытым местам? Будем справедливы и преклонимся перед истинной красотою.

Поразительно! В Ламаюре, в этой твердыне не только красной секты и даже бон, в ряду прочих изображений стоит большое изображение Майтрейи. Поставлено около 200 лет назад. Даже сюда проникло это знание. Только Майтрейя прочно связывает махаяну с хинаяной. В этом почитании соединились желтая и красная секты. Есть величие в этом почитании будущего.

Встречные караваны приветствуют друг друга. Всегда спросят: «Откуда?» Никогда не спросят: «Кто вы?» Личность уже тонет в движении. Над караваном несутся возгласы: «шабаш», т. е. «хороший конец [пути]», или «каварда», т. е. «опасность, внимание». И правда, по крутым откосам желто-гремящего Инда всегда могут быть жестокие потоки щебня, могущие срезать коня в кипень потока.

Саспул * — открытое, веселое место. Кругом много монастырей. При самой дороге — маленький монастырь, а в нем — гигантское изображение сидящего Майтрейи. По бокам тоже гиганты — Манджушри и Авалокитешвара *. В переднем храме древняя каменная стела с теми же изображениями (век X или ранее). Лама при храме сознательно говорит о Майтрейе. Храм этот мало отмечен описаниями.

Майтрейя стоит, как символ будущего. Но видели и знаки прошлого. На скалах — изображения оленей, круторогих горных козлов и коней.

Где мы видели такие же изображения? На камнях Северной Америки, на сибирских скалах. Та же техника, та же стилизация и то же уважение к животным. Людских изображений мало. Видели лишь одного стрелка из

лука и какую-то вереницу людей, может быть ритуальную. Через эти изображения Америка и Азия протягивают руку друг другу. На стене полугрота, где мы остановились на отдых, рука неведомых путников также оставила изображение животных.

Басго — старинный монастырь на острых скалах. Такую причудливую линию без всякой мелочности редко встретишь.

В деревнях ладакхских не пахнет гадко. Наоборот, часто слышны запахи курения, дикая мята, шалфей, яблоки и абрикосы.

Прошли Калацзе. Там на мосту была прибита рука «разбойника» Сукамира, пытавшегося завоевать Ладакх для Кашмира. Кошка съела кровожадную руку, и пришлось позаимствовать руку у умершего ламы, чтобы символ не пострадал. В Калацзе уже миссионеры.

Станы от Сринагара до Леха: Гандербал, Канган, Хунд, Сонамарг, Балтал (Соджи), Матайян, Драс, Карбу, Каргил, Маульбек, Тибетское Карну, Ламаюра, Нурла, Саспул (Басгу), Ниму. Последний можно сократить, если ночлег в Лехе заготовлен.

Пшеница не боится 12 000 футов высоты, а ячмень — освоился с 15 000. Лошадей вместо овса кормят ячменем. Какой-то ветеринар доказывал, что ячмень очень вреден коням, но весь Тибет на деле доказал обратное.

За время [первой мировой] войны и [Октябрьской] революции усилилась торговля [Китайский] Туркестан — Индия. В Лехе назначен особый торговый агент, бывший политический инспектор Гилгита.

Ягнятники бородатые, орланы и пустельги коричневым золотом висят на сапфирах и турмалинах гор.

На Новый год тибетцы приносят Будде свежепроцветшую зелень. Ведь на тибетский Новый год, в начале февраля, в Лхасе уже готовятся к полевым работам. Что же лучше и свежее и устремленнее поднести Будде, нежели свежую рассаду? Эту первую весть проснувшейся жизни.

Или брать так, как есть, в полной действительности, или предаться личному суеверию. Конечно, драгоценна

действительность. Но тогда нужно взять истинные жизненные факты. Эти факты принесут и трогательную зелень Будде. Принесут и мечты о единении народов. Принесут построение новых союзов. А другие факты покажут, как мелочно благополучие бухгалтера и как лицемерны поцелуи Лиги наций. А проверить эти факты можно лишь в пустыне, вне пределов досягаемости. Вне сферы влияния, где нет ни клеветников, ни лжецов. Где думается все заново, где решения не зависят ни от каких изжитых постановлений.

Смотрим на неисчерпаемо богатые формы скал. Замечаем, где и как рождались образцы изображений символов. Природа безвыходно диктовала эпос и все его богатые атрибуты. Нужно показáть, как вливаются формы изображений в горную обстановку. Именно эти формы, нарочитые на Западе, здесь начинают жить и делаются убедительными. То вы ждете появления Гуаньинь, то готова разрушительная стихия для Лхамо *, то лик Махакала * может выдвинуться из массива утеса. И сколько очарованных каменных витязей ожидают освобождения. Сколько заповедных шлемов и мечей притаилось в ущельях. Это не неправдоподобный Дюрандаль * из Рокамадуры, это подлинная трагедия и подвиг жизни. И Бругума * Гесер-хана сродни Брунхильде Зигфрида. Изворотливый Локи * бежит по огненным скалам. А под огромным баньяновым деревом сидит в оранжевом плаще саньясин *, тот самый и так же точно, как во времена Готамы Будды.

По горам звучит «Ковка меча», и «Клич валькирий», и «Заклятие огня», и «Рычание Фафнира» *. Помню, как-то Стравинский собрался уничтожить Вагнера. Нет, Игорь, этот героический реализм, эти созвучия подвига не уничтожить. И музыка Вагнера тоже настоящая, и в горах она звучит необычайно. Ректаймы, фокстроты Вагнера не поглотят. На утесах Тироля и на пизанской вилле Вагнер исполнился настоящего энтузиазма, и его [размах] годится для высот Азии. А человечество все-таки живет красотою.

Необыкновенный огонь в местечке Ниму *. Я был разбужен криком Е[лены] И[вановны]: «Огонь, огонь!» Просыпаюсь, вижу силуэт Е. И. на фоне колеблющегося синеватого пламени. Постепенно огонь прекратился. Оказывается, когда Е. И. подошла к постели и прикоснулась

к одеялу, вспыхнуло синеватое пламя — теплое, без запаха. Е. И. пробовала тушить руками, но пламя разгоралось все сильней, и тогда она крикнула мне. Огонь прекратился так же, как и начался, без малейшего следа на вещах. Незабываемо это перебегающее пламя, неопаляющее и яркое. Палатка была вся освещена. Как всегда при феноменах, лишь после мы могли обсудить необычайные подробности этого огня.

Доктор Франке * приводит рассказ его тибетского спутника в верховьях Инда при виде некоторых высот: «За ними лежит Баюль *, страна высоких существ. Только высокоразвитые люди могут нечто узнать о жизни в этом Баюле. Но если простой человек приближается к снеговым границам, он иногда слышит только непонятные ему голоса»...

Вспоминаем прекрасную книжечку Клода Брэгдона * «Эпизоды из незаписанной истории». Могли бы доставить ему еще несколько эпизодов. Всегда приятно встретиться с Брэгдоном. Все, что он делает, так искренно и так тонко.

Обратите внимание на сочетание Гуаньинь. Арья-Бало — Авалокитешвара. Гесер настаивает на постройке храма Арья-Бало.

Имя Гесера дошло до Волги (Астрахань).

Гесера объединяют с Ассуром *.

Храм Гесер-хана был выстроен на месте явления Авалокитешвары.

Ордосцы ставят перед домом знамена пятицветные — в цвета радуги, ожидая приход великого существа «Тенгирас Очиртая» *.

Настоятель монастыря Утайшаня в книге «Красный путь в Шамбалу» описывает многие подробности пути в это заповеданное место. В конце характерна подробность, что путник видел на самой границе охраненного места караван монголов с солью, причем они не подозревали близости жилья.

Бурятский лама сообщает, что когда он шел в Шамбалу, то его вели подземным ходом. Ход иногда так сужался, что с трудом могли протолкнуть племенного барана, которого вели в заповеданное место.

Монгольские ламы указывают несколько «охраненных» мест в пределах Хангая и Гоби *. Туда приходили спешные посланцы из Гималаев.

Около Калацзе указывают многие места, посвященные имени Гесер-хана: 1. Гаруда Гесер-хана. 2. Седло Гесера. 3. Бубен Бругумы — жены Гесера. 4. Прялка Бругумы. 5. Замок Гесер-хана — высокая скала, белое пятно является знаком двери.

У Сумура на скале — изображение увенчанного льва. Этот лев — на тибетских военных знаменах.

Монголы говорят о скором приходе «Меру».

Весною в Ладакхе бывает праздник Гесера с пеньем и стрельбою из лука. Из названий песен сплетается целый венок Гесера *. (Запомним названия: «Гесер-победитель», «Гесер и клад великанов», «Мудрость Бругумы», «Отец и мать всемогущие», «Возвращение Гесера и Бругумы», «Голоса неба», «Заклятие стрелы», «Четыре победы Гесера», «Молитва Гесера на вершине Шрар», «Гесер — владыка молнии», «Победная песнь Гесера», «Хвала Гесеру».)

Одни названия являют путь народного сознания, народного достоинства и мечту о герое свободы.

И ладакхцы и монголы ждут борцов и строителей жизни. Наделяют их не только львиным мужеством, но и змеиною хитростью и неутомимостью оленя. Как чудесно наблюдать рост сознания и чеканку его в героических символах.

Изображения на скалах можно отнести к трем периодам: неолиту, древней веры бон-по и суеверий более позднего времени. В самой технике изображений можно отличить твердую, сочную стилизацию древности и более сухую, резкую линию поздних рисунков.

Имя Ориона часто связывается с повествованиями о Гесер-хане. На Алтае гору Белуху называют Уч-Сюре *. Уч-Орион *. Сюре — жилище богов, соответствует монгольской Сумер и индийской Сумеру. На гору Уч-Сюре восходят по белому хадаку. Небесная птица на горе Уч-Сюре победила дракона. Цаган-убугун — «белый старик» — всегда близок Большой Медведице.

Говорят в караванах, что монгольские солдаты-цирики носят особые знамена и поют сложенный ими гимн о наступлении времени Шамбалы. Из края в край, из уст в уста.

Не хочется давать здешним изображениям этнографический или географический характер. Пусть они идут как символы «святыни и твердыни». Пусть своим общим тоном героизма и подвига они скажут об этом крае.

Сильный монастырь Спитуг. Первый — из учения Дзонкхапы. Не развалины, но живая и работающая община. Настоятель монастыря и его сотрудники знающи и поражающе понятливы. Вы еще не кончили мысль, а они уже готовы продолжить ее правильно. В Спитуге изображение Майтрейи и знание пророчеств. В отделении Спитуга в Леха, в особом помещении стоит большое изображение Дуккар — Матери Мира с бесчисленными глазами всеведения и со стрелою справедливости. По правую ее руку — Майтрейя Грядущий. По левую руку — многорукое изображение Авалокитешвары, этого коллектива братства великой общины. Запомните такое сочетание этих трех символов. Это сочетание не было отмечено и объяснено.

Хороша стенопись в обоих Спитугах — крепкие тона и чутье пропорций. Обещали достать нам того же художника, который писал эти звучные стены.

К нашей стоянке подъехал миссионер из Яркенда. Только что на яках перешел Кардонг. Утерял дни и числа. Часы у него остановились. Повторял: «Потрясающий, трудный путь». Говорил, что особенно труден Кардонг и Сасир *. Каракорум хотя и выше, но легче. Хвалил народ Китайского Туркестана. Сообщил, что амбань уже ждет нас и считает своими гостями.

Прекрасно расположен монастырь Шех в семи милях от Леха. Огромная, в два этажа фигура Будды. Лучшая стенопись из всего виденного.

В Трикше тоже большие изображения Будды, Майтрейи и Манджушри. Живопись несколько проще. Хороших лам не видели. Один монгольский старый лама, но, видимо, не вполне нормален, судя по страшному смеху.

Нужно видеть и обратную сторону буддизма — поезжайте в Хеми *. Подъезжая, уже чуете атмосферу мрач-

ности и подавленности. Ступы с какими-то страшными ликами — рожами. Темные знамена. Черные вороны. Черные псы гложут кости. И ущелье тесно смыкается. Конечно, и храмы, и дома — все скучено. И в темных углах навалены предметы служения, точно награбленная добыча. Ламы полуграмотны. Наш охотник (проводник) смеется: «Хеми — имя большое, а монастырь маленький». Конечно, маленький не размерами, но внутренним содержанием. Вот оно — суеверие и корысть! Лучшее было, что на близкие острые скалы утром выходили олени и долго стояли, поводя головой навстречу солнцу.

Монастырь старый. Основан большим ламою, оставившим книгу о Шамбале. И лежат эти манускрипты под спудом, может быть, кормят собою мышей.

О манускриптах об Иисусе * сперва полное отрицание. Конечно, отрицание прежде всего идет из миссионерских кругов. Потом понемногу ползут отрывочные боязливые сведения, очень трудно добываемые. Наконец, выясняется, что о манускриптах слыхали и знают старые люди в Ладакхе.

Такие документы, как манускрипты о Христе и книга о Шамбале, лежат в самом «темном» месте. И фигура ламы — составителя книги о Шамбале стоит, как идол, в каком-то фантастическом уборе. И сколько еще других реликвий погибает по пыльным углам. И тантрикам-ламам нет до них дела. Надо было видеть и обратную сторону буддизма.

И как легко убрать эту грязь и пыль изуверства. Как легко привести в порядок звучную стенопись. Как легко очистить тонко сделанные статуи. Нетрудно вернуть организациям монастырей смысл трудящихся общин, по завету великого Льва (Сингха) Будды.

«Я — Ладакхский король»,— пришел худощавый, стройный человек в тибетском костюме. Это бывший король Ладакха, завоеванного кашмирцами. Тонкое, интеллигентное лицо. Сейчас имеет очень ограниченные средства. И вот мы сидим за чаем, говорим о том, как нам нравится его страна и как мы полюбили его народ, отмеченный спокойностью и честностью. Говорим об учении. Гость тонко замечает о том, что желтая и красная секты во многих отношениях теперь почти одно и то же. Говорим о старинных вещах, о тонкости работы. Король при-

глашает осмотреть его дворец, высоко поднявшийся на скале над Лехом.

Ходим по крутым обсыпающимся лестницам. Минуем темные переходы. Застываем от радости на террасах и балконах, где раскинулся вид на все горы и песчаные взгорья. Сгибаемся в низких дверках, ведущих в домашний храм. Храм посвящен Дуккар — светлой Матери Мира. В середине — ее изображение. По правую руку — Будда.

Хотя король сейчас живет в Стоге в летнем помещении, но перед изображениями стоят свежие цветы. По стенам висит много очень тонких колоритных тханок *. Общий

уровень живописи здесь выше, чем в Сиккиме. Большое влияние Ташилумпо.

Около дворца в отдельном храме помещается гигантское изображение Майтрейи. Стенопись там очень величественна. Часто стенопись Италии или русских церквей бывала или мелка или обща по пятнам; но здесь бросилось в глаза необычное сочетание широты понимания общих пятен с богатыми деталями. Изображение Майтрейи — в двух этажах. До пояса — в нижнем. Лик — в верхнем. Может быть, это разделение статуи сделано позднейшими соображениями, но идейно оно очень знаменательно. Приходящему человеку как бы не охватить сразу все величие символа. Надо подняться в следующий этаж, чтобы достичь лика — как бы высшего мира. Нижний этаж тонет в сумраке, а вверху через узкие окна (без стекол) вливаются лучи яркого, всепроникающего солнца. Опять около вас многообразие ступ, сверкающий песок и причудливые переходы ворот.

Приходит монгольский лама и с ним новая волна вестей. В Лхасе ждут наш приезд. В монастырях толкуют о пророчествах. Отличный лама уже побывал от Урги до Цейлона...

Толкуем с ламой про бывшее. Научно-метафизически объясняет лама наш случай, бывший около Дарджилинга. Надо записать его. Ехали в моторе около монастыря Хум. Навстречу показался в портшезе, несомом четырьмя слугами в белых одеяниях, лама в чудесном, прекрасном облачении с короной на голове. Светлое, приветливое лицо с небольшой черной бородой. Мотор должен был задержаться, и лама улыбался и радостно кивал нам головою. Мы думали, что это важный настоятель большого монастыря. После узнали, что в портшезе лам не носят. Корону в пути ламы не надевают. И в таких пре-

красных одеяниях ламы в Сиккиме вообще не появляются. Никто о таком ламе не слыхал, и подобного лица мы нигде не нашли. Шофер задержал машину, объезжая ламу, что позволило четко заметить лицо его.

Последнее бегство таши-ламы носило героический характер. Триста вооруженных лам сопровождали идейного беглеца. Каждый из них и сам таши-лама вел в поводу запасную лошадь, ибо бегство было спешным и отовсюду грозила погоня. Вовремя получилась весть о пятистах лхасских всадниках, спешивших перерезать путь из Лхасы на перевал Нагчу. Успели свернуть в сторону и пробраться ущельем. Поднялась снежная буря, и погоня была отрезана.

Так, в полном вооружении, среди непрестанной скачки, совершился исторический выезд — исполнение древних пророчеств, таких значительных для будущего. По свидетельству очевидца — монаха-живописца, гелонга * Чампа Таши, таши-лама взял с собою из Ташилумпо только картины Шамбалы. Из них две он дал по пути известным хутухтам *. И в Ладакхе, и здесь был Ринпоче из Чумби, который говорил, что теперь единственный кратчайший путь — через Шамбалу. Во многих монастырях воздвигаются и возобновляются изображения Майтрейи...

Приходит вечером [лама] и шепчет о новой рукописи о Шамбале. Просим его принести ее.

Нужно побывать здесь, чтобы понять происходящее. Нужно заглянуть в глаза этих приходящих, чтобы понять, как насущно для них значение Шамбалы. И сроки событий для них не любопытная странность, но связаны с построением будущего. Если даже иногда эти построения запылены и извращены, но сущность их свежа и движет умы. Следя за развитием мысли, вы познаете мечты и надежды. Из этих фрагментов сложился реальный отъезд таши-ламы, многозначительный, полный возможностей. Новая пряжа мира.

За три года до отъезда таши-лама указал расписать стены его внутренних помещений. В этой росписи в ясных символах изображены странствования таши-ламы в некоторых странах.

По всему Ладакху рассеяны камни с изображением креста, вероятно, друидическим или несторианским. Эта

древнейшая и теперь заброшенная страна хранит знаки друидов и всевозможные позднейшие символы.

Недалеко от места Будды имеются древнейшие могилы. Их называют древнедардскими могилами. Время их, конечно, значительно старее тысячелетия.

В один день три сведения о рукописи об Иисусе. Индиец говорит: «Я слыхал от одного из ладакхских официальных лиц со слов бывшего настоятеля монастыря Хеми, что в Лехе было дерево и маленький пруд, около которого Иисус учил». (Какая-то новая версия о дереве и пруде, ранее не слышанная.)

Миссионер говорит: «Нелепая выдумка, сочиненная поляком, сидевшим в Хеми несколько месяцев». (Спрашивается, зачем сочиненная? Почему совпадает с другими версиями и доводами?)

Еще один говорит: «Этот манускрипт, не есть ли это несторианское предание? Среди них были очень древние и подлинные. Но миссионеры об этом ничего не знают».

Так обсуждается манускрипт. Так медленно выплывают сведения. Главное же — необычайная глубина текста и прекрасное отношение к нему со стороны лам по всему Востоку!

Хороший и чуткий индиец значительно говорит о манускрипте, жизни Иссы *: «Почему всегда направляют Иссу на время (его) отсутствия из Палестины в Египет? Его молодые годы, конечно, прошли в изучении. Следы [буддийского] учения, конечно, сказались на последующих проповедях. К каким же истокам ведут эти проповеди? Что в них египетского? И неужели не видны следы буддизма, Индии? Не понятно, почему так яростно отрицается хождение Иссы караванным путем в Индию и в область, занимаемую ныне Тибетом».

Учения Индии славились далеко; вспомним хотя бы жизнеописание Аполлония Тианского и его посещения индийских мудрецов...

Лама каждый день удивляет и радует. Столько он видел, столько он знает и так определенно разбирается в людях. Только что принес сведение, что одно, очень близкое нам имя упоминается в старых пророчествах. Нет в ламе ни чуточки ханжества, и для защиты основ он готов и оружие взять.

Шепнет: «Не говорите этому человеку: все разболтает», или: «А теперь я лучше уйду». И ничего личного

не чувствуется за его побуждениями. И как легок он на передвижение.

Лех — место замечательное. Здесь предание соединило пути Будды и Христа *. Будда шел через Лех на север. Исса беседовал здесь с народом по пути из Тибета. Тайно и тщательно хранимые предания. Трудно нащупать их, ибо ламы умеют молчать лучше всех людей. Только найдя общий язык — не только физический, но и внутреннее понимание,— можно приблизиться к их многозначительным тайнам. Как пришлось убедиться, каждый образованный гелонг (монах) знает очень много. Даже по глазам не догадаетесь, когда он согласен с вами или внутренне смеется, зная более, чем вы. Сколько у этих молчальников есть рассказов о проезжих «ученых», попадавших в самые смешные положения. И сколько ошибок незнания вынесла печатная бумага Европы. Пришла пора просветления Азии.

Прекрасные голоса у ладакхцев. [Их] наряды странно напоминают русско-византийские уборы. Часто вместо шкуры за плечами — расшитая узорами матерчатая накидка, дающая впечатление древнего корзна (византийская накидка-мантия). Высокие расшитые шапки, точно боярские. За поясом — металлическое хранилище для пера и пара свирелей, наполняющих вечернее время зовущими мелодиями. Во время полевых работ на головах венки из ячменя и цветов. И песни — такие звонкие, радостные, как природа Ладакха.

Опять приехал король Ладакха. В результате поживем в его замке. С этого места..., с террас высоких, надо написать серию всего, что видно оттуда. На высоких, очищенных ветрами местах были следы великого общения. Конечно, места изменились: разрушение и созидание сменяли друг друга. Завоеватели наносили новые нагромождения, но основной силуэт остался невредимым. Горное обрамление, так же как и прежде, венчает землю. Те же сверкающие звезды и волны песков, как застывшее море. И оглушающий, отрывающий от земли ветер...

Вот и место Будды. Оно изглажено временем. Предание говорит об «очень большом и древнем строении», но теперь устои утесов и щебень напоминают лишь о разрушении. Старые тесаные камни пошли на постройку позднейших ступ, которые в свою очередь успели рассыпаться. Одно лишь обстоятельство несомненно — вы стоите на месте

древнего строения. Невдалеке старинная деревня и остроконечная груда развалин — остатки древнего укрепления, слившегося, как монолит.

Дни заняты нашим водворением в Ладакхском дворце. Приходят толпы народа, послы из Лхасы, тибетские торговцы, старшина-аксакал, тахсильдар (кашмирский уездный начальник) и опять — король Ладакха.

Пришел сам старый король-лама. Несмотря на бедность, он привел с собой до десяти провожатых — лам и родственников. В беседе выяснилось, что семья короля знает рукописи об Иссе. Они же сказали, что многие мусульмане хотели бы завладеть этим документом. Затем беседовали о пророчествах, связанных с Шамбалою, о сроках, о многом, что напоминает действительность красотою. Уходит король-лама, и толпа в белых кафтанах почтительно склоняется перед ним. Просто и красиво.

Так же просто вчера на улице женщина, возвращаясь от жнивья, подошла и протянула руку в рукопожатии привета. Теперь они жнут золотой ячмень. Вереницы людей с венками цветов на головах несут за спиною связки золотых колосьев и поют звонко и радостно, поют золотыми полноголосными гирляндами.

Живем в Ладакхском дворце. Развалины исполинских замков бледнеют перед этим живописным нагромождением, вознесшимся среди чаши разноцветных гор. Где мы встречали такие высокие террасы крыш? Где мы ходили по таким разрушенным закоулкам? Это было на картине «Мехески — лунный народ» *. Да, это те самые башни. Только здесь живут не мехески, а потомки Гесер-хана. Короли Ладакха ведут свое происхождение от героического Гесер-хана.

Как прекрасно, что Юрий знает все нужные тибетские наречия! Только без переводчика люди здесь будут говорить о серьезных вещах. Сейчас нужно брать в полном знании, в ясном, реальном подходе. Любопытство неуместно. Только настойчивая любознательность!

Восьмого сентября письма из Америки. Многие вести нас уже не застанут. Письма шли шесть недель — удачно попали на пароход.

В комнате, избранной как столовая, на стенах писаны вазы с разноцветными растениями. В спальне, по стенам, —

все символы чинтамани, камня сокровища мира. И черные от времени резные колонны держат потемневший потолок на больших берендеевских балясинах. Низкие дверки на высоких порогах. И узкие окна без стекол. И вихрь предвечерний довольно гуляет по переходам. Пол покрыт яркендскими цветными кошмами. На нижней террасе лает черный пес Тумбал и белый Амдонг, наши новые спутники. Ночью свистит ветер и качаются старые стены.

Пишу в верхней палате, имеющей выход на все крыши. Двери с широкими резными наличниками. Колонны с тяжелыми расписными капителями. Приступочки, ступеньки и патинированный временем темный потолок. Где же я уже видел эту палату? Где же уже играли те же пестрые краски? Конечно, в «Снегурочке» — в чикагской постановке *. Входят мои и говорят: «Вот уж подлинный Берендей в своей собственной палате».

Кончилась «Берендеевка» раньше, чем думали. Осень не ждет. Надо пройти Каракорум до осеннего северо-восточного ветра. Путь на Шайок хорош, но длиннее на неделю. Кроме того, жители разобрали мосты на топливо, а вода в человеческий рост. Остается путь через Кардонг и Сасир перевалами. Много разных повелительных соображений заставляет ускорить срок пути. При большом караване делаешься подневольным.

И с конями, и с мулами, и с яками, и с баранами, и со псами мы идем по старому пути, но со знаками новых возможностей пойдем в горы. А там — вниз, к пустыням. Неужели сойти с гор? Но стихия песков тоже зовуща, а пустынные ночи и восходы тоже сверкающи. И в этом сверкании красоты — весь смысл и надежда.

Каракорум — «черный трон». За ним Китай — опять старая вотчина Будды.

На красном коне, с красным знаменем неудержно несется защищенный доспехами красный всадник * и трубит в священную раковину. От него несутся брызги алого пламени, и впереди летят красные птицы. За ним горы Белухи; снега, и Белая Тара шлет благословение. Над ним ликует собрание великих лам. Под ним — охранители и стада домашних животных как символы места.

Эта замечательная старинная тибетская картина принесена нам в последний день жизни в Ладакхе.

Кончают грузить яков. Сейчас идем! День сверкающий.

Глава

6

Лех — Каракорум — Хотан

(1925)

88 **18 сентября.** Наконец можно окончательно оставить всю кашмирскую ложь и грязь. Можно забыть полуразрушенный Сринагар. Можно забыть, как [чиновники] играют в поло и гольф, когда население гибнет в заразах и полном отупении. Можно отвернуться от Кашмира. Можно забыть нападение вооруженных [провокаторами] бандитов на наш караван. Пришлось шесть часов пробыть с поднятыми револьверами. А в довершение всего — [отправленная] от нашего имени телеграмма, что мы ошиблись и нападения не было. Кто же тогда ранил семь наших людей? Можно пожать плечами на [такую наглость и] невежественность. Даже Моравская миссия в Лехе не отстала [в этом] и уведомила нас о согласии сдать нам один из их домов, если я дам подписку, что не будем заниматься «пропагандой религиозной, полурелигиозной и т. д.». При этом никто не мог пояснить, что значит таинственная «полу... и т. д.». Кто же даст подписку в том, что не нарушит никому не понятных пределов «полу... и т. д.». Обошлись и без помещений миссии — во дворце ладакхского короля. Только в горах чувствуете себя безопасными. Только в пустынных переходах не достигает невежественность.

19 сентября. Решительные сообщения приходят в последний час. Так мы узнали о подлинности преданий об Иссе: в Хеми лежит старый тибетский перевод с манускрипта, написанного на пали и находящегося в известном монастыре недалеко от Лхасы. Наконец узнали преемственность очевидцев...

Есть особый смысл в том, чтобы рукопись сохранялась в Хеми. Есть особое значение в том, что ламы так тщательно скрывают ее. Этой рукописи уместно лежать около Леха, где была проповедь Иссы об общине мира еще до проповеди в Палестине. Важно лишь знать содержание этого

документа. Ведь рассказанная в нем проповедь об общине, о значении женщины, все указания на буддизм так поразительно современны. Понятно, почему рукопись сохранилась именно в Хеми. Это один из старейших монастырей Ладакха, счастливо не разрушенный во время нашествия монголов и при гонениях на буддизм невежественными ордами Зоравара*. Укромное положение монастыря, быть может, помогло его сохранности. Путь великого общинника проходил из Индии около этого места. Ламы знают значение документа. Но почему миссионеры так яростно восстают и порочат рукопись? Неужели общинный облик Иссы и защита женщины им не нравится? Порочить так называемые апокрифы всякий умеет; для порочения много ума не надо. Но кто же не признает, что очень многие «апокрифы» гораздо более основательны, нежели многие официальные свидетельства. Всеми признанная Краледворская рукопись* оказалась подделкой, а многие подлинники не входят в чье-то разумение. Достаточно вспомнить про так называемое евангелие эбионитов, или двенадцати*. Такие авторитеты, как Ориген, Иероним* («Adversus Pelagianos»), Епифаний*, говорят о существовании этого жизнеописания. Ириней* во II веке знает его. Где же оно теперь?..

Долго грузились на яков. Кони, мулы, яки, ослы, бараны, собаки — целое библейское шествие. Караванщики — целый шкаф этнографического музея. Прошли мимо пруда, где, по преданию, впервые учил Исса. Влево остались доисторические могилы, за ними — место Будды, когда древний основатель общины шел на север через Хотан. Дальше — развалины строений и сада, так много нам говорящие. Прошли каменные рельефы Майтрейи, при дороге напутствующие дальних путников надеждою на будущее. Остался позади дворец на скале, с храмом Дуккар — светлой, многорукой Матери Мира. Последним знаком Леха было прощание ладакхских женщин. Они вышли на дорогу с освященным молоком яков. Помазали молоком лбы коней и путников, чтобы придать им мощь яков, так нужную на крутых подъемах и на скользких ребрах ледников. Женщины проводили.

До самого Кардонга* подъем легкий. Жаркое солнце зашло, и к вечеру поднялся пронзительный ветер и холод. Лагерь пришлось разбить на голой арктической поляне* под режущим ветром. Кашмирцы лукаво не показали ладакхцам многие вещи. В сумерках под вихрем шла неописуемая суматоха.

Над нами стоял запорошенный снегом Кардонг. Высился неподступно.

20 сентября. Поднялись на яках через перевал в три часа утра. Эти грузные мохначи действительно незаменимы своей мягкой поступью и устойчивостью. Конечно, при условии мирности. Дикий як совершенно неукротим. Однажды тибетцы поставили для китайского полка необъезженных яков и немедленно три четверти наездников оказались сброшенными на землю.

Подъем наш был нетруден. Вид с Кардонга величествен. Но вся северная сторона Кардонга представляет крутой, мощный глетчер. Спуск очень утомителен и опасен. Пришлось идти и ползти. Мы видели, как один груженый як сорвался и стремительно полетел по гладкому ребру ледника. Но на самом краю пропасти як весь сжался и крепко уперся своими короткими, крепкими ногами.

Многие животные и люди начинают страдать кровотечением и головной болью на подъемах выше 16 000 футов. По дороге уже видна замерзшая кровь. Уже мелькнул остов павшей лошади. У нас все благополучно. После перевала нам говорят о целом караване, замерзшем на Кардонге. Караван балтистанцев, около ста коней, весь найден замерзшим. Некоторые замерзли, как бы крича, держа руки у рта. Даже осенью пальцы на руках и ногах очень легко стынут. Приходится оттирать снегом. Рисовать почти невозможно. Можно представить, каково здесь зимою. Но прекрасен этот грозный глетчер. Далеко внизу — бирюзовое озеро. Говорят, очень глубокое. Путь весь сложен из гигантских валунов. Обернетесь — и кажется пройденное непроходимым.

21 сентября. После трудов перевала — легкий путь. После пронзительного холода — жара и яркое солнце. Жаркие пески и уходящие горы со снежными оторочками. Русла ручьев. Иногда поток исчезает в каменистых нагромождениях, и лишь гулкий шум выдает стремление невидимой воды. Терновник, тамариск. И приветливые люди, жители долины реки Нубры*. Сама река в разливе бывает мощным потоком. Сейчас, осенью, течение разбилось на многие русла необыкновенно замысловатого и красивого рисунка. Идем дальше обычной остановки.

Ночевали в Террите*, в настоящем тибетском доме. В нашем стане три течения: буддийское, мусульманское и китайское. Не обходится без взаимных подозрений. Едят отдельно.

Наш старший Лун-по, оказывается, сын лехского старшины и является крупным помещиком. У него всюду поместья и дома: и в Лехе, и в Хеми, и в Террите, и во многих местах Чантанга. Рассказывает, сколько монастырей разрушено во время бывших нашествий. В одном из его поместий имеются такие развалины, полные обломков статуй и остатков поврежденных книг. Жалеем, что Лун-по пришел к нам только в последние дни. Это он пришел, и на вопрос: «Кто он?» гордо вскинул головою и звонко отчеканил: «Бодхи», т. е. буддист. Рассказывает также, что его брат состоит казначеем в Хеми и знает, сколько там скрытых предметов, не показываемых приезжим.

Лун-по хочет остаться с нами, он хочет идти по разным странам, хочет учиться русскому, но просит об одном: «Не режьте косу». А коса у него отличная, черная, до колен. Успокоили его. Никто на его национальную гордость не покушается. Очевидно, он уже знает, что в Китае указано резать косы, а в Тибете запрещено высовывать язык в знак преданности и признательности. А Лун-по в минуту удовольствия любит высовывать широкий, здоровый язык. Хороший спутник для высот и ледников, но в доме трудно вмещаем. Подходим к его поместью. Он просит не стоять в шатрах, а переночевать в его доме. С гордостью показывает ворота-чортен* с яркой росписью на стене. Много полей и плодовых деревьев. Ночуем в расписной тибетской комнате. Яркий карниз. Широкое окно. Низкая широкая дверь с большим кольцом запора. Песочный пол устилается цветными кошмами. В рисунке орнаментов часто повторена свастика. Посредине комнаты — грузная колонна. На широкой пилястре изображение чинтамани — сокровища мира.

Каждая тибетская усадьба странно напоминает схему феодального замка. Все жилье обнесено стеною выше человеческого роста. Вход — через плотные ворота. За стеною — квадрат внешнего двора, здесь ржут кони и горят огни. Со двора входите как бы в оружейный зал. За ним — внутренний двор со многими дверями в хозяйственные и жилые помещения. Оттуда же — приставная лестница во второй этаж, тоже со многими комнатами. Такая же приставная лестница ведет на плоскую крышу, откуда открывается широкий вид на все далекие горы и реки, на весь путь. Угол крыши занят парадной расписной горницей, как бы башней. На крышу горницы ведет также приставная лестница. Готовые к обороне, независимо стоят тибетские усадьбы.

22 сентября. Ясное утро. По сторонам дороги целые изгороди из терновника. Легкий путь. Впереди золотые пески, а за ними синие горы всех тонов с белыми шапочками раннего снега. Даже жарко. В миле от дороги — старый монастырь Сандолинг*. Решили зайти, не там ли наш лама? Между сельских усадеб, через каменистые ручьи, через нагромождения, опасные для ног лошадей, поднялись. Ламы, бывшие при нас в монастыре, не понравились нам. Но за ними есть какая-то невидимка. Кто-то много знающий и ведущий Сандолинг по пути будущего.

Ведь Сандолинг является конечным пунктом буддизма перед пустыней, и потому хотелось знать, какие символы несет этот монастырь. Оказывается, в нем большой новый алтарь Майтрейи. Новое, сияющее крепкими красками изображение. Также имеется отличное изображение Дуккар. Приятно видеть богатое собрание знамен. Писаны знамена в Ладакхе. Среди них есть по-настоящему цветные с разнообразными, фантастическими сюжетами. Все отделаны в яркий шелк. Хорошая библиотека. Настоятеля монастыря мы не видали. Также не нашли нашего ламу. Был и ушел еще рано утром по дороге к границе. Спешим найти его.

Длинное селение. Еще один дом нашего Лун-по, но мы спешим дальше. Берега ручьев и склоны гор покрыты белоснежною содою. Синие, малиновые и коричневые наслоения гор показывают насыщенность металлами. Кажется почему-то, что и радий должен быть в этих благословенных и неиспользованных краях.

23 сентября. Пограничное место Панамик*. Здесь кончается сфера [английского влияния]. Конечно, на картах граница показана через Каракорум, но на высотах никто границ не устанавливал, а [чиновные] люди кончаются в Панамике. Конечно, их «забота» простирается иногда и дальше. За Панамиком, как [и] следует для нашего прохода, «развалился» мост. Чиновник «совершенно случайно» удостоверился в проходе нашего каравана. Таинственная починка пути встречалась нами и в других пограничных частях Индии. И полицейский при этом отдавал честь, а иногда «случайно» спрашивал и паспорт для просмотра. Все заботы о «драгоценном здоровье» нам уже знакомы.

Нам говорят, что в селении остановились два саиба из Яркенда. Не успели раскинуть палатки, как они идут к нам. Два шведских миссионера. Один из них — болезнен-

ный Германсон. Едет в Стокгольм. Германсон говорит о трудных местах пути. О Китайском Туркестане он говорит без особого энтузиазма.

Против Панамика, за рекою, на фоне красной скалы прилепился монастырь красной секты. На красном фоне гор даже не видно подходов к монастырю. Точно спасаясь от врагов, монастырь взлетел и притаился на невидимом уступе. Далеко влево пошла Нубра, а наш путь клонится вправо, почти упираясь в гряду скал. Так к вечеру подходим к подножию перевала Караул-Даван*. Фантастика нагромождений. Останавливаемся у самого начала крутого подъема.

Вечер кончается неожиданной встречей с мусульманином. Вот на границе пустыни разговор идет о Магомете, о домашней жизни пророка, о его уважении к женщине*. Разговор идет о движении ахмадиев*, о легендах, говорящих, что могила Христа находится в Сринагаре, а могила Марии — в Кашгаре. Опять о легендах об Иссе. Мусульмане особенно интересуются [этими легендами].

Всходит луна и борется с кострами. Наконец пришел лама. Чтобы миновать мост, его провели где-то через поток. В горах всюду так. Даже зная тридцать путей, всетаки не знаете тридцать первый. На перевал лама пойдет ночью, ему справляют фонарь и топор.

24 сентября. Караул-Даван, хотя и ниже Кардонга, но нам показался труднее. Особенно свирепы груды огромных валунов при спуске. Какая гигантская работа должна была совершаться, чтоб отполировать и нагромоздить эти тяжкие груды. Около Террита был путь терновника, здесь же начался путь скелетов. Лошади, ослы, яки. Во всех положениях, во всех стадиях разложения. Хорошо, что зловоние мало чувствуется в студеном воздухе. Многие остовы застыли в каком-то скачущем положении. Точно последняя скачка валькирий. Между валунами протискиваемся у скал. У Омар-хана пала лошадь. При переправе утонул баран. Неужели великий древний караванный путь вечно спотыкается об эти громады?

Из-за камня поднимается странная фигура в мохнатой яркендской шапке. Меховой кафтан и фонарь. Это лама переоделся яркендцем. Ночью луна скоро взошла, и лама благополучно перебрался через гребень перевала. В тот же день — неожиданное открытие. Оказывается, лама отлично говорит по-русски. Знает многих наших

друзей. Все это время нельзя было даже предположить такое его знание. Когда при нем говорили по-русски, ни один мускул не выдавал, что он понимает. В своих ответах ни разу он не показал знания сказанного нами по-русски. Мы оценили, почему именно он был нам указан. Еще раз становится ясным, как трудно оценить размеры знания лам. Только невежественность не понимает двадцатипятивековую организацию*.

К вечеру ветер и снег. Слуги и караванщики решают прервать путь в четыре часа, хотя еще два часа можно идти смело. Делаем ненужную уступку и попадаем в полосу первого снега. Ночуем у мощного глетчера, среди

бесчисленных валунов. Пали еще две лошади.

25 сентября. Подход к перевалу Сасир *, выше 17 000 футов. Полная арктическая тишина. Глетчеры и снеговые пики. Красивейшее место. Волны облаков перекатываются и открывают новые, бесконечно новые комбинации космического строительства. Широкие линии. Весь орнамент и арабеск сброшен.

Люди делаются более сосредоточенными. Всюду трупы животных. Есть и человеческие могилы, и наши люди пытаются это скрыть, точно это имеет значение... Омар-хан потерял еще двух коней. Начинается пурга. За ночь плотно занесены снегом. Вода в кувшинах замерзла. Рисовать невозможно, так быстро коченеют руки. Хорошо, что в Кашмире подбили палатки толстой тканью. Меховые сапоги очень пригодились.

Вам, молодым друзьям, напоминаю. Запаситесь одеждой и на жару, а главное, и на холод. Холод наступает быстро и пронзительно. Неожиданно перестаете чувствовать конечности. Всегда имейте под рукою аптечку. Главное — зубы, простуда, желудок. Имейте бинты для порезов и ушибов. В нашем караване уже все это пригодилось. Всякое вино на высотах очень вредно. От головной боли — пирамидон. Не ешьте много. Очень полезен тибетский чай. Это скорее горячий суп, и хорошо согревает, легок, питателен, а сода, в него входящая, сохраняет губы от болезненных трещин.

Не перекормите собак и лошадей. Иначе начнется кровотечение и животное придется приканчивать. Весь путь усеян следами крови. Проверьте, были ли уже кони на высотах. Многие новички погибают немедленно. И стираются на трудных переходах все различия: все остаются именно людьми, равно работающими, равно близкими к опасностям.

Молодые друзья, вам нужно знать условия караванной жизни в пустынях. Только на этих путях вы научитесь бороться со стихиями, где каждый иеверный шаг — уже верная смерть. Там вы забудете числа дней и часы, там звезды заблестят вам небесными рунами. Основа всех учеиий — бесстрашие. Не в кисло-сладких летних пригородиых лагерях, а на суровых высотах учитесь быстроте мысли и находчивости действия. Не только на лекциях в тепло натопленной аудитории, но на студеных глетчерах сознавайте мощь работы материи. И вы поймете, что каждый конец есть только начало чего-то, еще более значительного и прекрасного.

Опять пронзительный вихрь. Пламя темнеет. Крылья палаток шумио трепещут, хотят улететь.

26 сентября. Сасер-Даваи [Сасир] встретил нас совсем сурово. Еще до рассвета началась колючая пурга. Подъем на Сасир! Эта гигантская морена вся закрылась леденеющим снегом. Торопились идти, ибо будет еще хуже. Весь путь сопровожден многими трупами животных. Обледенелая тропинка по карнизу иногда совсем суживается — только для конского копыта. Кони сами идут. Шесть часов шли ледниками. У гегена — кровотечение, он упал с лошади. Особенно опасио подыматься по полусферической поверхности шапки глетчера. Сабза, конь Юрия, страшно скользит по зелеиоватому льду. Среди глетчеров на момент вспыхивает солнце. Все белое царство сияет невыносимым блеском. Прямо под нами открывается причудливое чериое озерко в белых берегах; и опять все застилается беспросветною пургою.

После ледников идем арктическими кряжами. Наконец, к удивлению, увидали пасущихся верблюдов. Они доходят до северного подножия Сасира и обменивают груз, перевозимый конями и яками через Сасир. Некоторые наши ладакхцы, идущие впервые через перевалы, никогда не видали верблюдов и опасливо обходят эту долговязую диковинку. Кони храпят. Мой коиюх Курбан оборачивается и грозит кулаком, зловеще твердя: «Сасери, Сасери!»

Прошли мимо Сасир-Сарая — развалившегося каменного каре. Остановились в прекрасиой долине по течению реки Шайок. Направо по течению реки идет зимняя дорога иа Туркестаи. Эта дорога минует перевалы. Но зато приходится очень часто переходить реку, а местами даже идти по течению. В сентябре река доходит до плеч и для людей и коней опасна. К тому же этот путь почти на неделю длин-

нее. Мы пойдем короче. Неожиданно вступаем в узкую расселину между двумя фиолетовыми скалами. Непонятно, до какой степени часто исчезают все признаки пути. Надо не раз пройти этими местами, чтобы запомнить все свороты и изгибы дороги-невидимки.

Прекрасны краски! Позади — белые великаны, и странно понимать, что мы спустились именно с них. Налево — многие остроконечные снеговые пики и желтые взгорья. Прямо перед нами — светло-серое русло Шайока с какими-то красными и бронзово-зеленоватыми островками. За ними — фиолетовые и бархатно-коричневые скалы. Направо уходит река и крутятся облака снежной пыли. Небо

неспокойно. Молочно-белые тучи густыми волокнами лезут из-за Сасира. На один день нужно было поспешить до Сасира, и мы избежали бы снежных преследований. Сентябрьский муссон Кашмира ползет, гонится по горам за нами, превращается из ливня в жестокую пургу. Неспокойствие природы отражается на животных. Кони лягаются, собаки грызутся.

27 сентября. На рассвете опять все замерзло. Все засыпано глубоким снегом; кони дрожат. Им сейчас предстоит еще брод через Шайок. Как черные силуэты мечутся всадники по светлому берегу. Удачно нашли брод. Всего по брюхо коню.

После широкой долины сразу окунулись в узкое ущелье. Оно построено необычно фантастично. В голубом ручье трещал ночной ледок. Красные стены полны забелевших трещин — точно страницы рун. Опять неожиданные подъемы и повороты в узких проходах — и мы оказались в широкой долине, окруженной разноцветными горами. Какие-то внутренние богатства отливаются разно-сияющими пластами в отрезах гор. На откосах копошатся две одинокие фигуры. Каждый новый человек поражает в этом безмолвии. Не кладоискатели ли? Нет, это люди какого-то каравана, посланные за корнями и ветками чахлого кустарника для топлива. Здесь всякое топливо кончается, и надо запасаться на несколько дней.

Между горами — маленькие болотистые озерки. По мшистым берегам бегают проворные кулики. Высота 16 000 футов для них не страшна. Каркают вороны. Очень мало орлов. Из-за отсутствия топлива и мы останавливаемся необычно рано — уже в два часа. Люди пошли складывать в мешки корни кустарника. Как на фресках Гоццоли стоят группы граненых лиловых гор, отрезанные горяче-коричневыми буграми. Светло-желтая болотная травка по-

крывает котловину. Необычно резко стоят черные кони на светло-желтом фоне. И кажутся какими-то непомерно большими. Здесь, в просторах Азии, родились сказания о великанах-богатырях. Высота ли, или чистота воздуха увеличивает все размеры, и всадник, поднявшийся из-за бугра, глядит великаном, а средняя киргизская собака принимает размеры медведя. Велики здесь масштабы.

Велики должны были быть потоки между горами, чтобы оставить широкие русла, полные обработанной гальки. В Большом каньоне вы чувствуете какую-то трагическую катастрофу, преломившуюся в красоте. Около Каракорума чуете какую-то непонятную вам длительную работу гигантов*...

Какой ветер! Кожа лопается, как разрезанная.

Трудно с языками. В караване слышится шесть языков, совершенно между собою несхожих.

Пропал запас сена. Ясно, что погонщики скормили сено своим лошадям. Назар-бей долго кричал что-то. Наконец поняли, что наш повар съел сено. Повар очень обиделся.

Лама сообщает разные многозначительные вещи. Многие из этих вестей нам уже знакомы, но поучительно видеть, как в разных странах преломляется одно и то же обстоятельство. Разные страны как бы под стеклами разных цветов. Еще раз поражаемся мощности и неуловимости организации лам. Вся Азия, как корнями, пронизана этой странствующей организацией.

Удивительно, как быстро ползут слухи без всякого почтового поощрения. И потом, эти караванные огни, как светляки ночи, собирают неожиданных слушателей. Быстрее вестников разлетаются крылатые вести по базарам и перешептываются за длинной трубкой...

28 сентября. Студеная ночь. Все крепко замерзло. Весь день построен в красивых желтых и красных тонах. Сперва шли по крутым осыпям красного ущелья. Миновали старый каменный вал. Остатки укреплений военных или граничная линия. Внизу переливались желтые, зеленые и ультрамариновые ручейки. Потом перешли на широкое старое русло — нагорье Депсанг. Шесть часов мимо всяких торжественных песчаниковых формаций. Точно пирамиды великанов. Точно города с зубчатыми стенами. Точно одинокие дозорные башни. Точно ворота в какие-то заповедные страны. Точно памятники замолкших боев. В полном разнообразии, никогда не повторенные и расцвеченные с бесконечным чутьем. Так бы и остановился здесь на неделю. Но караванщики погля-

дывают на небо, где ледяной кашмирский дракон уже кажет свои бурные крылья.

Е[лена] И[вановна] все десять дней на коне. Она не любит малых решений. Никогда верхом не ездила, а тут сразу верхом через Каракорум. И всегда бодра и готова первая. Даже колено, поврежденное в Кашмире, как-то затихло. Прямо удивительно.

К вечеру дошли до Депсанг-Давана. Стало еще холоднее. Депсангу лучше именоваться Улан Корум, т. е. «красный трон» — при входе торчит мощный утес, как красная шапка.

Будьте осторожны с горными ручейками. Они радуют своей хрустальной чистотой, но за порогом лежит в воде павшая лошадь или верблюд с окровавленной мордой.

29 сентября. Перевалили Депсанг. Вышли на крышу мира. Иначе и назвать нельзя. Все острия исчезли. Перед нами — точно покрытие каких-то мощных, внутренних сводов. Глядя на эти песчаные своды, невозможно представить себя на высоте 18 000 футов. Бесконечные дали. Налево, далеко,— белый пик Годвина [Чогори]*. Направо, на горизонте,— громады Куньлуня*. Все так многообразно и щедро, и обширно. Синее небо граничит с чистым кобальтом, бестравные купола-своды отливают золотом, а далекие пики режутся ярко-белыми конусами. Вереница каравана не нарушает безмолвия самой высокой дороги мира.

Конюх спрашивает: «Отчего здесь, на такой высоте, такая ровная поверхность? Что там внутри находится?»

Прочли латинскую надпись на камне о стоянке здесь экспедиции Филиппи*. Слуги думают, что здесь зарыто сто ящиков экспедиции.

Очень пронзительный ветер. Торопимся к Каракоруму. Подошли к нему, но переход должны были оставить на утро. Каракорум значит «черный трон». Его черная шапка была видна за несколько миль. А когда подошли, было уже темно, чтобы зарисовать или снять. Вечером решили: вместо Каргалыка идти на Сугет-Даван [Сугет] и на Санджу-Даван*. Правда, Санджу опять выше 18 000 футов и считается трудным в зависимости от количества снега, но зато мы сберегаем лишних шесть дней. К тому же по пути на Каргалык много воды, и люди жалуются, что им несколько раз в день придется идти в воде по пояс, а в октябре это опасно.

30 сентября. Каракорум*. Опять все замерзло. Утро началось колющей вьюгой, все покрылось мглой. Ни рисо-

вать, ни снимать. С трудом иногда маячила черная шапка Каракорума.

Вся видимость не имеет ничего общего с виденным вчера. Так и шли под пронзительным ветром от 7 до 2-х часов при разреженном воздухе. Сам перевал широк, но не труден. Пешеходам трудно; странно ощущенье, что при сравнительно малом движении уже чувствуете одышку. На кряже перевала — маленькая пирамида камней. Люди, несмотря на одышку, не забывают положить свой камень в этот межевой знак как память преодоления перевала, прокричать приветствия преодолению.

Спуск не крут, но ветер все крепчает. Нужно чем-то повязать лицо. Вспоминается целесообразность тибетских шелковых масок для путешествий. Среди дня снег унялся и показались чудесные снеговые панорамы. Целые группы снеговых куполов и конусов. Даже птиц нет.

Остановились в шесть часов на широком русле реки. Кругом — глубокое молчанье, целый амфитеатр снеговых вершин. Тонкость жемчужных тонов невиданная. Полная луна. Молчание студеной, чистой, неопоганенной природы. Прошли самую высокую дорогу мира — 18 600 футов...

1 октября. Дошли до раздела путей на Кокяр или Санджу*. Против Баксун-Булака — чудесная белая гора, такая тонкая, такая нетронутая и нежная в своих профилях. Яркое солнце напомнило замершие фиорды Норвегии или голубую сказку зимней Ладоги. Но здесь все шире и мощнее. Впереди вдали горы, испещренные белыми контурами, как на старых китайских пейзажах. Близко от дороги паслись две тибетские антилопы. Одна подняла голову и долго следила за караваном. Буддисты не стали стрелять в них — ведь пищи с собой достаточно. Кто-то другой обманет доверчивость стройных животных. На самой дороге лежит осел с благовонным грузом корицы. Где же хозяин? Объясняют, что усталый ослик оставлен отдохнуть до следующего каравана. Зверей нет. Никто из путников не нарушит эту своеобразную этику караванов. Видели также на Сасире кем-то оставленные грузы. Не тронуты.

2 октября. В морозном солнце утра перед стоянкой четко вырисовалась снеговая гора Патос. Так назвал высший пик хребта (Патос фонетически, но по-местному Актаг) махатма Ак-Дордже*, проходя здесь из Тибета. Гора Патос стоит над разветвлением дороги на Каргалык—Яркенд и Каракаш — Хотан. Путь Каргалык — Яркенд

ниже, всего два невысоких перевала, но зато много рек. Путь Каракаш — Хотан выше, гористее, перевалы выше, но зато короче. Гора высится конусом между двух крыльев белого хребта...

Лун-по неожиданно стал русофилом: учится у ламы по-русски. Кричит: «Пора обедать», «Нож», «Чашка», «Вода горячая».

День начался мирно. Шли с семи часов по пологому взгорью Сугет-Давана. Подъем почти не заметен. Не страшно видеть многочисленные скелеты и остовы. Мирность природы заставляет забыть высоту. Около дороги лежит пушистая собачка, совсем как живая. К трем часам
100 незаметно дошли до самого перевала. Всегда спросите о северной стороне перевала. Эта сторона всегда сурова. Так было и здесь. Ровный, легкий путь вдруг обрезался мощным отрезом — спуском. Вдали раскинулись бело-лиловые горы, полные какого-то траурного рисунка. Закрутилась метель, и в прогалины снежной пыли (зазвенело) беспощадно почти черно-синее небо. Путь замело.

Столпилось четыре каравана. До четырехсот коней. Раньше пустили опытных грузовых мулов. За ними пошли мы. Весь откос заполнился черными зигзагами конских силуэтов. Воздух затрепетал от криков: «Хош, хош», и все поползло вниз, оступаясь, скользя и толкая друг друга. Было опасно. Люди дивились раннему снегу. Только к девяти вечера при луне дошли до стоянки. [Тюрки] пререкались с буддистами. Назар-бей хотел нас завести куда-то далеко. Китаец с кнутом кидался на него. Людские препирательства передались животным. Кони фыркали и лягались. Кончилось дракой собак. Свирепый Тумбал очень повредил Амдонга.

Е[лена] И[вановна] едет, не слезая с коня, более 13-ти часов. Значит, так называемая обычная усталость побеждается чем-то иным, более сильным.

3 октября. Опять груды камней. Показались желтые и красные кустарники. Очень красивы они на тепло-белой пелене песков. Показалась тощая верба у потока. Показались куропатки и зайцы. Но животных поразительно мало. Прошли какие-то старые стены, превратившиеся в груды булыжника. Люди ждут прихода в китайский пограничный пост Курул*, или Караул-Сугет. Постепенно опускаемся; уже видны какие-то плоские стены. Вот кто-то выбегает за ворота. Суетливо скрылся. Нас выходят встречать.

Посреди широкой горячей равнины, окруженной снеговыми горами, стоит глинобитный квадрат — Курул. Вдали заманчиво серебрится Куньлунь. В форте 25 солдат [казахов] и киргизов и один китайский офицер с секретарем и переводчиком. Оружия мы не видали. Только в тесной комнатке офицера висела огромная одностволка с курком, точно утиная голова. Этим инструментом много не застрелить.

Если бы знал этот китайский пограничный офицер Шин Ло, как мы были тронуты его сердечным приемом. Заброшенный в далекие горы, лишенный всяких сношений, этот офицер своим содействием и любезностью напомнил черты лучшего Китая. Нам это так важно — ведь едем в Китай с искренней дружбой и с открытым сердцем. И встретились и простились с Шин Ло очень сердечно. Из дружбы даже разбили палатки на пыльном дворе форта. Люди хотели простоять здесь хотя бы еще один день — ведь уже началась пустыня. Радуются, а нам жаль чего-то неповторимого. Кристаллы высот, возместит ли вас кружево песков?

Подошли еще караваны. У костров говор. Говор, улыбки, трубки и отдых...

«В храме под изображением Будды — подземное кипучее озеро. Раз в год туда спускаются и бросают в озеро драгоценные камни...»

Говорится целая сага красоты. Эти костры, эти светляки пустынь. Вы стоите, как знамена народных решений.

4 октября. Не прошли и мили от Курула, как достигли течения реки Каракаш, что значит «река черного нефрита». По течению Каракаша добывались известные сорта нефрита, составившего былую славу Хотана. Даже одни из западных ворот Великой китайской стены назывались нефритовыми, ибо через них ввозили этот излюбленный камень. Теперь на местах даже и не помнят о добыче нефрита. Только цвет Каракаша — такой сине-зеленый, напоминает о лучших сортах нефрита. Быстрая река, веселая река, шумливая река. Не только родина нефрита, но и золота. Каракаш делается нашей водительницей на несколько дней. Проходим несколько мазаров, т. е. почитаемых мусульманских могил. Можно думать, что их полусферическое покрытие и вышка в центре — нечто иное, как форма древнего буддийского чортена. Когда подходим к могиле святого, проводник-киргиз соскакивает с коня и очень красивым жестом [выражает] почита-

ние. Трудно было ждать от его неуклюжей фигуры такое красивое движение.

Форт Шахидулла покинут, [тот же] одинокий глинобитный квадрат. Впрочем, в этих местах пушки вообще еще не появлялись и не угрожали глиняным стенам.

Стало жарко. Высота не более 12 000 футов и после 18 000 футов чувствуется на дыхании. Получено сообщение, что яки для перехода Санджу-Давана готовы. К вечеру поднялся шамаль — северо-восточный вихрь. Впервые мы очутились в настоящей песчаной пурге. Красные горы скрылись. Небо стало серым. Высокими плотными столбами подымался песок и медленно двигался, крутясь и пронизывая все встречное. Палатки пытаются взвиться. Кони понурились и повернулись задом к ветру. Все краски исчезли, и одна только Каракаш мчалась все такая же изумрудная.

5 октября. Шли весь день по течению Каракаша. Нельзя запомнить, сколько раз переходили через реку. Где по брюхо, а где ниже колена коня. На одном скалистом повороте снесло всю тропинку. Пришлось спешиться и пробираться по отдельным валунам среди рокота течения. Опять жестко — каменистый путь. Две лошади Назарбея сломали себе ноги. Вчерашний шамаль всюду оставил последствия. Горы затянуты седою дымкою. Весь день в воздухе висит облако всепроникающей пыли. Страдают глаза. Весь колорит изменился. Небо стало лиловым. Только резвая река по-прежнему сверкает зелеными искрами. Появились первые стоянки горных киргизов. Юрты, крытые кошмами, или каменные квадраты, прислоненные к скалам. Зачатки маленьких полей. Низкорослые киргизки в высоких белых уборах и красных кафтанах. Маленькие остроконечные красные шапочки киргизов. Лишь бы снимки удались. Живописная группа на лиловом фоне песчаниковых мягких тонов гор. На крошечном сером ослике — женщина в ярко-красном кафтане и высоком головном уборе. На руках — ребенок в светло-сером покрывале. Рядом— мужчина в зеленом кафтане и красной конической шапке. Над ними — тускло-лиловое небо. Кто хочет писать бегство в Египет?*

Очень круты тропы над самой кипенью реки. Стоянка на песчаной долине. Посреди ее — запыленный караван-сарай. Нет сил остановиться на этом пропыленном дворе. На соседних взгорьях тоже трудно примоститься лагерем. Или сплошной камень, или мягкий переливчатый песок; и то и другое не держит шесты палаток. Кое-как нашли ме-

сто. Постепенно обнаруживается поломка багажа: то замок сбит, то промочен яхтан* при падении лошади в реку.

Опять костры. Опять собираются какие-то незнакомые мохнатые люди. Вот уже нужно сказать, что никто из этих корявых незнакомцев нам не сделал ничего дурного...

Еще из шепотов у костра: «Бурхан-Булат (т. е. меч Будды) появляется в определенные сроки, и тогда ничто не противостанет ему». «Улан цирик (т. е. красные воины) стали ужасно сильными». «Все, что ни сделают пелинги*, все обернется против них». «Лет более ста [назад] два ученых брахмана ездили в Шамбалу и направлялись на север». «Благословенный Будда был в Хотане и оттуда решил держать путь на север». «В одном из лучших монастырей Китая доктор метафизики — бурят». «В большом монастыре Д. настоятель — калмык». «На картине «Будда Победитель» из меча благословленного брызжет огонь справедливости». «Пророк говорил, что Дамаск будет разрушен перед новым веком». Шепчут буддисты-паломники по пути в Гайю, Сарнатх и Мекку. Длинные вереницы седобородых ахунов* и закрытых женских фигур встречаются на пути. Спешат перед близкою зимою. Скорая почта!

День кончился шамалем. Гигантские клубы пыли. Точно незримое переселение народов. Надо знать и этот грозный лик Азии. Где же иначе так разительна смена жары и стужи? Где так невыносимы ветры после полуденного часа? Где же так гибельны реки в половодье и так беспощадны пески? Где же золото не убрано по берегам рек? Где же столько черепов белеет под солнцем? Широкая рука Азии.

6 октября. Опять шли течением Каракаша. Большое старое киргизское кладбище. Мазары с полусферическим сводом. Низкие могилы, уставленные бунчуками с конскими хвостами на концах. Положительно, мазары очень часто — старые буддийские чортены. После мазара расстались с течением Каракаша. Пошли заметно в гору против течения горного ручья. Ущелье постепенно сужалось слева, в желтой песчаниковой горе увидали пещеры в несколько этажей. Наподобие пещер Дуньхуана*. Местные жители и караванщики называют их старокиргизскими домами. Но конечно, мы имеем здесь остатки исчезнувшего буддизма. Подходы ко многим пещерам совсем выветрились. Высоко остались отрезанными входы, как орлиные гнезда. Характерно, что пещеры притаились так

недалеко от перевала Санджу, точно защищаясь горами от волн мусульманства. Конюх Курбан (мусульманин) знает еще такие же пещеры в этих краях, но относится к ним явно пренебрежительно. Но пещеры внушительны.

Несказуемой древностью дышит от этих гор. Песочная дымка точно возносит их в небо. И горы вместо значительного ограничения и преграды опять влекут ввысь. Подошли к самой подошве Санджу. Слышно, на перевале снега нет. Но не успеваем получить это сведение, как кашмирский дракон долетает и все начинает покрываться снегом. Пронзительно. Жмемся в ожидании запоздалых палаток. В темноте доходит караван. Из-за перевала приваливает черная лавина яков и с разбега чуть не сокрушает весь стан. Гомон и шум. Снег и холод. Но стан, прижавшийся в ущелье, имеет необычно живописный вид. Что-то от старого Босха или Питера Брейгеля*. Пламя освещает бронзовые лица. Из тьмы выдвигаются рога черно-невидимых яков. Крылья палаток вспархивают, как птицы. На скале — гигантская тень Омар-хана. Еще шепоты пустыни: «Около священной горы Сабур виден неизвестный древний город. Много домов и чортенов».

Завтра вставать со звездами. Путь длинный. Днем и снег, и ветер опять начнут надоедать.

7 октября. Дракон все-таки догнал, и за ночь все засыпано снегом и примерзло. Пробуем яков. Спешим. Седьмой перевал — Санджу. Самый крутой — 18 300 футов, — но не длинный. Как цепко идут яки; еще раз поражаемся. У моего яка с шумом лопается нагрудный ремень седла. Пришлось привязать веревками — одна подпруга не удержит на крутизнах. Опасна лишь самая вершина Санджу. Там як должен изловчиться и перепрыгнуть через расселину между верхними зубцами оголенной скалы. Тут вы должны довериться цепкости яка. Геген упал с яка, но, по счастью, лишь зашиб ногу. Могло быть много хуже. Конечно, на северной стороне оказалось много снега. Пришлось спешиться и, скользя по резким зигзагам, круто спускаться. Не берите горных палок с остриями, гораздо лучше плоский металлический наконечник.

В серебряном тумане потонули снеговые горы. Жаль провожать высоты, где хотя и студено, но кристально чисто и звонко. Где само название «пустыня» звучит вызовом всем городам, уже превратившимся в развалины или еще не превратившимся.

Отчего же так грустно отдаляться от Куньлуня, от хребта древнейшего?

Начались опять становища горных киргизов. Дети и женщины чисты. Не видно ужасных безобразных накожных болезней, которыми так опоганен Кашмир.

Внизу, в песчаных откосах, какие-то темные выбоины — пещеры. Из них вылезают мохнатые яки и переносят вас в доисторические времена. То же самое было и тогда. Посредине нагорья громоздятся желтые обветренные бугры; из них торчат каменные глыбы самых изощренных форм. Носороги, тигры, собаки или какие-то остовы на тронах — все работа давно убежавшей воды. Нагорье ограждено тепло-лиловыми горами. Снегов в направлении пустыни более не видно.

Остановились около аула из девяти юрт. Внутри чисто. Приносят дыни, арбузы, персики, получаемые из Санджу-Базара [Санджу] или из Гума-Базара [Гума]*. Горы полны переливчатого эха, лай и ржанье бесконечно гремят по ущельям, как горные трубы. Киргизки показывают вышивки, но не хотят продать: каждая делает для себя.

8 октября. Короткий спокойный переход. Остановились в 10-ти милях от оазиса Санджу. Разбросаны одиночные юрты киргизов. Часто один мальчик гонит целый караван верблюдов.

Каждый день приходят пациенты желудочные или простудные. Еще раз почувствовали, что значит великий песок пустыни. Всепроникающий, иссушающий, затрудняющий дыханье. Вот горе! Горы стали заметно понижаться. Высота пути не более 7000 футов. Ведь южная часть пустыни не ниже 4000 футов. Становится все теплее. Задумана серия картин «Майтрейя».

Опять костры. Опять караванные шепоты: «Известный губернатор в Китае приказал сечь китайцев. Ах, как худо! Теперь китайцы высекут англичан».

«Ринпоче говорил, что теперь путь только через Шамбалу — это все знают». «Много пророчеств везде закопано». «Три похода монголов». «В пустыне за Керией вышла наружу подземная река». «А как взорвали скалу, а она вся из драгоценных камней...». «А там, где не пройти, там можно подземными ходами...»

Много говорят, и будничное сплетается с чем-то великим, предрешенным. Много говорят про подземные ходы, но оно и понятно. Из многих замков, прицепившихся на скалах, были устроены к воде длинные подземные ходы, по которым на осликах привозили воду. Постепенно встает новая картина значительных жизней.

9 октября. Санджу — оазис. Простились с горами. Конечно, опять придем к горам. Конечно, другие горы, вероятно, не хуже этих. Но грустно спускаться с гор. Ведь не может дать пустыня того, что нашептали горы. На прощанье горы подарили нечто необыкновенное. На границе оазиса, на самой последней скале, к которой мы еще могли прикоснуться, показались те же рисунки, какие мы видели в Дардистане*, по пути в Ладакх. В книгах о Ладакхе такие рисунки называются дардскими, хотя, очевидно, они восходят к неолиту. И здесь, в Китайском Туркестане, на глянцевито-коричневом массиве скалы — опять светлыми силуэтами те же стрелки из лука, те же горные козлы с огромными крутыми рогами. Те же ритуальные танцы. Хороводы и шествия верениц людей. Предвестники переселения народов. И был какой-то особый смысл в том, что это начертание было оставлено на границе в горное царство. Прощайте, горы!

Показались кипы тополей и абрикосовых деревьев, а за ними раскинулось царство песков. Напоминало Египет по Нилу или Аравию.

Время завтрака; хотим остановиться, но скачут какие-то всадники и зовут ехать дальше. Там приготовлен дастархан* от киргизских старшин. На узорчатых, ярких кошмах очень картинно разложены горки дынь, арбузов, груш, яиц, жареных кур и посреди — запеченная половина барана. Круглые с дырками и ямочками желтые лепешки точно сорвались с картины Питера Эртцена. Напомнило милое Ключино, Новгород, раскопки каменного века и радушного Ефима. И здесь те же кафтаны, и бороды, и пояса цветные, и шапочки, отороченные волком или речным бобром. И трудно себя уверить, что эти люди не говорят порусски. И действительно, многие из этих бородачей знают отдельные слова и очень гордятся, если у них есть какаянибудь русская вещь. Почти совсем не знают Америки. Английское влияние вытеснило всякое представление об Америке. Хорошо бы дать этому народу несколько книжек об Америке, напечатанных [по-тюркски]. Кто-то должен об этом подумать: ведь когда-то Америка и Азия были неразорванным континентом*.

Впервые увидели китайских солдат в мундирах имперского времени с красными надписями вдоль всей спины и груди. Очень оборванные солдаты, киргизы — ополченцы в Куруле — были вовсе без мундиров. Может ли такая армия действовать?

Спросят: где же опасности? Где же увлекательные нападения? Ведь на кладбище в Лехе несколько памятников

над могилами убитых путешественников. Правда, но все эти люди были убиты кашмирцами и афганцами. Никто не был убит ладакхцем-буддистом. И потом, есть особая прелесть сознания, что в самом удаленном безлюдье вы целее и безопаснее, нежели на улице западных городов. Полицейский Лондона при входе в Ист-Сайд осведомляется, есть ли у вас оружие и приготовлены ли вы к опасности. Ночная прогулка по окраинам Монпарнаса или Монмартра в Париже, или по Хобокену в Нью-Йорке чреваты гораздо большими опасностями, нежели пути Гималаев и Каракорума. А торнадо в Техасе или Аризоне разве не равен вихрю на высотах? К тому же эти опасности природы так веселы по существу, так будят бодрость и так очищают сознание. Есть собиратели жгучих восклицаний опасности, но самый неверный бамбуковый или веревочный мост будит в вас упрямую находчивость. Как жаль из безлюдия спускаться в кишлаки людских толп.

В одном переходе от Санджу уже могут быть буддийские древности.

10 октября. Окунулись в совершенно иную страну. Нет более ладакхского героизма. Нет более гирлянд звучного пения ладакхцев. Странно, сильные, приятные голоса слышали лишь у тибетцев и у ладакхцев. Нет более замков на безводных, отважных вершинах. Нет более субурганов и курганов бесстрашия. Горы ушли в седую мглу. Чем же жить и куда взгляд направить? Здесь мирные земледельческие, ничего ни о чем не знающие [киргизы]; забытый оазис. Мирные, медлительные тюрки, уже совершенно забывшие о своем участии в шествиях Чингиса и Тамерлана. Жарко. На Санджу-Базаре — песчано. Из-за глинобитных стен, из-за фруктовых деревьев выглядывает множество лиц пугливых и прикрывшихся. Целая толпа. По краскам похожа на Нижегородскую ярмарку. Приношения фруктов и жареных баранов. Наконец, привели в подарок киргизскую собаку.

Гремят бубенцы, и на майдан въезжает китайский чиновник. Опять предупредителен и любезен. Удивлен, что не получил о нас письма от амбаня Яркенда, но объясняет, что республиканский Китай отменил особые извещения, если есть китайский паспорт. У нас пространный паспорт на имя Лолучи, что значит «Рерих». Такие ли предупредительные и китайские чиновники более высоких рангов? Хочется, чтобы Китай оправдал наши ожидания. Ведь при выдаче паспорта говорилось о содействии всех гу-

бернаторов, о встрече от Пекинского университета... Китайский чиновник говорит о проходе Рузвельтов, повернувших на Яркенд; говорит о развалинах императорского дворца в 12 днях от Хотана, откуда и до сих пор притекают древности. Мы понимаем, что это должно быть Аксу.

Скоро вступаем на старую «шелковую» дорогу. Первое место, где могут быть древности. Ведь эти места, так же как Хотан, упоминаются в литературе за 3—4 века до текущей эры. В островах пустыни, в оазисах, крепились последние толпы перед переселением в неизвестные края. На горизонте стоят тучи, но это не обычные облака, это сплетения песчаных вихрей. Верно, где-то был сильный
108 буран.

11 октября. Под щебетанье птиц и блеяние стад, под веселое журчанье арыков вышли из Санджу. Скоро отвернулись от оазиса, поднялись по песчаному откосу русла и оказались в настоящей пустыне. Холмы легли слабым неопределенным силуэтом. На горизонте дрожит воздух, точно сплетая какие-то новообразования. Развернулся полный узор песков. Это уже именно та необозримость, по которой двигались великие орды. Ведь и Чингис, и Тамерлан проходили именно здесь. И так же как на волнах не остается следов от ладьи, так же на песках не осталось никакого намека на эти движения.

Встала вся нежность и вся беспощадность пустыни. И киргиз указывает на дымчатый, розоватый северо-восток — там великая Такла-Макан! * Там захороненные города. Там Куча — столица бывших тохаров*. Известны их манускрипты, но знаете ли, как произносить эти знаки? По аналогии можно прочесть, но начертание звука пропало. Дальше, там, на склонах гор,— Карашар, древнее место. Там долго, до сокрытия, находилась, по свидетельству китайских историков, чаша Будды, перенесенная в Карашар из Пешавара. А еще дальше — отроги Небесных гор и полунезависимые калмыки, помнящие свою историю, свои горы, пастбища и священные горы. А еще дальше — великий Алтай, куда доходил... Будда.

Трепещет щит песков. Текучие смываемые знаки. Расспрашиваем о древностях. Из пустыни уже многое вывезено, но еще большее скрыто песками и найти это можно лишь ощупью. И сейчас, после сильного бурана, из недр обнаруживаются новые ступы, храмы и стены неведомых селений. По малым признакам скажете ли, где захоронено самое главное? Сами жители к находкам, на словах, безучастны.

Вдали маячат стада диких куланов. Далеко зачернел встречный верховой. Издалека оглядел нас, остановился, слез и расстилает что-то белое. Подъезжаем, видим белую кошму, на ней две дыни, два граната. Это дастархан от неизвестного встречного путника. Неведомая дружеская рука — гостю. Истинная скатерть-самобранка, белеющая среди неизмеримых песков. Привет от неизвестного — неизвестным.

Дошли до Санджу. Населенное, хозяйственное, запыленное место. Лабиринт глинобитных стен. На детях уже видны лишаи, чего в горах не было. Древностей не нашли. Рассказывают, будто приехали два китайских чиновника и увезли все, что накопилось у жителей из буддийских древностей. Если это верно, значит, императорский Китай без знания раздавал свои сокровища, а республиканский Китай начинает понимать значение изучения древних памятников. Надо отметить, если вообще этот рассказ верен и если чиновники не увезли вещи просто в свою пользу.

12 октября. От Санджу до Пиалмы — все по той же «шелковой» дороге. И не потому только «шелковой», что по ней шли караваны с шелком, но и сама она шелковая и отливает всеми комбинациями радуги песка. Молочная пустыня с тончайшим рисунком песчаных волн. Ветер несет жемчужную пыль. И она на ваших глазах ткет новое кружево по лицу земли. Стоят старинные верстовые башни. Большая часть их полуразрушена.

Сзади звенят бубенцы. На широком сером коне догоняет нас сын соседнего амбаня. Едет на побывку в Дуньхуань, в отпуск. Путь предстоит ему около 2-х месяцев. Любопытен, но очень необразован. Дает несколько сведений о Хотане. Говорит о древностях Дуньхуаня. В Пиалме тоже бывают древности из Такла-Макана.

Переход большой. Шли быстро, от 7-ми [утра] до $4^1/_2$ [дня]. Говорят, что завтра путь будет еще больше. Стоим во фруктовом саду. Лучше, чем в Санджу, где верблюды, ослы, лошади, петухи и собаки неумолчно гремели хором всю ночь.

13 октября. От Пиалмы до Зуава* около 38 миль. Вышли еще до рассвета под знаком Ориона. Первый раз за весь путь увидели любимое созвездие. Опять пустыня. К 10 часам уже жаркая, рдеющая, опаляющая. Стремя обжигает ногу через сапог. А что же здесь летом? Недаром летом идут ночными переходами.

По правую руку голубеют взгорья Куньлуня, напоминают Санта-Фе. По левую руку розовеют пески Такла-Макана — вспоминаю пустыню Аризоны.

Сын амбаня поет китайские намтары — сказания о китайских богатырях. Неожиданно резко, с носовыми придыханиями, с выкриками, с высчитыванием какого-то непонятного темпа, с финальными каденциями. Трудно ассоциировать с богатырским эпосом.

Под шеями коней гремят нити бубенцов. Качаются красные кисти под уздою. Так же гремели здесь великие орды.

Три голубя давно летели с нами. Откуда быть им в пу-
110 стыне? Они — вестники, они довели нас до замечательного места. Старый чтимый мазар и мечеть. Там, среди пустыни, живут тысячи голубей, охраняемых преданием. Каждый путник бросит им пригоршню маиса. Это благое место, очень чтимое. Странной неожиданностью веет от этих несметных стай голубей. Неожиданный Сан Марко*. Эти голуби—путевестники. Они указывают путь пустынным путникам. Рассказывают: «Один китаец убил и съел такого голубя и немедленно умер».

Кончился день золотою ковыльною степью с барханами в виде курганов. Это начало хотанского оазиса. Похоже на южную Украину. Вечером огорчение. Погиб Амдонг. Горная лхасская собака не выдержала жары пустыни. Жаль, Амдонг так напоминал финских лаек, такой пушистый и проворный. Остался черный Тумбал. Свирепый и пугающий население. Чтобы не потерять и этого сторожа, завтра его понесут в паланкине.

14 октября. От Зуава до Хотана весь путь идет оазисом. Непрерывные селения, маленькие базары и сады. Убирают маис и жито. Быки, ослы и лошади тянут всякую домашнюю работу. Опять закрытые лица у женщин. Маленькие боярские шапочки и белая фата, как на византийских миниатюрах. Постепенно, незаметно въезжаем в базары самого Хотана. Мало что осталось от древнего города. Хотан славился нефритом, коврами, пением. От всего этого ничего не осталось. Ковры модернизированы. Поделки из нефрита грубы. Пение осталось лишь в виде несложных мусульманских песен под игру длиннейшей двухструнной «гитары». Осталось производство шелка, хлопка, маиса и сушеных фруктов. Остались малопривлекательные тесные базары и пыльные закоулки глинобиток.

Древний Хотан лежал в 10 милях, там, где теперь деревня Яткан. Как часто бывает, наиболее интересные ме-

ста застроены мечетями и мазарами. Приток древностей из Яткана почти прекратился.

Стоим пока в пыльном квадрате сада в центре города. Пытаемся отвоевать загородный дом. Это вовсе не легко, ибо, очевидно, встречаются чьи-то малопонятные нам интересы. Китайские власти вначале приличны. Почетные караулы, стража из солдат и беков. Но осведомляются, долго ли будем жить здесь? Визиты к даотаю*, амбаню и военному губернатору. Всюду чай и тарелочки с нехитрыми сластями. Без замедления — ответные визиты. У военного губернатора — карета зеленая, с пурпурной обивкой. У даотая — парная карета, причем на каждой лошади — по отдельной дуге. Упряжь вся русская.

Затем завтрак у даотая. От 2 часов до 6-ти [дня], и более 40 блюд. Виктрола* гремит китайские легенды и песни. Конечно, сложный ритм и разнообразие инструментов мало передается в трескучих пластинках. Под конец завтрака старый чиновник ямыня* напился и плаксиво бормотал что-то, должно быть смешное.

Местный купец предлагает: «Вместо найма прислуги купить дюжину барышень на всю жизнь. Цена хорошей барышни тридцать рупий». Но мы покупать барышень не намерены, хотя выслушиваем все серьезно, ибо привыкли ничему не удивляться. Хотя продаже людей позволительно и удивиться.

Началось. Приставленный к нам Керим-бек оказался жуликом. Амбань тупо улыбается, говорит: «В доме писать картины можно, а вне дома нельзя». Спрашиваем причины, он опять улыбается еще тупее и повторяет то же самое. Просим его письменно подтвердить его заявление, но он наотрез отказывается. Указываем, что экспедиция послана именно с целью художественной работы и что в паспорте нашем это сказано. Амбань трижды глупо улыбается и повторяет свое необоснованное запрещение.

Самым ярким пятном нашего вступления в Хотан был въезд Тумбала на паланкине. Ладакхцы внесли «его мохнатое величество» на базар с громкими песнями. Черное существо насупилось и сидело очень важно. Толпа хлынула к паланкину, но тотчас понеслась по базару с воплями: «Русский медведь!» Все власти, приезжая к нам, считали долгом осведомиться о страшном звере. А военный губернатор, желая осмотреть наше тибетское животное,

для верности даже взял Юрия за руку. Отличные сторожа эти тибетские волкодавы*.

24 октября. Едем от даотая вечером. Вороные кони «почетного эскорта» пугаются и тревожат наших коней. При луне молчаливо стоят вышки с гонгами при конфуцианском храме. За все время эти гонги молчали.

Дорога лежит на север. Прямо впереди, низко над горизонтом, ярко стоит Большая Медведица.

Глава

7

Хотан

(1925—1926)

Наши верные ладакхцы собирались идти с нами в самые далекие края. В Хотане они скоро как-то приуныли. Ходили по базарам. Жаловались, что их хватают за косы. Плакались на китайские власти. Уверяли, что китайский даотай будет их бить. Говорили, что даотай сам человека убил. Наконец вся сермяжная ватага ладакхцев пришла, улыбалась, топталась, теснилась, повторяла, какие мы добрые юм-кушо (госпожа) [и] яб-кушо (большой господин) и наконец слезно просили отпустить их. Намекали, что, если бы немедленно идти дальше, они останутся, но в Хотане жить невозможно. Очень трогательно ушли, спеша через снежные перевалы. К началу ноября они уже были задержаны на Санджу, где путь стал непроходим. Мы оценили тогда совет идти как можно раньше, ибо именно после нашего прохода началась сплошная вьюга и сильнейший мороз.

Намеки ладакхцев на невозможность жить в Хотане мы не приняли к сведению, но скоро начали приходить к убеждению, что наши простые друзья, храбро шедшие через все скелеты Каракорума, загрустили в Хотане не зря.

Начались самые странные симптомы. Нам не только не хотели дать подходящий дом, но уверяли, что мы должны поместиться на базаре, где даотаю удобнее следить за нами. Когда мы сами устремились к подходящему дому за городом, то нашлась масса препятствий, которые мы должны были неустрашимо лично преодолеть. Наш доброжелатель Худай берды-бай и афганский аксакал много помогли в добыче дома, но амбань разрешил сделать условие лишь на месяц. Дал этим понять, что жильцы мы нежелательные, но и уехать не разрешил. Разрешения писать этюды не дано. Приставлен отвратительный бек. Наконец приехал новый амбань, и дело пошло еще сложнее.

У даотая заболел ребенок. Просили Е. И. приехать и помочь. Лечение оказалось удачным, и все три правителя приехали якобы благодарить, но вели себя возмутительно. Хохотали, махали руками, плевались, заявили, что наш паспорт вообще недействителен. Предложили за выдачу такого паспорта ругать г[осподина] Чен Ло (китайского посланника в Париже). Все приняло поистине безобразные пределы. Но это были цветки — ягоды показались на следующий день.

Приехал амбань и заявил, что получена телеграмма из Урумчи*, от губернатора области, с требованием выслать нашу экспедицию и непременно через Санджу, т. е. через

закрытый зимой снежный перевал.

Конечно, мы уже привыкли к мошенничеству и двоедушию властей Хотана и не сомневались, что никакой телеграммы нет и вся история подложна. Впрочем, прибавил грозный амбань, если лично попросить г[осподина] даотая, то, может быть, он смилостивится. Надо сказать, что власти не пропустили ни одну нашу телеграмму и мы должны были изыскать возможность окольными путями послать телеграммы в Нью-Йорк, Пекин и Париж через консульство в Кашгаре*. Кроме того, амбань указал, что власти имеют право вообще отобрать все мои художественные принадлежности.

На следующий день даотай сменил гнев на милость и по причине излечения его сына Е. И. сообщил, что высылать на Санджу нас не будет. Но милость за излечение сына скоро испарилась, и власти начали угрожать нам обыском. Наконец 29 декабря был произведен осмотр вещей. Наше оружие — три ружья и три револьвера — было опечатано и увезено. Сказали, что в Кашгаре мы можем его получить. Свидетельства на [право] ношения оружия от британских властей не были приняты во внимание. Когда внесли огромный ящик для укладки оружия, то даже китайцы попятились, шепча: «Гроб». Е. И. прибавила: «Это гроб для подобных властей». Казалось бы, вся изобретательность утеснения была уже изощрена, но невежество подсказало еще одну «игру». Сообщили нам, что наши американские бумаги властей не интересуют, и потребовали русский паспорт. При этом мудрые власти республиканского Китая потребовали не что иное, как старый императорский паспорт. Совершенно случайно при нас оказался старый паспорт и патент на командора шведского ордена «Северная звезда». «Зубры» скопировали и то и другое и будто бы куда-то послали.

Требование царского паспорта через девять лет после

[русской] революции показало нам, что власти Хотана не только недоброкачественны, но и безмерно невежественны, и оставаться здесь было бы уже опасно. Мечтаем немедленно ехать на Кашгар и Урумчи, чтобы найти более разумную власть.

Друзья мои, если хотите испытать свое хладнокровие и терпение, поезжайте в город Хотан. Здесь даотай Ма (т. е. «лошадь») и амбань Чан Фу научат вас со всею изобретательностью средневековой невежественности. Перед отъездом слышали базарную молву, что даотаю готовится сильная неприятность. Толкуют, что он получил от правителя области должность даотая и звезду за собственноручное убийство военного губернатора Кашгара в прошлом году; между тем выясняется, что убийство произведено не только им самим, но и солдатами. Теперь можно думать, что все убийцы должны сделаться даотаями.

Подробности убийства средневековы. Побежденного распяли и после двух дней распятия нынешний повелитель Хотана в упор выстрелил в него, так что кровь брызнула на победителя; с ним стреляли и солдаты его. Голову побежденного выставили на базаре.

Пишу с болью за китайцев. Воображаю, как лучшие китайцы покраснеют за таких современников. Вспомним рассказы Свена Гедина*, как китайские власти искали в его сундуках русских солдат. Как Фильхнер* давал подписку амбаню, что не имеет претензий за грабеж. Как бедствовал в Хотане Пржевальский. Как Козлов принужден был въехать во двор амбаня с 20 казаками, и тогда беззаконие умолкло. Грустно сознавать и видеть, что новый строй государства не изменил мрачное средневековье. Пусть амбань справляется со своим носом без помощи платка — не в том дело, но пусть амбань хоть что-нибудь знает.

При досмотре вещей амбань много раз припомнил, что русские на маньчжурской границе у него разбили чайник; вся мелочная злопамятность сказалась в этом сообщении. И еще русские совершили тяжкое преступление: подумайте только, они привили оспу жене даотая из Аксу! Это «кощунство» рассказывается с негодованием. При досмотре возмущенная Е. И. сказала амбаню, указавшему открыть яхтан с ее принадлежностями: «Смотри, амбань, вот мой корсет». Таким образом, жена даотая из Аксу была отмщена. Наш китаец возмущен и потрясен. У него на глазах — у него, у китайского офицера и дипломата, отмеченного в книгах,— у него на глазах отобрали и увезли оружие. Лишили экспедицию средств защиты. Он говорит: «Это работа разбойников». Приходят местные мусуль-

мане и советуют, и предупреждают, и стараются высказать сочувствие. Можио представить, сколько приходится терпеть этим тихим людям, забитым и обезличеиным. Можио представить, сколько приходится терпеть китайским студеитам и молодежи, которая так чутка на грязь произвола.

Надо суметь уехать. Несмотря на морозы, иадо ехать. Верблюды готовы. Старик китаец шепчет: «Велите конвойиым солдатам, если у них винтовки, ехать впереди, а не сзади: китайцы в спииу стреляют». Готово знамя экспедиции. Его повезут впереди. Суи сшил его, красиое с желтым, и иадпись чериая: «Ло, америкаиский художествеи-
 иый офицер».

Амбань про искусство вообще иичего не знает. Бек — моигольского происхождеиия — вежливо поучает его следующей стариниой легеидой: «В старое время в Куче жил знамеиитый художиик. Одиажды ои принес в залог свою картииу, изображавшую кочаи капусты и бабочку, и просил за нее 3000 сар (т. е. 2700 американских долларов). Мальчик, замеиивший хозяииа, выдал ему просимую ссуду. Пришел хозяин. Возмутился, что за капусту и бабочку можно дать такие деньги. Выгиал мальчика и считал деньги потеряииыми. Наступила зима, и в указанный срок художиик прииес деньги и спросил картину обратио. Достали картииу, хозяии, к ужасу, видит, что бабочка исчезла с картииы. Художиик требует картину по описанию в ее полиом виде. Бедствует хозяии. Говорит художиик: «Вот ты иесправедливо выгиал мальчика, ио сейчас только он может помочь тебе». Позвал хозяии мальчика. Тот держал три дия картину около огия, и бабочка опять выступила. И сказал мальчик: «Ты ие ценил художника, но ои иастолько совершеиеи, что краски его имеют все качества природы. Бабочки являются в теплое летиее время. На зиму оии исчезают. То же происходит и иа картиие. Лишь тепло огня вызвало бабочку к жизни и зимою. Так совершеиеи этот художиик». И хозяин устыдился и возвысил мальчика и сделал его богатым за его мудрость». Так поучает бек амбаия. Но еще Будда в сутрах* сказал: «Самое большое преступление — это иевежествеииость».

Среди мусульман дошли вести о разрушеиии фраицузами Дамаска* и о грабежах французских офицеров. Мусульмане возмущеиы: «Видимо, Фраиция решила порвать с мусульмаиским миром. Имеиио повреждением святынь

и грабежом легче всего закрепить этот разрыв навсегда». В Париже и не представляют себе, как быстро по глубинам Азии летят птицы-вестники. Между тем течение мусульманской мысли заслуживает большого внимания. На днях один мусульманин спрашивал нас, отчего Мунтазар, Мессия, Майтрейя — все на ту же букву «М». Не есть ли это одно и то же проявление? Так же спрашивали о буддизме. Слушали внимательно о том, что Будда такой же человек, но велик своим высоким знанием. О том, что Будда почитал женщину. О том, что Будда сам указал явление Майтрейи.

На днях приезжали калмыки из Карашара. Пришли поклониться буддийским предметам, которые у нас. Калмыки знают, что здесь проходил Будда, направляясь на север. Интересно отметить, что сэр Чарлз Белл* в своей последней книге о Тибете указывает, что Будда мог быть монголоидного происхождения*. Непал населен монголоидами, и род шакья мог быть из них. Тогда особенно интересно обращение Будды к северу. Все знаки, все остатки надо пересматривать заново. Гигантское изображение Майтрейи на скале около Маульбека много раз упомянуто и описано. Не приходит в голову, что всю огромную скалу надо исследовать со всех сторон. Но уже в Хотане совершенно случайно пришлось услышать о китайской надписи на оборотной стороне скалы. Было бесконечно жаль упустить эту возможность. Ведь с нами был и китаец. И притом, что может значить этот неожиданный язык? Можно ожидать санскрит, пали, тибетский, наконец, монгольский! Но почему китайская рука писала* на скале о Майтрейе? Подходите к памятникам всегда заново.

Древности в Хотане действительно иссякли. За два месяца, кроме двух-трех осколков, да десятка фальшивых вещей, ничего не принесли. Само занятие кладоискательства выродилось. И рассказы отдают старыми сообщениями, уже описанными сэром Аурелом Стейном*. Яткан, т. е. место старого Хотана, действительно заселено мирными [киргизами] и закрыто мусульманскими кладбищами. Так же как итальянские антиквары цитируют анекдоты про Боде*, так же и здесь уже механически твердят про сэра Маршалла* или про Аурела Стейна. В обиходе домашнем не сохранилось старинных предметов. Жизнь застыла, как бывает перед волной новых построений.

Почему-то Хотан все-таки считается торговым центром Китайского Туркестана. Не видим нерва этой торговли. Живем на большом пути, разветвляющемся на Аксу,

Кучу и Дуньхуан* в провинцию Ганьсу*—в глубь Китая. Но редко звенят колокола верблюдов. Редко окликают ослов. Таким шагом торговое обращение не создается. Ковровое дело очень упало — условно и безжизненно. Собственно хотанские узоры совершенно выродились. Торговля нефритом пропала. И еще одна особенность, указанная древними авторами, исчезла — исчезло пение, заменившись неистовыми выкриками. Перед таким пением пение ладакхцев полно и ритма и свежести. Если люди перестают петь, значит, они очень подавлены.

Дико подумать, что это тот самый Хотан, которому Фа Сянь в IV веке нашей эры посвящал восторженный отзыв:

«Эта страна счастливо благоденствует. Народ богат. Они все буддисты и находят радость в музыке. Здесь более десяти тысяч общинников, и почти все принадлежат к махаяне. Все они живут и питаются от общины. Селения раскинуты на большом пространстве, и перед дверью каждого дома воздвигнута небольшая пагода (субурган). Все очень гостеприимны и снабжают гостей всем необходимым. Правитель страны поместил нас в [монастыре] Гомати, принадлежащем к махаяне. При ударах в гонг все общинники собираются к трапезе. Все садятся в согласном порядке и хранят молчание, не стучат посудою...»

До чего может меняться действительность! И очевидность не может соединить современный Хотан с его бывшим. Так же как современная Аппиева дорога* или дорога на Остию* не ведут к настоящему римскому Риму.

Жаль, что не ездил Фа Сянь дальше Кашгара по теперешнему русскому Туркестану. Ведь там везде, и даже в Персии, имеются следы буддизма, еще совсем не открытые*. А Бухара есть не что иное, как «вихара» — испорченное название буддийского монастыря. Юрий удачно в Париже раскрыл эту филологическую трансформацию, и Пеллио* вполне согласился с ним. Памир, Афганистан, Персия — всюду следы того расцвета культуры, когда, как говорят хроники: «Искусство было несравненно, и произведение творчества и книга были лучшим подарком».

Сун видел сон. Мы трое — я, Е. И. и Юрий — зарубили саблями Яня*-дуту. Прибежал, рассказывает и смеется: «Очень хороший сон, теперь вся победа будет ваша, а дуту будет плохо». Цай Хань-чен переводит этот сон и тоже широко ухмыляется от удовольствия, что хоть во сне их дуту пришлось плохо. Сун углубляет значение сна: «Если дуту худо обошелся с великими гостями, будет ему плохо, и не жить ему».

Так в далеком Хотане пишется приговор урумчинскому дуту: «Более года не проживет». Говорим [киргизу] об этом решении. Тот смеется: «Вы уже сместили Керимбека, видно, и с дуту ваша правда будет». Хоть дуту и смеется над пекинским правительством, но сам он сидит в горниле ненависти. Кто же сядет вместо него? Хотанский грабитель Ма? Или Аксу? Или из Кульджи со своими маньчжурами? Любая предприимчивая дружина может легко забрать Синьцзян.

Ходят странники, приносят новые вести. В Урге [Улан-Баторе] будет отведено место под храм Шамбалы. «Когда изображение Ригдена Джапо* достигнет Урги, тогда вспыхнет первый свет нового века — истины. Тогда начнется истинное возрождение Монголии». Задумана картина «Приказ Ригдена Джапо».

В Куче на базарах недавно два пришлых ламы раздавали изображения и молитву Шамбалы. Здесь же приютились ячейки возрождающегося буддизма...

Серия «Майтрейя» сложилась из семи частей. 1) Шамбала идет. 2) Конь счастья. 3) Твердыни стен. 4) Знамя грядущего. 5) Мощь пещер. 6) Шепоты пустыни. 7) Майтрейя Победитель.

1 декабря 1925 года. Нельзя себе представить более разительный контраст, нежели тона Гималаев и Ладакха сравнительно с пустыней. Иногда кажется, что глаза пропали, засорились. Где же эти кристаллы пурпура, синевы и прозелени? Где же насыщенность желто-пламенных и алобагровых красок? Седая, пыльная кладовая! Всепроникающая труха времени, режущая кожу, как стекло, и разъедающая ткань. Глаз так привык к бестонности, что, не захватывая цвета, скользит, как в пустоте. Так же незаметно поднимается песчаный буран, и наш черный Тумбал становится серо-мохнатым. Иногда бывают хороши звезды. Очень редко напоминает о горном очаровании слабоголубая гряда Куньлуня. Вопят на свою судьбу ослы, и стонет домодельный привод молотилки. Отвратительны гигантские зобы у населения*. Одни говорят: «От воды». Другие: «Уж такая порода». Размеры зоба должны пагубно влиять на нервы и психологию сознания.

Начались морозы. Вода в арыках покрылась льдом.

Лама говорит, что один очень ученый буддист в Ладакхе хотел иметь ученое рассуждение с Юрием о буддизме.

Тогда лама побоялся устроить этот диспут. Говорит: «Я боялся, может ли сын ваш говорить об основах учения. Теперь много иностранцев, которые называют себя буддистами, но ничего не знают и судят по неверным книгам и толкованиям. Теперь очень много таких лживых буддистов. Но сейчас я жалею, что не устроил это рассуждение в Ладакхе. Ведь ваш сын все знает. Он знает больше многих ученых-лам. Вот я вам задавал разные вопросы незаметно и постепенно, и вы все мне разъяснили. Жаль, что в Ладакхе мы не побеседовали. Вот я ездил с большим ученым П.* Ему я задавал разные вопросы, но он не отвечал на них, а только сердился. Потому, что не знал,
120 как ответить».

Лама очень хотел бы повидать хазареев — монгольское племя, оставшееся после нашествия в Афганистане.

1 января 1926 года. Ламы часто повторяют слова Будды: «Лампада, перед тем как погаснуть, начинает чадить».

Вместо возможности тихо уехать из-под десницы даотая — новые оскорбления и бессмысленные неприятности. Вещи уже уложены. Верблюды готовы. Мы чувствуем радость покинуть опасный Хотан. Но первого января рано утром приезжает вестник даотая и конфузливо заявляет: «Г[осподин] даотай назначает вам ехать на Дуньхуань, а не на Кашгар». Мы говорим: «У нас отобрано все оружие. Ехать пустыней без оружия нельзя. Не только ни одна экспедиция, но каждый купец, идущий через пустыню, имеет при себе оружие. Кроме того, нам присланы деньги на Кашгар. Кроме того, наши сотрудники-американцы едут на Урумчи. И в-четвертых, сам даотай только что согласился на наш выезд на Кашгар».

Посланный улыбается: «Все это верно, но г[осподин] даотай прислал меня сказать, чтобы вы ехали через пески на Дуньхуань».

«Но ведь туда трудно ехать? Но ведь сам даотай сказал, что в провинции Ганьсу — разбойники?»

«Совершенно верно, но г[осподин] даотай изменил свое решение и указывает вам путь через пустыню в Дуньхуань».

«Значит, мы не можем осмотреть ни Яркенда, ни Кашгара, ни Аксу, ни Кучи? Ведь все эти распоряжения китайских властей наносят оскорбление Соединенным Штатам?»

«Поговорите сами с г[осподином] даотаем. Сегодня Новый год, и, если хорошенько попросить г[осподина] даотая, может быть, он опять изменит распоряжение».

«Но мы не просить желаем, но хотим справедливости».

Вестник только улыбается и опять предлагает ехать сегодня к даотаю.

Тут же нам шепчут колоритную подробность. Ящик для нашего оружия, сделанный неисповедимо огромных размеров в виде гроба, несли на палках четверо. Эта процессия ввалилась во двор даотая во время его праздничного завтрака. Китайцы опять зашептали: «Гроб», а сам даотай побледнел и велел нести ящик скорее вон со двора в ямын амбаня. Знает, что творит пакости, за которые придется ответить.

Едем к даотаю. Как полагается для действий трагического Гран Гиньоль*, драма смешивается с балаганом. По пути встречаем шествие с бумажными драконами, ладьями, рыбами и всякой мишурой, идущее поздравить нас с Новым годом.

Сидение у даотая превысило всякие меры терпения. Мы говорили ему о необходимости разменять американские чеки в Кашгаре. Говорили о необходимости лечить зубы. Говорили о спешной необходимости сообщиться с Нью-Йорком. Говорили, что своим поведением он оскорбляет достоинство Америки. Говорили о всех причинах и доводах. Но даотай ответил, что мы можем идти или через перевал Санджу обратно в Индию (что явно нелепо, ибо перевал до июня закрыт льдом), или можем пойти пустыней на Ганьсу (безоружными, через разбойников, о которых он сам предупредил нас), или мы будем задержаны в Хотане. Я указал, что насильственное задержание есть арест, к чему мы не подали никаких оснований. Даотай твердил свое, повторяя, что наш паспорт, выданный по приказу пекинского правительства, негоден. Неужели г[осподин] Чен Ло, представитель Китая в Лиге Наций, не знает, как выдавать паспорта? Но даотай ни о какой Лиге Наций вообще не слыхал. Я указал, что ввиду таких оскорбительных отношений я желаю вообще уехать из Китая. Даотай твердил свое. Люди даотая хохотали за его спиной и показывали на его голову. Препирались нескончаемо. Невозможно было проследить сложный излом невежественности и безумия. Даотай расстреливал нашу симпатию к Китаю. Вспомнился один наш знакомый, прогрессивный китаец в Америке. Слушая мою защиту Китая, он как-то поник и грустно спросил: «А вы сами были уже в Китае?» Я ответил: «Собираюсь ехать». Он добавил: «Поговорим после вашего возвращения».

И вот мы вернулись в дом арестованными. Сидим на уже уложенных сундуках и кончаем день Нового года писанием

обращения к консулам Кашгара: «Экспедиция Рериха накануне отправления в Кашгар была арестована китайскими властями Хотана без всякого повода со стороны экспедиции.

Ввиду отсутствия консула Соединенных Штатов настоящим обращаемся к представителям иностранных держав в городе Кашгаре с настоятельной просьбой оказать самое серьезное содействие для немедленного разрешения экспедиции следовать на Кашгар. В случае если разрешение кашгарского даотая недостаточно, просим телеграфировать за наш счет генерал-губернатору области Урумчи.

Три причины заставляют нас неотложно спешить, а именно: 1) необходимость связаться с нашими представителями из Америки; 2) необходимость видеть врача шведской миссии; 3) необходимость получения денег в Кашгаре».

И вот будем сидеть. Письма наши могут дойти лишь через девять дней, если вообще дойдут. Нам уже вернули пять наших очень нужных и неотправленных телеграмм. Все становится действительно опасным, ибо власти всячески препятствуют нашим сношениям с Америкой. Оружие наше отобрано. Чего еще хотят лишить нас?

Прислали расписку в отобрании нашего оружия. Начинается она так:

«Даю сию бумагу в том, что против мне явился русский человек Хулизу другой имя Лолючу» и т. д. Оказывается, Хулизу значит «Рерих» и Лолючу тоже значит «Рерих». Кто может разобраться в этой дьявольской бессмыслице и в таком искажении имени!

Знаменательно, что Америка опять совершенно игнорируется в этом манускрипте. Вообще, кажется, даотай более Колумба сомневается в существовании какой-то неведомой ему Америки, которую зовут Мэй-гуо.

Е. И. очень удручена. Она ехала сюда с таким открытым сердцем. Говорит: «Что же делать с человечеством? Ведь это не люди!» Юрий очень подавлен. «Ведь тот Китай, который нам в музеях и на лекциях показывают, не имеет ничего общего с происходящим». Наш китаец совсем осунулся и молит более ни о чем не говорить, ибо могут убить. «Ведь это воры, разбойники и собаки». Лама шепчет: «Китайцы иначе и не поступают». Все это становится опасным...

Надеюсь, что Рузвельтам пришлось легче. Они счастливо миновали мешок Хотана. Притом охота в горах избавляет от каждодневных сношений с даотаем и амбанем.

В горах нам никто не вредил и не строил препятствий. И некому было ежедневно менять свои же решения. И ведь это не есть разница психологии. Ведь и китаец наш, и мусульмане одинаково понимают всю опасную нелепость положения.

Сейчас предложили найти верного человека, который подбросит наши письма консулам в почтовую сумку, ибо сегодня около почты замечены какие-то подозрительные соглядатаи.

Е. И. вспомнила, что на днях, 15 декабря, было тридцатипятилетие моей художественной работы.

2 января. Пришел купец, справляется о возможностях торговых сношений с Америкой. Но какие же тут сношения, если Хотан так враждебно встречает именно приезжих из Америки. Ни въехать, ни выехать. Вот так торговые сношения!

Чем враждебнее относятся к нам власти, тем сочувственнее стремится к нам народ. Предлагают вернее отправить наши обращения к консулам. Люди наши искренне возмущены, особенно за отнятие оружия. Говорят: «Никогда они оружия не отдадут». Три китайца советуют ехать по русским дорогам. Высказывается предположение, что власти, по обычаю, хотят вымучить крупную взятку. Наш случай толкуется всячески на базаре. Сегодня бек поехал сопровождать Юрия даже на верховую поездку. Значит, надзор за нами еще усилен.

Записываю подробности, ибо все это для кого-то очень пригодится. Действительно поучительно! У нас паспорт от пекинского правительства, особое рекомендательное письмо от китайского посланника в Париже, прекрасное письмо от консула Соединенных Штатов в Калькутте, письмо от Музея Виктории и Альберта* в Лондоне, письмо от Археологического общества в Вашингтоне, письма от шести учреждений в Соединенных Штатах. С нами китаец, бывший офицер и дипломат. С нами книги, изданные о моих картинах. С нами паспорта — английский, французский, русский. И со всей этой библиотекой все-таки вы рискуете попасть [под] произвол опасных самодуров. Ведь все это очень поучительно.

Сейчас принесли новое «достоверное» базарное сообщение. Видите ли, у нас при обыске найдено много скорострельных пушек. Завтра сочинят, что мои картины — это

крылья аэропланов. Говорят о русском, идущем из Тибета на ста конях. На поверку выходит, все это о нас же.

3 января. Говорят на базаре о борьбе десяти китайских генералов. Говорят о смерти Чжан Цзо-лина*. Говорят о русских, привезших четыреста ящиков оружия. На поверку выходит, что и этот слух — про нас же. Сегодня пошли письма к консулам. Люди боятся идти по пустыне без оружия. Невозможно предвидеть, во что выльется все происходящее.

4 января. Воскресное базарное сообщение. Калмыки гадали на базаре о нашем успехе, и гаданье вышло удачным, как никогда. О чем и прибежали сообщить нам. Сам даотай со своими дурацкими обысками способствует распространению нелепых слухов. Мы-то как-нибудь выедем, а он сам задохнется в своем саду безумия. Решаю снестись с Америкой и отказаться от плана следования по Китаю. У меня слишком много причин для этого. Я взялся картины писать, но не брался вести бессмысленные препирательства с безумцами. Можно перейти самые высокие горы, можно найти общий язык с самыми первобытными племенами, но дикари во фраках с какими-то звездами и со многими женами совершенно неприемлемы и ни в какую эволюцию не входят.

Пришли просить помочь женщине в трудных родах. Мы, конечно, бессильны. Но китаец знает «верное средство». «Это черт сидит под постелью и мешает женщине родить. Надо выстрелить из ружья под постель и черт убежит, а жещина сейчас же родит». Китаец знает и другое важное соображение, он говорит с очень важным видом: «Тибетцы дураки, они думают, что на небе один дракон. Это глупо, на небе дракон и птица. Один дракон дождь не сделает». Китаец также знает, что существует область, где живут только женщины, и у них родятся только девочки. Очень не любит «воскресающие трупы».

Формулируем обвинение даотая для генерал-губернатора. Обвиняем Ма Да-женя, даотая Хотана, в следующем: 1. В глубоко оскорбительном отношении к достоинству Соединенных Штатов Америки и к культурным целям нашей экспедиции. 2. В оскорбительном отказе принять во внимание письмо от генерального консула Соединенных Штатов Америки в Индии. 3. В оскорбительном запрещении свободной художественной работы в Хотане под уг-

розой конфискации всех художественных материалов, принадлежащих экспедиции. 4. В оскорбительном отказе принять во внимание все письма и удостоверения от американских учреждений, организовавших экспедицию. 5. В оскорбительном отношении к нашему личному достоинству. 6. В оскорбительном отказе признать действительным наш китайский паспорт, выданный по приказу пекинского правительства через г[осподина] Чен Ло, китайского посланника в Париже. 7. В отказе принять во внимание письмо, данное г[осподином] Чен Ло ко всем губернаторам [Китайского] Туркестана. 8. В насильственном задержании экспедиции в Хотане, что разрушило срочные планы экспедиции. 9. В оскорбительном отнятии всего нашего оружия (2 винтовки, 1 охотничье ружье и 3 револьвера), что лишило экспедицию всех средств защиты, хотя каждый путник, переходя пустыню, имеет при себе оружие. 10. В оскорбительной и бесчеловечной угрозе выслать экспедицию из пределов Китая через закрытый снегами перевал Санджу. 11. В оскорбительном отказе принять во внимание присутствие в экспедиции пожилой дамы. 12. В оскорбительном и бесчеловечном намерении послать экспедицию в пустыню в направлении Дуньхуаня безоружными, без денег и с больными зубами. 13. В оскорбительном и глумливом ежедневном изменении своих собственных распоряжений. 14. В оскорбительном и бесчеловечном отказе иметь личную консультацию с врачом шведской миссии в Кашгаре. 15. В оскорбительном отказе устроить наши денежные дела лично в Кашгаре. 16. В оскорбительном требовании от нас недействительного царского паспорта через девять лет после [Октябрьской] революции. 17. В оскорбительном отказе разрешить нам сноситься с американскими учреждениями из Кашгара.

Если бы Ма Да-жень, даотай Хотана, хотел следовать указаниям генерал-губернатора в Урумчи, он стремился бы направить экспедицию именно туда. Но его повторный отказ в следовании нашем именно в Урумчи и Кашгар показывает его преступные намерения. Вышесказанные обвинения заставляют нас требовать полного и немедленного удовлетворения.

Также нужно отметить, что во всех переговорах мы указывали властям, что подобные их действия отражаются на китайских студентах и на китайских кварталах, так многочисленных в Америке. Но было ясно, что судьба соотечественников совершенно не интересует преступную власть.

Лама передает, что известный ему лама, отправляясь в паломничество в Тибет, был арестован китайскими властями. Лама дал взятку местному полковнику в размере 1000 лан, коня и два куска сукна, и тот ночью пропустил его. Лама шел девять суток ночными переходами, а днем скрывался в песках...

6 января. Еще «прекрасная» деталь Хотана. Месяц тому назад пришла наниматься женская прислуга. Странная мусульманка: сейчас же откинула покрывало и как-то нагло улыбалась, предлагая себя. Щеки нарумянены. Брови в палец толщиной — в одну линию. Почувствовалось

что-то подосланное, грязное. Отказались. Ушла. Сегодня старик китаец жалуется на слух, распускаемый амбанем, что он делал гнусные предложения прачке. Старик опять негодует. Сразу вспомнилась та, нарумяненная. Путники, будьте осторожны! Старик негодует: «У самого амбаня винная лавка в Яркенде. Если бы нам прислали солдат от консулов». Если уже китаец мечтает о консульских солдатах, то можно представить настроение его...

В своей статье 1925 года в «Шанхай таймс» «В дебрях Тибета» доктор Лао Цзинь говорит: «В одном из святилищ мне удалось увидеть одно из самых замечательных его атрибутов — превращенное в мумию тело одного ученого *, который, как говорят, умер 350 лет тому назад. Одетый в костюм тибетского ламы, каким он был в жизни, он сидит в кресле и имеет вид человека скорее уснувшего, нежели омертвевшего уже столетия тому назад. На столе перед ним лежит незаконченная рукопись, над которой он работал перед смертью. Тело пожелтело и высохло от времени, но в общем сохранилось непостижимо хорошо. Много легенд уже сплелось вокруг этих останков древнего тибетского ученого. Меня уверяли, что три раза за все это время, протекшее после его смерти, его тело меняло свое первоначальное положение, а один раз исчезло совершенно и возвратилось лишь через два-три дня. Однажды хранители храма, войдя в помещение, где находились останки, обнаружили, что лежавший перед ним манускрипт закончен посланием величайшей для всего мира важности».

Окакура замечает: «Какие ужасающие последствия для человечества несет с собою его презрительное невежество в проблемах Востока! Империализм Европы, не гнушающийся бросить клич о «желтой опасности», не представ-

ляет себе, что Азия тоже может проникнуть однажды в жестокий смысл «белого бедствия»! Вы можете смеяться над нами, имеющими «слишком много чая», но не можем ли и мы заподозрить вас, западников, в «недостатке чая» в вашей конституции?».

Ауробиндо Гхош говорит: «Мы говорим человечеству: настало время, когда вы должны отважиться на великий шаг и подняться из повседневности к более высокой, глубокой и широкой жизни, к которой движется человечество. Проблемы, которые тревожили человечество, могут быть разрешены лишь внутренним сознанием, не насильственным утруждением сил природы в угоду пошлости и роскоши, но овладением силами интеллекта и духа, завоеванием человеком как внутренней, так и внешней свободы и победою внешней природы внутренним устремлением. Для этого подвига возрождение Азии необходимо, и потому Азия подымается». Еще Гхош говорит: «Силы старого мира, силы деспотизма, силы традиционных привилегий и эгоистических эксплуатаций, силы братоненавистнической борьбы и себялюбивого соревнования вечно борются, чтоб снова воссесть на земные троны. Определенное движение реакции очевидно во многих странах и сейчас здесь, может быть, более, нежели в Англии. Попытка вернуться к старому миру есть один из тех необходимых поворотов, без которого он не может быть окончательно истощен и исключен из эволюции. Старый мир подымается лишь для того, чтоб быть побежденным и снова раздавленным».

«Вы достигли распространения ваших владений ценою отсутствия всякого спокойствия; мы создали гармонию, бессильную против нападения. Поверите ли вы? Восток в некоторых отношениях выше Запада! Небо современного человека разбилось в циклопической борьбе за богатство и деспотизм. Мир движется ощупью во тьме себялюбия и пошлости. Покупают науку с негодной совестью, являют доброжелательство из любви к утилитарности. Восток и Запад, как два дракона, бросаемые волнующимся морем, тщетно борются, чтоб завоевать драгоценный камень жизни.

Нам нужна «Наука», чтоб исцелить великое бедствие. Мы ожидаем великой аватары*!»

Александра Давид-Ниль* в своей статье «Будущий герой Севера» («La vie de Peuple», Париж, 1925) говорит: «Мы можем улыбаться этим безумным мечтам, но в тех

огромных областях, где они принимаются с непоколебимой верой и с величайшим почитанием, влияние их может стать мощным и дать призыв к совершенно неожиданным событиям, которые наиискуснейший из политиков не в состоянии предвидеть».

Прочтите рассказ Давид-Ниль о старом ламе, принесшем цветы на ледники. Прочтите сказание ламы о наступлении времени Шамбалы. Из местного сказителя лама обращается в деятеля международных событий. Давид-Ниль привезла из Тибета несколько новых вариантов рукописей о Шамбале...

128 Так и живем. То сведения с высот, то сведения из пропасти. Сегодня нашего китайца солдат остановил на базаре, схватил лошадь под уздцы и потребовал с него денег. Вчера один из наших «конвойных» остановил на дороге женщину и пытался потребовать с нее деньги. И в такой стране нас оставляют безоружными. Странно, что и Пржевальский имел неприятности именно в Хотане. Марко Поло осуждал нравы Хотана. Так и сидим на сундуках среди несказанного безобразия. Принесли базарное сведение, что даотай вводит в Хотане торговлю опиумом.

8 января. Часть братии Будды занялась ссорами, и благословенный покинул их. Соседние жертвователи отшатнулись от сварливых, и они смирились и пришли к Будде, прося забыть все, не касаясь причин ссор, бывших между ними. Но Будда сказал: «Такое примирение будет непрочно. Напротив, бесстрашно обнажите все корни ссор и вражды вашей. Только тогда примирение будет действительно».

Отправляясь в Азию, не берите с собой много съестных припасов. Все имеется в достаточном количестве. Кашмирские агентства ничего не знают. Заставили нас везти с собою и муку и рис. Пугали, что нет сахара. Заставили взять пищу для лошадей. Между тем все имеется, а для десяти дней пути через Каракорум не нужно много запасов. Только караван бессмысленно удлиняется!

10 января. [Как же наше сознание обогатилось пребыванием] в Хотане? Становится еще раз ясным, что жизнь, подобная жизни Хотана, существовать не должна. Подумайте, жизнь ста тысяч людей превращена в беспросветную тьму. Из тьмы родятся болезни, пороки, ложь, предательство и невежество. У людей осталась одна торговля, мелкая, добываемая обманом и предательством.

Понятие о качестве продукта умерло. Понятие о срочности работы погибло. Понятие о победе труда опустошено. Идет погрязание в слизи луж базара и взаимное удушение. Так продолжаться не может.

Лама, предупреждавший, что «китайцы иначе и не поступают», предсказывает еще одно обстоятельство. Он говорит: «Когда увидят они, что дальше идти нельзя в наглости и в жестокости, они будут уверять, что вообще ничего не было, что нам все только показалось, а они всегда были друзьями. Обратите внимание, они все передают устно, и запуганные беки откажутся от всего ими виденного и слышанного. Единственное доказательство — это расписка в отнятии оружия».

Вы, строители нового Китая, уберите скорее «зубров». Место им — в зоологическом саду. Молодые борцы, вас зовем!

Наш хотанский приятель Худайберды-бай рассказывает с юмором Востока о посещении им своего скупого приятеля: «Прихожу к нему, а он сидит и моет кучи серебряных монет, совершенно почерневших. Оказывается, он держит свое богатство в земле, а у нас земля такая, что серебро совершенно чернеет. Я и говорю ему: «Видишь, даже серебро чернеет, когда от людей спрятано. И лицо твое так же почернеет на том свете, если ты будешь бесполезно скрывать свои богатства»».

Это рассказ разумного Востока.

В двух днях пути от Хотана по течению Каракаша недавно найдены большие золотые россыпи. Тысячи золотоискателей, работавших по течению Керии, бросили там работы и устремились к Каракашу. Названо еще несколько золотоносных рек. Конечно, все это обрабатывается самым грубым способом. По естественным богатствам Синьцзян очень богатая провинция.

11 января. Сенсация Хотана. Пришли базарные сведения об обеде, устроенном консулом советских республик в Кашгаре. Обсуждается на базарах, и шепчется сочувственно, и восторженно рассказывается. На обед были приглашены даотай, китайские власти, английский консул, купцы, а также многие из самых беднейших жителей. Места были распределены так, что даотай и английский консул оказались среди самых оборванных бедняков. То же произошло и с наибольшими богатеями города.

Консул и его сотрудники, в простых костюмах, сами подавали блюда, меняли тарелки. Консул сказал: «Не правда ли, мы теперь не на службе, здесь мы все люди, мы все равны. Завтра вы будете начальником, даотаем, а сегодня мы люди равные». Судя по откликам в Хотане, впечатление получилось громадное, незабываемое. Так рассказывается на базаре. Не разобрать, где начинается народное творчество.

12 января. Пришли письма из Америки. Через Кульджу от 5 ноября и через Ташкент от 1 декабря. Почти тот же срок, как в Ладакх из Нью-Йорка. Любимые друзья, читали с радостью о всех работах, о выставках, о лекциях, о школе, о пропаганде искусства в широких массах. Ведь все это так неотложно полезно для Америки. Вы приносите истинную радость в жизнь молодежи и зажигаете сердца.

Френсис пишет: «Мы получили письмо из Вашингтона, сообщающее, что резидент Кашмира писал правительству об инциденте, случившемся в Тангмарге, враждебно, но мы ответили, протестуя против недостойного отношения к нашей экспедиции во время ее пребывания там». Вот это вы не ладно делаете...

...Вы много играете в гольф, но не играйте человеческой совестью. Неужели Вы можете отрицать, что Вы не отвечаете на письма? Неужели Вы можете отрицать, что наши люди были избиты и поранены в Тангмарге? Неужели Вы можете отрицать, что шлем был сбит с головы сына моего Юрия и он сам случайно не был ранен стальной палкой? Неужели Вы можете отрицать, что телеграмма, подписанная мною, была составлена инспекторами полиции? Неужели Вы можете отрицать, что нам же, атакованным, пришлось заплатить полиции? Неужели Вы можете отрицать, что среди нападавших в Тангмарге был шофер Вашего консульства? Неужели Вы будете отрицать, что, несмотря на все наши телеграммы и находясь в часе езды от места происшествия, Вы в течение шести часов не нашли нужным оградить достоинство экспедиции? Неужели можете отрицать, что письмо от генерального консула Соединенных Штатов Америки было брошено... на стол с замечанием, что оно его не интересует?

Давно замечено, что при распаде империй именно на окраинах появляются чиновники, усиленно подрывающие центральную власть. Мы три раза жили в Лондоне, мы видели и знаем, какова там жизнь интеллигентной мо-

лодежи и лучшей части трудящихся. Должна существовать хотя бы примитивная справедливость. Со стороны лорда Литтона и его семьи мы встретили культурное отношение, и это нужно сказать. Поведение Ди-Вуу и его подчиненных было высоко недостойным, и это нужно сказать... Ди-Вуу называл американского путешественника Баррета «Ужасная ерунда» и говорил, что будет очень рад, когда Рузвельты уберутся с его территории. Вообще отношение к приезжающим из Америки очень плохое; достаточно вспомнить подробности более чем странного следствия по поводу «гибели» молодого, полного сил американца Ленгдона в прошлом году. Подробности этого возмутительного случая знают англичане, спутники Ленгдона. Как возмущались бы наши английские друзья!

Слышали о каких-то гигантских статуях в Центральной Азии. Трудно распознать, может быть, это известные статуи в Бамиане * — полуразрушенном городе между Кабулом и Балхом. Высота одной из них достигает 170 футов. Одни считают их всецело буддийского происхождения, другие же видят в них самую глубокую древность. Такая же неясность, как и относительно каменных гигантов на острове Пасхи.

Наш китаец совершенно оскорблен властями. Не хочет более возвращаться в Китай. Мечтает о Тибете или о России. Вывесил на воротах какое-то огромное яркое (черное и красное) объявление. В переводе оно значит: «Американский Художественный офицер Ло воспрещает входить во двор не имеющим дела». Оказывается, Ло значит «Рерих»! Ло — по-китайски «набат».

В Хотане был ночной пожар. [Местные жители] приписали его худому обращению властей с хорошими гостями.

13 января. Пришла телеграмма: «Вашингтон принимает необходимые меры». Но оружие все унесено, а без оружия я не выхожу на этюды в чужих странах. Имею много опыта и оснований к этому. Не только люди, но и одичалые псы научили этому обычаю. Разве не нагло — игнорировать все американские бумаги и лишать всех средств защиты? Были всякие случаи притеснения экспедиции, но такой акт в литературе неизвестен. Возлагаю на правительство Китайской республики ответственность.

15 января. Пришла телеграмма из Америки, так исковерканная, что никакого смысла понять невозможно. Не-

видимые друзья с базара принесли весть о крупной ссоре между даотаем и амбанем.

И даже дни кажущегося бездействия полны знаками. Вот замечательный ларчик. Вот сведения о Севере. Вот сведения о монастыре около Кульджи. И там Майтрейя. Вот сведения о том, что часто правитель области Китая просто не признает денег своего предшественника. И люди не знают, [в какой валюте] держать деньги. Из будней рассуждение восходит к проблемам общественного строя. Бывают времена, называемые «шар событий», когда всякое обстоятельство подкатывается все к одному и тому же

общественному концу. Уже семнадцать лет наблюдаем некое зеркало, и отражения его неизменно являют звенья одной спешащей эволюции. Между могилой отходящего и между колыбелью грядущего электроны несказуемой энергии собирают новообразования. И живописец—затворник горных обителей уверенно изображает битву и победу Майтрейи. Уверенно наносит черты и отличия наступающих и признаки уходящих. И спокойно неоспоримо подписывает посвящение: «Почитание владыке закона, славному владыке северной Шамбалы». В Бурхан-Булате будет храм Шамбалы.

17 января. Власти углубляют преступность свою. Амбань начал вскрывать пакеты, нам адресованные. Сегодня вскрыт пакет из шанхайского банка. Скажем ему: «Не забудьте, амбань, что именно статуя Свободы открывает путь в сердце Америки. Теперь весь Хотан знает о получении нами денег, а вы и даотай лишили нас всех средств самообороны».

Амбань сообщил, что есть приказ из Урумчи вскрывать все письма и отнять оружие, но что взамен оружия нам дадут стражу из солдат. Отвечаю ему, что мы не можем доверять их солдатам, ибо все они бегут лишь при виде одной нашей собаки. А между тем три года назад именно американская экспедиция должна была отстреливаться от нападения стаи овчарок. Ставлю на вид амбаню, что оружие, им захваченное, принадлежит американским учреждениям, но опять Америка совершенно игнорируется им. Не успел амбань доехать до города, как в подтверждение моих замечаний о страже к нам прискакал секретарь от даотая, прося помочь в тяжком хирургическом случае: два ближайших телохранителя даотая стреляли друг в друга. Конечно, мы не хирурги. Оказывается, офицер

стражи даотая крал вещи, другой стражник открыл это и в результате — два тяжко раненых. И вот из этих воров и убийц даотай хочет составить нашу стражу. Наш старик Цай Хань-чен говорит: «За вскрытие чужого письма в Китае прежде полагалось выколоть глаз и отрубить руку, но здесь не офицеры, а разбойники». Поучительно будет посмотреть, какова в Урумчи центральная власть всей провинции Синьцзян.

18 января. Выпал первый снег. Е. И. кормит птиц. Масса пестрых птичек окружила ее. Индийцы часто кормят птиц в течение зимних месяцев.

19 января. Получено письмо от английского консула в Кашгаре. Видимо, там начали хлопотать, чтобы мы могли выбраться из ужасного Хотана.

20 января. Письмо от английского консула. Сообщает, что по ходатайству его и кашгарского даотая генерал-губернатор приглашает нас немедленно ехать в Кашгар. Посмотрим, как и когда известят нас здешние «правители».

К вечеру амбань через Худайберды-бая коротко уведомил, что получено от генерал-губернатора разрешение нам ехать на Кашгар. Даже приказы генерал-губернатора сообщаются через частную записку частного человека. Вот так организация: при первом свидании я говорил даотаю, что Акбар Великий называл путешественников лучшими послами его государства и всегда заботился о их добром отношении. Могу теперь сказать даотаю: «Вот, Ма Да-жень, три месяца вы деятельно создавали наше настроение, и я не скрывал от вас, что буду описывать все происходящее. Конфуций заповедал, что на сделанное зло надо отвечать по справедливости. Китай страна конфуцианства, и, по Конфуцию, я должен написать на вашем портрете: «Ма Да-жень — невежественный и жестокий дикарь». По учению Будды, «невежественность объявлена величайшим преступлением». И тот же мудрый Конфуций отверг всех восстающих против искусства и знания. Между тем все мы ехали с искренним желанием занести в записки, что власти республиканского Китая стали просвещеннее, нежели во времена упадка империи. И теперь опять пытливо будем всматриваться в глаза новых властей, не притаился ли у них за плечами невежественный Ма Да-жень?

Люди зашевелились. Сборы. Из всех сундуков лучшие — американские «белбер». Не погнулись на всех перевалах и не пропускают пыль. Лошадь вполне несет два сундука. Плохи кашмирские яхтаны.

Наш китаец ликует, он, видимо, боялся прямых эксцессов со стороны даотая. Теперь он признает, что его следование «обычаям» было излишне. Он заставил везти даотаю хлопушки в день окончания его нового дома. Он устраивал шествие с подарками, когда мы приехали в Хотан. Он без нашего желания возил карточки к новому амбаню. По результатам судя, все это было зря. Он же

объясняет тем, что это не офицеры, а разбойники, но согласен, что эти обычаи надо оставить.

Как и можно было ожидать от невежественных властей Хотана, теперь они дают понять, что приказ генерал-губернатора пришел по их ходатайству. Они не знают, что в письме консула ясно изложен порядок получения приказа, и думают, что мы им поверим.

Мафа (повозка) от Хотана до Кашгара стоит 25 сар. Грузовая лошадь — 6 сар.

Из проявленных негативов очень многие и нужные оказались испорченными. Какие-то полосы и черные пятна. Еще в Индии нас предупреждали, что так называемые тропические пленки дают результаты очень плохие.

У нас все обычные фильмы благополучны, а «Кодак» тропические — все мутны, часто целая половина или белая, или черная. Очень хороша «Агфа»...

В Каире около наполеоновских ядер, торчавших в стене мечети, я спросил проводника: «Отчего вы не уберете эти следы варварства?» Было отвечено: «Мы будем хранить этих свидетелей варварства Европы». Сколько таких меморий сохранит Восток! Ничто не забыто. Пряжа мира должна быть начата вновь.

Там опять пришел человек. Хочет говорить. «Откуда?»— «Не сказал».— «Кто такой?» — «Видимо, лама».— «О чем говорить?» — «О свободе, о приходе Шамбалы».— «Ну веди сюда».— «Скажи тибетского чаю дать». И опять нежданный друг несет новую пряжу радости...

23 января. Наш китаец и лама, видимо, хорошо знают известный сорт китайских властей. Все сбывается по их

«пророчествам». Власти повторно уверяют в своей дружбе и все случившееся сваливают на генерал-губернатора Синьцзянской провинции. Конечно, мы уверены, что старик начальник области или дуту ни о чем не знают. Теперь у властей забота, под каким предлогом вернуть нам арестованное оружие, чтобы свести все к неуловимому устному изложению и сказать: «Все бывшее — это фантазия путешественников». За три месяца мы прошли отличную школу. Кое-что из пройденного нами курса остается все-таки неясным. Например, для чего власти всячески препятствовали нашим сношениям с Америкой и вернули неотправленные телеграммы, тогда как всем известно, что через Кашгар и через английского и русского консула всегда можно сноситься? Местные люди нас сразу предупреждали не верить властям. И на наш вопрос «почему?», ибо мы ничего худого не сделали, местные бородачи твердили: «А потому, что они дураки». Но ведь и в действиях отъявленного глупца есть же какой-то, хотя бы извращенный, смысл. Значит, здесь скрывается не одна глупость, а также и преступность.

Пришла телеграмма из Нью-Йорка: «Министр Америки действует»...

Не забудем цветочную пыль Японии, которую мы еще не видали: Камио *, владычица Нары, пела: «Если я сорву тебя, моя рука тебя осквернит, о цветок! Таким, каким вижу тебя на груди луга, таким я посвящаю тебя буддам прошлого, настоящего и будущего».

И еще страница истинного Востока, посвященная Матери Мира: «Покрывшая лик свой. Соткавшая пряжу дальних миров. Посланница несказанного. Повелительница неуловленного. Дательница неповторенного!

Твоим приказом океан замолкает и вихри черты невидимых знаков наносят... Она, лик покрывшая, встанет на страже одна, в сиянии знаков. И никто не взойдет на вершину. Никто не увидит сияние двенадцатизначника * ее мощи. Из спиралей света знак соткала сама в молчании. Она водительница идущих на подвиг. Четыре угла, знак утверждения, явлен ею напутствием решившимся...

Приказ безмолвный, всепроникающий, неотменный, неделимый, неотвергаемый, ослепительный, щедрый, неописуемый, неповторяемый, неповрежденный, неизреченный, безвременный, неотложный, зажигающий, явленный в молнии» *.

Глава

8

Такла-Макан — Карашар*

(1926)

136 27 января 1926 года. Тимур-бай — наш новый караванщик. Куда ни оглянешься — всюду какие-то исторические имена. И все шахи, султаны, баи. Даже самый незаметный и тот прибавляет себе — ахун. Приходит взвешивать наши вещи. Устройство весов переносит во времена неолита. На перекладине висит палка с какими-то «магическими» кружками и метками. Массивный зеленый кусок нефрита на веревочке передвигается в противовес сундука, и «маг» в круглой шапочке изрекает цифру, ему одному очевидную. Положительно, в неолите мы находили такие камни с дырками и называли их грузилами, но, вернее, это гири.

Нам нужно на восток, и потому завтра идем на запад. Остановки до Кашгара*: 1) Зуава, 2) Пиалма, 3) Зангу (Чуда), 4) Гума, 5) Чолак, 6) Акин, 7) Каргалык, 8) Фоскан, 9) Яркенд, 10) Кокрабат, 11) Кизил, 12) Янгигисар, 13) Яборчат, 14) Кашгар.

Наши друзья калмыки уже вчера прошли мимо нас по краткому пути на Аксу — Карашар. В темноте рассвета мимо наших ворот звенели басистые колокола их верблюдов. Они повезли таин-ламе ковры из Хотана.

Опять в нашем караване будет три течения: буддийское, мусульманское и китайское. Последнее — слабее. Последнее изобретение Цай Хань-чена — знамя экспедиции с крупной надписью «Ло (Рерих)», т. е. «набат»,— водружено на ярко-красное древко. Цай Хань-чен отвез наши карточки властям, и, как следовало ожидать, мошенники даотай и амбань уверяли, что они нам очень помогли...

Пришли мафы для ламы и Цай Хань-чена. Ясно, что эти экипажи не изменили вид с XV века и годились бы в любой музей. Худайберды-бай привез дастархан в виде жареного барана и пирожков. Так он и остался нашим единственным другом в Хотане. Впрочем, еще полковник китайский понял, что вышло нечто плохое. Опять вьюки.

Опять мохнатые шапки. Опять яростный рев Тумбала. Утром в путь. Последний раз прилетели к нам хотанские птички и пришли бараны. Тумбал, как черная статуя, застыл на груде яхтанов.

28 января. С семи утра собирали караван. Видели мы работу тибетцев — отличная была работа, спешная, энергичная. Хуже работа дардистанцев и кашмирцев. Хороша работа ладакхцев, но хуже всего работа хотанцев. Такую лень и неприспособленность трудно представить. С семи до двенадцати с трудом навьючили сорок лошадей. Шли по Хотану и еще раз убедились, что все, что носит признаки старого Хотана, не так было плохо и являет остатки резьбы, каких-то украшений и пропорций. Но все новое превратилось в бессмысленную груду глины и жалких кольев. Лица на базаре попадаются неплохие, но забитые и лишенные всякого выражения.

Ясно, что места, подобные Хотану, изжили все свои старые соки и могут обновиться лишь коренным потрясением. Китайцы сидят за глиняными стенами китайского города. [Единения] с населением у них нет. Они остались случайными пришельцами, угнетателями и не думают помочь стране хотя каким-нибудь улучшением. Запылилась жизнь, запылились мозги. Нужна искра сильной молнии.

Вдали мелькнул силуэт светло-серого Куньлуня. Щемяще удаляться от этого замечательного хребта. Щемяще знать, что Гималаи удаляются. Сознание новых приближений зовет обернуться к Востоку.

Опять стража из пяти солдат. Неизвестно, мы ли их стережем или они нас. Каракаш замерзла, и лошади разбивают легкий ледок. Утро студено, но в середине дня солнце уже печет. На ветках почки. У дороги сидят серенькие хохлатые жаворонки. Проехали 9 дорожных башен. Опять Зуава. Цай Хань-чен говорит, улыбаясь беззубым ртом: «Даотай Хотана думает, что мы опять вернемся в Хотан. Такой глупый офицер».

Но теперь всякие соображения о глупых офицерах от нас далеки. Ведь мы опять в пустыне. Опять вечерние пески, лиловые. Опять костры. Караван с вещами сильно запоздал, и мы сидим налегке, как будто и не бывало этих вещей, которые так усложняют всю жизнь. На песке — пестрые кошмы. Веселые языки пламени красно и смело несутся к бесконечно длинным вечерним тучам. Вечером в Зуаве оказалось, что приставленный к нам бек и офицер

накурились опиума. Юрий просил Цай Хань-чена выговорить им. Тот говорит, конечно, «это очень дурно, но главному покровителю опиума в Калькутте поставлена статуя* на коне. Англичане нас приучили к этому яду». И свет луны, и тишина ночи опять наполнились человеческим ядом...

29 января. До рассвета пришлось самим поднять весь караван. Тимур-бай куда-то уехал и оказался лентяем. По-тибетски я кричал по палаткам: «Лонг, лонг, лòнг»,— как кричат тибетцы ранним утром, поднимая народ. На бугор вышел человек с огромным рогом и начал протяжно

трубить на все стороны. Оказывается, мельник оповещает селян о готовности своей молоть их зерно. Опять пустыня. Опять мазар с голубями. Но теперь всюду пробелки тонкого снега. Серебристые тона стали строже. Снеговые горы с левой стороны стали и воздушнее и разнообразнее. Но пески по-прежнему утомительны. Редко, когда так уставали. В сумерках весть из пустыни со спины неизвестного верблюда: «В Пиалме вода высохла». Ну все же кое-как пойдем. В восемь часов в темноте при мутной луне вошли в Пиалму. Здесь нас ждал шведский миссионер Нистром (по-китайски — Лисети). Судя по рассказам, он имел много случаев с китайскими властями, подобных нашим. Такая же лицемерная неустойчивость и наглая изменчивость решений.

30 января. Затуманилось. Кругом бело-сизый туман и круглая тарелка песков. Иногда пески приобретают скульптурный характер или приближаются к жемчужной раковине. Но все-таки сегодня идем по ровной тарелке с редкими низменными барханами, с торчащими тонкими кустиками. Полузасыпан остов осла. Торчат полуразвалившиеся башни — потаи*. Каждый из них делится на десять ли. Потай можно пройти легко в сорок минут. Волны песка сливаются в ровную линию горизонта. Что же нарушает однообразие этой тарелки?

В Хотанскую пустыню пришел слух о нашем путешественнике Козлове. Толкуют, когда Козлов был в Карашаре, там жил «страшный дракон». Но храбрый русский богатырь победил опасного дракона, заклял его и запечатал в стеклянную банку. Этим был спасен весь край. Толкуют о засыпанных городах и показывают рукой в сторону Такла-Макана. Какое-то почтение и суеверный страх звучат при произнесении названия великой пустыни. В эту сторону тянутся две ниточки караванов. Идут из

Пиалмы за топливом. И больше ничего. И звуков никаких. И красок больше нет. И жемчужная пыль взвивается голубым пологом. Как древние катафалки, мерно идут мафы и широко машут пурпурными колесами. Красочно, ярко горит красный наспинник китайского офицера. Против ветра он надел уморительный желтый капор с длиннейшим красным наспинником. Откуда это изобретение? В нем скрыты какие-то тысячелетия.

Влево уходит нить каравана. Куда он? Ведь это направление идет прямо на Тибет, на Чантанг. Так и есть, они идут на тибетские озера за солью. И еще памятная встреча. Зачернел далеко человек. Бодро шагает. Шаг не [киргизский], а китаец по пустыне один не ходит. Шапка с ушами. Серый армяк. Да, это ладакхец. Этот пойдет хоть куда один по пустыне. Поравнялись. У него все зубы засветились. И руки протянул: «Джули, джули»,— приветствует. И его к нам потянуло. Нашлись разные знакомые. Говорим, кто куда ушел. Кто в Чантанг. Кто через Кокяр. Кто мерз на Санджу. Что же это такое, что так сближает нас с тибетцами и ладакхцами? В чем же этот общий язык? Откуда общий бодрый шаг? Откуда смелость одиноких хождений? Хотелось оставить с нами этого прохожего друга.

31 января. После ветра и тумана сияет яркое утро. Идем до Чуда: люди просят прервать поход до Гумы на два дня. Так и сделаем. Китайский отдел каравана развалился первым. На четвертый день Цай Хань-чен уже похож на мертвеца. Тан Ке-чан сильно ослабел и даже застрял на дороге. Сун потерял перчатки и впал в раздражение. У китайского солдата пала лошадь. Словом, еще раз нам показано, что для похода китайцы совершенно негодны. Цай Хань-чен отлично клеит бабочек. Тан Ке-чан заботливо возится около своей постели, ибо порядочная китайская постель должна походить на гору. Сун бойко налетает на [киргизов]. Солдаты и офицер в капоре похожи на все что угодно, но не на воинов. И эти винтовки с наглухо заткнутыми дулами и завязанными замками—ведь они превратились в символ. Конечно, разбойников здесь нет, но вся эта рать побежит при виде первой организованной колонны.

Опять попадаются бело-синие пятна снега. С северной стороны каждого бархана притаилось такое светлое благоуханное пятно. Положительно, снег дает почве какое-то благоухание. Нельзя верить, что сегодня последний день января,— это весна. Тюрки сегодня работали лучше, за

что и получили барана. Бедные, они ценят каждое проявление внимания. Видимо, хозяин каравана их жмет. Что же это за «лестница спрутов»? Геген опять сердится на китайцев.

Приятно прийти на стоянку до темноты. В Тибете идут с четырех утра до часу [дня]. Да, да, положительно весна. Рисовал.

1 февраля 1926 года (понедельник). Гума. Шли какими-то фантастическими песочными формациями. Иногда казалось, что это остатки ступ или башен. Снега больше. Белые откосы дают впечатление берегов, а между ними — точно море. Настолько убедительно впечатление моря, что приходится вспомнить, что в пустыне нет таких водных поверхностей.

Опять «приготовлен» для нас пыльный сад, опять беки и солдаты. Не успеваем разложить палатки, как приезжает амбань. Впечатление лучшее, нежели в Хотане. Амбань знает о наших хотанских невзгодах. Возмущается хотанскими властями. Удивляется, как можно запрещать художнику работать, и подтверждает, что дорога на Дуньхуан по пустыне очень трудная и для «тай-тай» невозможно было бы ехать таким путем два месяца (тай-тай значит «госпожа»). Разговор переходит на детские темы: в Гуме летом очень жарко, жарче, чем в Ганьсу. В Урумчи теперь очень холодно и нельзя, как здесь, сидеть на дворе. В Гуме хороших лошадей нет, но зато в Кашгаре есть высокие лошади, а самые лучшие иноходцы — в Карашаре. Все это мы и без того знаем. С амбанем его сын девяти лет. Потом и отца, и сына сажают в пестрый двухколесный ящик — мафу, и все уезжают. А Юрию опять приходится садиться на коня и ехать с ответным визитом. У ворот толпа. Поверх глиняных стен торчат вереницы голов в мохнатых шапках. Солдаты шумно стегают непрошеных зрителей. Завтра стоим в Селяке вместо Чолака: в Чолаке вода вся пересохла.

Вечер закончился китайскими танцами. Пришла процессия с бумажными фонарями. Перед воротами сада сомкнулся тесный круг, и пошел пляс. Сперва старик, молодуха и верблюд. Молодуха убегает от старика, тот ловит ее, и верблюд очень декоративно машет косматой шеей.

Потом танец корабля с песней. В красной бумажной ладье качается «красавица», и гребец вроде Харона* гребет перед носом ладьи. Потом — дракон и ездоки на

бумажных конях. Пели: «Как из неба рождаются звезды, так из земли выходят воды».

Нехитро, но ничего грубого и мерзкого не было. Взрослые голоса мешались со звонкими молодыми. Вся темь ночи была полна движения простой и негрубой толпы.

2 февраля. Очень зимняя, белая пустыня. Потоки замерзли. После Гумы — сразу плоская равнина. На горизонте низкие снежные холмы. Из-за воды должны остановиться в Селяке в час дня. Такого короткого перехода еще не бывало. Селяк — простой глиняный караван-сарай с несколькими корявыми деревьями среди молчащей пустыни. Серое небо. Восточный ветер. Какие-то верблюды, полдюжины собак и запуганные детишки хозяина. Ничего больше. И здесь догоняет нас странное сведение о Хотане. Керкембай, он же Молдаван, так поразительно похожий на англичанина, выдавал себя за персидского подданного, но оказался беглым директором Оттоманского банка и католиком. Вот уж подлинно безобразное наслоение, и становится понятнее, почему он три недели задерживал наши телеграммы. В его мастерской по изданиям Британского музея подделывают ковры. С какой фирмой в Лондоне или Париже он в связи и в каких антикварных магазинах встречаются его подделки?

На базаре в Гуме женщины откинули фаты с лица, чтобы лучше нас рассмотреть. Откинутая фата складывается как кокошник. Наверно, форма некоторых кокошников получилась от закинутой фаты. Бек в Гуме — совершенный Садко, и гримировать не надо. Для всех опер [Римского-]Корсакова здесь готовые персонажи.

В пути солдаты рассказывают нашему Цай Хань-чену, почему плохи их кони. «Ведь начальство ставит на счет правительству 25—30 саров, а само платит 15 или 10». Все толкуют об убийстве даотаем Хотана кашгарского Ти-Тая. Почему-то убийца поторопился прикончить арестованного без суда генерал-губернатора. Всюду какие-то корыстные причины.

Тан Ке-чана мы должны были покинуть в Гуме, он совсем развалился. Пример губительного действия опиума. Как только из своей прокуренной закутки курильщик попадает в условия бодрой природы, он разваливается, как карточный домик.

Вода в Селяке, как жидкий кофе. Чай получается совершенно безобразного вида и вкуса. Опять ставим палатки. Недалеко — одинокая могила с двумя хвостами на погнувшихся кольях. Рисовал.

Читаем Владимирцева * — жизнеописание Чингис-хана. Хороший, жизненный ученый Владимирцев. За время революции выпустил уже несколько книг, и все такого бодрого содержания и такие нужные по времени. Жаль, что Руднев * замолк: ведь все, что [касается] Монголии, теперь так значительно. Надо бы жизнеописание Чингиса перевести для Америки. Эта стихийная предприимчивость будет там оценена.

3 февраля. За ночь ходили караваны мимо нас. Целым оркестром звенели колокола верблюдов. Наконец один караван наехал на нашу палатку и чуть не сокрушил.
142 С утра ветер. Пустыня вся побелела. Началась зима, и весь длинный переход шли как по дальнему северу. Прошли старый лянгар * с остатками башен. Зачернели низкие деревья, и показался Ак-кем — маленькая деревня в несколько мазанок. Караван наш очень запоздал, и опять сидим в ожидании.

Опять бесконечные россказни о трусости [китайского] полковника Ду Линя, о предательстве даотая, о глупости амбаня. Никогда и нигде мы не слыхали такого дружного осуждения властей. Даже записывать скучно: так продолжаться не может; новому Китаю придется совершенно изменить качество своих чиновников. Сун два раза упал с лошади. Китайскому отделу каравана положительно не везет. Е. И. с восьми [утра] до четырех [дня] ехала рысью, вот это удивительно. Когда-то она была ездоком.

Откуда-то приносят для покрытия пола очень красивые кошмы. В Хотане таких не видали. Очень сложный мозаичный рисунок. Лучше, нежели ковры. Положительно, кошмы и набойки — лучшее из местных производств. Рисунки набоек те же, как в России XVII века или раньше. Рисовал.

4 февраля. От Ак-кема до Каргалыка — небольшой, но студеный переход по снежной пустыне. Говорят, через день снег опять уйдет. Почему-то полоса от Селяка до Каргалыка всегда особенно снежная. Может быть, это влияние какой-нибудь гряды гор — других причин не видно. Другая особенность здешних мест — серебро и даже золото совершенно чернеют — верно, состав почвы способствует. Постепенно по длинной слободе въезжаем в Каргалык. Увы, по жестокому запаху он напоминает Сринагар. Спрашиваем, отчего здесь так грязно, хуже, чем в Гуме. Обычный ответ: «Амбань бухао», т. е. «амбань скверный».

Нам отведено помещение на самом базаре, среди невероятной грязи. Пришлось махнуть рукой на весь опереточный эскорт и на беков и самим отыскивать сад за городом. Нашли уединенный дом с садом. Завтра кончаются мрачные владения хотанского даотая. Не будет ли лучше? Одно не мог испортить этот преступник: он не мог засорить воздух пустыни. Чудный, предвесенний, студеный воздух.

День закончился опять танцами. Дракон и ладья были обыкновенны, но лучше всего был танец на ходулях. Сказались природные артисты. Тот же русский танец с ухаживанием молодца за девицами под струны, похожие на балалайку. И Дягилев и Больм * могли бы позаимствовать для своих композиций. И слуги в красном с бумажными фонарями были неплохи. Эта черточка творчества на минуту осветила мертвенность пустыни.

Зобов здесь меньше. Дайте этому народу хоть маленькое окошко света, и буйное пламя сердец вспыхнет.

5 февраля. Каргалык проводил нас плохо. Приставленные беки оказались идиотами. Лошадей не достали. Наконец один бек явился на диком жеребце, который ударил Оллу — лошадь Е. И. Удар пришелся по ноге Е. И., но, по счастью, был смягчен гильгитским мягким сапогом. И к чему только навязывают этих беков и солдат? Кроме неудобства и расходов, они ничего не приносят. Вчера пришел китаец наниматься в слуги. Оказывается, он застрял в Каргалыке после убийства амбаня солдатами. Много убийств. Спрашиваем Суна: отчего даже беки в Каргалыке скверные? Следует стереотипный ответ: «Амбань скверный» (выговаривают здесь не «амбань», а «амбал»).

Снег сразу прекратился за Каргалыком. Видимо, снеговая полоса кончилась, но зато начались белые солончаки. Проехали два базара. Миновали убогие мечети и кладбища и въехали в длинный базар Посгам. Стоим не в палатках, а в доме старшины. Большой дом с разными темными комнатками. Опять на полу цветные кошмы, даже стол и кресла с кожаными сиденьями. Конечно, дом этот указал случайный пенджабец с базара, а все беки только мешали двигаться. Когда же кончатся эти безнадежно однообразные селения, лишенные красок и гибнущие в лени и одичалости? Вот проехали кузницу. Конечно, она прекрасна как декорация для постановки «Нибелунгов», но как сельскохозяйственное приспособление она никуда не годна. В маленьких ямках полуголые люди и ребятишки дуют в игрушечные меха. Уберите отсюда волнение

от [прибытия] каравана, и все погрузится в полный паралич.

6 февраля. Почти весь переход до Яркенда — среди мирных заборов оазиса. На миг блеснула бурливая поверхность Яркенда. Мелькнула колоритная переправа на паромах среди обледенелых берегов, среди скопления коней, верблюдов, ишаков и маф, а затем опять те же мазары и глинобитки и головастые остовы придорожных ветел. Так до самого Яркенда, до самых глиняных стен. Опять нам приготовлен дом на самом базаре, но является избавитель в виде ладакхского аксакала. Нас везут за город, и в спокойном саду мы находим белый дом со службами, с красными коврами и, главное, с лхасской речью самого аксакала. Из Посгама нас проводило приветствие пенджабца: «Урус хорош», а здесь — знакомая речь тибетская. Заехали к шведским миссионерам. Лечили нашего старика китайца. Слушали опять разные россказни о местных обычаях: как китайцы-чиновники доводят население до полного разорения и затем легко управляют обнищавшими париями. Пришло письмо английского консула: зовет остановиться у них. Местный Русско-Азиатский банк тоже предлагает три комнаты в Кашгаре.

7 февраля. День в Яркенде. Люди наши едят баранов. Тишина. Странная вещь — решительно все просятся идти с нами дальше. Даже китайские солдаты эскорта говорят, что с радостью пошли дальше бы с нами. В подметальщики поступил китайский капитан. Русский офицер, какой-то армянин, мажордом бывшего амбаня — все просятся. Этак до Урумчи дойдем в международном составе. Были с визитом у местного амбаня. Впечатление производит лучше хотанских «правителей».

Когда наш Цай Хань-чен начал излагать обстоятельства нашего хотанского плена, то амбань искренне возмутился. Но самое замечательное это то, что, по словам амбаня, всюду получено письмо из Пекина о нашем проезде и об оказании нам содействия. Амбань возмущается, как смели хотанцы не признавать пекинский приказ.

Опять едем базарами. То же самое, как в Хотане. Маленький вариант: на воротах ямыня вместо кошкоподобного дракона изображен ряд воинов с мечами. В три часа к нам являются солдаты и беки и в предшествии красного зонтика шествует сам амбань. Следует мирное чаепитие. Амбань извиняется, что не мог устроить нам завтрак из-за скорого нашего отъезда. После всяких любезностей рас-

стаемся. Является китайский доктор для Цай Хань-чена. Стоят часовые в черных тюрбанах.

Приходит китайский театр. Пробуют лошадей. Мирная средневековая чепуха...

Откуда-то пробрались в Яркенд слухи о каких-то событиях в Китае, о каких-то выступлениях Фыня *, о закрытии банков в Пекине, о действиях старой династии. Но никто ни о чем не знает и ничего понять нельзя.

8 февраля. Будда был противником тюрем. Он требовал труд и усиленную работу. В Дарджилинге недавно был любопытный случай. Случайно в толпе был арестован старенький лама. Он ни в чем не оправдывался и был посажен в тюрьму. Пришел срок выпустить его, а узник не уходит. Говорит, никогда и нигде он не имел такого спокойного места, где не шумят, где кормят и не мешают размышлять. С трудом уговорили старика покинуть тюрьму.

Лама говорит: «Не бейте людей, пусть по справедливости отработают». Так замечает лама, видя, что беки бьют народ и поселяют вереницу ненависти, крика и унижения.

При отъезде не обошлось без драки. Сам Яркенд производит лучшее впечатление, нежели Хотан: и больше размерами, и разнообразнее товарами, и даже глиняные башни и стены дают хотя бы небольшое декоративное впечатление. А потом за верхушками деревьев показались горы — Кашгарский хребет * и не покидали нас с левой стороны весь путь. И все как-то скрасилось — и озерки во льдах, и синие речки, и коричневые бугры на синем фоне скалистых гор. Уж очень любим мы горы. Наша собственная планета была бы очень гористая!

Опять хлопоты с китайцами. Оказалось, что Цай Хань-чен начал сильно курить опий и этим вносит разложение среди прочего каравана. Придется применить строгие меры. Стоим за околицей маленькой деревни Кокрабат. Будет объявлено, что «каждый курящий опий будет удален немедленно».

9 февраля. Опять мазары, могилы со знаменами. Маленькие мечети для намазов. Насколько трогательнее намаз в пустыне на коврике перед ликом неба, нежели намаз перед голой глинобитной стеною. Очень убоги эти придорожные глиняные мечети с кривыми стенами и игрушечными башенками. Куда же ушло творчество этого края? За все время видели одну недурную серьгу филигранную и пару серебряных пуговиц. При солнце красиво едут женщины на ослах в ярко-зеленых и пунцовых

чекменях. Как будто здесь зобов меньше, чем в Хотане. Интересна задача исследовать, отчего происходит такое чудовищное разрастание щитовидных желез. Кроме качества воды должны быть еще причины.

Мимо проезжает человек с соколом на руке. Соколиная охота здесь еще является любимым спортом. Нас провожают стаи назойливых ворон. Вспоминаем, как в Монголии иногда приходится отстреливаться от несметных стай воронов, нападающих на коней. Идем по каракумским пескам *, т. е. по «черным пескам». Слой щебня и гальки дает пустыне сероватую, жемчужную поверхность. Налево все время продолжаются груды гор. Странно

думать: за этими горами уже Русский Туркестан, а упираются эти хребты в высоты Памира. Первый день после трех месяцев, когда пустыня действительно красива, красочна и разнообразна. И голубое небо разукрасилось особенно изысканным рисунком белых перистых облачков. На гребнях гор сверкает снег; розовые предгорья вливаются в синюю дымку, из которой выплывают очертания хребтов. Светлый день.

Люди ждут Кашгар. Все хорошее в Кашгаре называется русским. Хорошие дома — русские, хорошие сапоги — русские, хорошие кони — русские, хорошие телеги — русские. Проезжаем два-три заброшенных лянгара — постоялых двора — и в облаках беспросветной пыли входим в Кизил на стоянку. Переход считается длинным, но пришли уже в два с половиною часа [дня]. Кизил — странное, полузаброшенное место с молчаливыми глинобитными квадратами мазанок. Большое старое мусульманское кладбище. Издали оно походит на целый город из красноватой глины. Чернеют дыры старых могил. Люди жалуются на Цай Хань-чена. Старик целую ночь курил опий. Решили оставить его как можно скорей; нельзя держать в караване такой скверный пример; лучше всех китайцев держится Сун, не курит и проявляет находчивость. Спросили, отчего у него отрублен мизинец на левой руке. Оказывается, он был отчаянным игроком, все проиграл, обнищал и заплатил долг тем, что сам себе отсек мизинец. Итак, у нас один игрок, один офицер убитого амбаня, один из каравана убитого американца Ленгдона, один отчаянный курильщик опиума. Довольно пестро!

Наш ладакхец Рамзана так нарядился, что даже приколол на грудь две пряжки от подвязок. Вот уже истинный кавалер ордена подвязки! Но главное желание Рамзана — нести ружье и ехать на доброй лошади. Ему 18 лет, из него может выйти полезный человек. Отец его

мусульманин, мать — буддистка. По каким-то приметам ламы признали его перевоплощением умершего настоятеля монастыря, но отец, как ярый мусульманин, помешал его монастырской карьере.

10 февраля. Мгла. Северный ветер и густые облака пыли. Долго шли какими-то песчаными коридорами и глубокими выбоинами. Давно не видели такого количества всепроникающего песка. Затем пошли седые солончаки и низкие бугры зеленовато-бурого тона. Стало красивее. Когда же дошли до Кингул-дарьи, с высокими берегами, с обледенелым высоко висящим мостом, с запрудами и нагромождениями стен и домов, стало совсем хорошо. Такие пейзажи бывают на старокитайских рисунках. Входим в длинный базар Янгигисара. Приготовлен дом на базаре и, как всегда, негодный. Остановились в шведской миссии. Разговоры о Стокгольме, о лечении зобов (йодом), о продвижении Фыня на Синьцзян...

Сейчас пришли индийские купцы сказать «салям», передать приветствие к приезду. Показывают фотографию с распятого Ти-Тая и с его убитого сына. Рассказывают подробности этого средневекового убийства без суда. В общем сведения хотанские совпадают, кроме детали отрезывания головы. Здесь говорят, что распятый правитель оставался на кресте два дня, а затем тело его было куда-то заброшено. И теперь мазар (гробница), выстроенный правителем, стоит пустой. В газетах мало писалось об этой трагедии с распятием. В Пекине заседают какие-то комиссии. В Лиге Наций произносят какие-то безжизненные формулы, а здесь идут своим чередом распятия, и предательства, и продажи людей, и щедрая плата убийцам. Необходимо ускорение эволюции.

Говорят, что около Кашгара есть развалины буддийского храма. Так и должно быть, ибо в этих краях буддизм был, но интересно, что об этих развалинах не приходилось слышать ранее. Значит, в Кашгаре есть и мечети, и мазар Мириам *, и развалины буддизма.

Вечер проводим со шведами. Тихий ужин. Рассказы о богатствах этого края, где обрабатывается не более 3% всей площади. В близких горах находится железо, медь, серебро и каменный уголь. Убитый Ти-Тай предполагал начать какие-то разработки, но теперь эти проекты опять погрузились в темноту.

11 февраля. Простились с гостеприимной семьей Андерсона. Семимесячный Свен уставился своими голубыми

глазами на Е. И., крепко захватил ее палец и не хотел отпускать. Поговорили о хлебородности края, где кроме разных овощей в диком виде растут многие целебные растения: рицинус, лакрица, дигиталис * и другие. Можно представить, как заработала бы эта равнина под фордовским трактором. Говорят о безлесии этих мест, но в двух днях пути (а переходы короткие) — отличный каменный уголь. Везем с собой кусок этого продукта, не уступающего лучшим образцам. А кто сказал, что здесь же поблизости нет и нефти? Или в горах нет радия? Притом, как легко засадить целые плоскости деревьями. При раскопках часто находили огромные пни и стволы давних лесов * в этих местах. Стоит лишь применить минимум трудолюбия и находчивости, и край сделается неузнаваем. Вод летом очень много, стоит лишь собрать их в хранилища. Вот в феврале дни стоят совершенно весенние. Только декабрь и январь дают холодок. Студеный ночной воздух освежает природу. Если бы только китайцы не боялись всего нового и если бы их чиновники назначались по достоинству, а не по способности грабить. Иначе откуда же эти непонятно скорые обогащения амбаней и даотаев? Таким путем каждое проявление трудолюбия оказывается лишь поводом к быстрейшему обогащению чиновников, погрязших в опиуме и в игре. Стоим в Яборчате. Маленькое место в четырех часах от Кашгара. Могли бы легко сделать путь до Кашгара в один день, но из-за грузовых лошадей приходится стоять за околицей среди головастых ив и глинобитных стенок.

12 февраля. Мгла, низкий кустарник, голые ветлы и ухабистая дорога с переходами через ледяные потоки. Сперва минуем новый город Кашгар. Стены значительнее яркендских. На базаре больше нерва и движения. Арестанты в цепях просят милостыню на прокормление. Между новым и старым городом — около двух потаев расстояния. Навстречу скачут два ярко-красных «чепраси» * от английского консула. Консул ждет завтракать, пока приготовят дом [местного] Русско-Азиатского банка. Консул и его жена участливо расспрашивают о хотанских делах. В банке говорят «о характере» китайского правления. Оказывается, хотанский даотай известен по всей провинции, и никто не удивлен его поступками. Приваливает караван. Приемка вещей. Сложности.

13 февраля. Китайский Новый год; в четыре часа утра разбужены хлопаньем петард и ракет. За стеною столб пламени и выстрелы. Думали, что это пожар...

Приходят консул Гиллан с женою. Оказывается, оба они шотландцы. Среди шотландцев мы давно встречали много симпатичных людей, и эти принадлежат к хорошему типу шотландских кланов. Приходит ладакхский аксакал. Мусульманин, долго живший в Лхасе и Шигацзе. Приходит старый переводчик русского консульства. Жалуется на развитие курения опиума и конопляного гашиша. Богатые позволяют себе роскошь употреблять дорогой опий, а бедные одурманивают себя домодельным гашишем. Возможность заработков здесь уже очень плоха. Прежде до тридцати тысяч народа уходило ежегодно на заработки в Россию.

И опять бесконечные рассказы о грабительском обогащении китайских властей.

Когда сидите в мирном китайском ресторане в Америке, вспоминайте о грабителях даотаях и амбанях, держащих народ в полном отупении. Увеселительные моторы * в китайских кварталах пусть напомнят, как во мраке невежества гибнут миллионы людей.

Приходит директор отделения Русско-Азиатского банка Анохин. Новая волна информации. В каждой части провинции свои деньги, трудно принимаемые в соседнем уезде. В Кашгаре — сары. В Урумчи — ланы, стоимостью в одну треть сара. В Кульдже — свои ланы, которые население называет рублями. При этом половина или четверть лана достигается разрыванием знака на соответственные части. Вследствие этих операций денежные знаки обращаются в труху, лишенную всяких обозначений. Когда же является необходимость вернуть знаку его прежние размеры, то подклеивают куски случайной бумаги. Можно получить ланы, на которых половина состоит из объявления о продаже мыла или чего-нибудь настолько же неожиданного.

Повидали миссионера — шведа Пальмберга. Несмотря на медицинскую деятельность шведских миссий, они периодически подвергаются преследованию со стороны властей. Недавно даже должны были временно прекратить работу, а между тем они являются единственными докторами на весь большой край. Даже при гарнизонах нет ни одного врача. Местные жители говорят нам: «Нигде в мире не знают, что творится в заброшенном Китайском Туркестане, отданном на разграбление кучки невежд». Просят: «Напишите, скажите миру об одичании целого края». Опять проходят арестанты в цепях, просящие милостыню. Этот обычай был характерен для XV века, но видеть его применение сейчас поражает.

14 февраля. Сидим в полубездействии, ибо китайский Новый год празднуется несколько дней. Вспоминаю, как американский консул в Калькутте, милый Дженкинс, высчитал все дни в году, не затронутые праздниками всех местных национальностей. Осталось всего 52 рабочих дня. И здесь праздновался европейский Новый год, а теперь китайский. Очень мешает исчисление месяцев в разных толкованиях. Мусульманское, китайское, тибетское — все считают на разные сроки.

Приходит [киргиз], рассказывает, что около Кучи население разрушает остатки буддийских храмов. Отчего? Много путешественников и китайцев интересуются этими развалинами и фресками, и населению трудно принимать всех этих гостей. Они раскладывают в развалинах большой огонь, и фрески гибнут. Подозревали и другую причину — давнишнее иконоборчество мусульман. Так или иначе, но скоро и эти небольшие остатки тохаров и уйгуров исчезнут.

15 февраля. Утром были у даотая. [Он производит] впечатление добродушного [человека]. Ямын имеет более жилой вид. Не видно оборванной солдатчины. Нет толпы беков. Там же был заведующий иностранною частью господин Дао. Конечно, паспорта наши оказались совершенно правильными. Рекомендательные письма найдены отличными. И выражено изумление действиями Хотана. Немедленно пошлют телеграмму генерал-губернатору о выдаче нам нашего оружия. В течение дня видели шведского миссионера Торквиста и много жителей местной колонии. Любопытно отметить, что генерал-губернатор давно стремится выбраться из Урумчи восвояси с награбленным добром. Но соседняя провинция не пропускает его без уплаты многомиллионного выкупа. Так, один его караван из нескольких арб с серебром был уже захвачен. Теперь «сановник» пытается перевести свои капиталы в иностранные банки через британское консульство. Надо также отметить, что после убийства Ти-Тая и его сына в Кашгаре их семьи подверглись полному ограблению. Из ушей жены сына были даже вырваны серьги. Принесли фото с распятого Ти-Тая. Друзья, посмотрите на это зверство без суда и без ответственности. Впрочем, говорят, что даотай из Аксу уже собирает солдат, чтобы идти на Хотан. Награбленное добро недолго лежит на одном месте.

16 февраля. Приезд даотая. Нудные разговоры о культе предков, об астрологии, о погоде. Смотрел снимки с моих

картин. Говорил, что уже телеграфировал в Урумчи о разрешении нам ехать дальше. Эти разрешения для каждого шага напоминают самые жестокие времена и просто надоели до последней степени. Даже пожаловаться на грубость властей можно лишь с разрешения. Проходя по городу, еще раз всматривались в местные типы. Есть очень жестокие лица. Гораздо больше нищих и калек, нежели в Яркенде. Нужно обменять оставшиеся рупии. Советуют взять русское золото. Сейчас оно стоит наравне с червонцем. Привозят его киргизы с гор. Индийцы и турки охотно берут его.

17 февраля. День обмена денег. Выборы тарантаса. 151
Новый кучер — казак из Оренбурга. Поучительная сцена на базаре. Мулла плетью сгоняет народ в мечеть. Удары сыплются на спины, плечи и лица. Молитвенный энтузиазм плохо достигается, и многие спешат укрыться в переулках. Говорят, что медресе — школы при мечетях — плохо посещаются. Народ даже среди дикости ждет более утонченных и углубленных форм познания.

18 февраля. Недалеко от селения Артуш можно видеть высоко в скале три окна. Конечно, это буддийские пещеры, осмотренные Лекоком * и Стейном. Снизу можно различить остатки росписи. Особо значительных предметов там не нашли. Народ украшает эти пещеры преданием. У старого царя была дочь, ей была предсказана смерть от укуса скорпиона. Чтобы спасти ее, царь устроил жилье высоко на скале. Но судьба исполнилась. Царевна захотела отведать виноград. На веревке подняла к себе корзину, в которой притаился ядовитый скорпион.

В пятнадцати верстах на восток, среди кладбища, показывают могилу Марии, матери Иссы. Подробности легенды ускользают. Почему именно Марии, в Кашгаре никто не может рассказать. Так же как и об Иссе в Сринагаре. Нет ли здесь следов несторианства или манихейства?

По базару важно проезжает с плетью в руке кадий — судья. Едет ловить игроков в азартные игры. Конечно, кучки игроков быстро разбегаются и после проезда «блюстителя» снова тотчас смыкаются. Так же, как опий, азартные игры истощают население.

Входим в китайское жилье. Против входа — алтарь новогодних приношений и сластей. На стене яркая картина «владыки» богов. Кто же это? Ведь это тот самый Кейсар *; ведь это тот, кого ждут каждый по-своему. Новый год приветствуется именно его изображением.

Даже в почти мусульманском Кашгаре притаилось дальневосточное верование. Там же увидели Гуаньинь — Матерь Мира, и человека — долгую жизнь (коллектив всех возрастов), и еще одно изображение «владыки богов». Это изображение менее сложно, всего две фигуры: «владыка» и его хранитель. «Владыка», сидя у стола, следит за пламенем красной свечи. Во лбу «владыки» — драгоценный камень, как красная звезда. Картина новейшей простой работы, но очень декоративна. Зашли во двор храмика. Самый храм заперт. Служба не совершается. Против входа — сцена для китайского театра.

Предвечернее солнце заливает берега Тюмендарьи.
152 По узкому мосту идете к песчаным обрывам. Как мертвый город, недвижимо и неодушевленно стоят над песчаными кручами глиняные стены. Деревья голы; можно видеть далеко. Это первый вид, который можно назвать среднеазиатским городом. И не под вонючими навесами тесных базаров, не в лице прокаженных, но в золоте лучей солнца и в недвижимости стен вы верите, что Кашгар действительно старое место.

19 февраля. Много подпочвенных вод в Кашгаре. Разливы рек и рисовые поля дают особый вид лихорадки, вроде малярии. Самые разнообразные симптомы. Ломота суставов, сонливость, боль конечностей.

Нелегко получить деньги по чекам из Китая. Нас должны ждать таэли еще с ноября, но вот уже конец февраля, а почта оттягивает выдачу. Конечно, может быть, деньги отданы в рост. Рассказывают, что один из местных амбаней долго отказывался перевести собранные налоги генерал-губернатору, ибо все они были отданы в рост для обогащения амбаня. Принесли снимки с жертв «правосудия»: ряды людей с отрубленными пальцами, ступнями, с перерезанными сухожилиями. Большинство из них не сумело или не могло вовремя заплатить «кому следует». Здесь же снимки с убитого Ти-Тая в полной «славе»: с двумя лентами накрест, со звездами и с растопыренными ногами. Здесь же снимки с разработки нефти, начатой Ти-Таем. Группа жен Ти-Тая и других местных чиновников. Пришли старые письма из Америки от 30 октября через Пекин. Этим путем потребовалось три с половиной месяца, чтобы достичь нас.

Найти лошадей здесь, по-видимому, еще труднее, нежели в Яркенде. У доктора Яловенко нашлись все лекарства, нужные нам. Его маленький госпиталь гораздо более оборудован, нежели в шведской миссии.

Пьем чай у Гилланов; идем с ними осматривать ступу. Около реки дорога начинает уже вязнуть. Переходим узкий мост и поднимаемся среди причудливых песчаных формаций, созданных водою и землетрясениями.

Конечно, здесь была древнейшая часть Кашгара; здесь могут быть найдены буддийские следы. Сама ступа превратилась в бесформенную глыбу, и лишь остатки кирпичной кладки внизу выдают ее построение. Размеры ее велики; не менее большой ступы в Сарнатхе. В сущности сохранилось лишь одно основание, а весь верхний купол исчез. Трудно среди песчаных оползней признать развалины строений. Сколько таких замаскированных развалин погребено близ течения рек и под пологими курга-
нами, под этим типично азиатским покровом...

Холодает к вечеру. И лиловым силуэтом стоит Кашгар с китайским храмом на стене города. Силуэт не лишен покоя и величия, но это, так сказать, ложное величие, ибо громада силуэта превращается в хрупкость глиняных и песчаных строений. Поздно вечером к нам стучится Джордж Чжу, китаец, секретарь британского консула. С доброй вестью, с телеграммой от дуту из Урумчи. Разрешено ехать. Но, несмотря на представление кашгарского даотая и британского консула, наши две винтовки и три револьвера оставлены запечатанными, а о разрешении писать картины вообще не упомянуто, хотя и консул и даотай об этом определенно спрашивали в телеграммах. Мистер Джордж Чжу улыбаясь говорит: «Я учился английскому языку у американского учителя в Пекине, и я рад был помочь и принести добрую весть американской экспедиции».

20 февраля. Спешно готовим караван, чтобы уйти как можно скорее до наступления весенней распутицы и до разлива рек. До Урумчи добрых 1800 верст. Трудно достать лошадей. Все лучшие лошади угнаны в Фергану, где огромный спрос на лошадей из России.

Надо уволить Цай Хань-чена: он совсем взбесился, побил вчера вечером ладакхца Мусу и погряз в курении опиума. Идем сказать благодарность Гиллану за его помощь и телеграммы. Говорю ему, как приятно отметить такое [внимательное] отношение к задачам нашей экспедиции. Жалею, что, несмотря на его представление, ни оружие, ни разрешение писать этюды не дано. Прошу его дать текст посланных им телеграмм для внесения в дневник. Потом толки об обмене рупий, которые поднялись в цене, на сары. Ходит слух о замене ходящих сар

новой монетой. Никто ничего не знает. Именно, как миссионер Торквист назвал этот уголок Туркестана: заводье стоячей воды. Торквист говорит: «Китайцы родятся конфуцианцами, живут даоистами, а умирают буддистами». Хотелось бы посмотреть настоящих китайцев. Столько говорится о напряженной работе в Кантоне. Неужели там не знают о темной жизни Китайского Туркестана? Неужели не знают, как один грабитель сменяет и распинает другого грабителя не для блага народа, не для суда, но ради личных счетов и личного обогащения? А пособники «власти» богатеи беки гуляют нагайками по согбенным спинам бедняков.

154

21 февраля. Невозможно найти лошадей. Все годные лошади зафрахтованы на Андижан для перевозки товаров из России. Ходят слухи, что в Андижане заготовлено товаров на три года. Теперь же требуют за лошадей по 1 сару в день. Цена неслыханная. Придется взять арбы, а это значит, что до Урумчи вместо 40 дней придется идти 55 дней. Ведь 1800 верст. Надо безмерно спешить, иначе начнется ростепель. Под городом, около конного рынка, интересный Гиссарлик-мазар, приписываемый какому-то монгольскому князю. Есть поверие: если бросить кусок глины в купол мазара, то отпадают бородавки.

22 февраля. Послали в Америку телеграммы и письма. Пусть купят Бурлюка и вещи новаторов. Ведь максималисты-художники борются против той же всепожирающей пошлости и лицемерного мещанства. В будущем американском музее должен быть большой отдел иностранцев, обогативших Америку своим творчеством. И привлекайте больше молодых; надо, чтобы резерв был силен и подготовлен. Нельзя биться в одну линию.

Если сочтем все задержки, последовавшие от хотанского плена, то окажется, что мы потеряли три месяца, которые так были нужны, чтобы успеть до наступления весенних разливов.

23 февраля. Не легко получить деньги через китайскую почту. С ноября месяца почта не может собрать 1600 мексиканских долларов. Прямо смешно, когда знаете, что местный генерал по поручению генерал-губернатора тут же переводит 10 000 фунтов «частных сбережений».

Ездили к даотаю [говорить] о нашем оружии и о разрешении писать этюды. Даотай положил резолюцию: «Пробуйте писать картины, а если полиция будет запре-

щать, то перестаньте». Оружие наше заржавело от сырости. Когда мы указали на это, то нам было сказано переводчиком британского консула: «Не делайте затруднений». Мы опять почувствовали себя не в стране права, а в стране личного произвола. Еще было сказано нам, что если дуту (генерал-губернатор) найдет нас достойными, то разрешит нам и оружие и работу. Нужно большое хладнокровие, чтобы принимать серьезно все эти сентенции. Интересно, каким путем и аппаратом будет генерал-губернатор исследовать нашу «достойность» для работы и оружия... Но «достойность» подобных властей для нас ясна без всякого особого аппарата. Откуда эти залежи невежественности? В довершение нам было указано, чтобы мы из оружейного ящика не вынули более того, нежели позволено (т. е. не вытащили бы револьверы). А ведь китайцы в Америке оскорбились бы за такое предупреждение. Как всегда, визит кончается уверениями, что нам очень помогли. Этакое лицемерие!

24 февраля. Интересны рассказы о передвижениях китайской армии Синьцзяна. Пушку везут две лошади. На каждой из них сидит по солдату. На дуле пушки тоже сидит воин. В случае остановки лошадей, из деревни припрягают еще одну клячу. «Армия», вышедшая в составе 20 000 человек, при затрате в 6 000 000 сар, доходит до места битвы в составе около 2000. Счет армии производится по количеству шапок. Потому в случае недохватки «воинов» на арбах, на колышках выставляются фуражки. Счет конницы идет по всадникам и по коням, т. е. вдвойне. Об этой забытой провинции нигде не написано так, как оно есть на самом деле. По незнанию некоторые путешественники еще надевают смокинг, отправляясь к даотаю. Но пора сказать то, что есть на самом деле. Пора сказать просто во имя достоинства человеческого. Можно принять «всерьез» пережитки жителей Соломоновых островов, но государство с 400 000 000 населения * не может быть рассматриваемо в наше время лишь с точки зрения этнографического курьеза. Следует всячески помочь истинным деятелям Китая вывести страну из трагикомического положения. Не знаем, что и как будет в дальнейшем пути, но наблюдения над неприкрашенной жизнью Синьцзяна приводят в содрогание...

25 февраля. Если имеете китайский правительственный почтовый перевод, то это еще не значит, что вы имеете уже деньги. Китай даже не может удовлетворить чек

в 1600 мексиканских долларов. Между тем Среднеазиатский банк через Ташкент немедленно рассчитывается с вами. Друзья, не пользуйтесь китайской почтой. Письма вскрывают, и многое не доходит. А деньги не выдают. Опять приходится передвинуть свое сознание на Соломоновы острова, и тогда более понимаете все действия синьцзянской компании. Впрочем, не будем обижать Соломоновы острова такими сравнениями.

И вот опять британский консул и его секретарь Чжу должны хлопотать, и их личным воздействием вы наконец в виде особого одолжения получите то, на что имеете обычное право. Пожелали г[осподину] Чжу встретить

его в составе вашингтонского или парижского посольства [Китая]. Обменялись приветом с Гилланами. Действительно, они помогли выбраться нам из Хотана. Спросили друг друга, где теперь встретимся.

26 февраля. Поехали. Утром пришли проститься консул Гиллан с женою. Секретарь консульства Чжу. Директор банка А. Т. Анохин. Доктор Яловенко. Семья Крыжовых. Простились. Посидели. Опять вопрос: где встретимся? Прошли кашгарскими базарами. Пошли песчаной седой дорогой. По левую руку синеет кашгарская река. Заводья, рисовые поля — рассадники лихорадки. По правую — селения, болотистые озера. Висит весенняя молочная мгла. Переход невелик. К трем часам остановились в маленьком селении Яндома.

Расстались с Цай Хань-ченом: курит опиум, водит женщин с базара и бьет слуг. Вспоминаю его два рассказа: лошадь под ним испугалась, и он свалился. За это он камнем сломал лошади ногу. Еще рассказ: орел налетел и оцарапал ему руку. Тут месть была изысканной: был положен кусок мяса, начиненный порохом при длинном фитиле. Орел, подхвативший мясо, был взорван.

Человек — вестовой, едущий впереди,— называется «дорога». Количество слов, совпадающих с русским значением, становится еще поразительнее.

Под вечер становится холодно. Снега нет. Гор не видно.

27 февраля. Солончаки, кусты, ветлы, маленькие селения. Недлинный переход до Файзабада. Уже к половине второго на месте. Между тем в английской книге маршрутов путь от Кашгара до Файзабада разделен на три дня. Даже тихим пешим ходом и то скорее пройти. Настолько все книги, сообщающие «факты», должны быть

пересмотрены. Слишком много неверных «фактов» лежит на полках библиотек и слишком много затаилось почтения к печатному слову без всякой переоценки.

Заново, заново, заново — новым сознанием и новым вмещением.

Еще кто-то уважает деньги, как таковые. А вот нам сейчас принесли деревянные щепочки с нарезанными знаками и уверяют, что это подлинные деньги. И самые лучшие деньги, ибо они выпущены игроками в азартные игры. Этот авторитет, видимо, стоит очень высоко. На базарах всюду кучки, деятельно занятые игрою. Помню, в каком-то банке я слышал ожесточенное восклицание: «Я вам не щепками плачу». По здешним обычаям это замечание не было преувеличением. Щепочка коричневого цвета, вершка два длиною, и на ней рукодельные китайские знаки. Люди любят эти деньги, ибо они не рвутся. Погашение знаков здесь производится очень просто. После изнашивания знак не принимается в казначейство, и последний собственник такого знака погашает государственный долг. Исследовали места дальнейших остановок и нашли, что места станций в книге маршрутов неверны; приходится часто соединять по два прогона, иначе и в 50 дней до Урумчи не доехать. Прислали двух солдат эскорта — сущих бандитов. Пришлось их отправить обратно.

28 февраля. Всю ночь, до 4-х часов, при полной зеленой луне пели кругом в разных кишлаках (деревня, селение), вероятно, к месяцу барат *. Пели неистово, но, сглаженное расстоянием, иногда пение звучало красиво. Это пение было не [киргизское], но торгоутское. В чем же дело? Как же попали торгоуты * в мусульманский Файзабад? Конечно, это пленники былых войн. До сих пор они хранят свои обычаи и звенят при полной луне звонкими песнями. Разбирая народности, иногда отличите их по остаткам одежды, иногда по языку, иногда по старинным священным напевам. В ночное время звенят песни к своему краю. И где-то сердце отвечает на этот зов. Поучительно проследить конгломерат народностей, засыпанных песками пустынь.

Встали рано, в 5 часов, ибо путь длинный — 15 потаев, т. е. 150 китайских ли, т. е. 60 русских верст. Сперва — солончаки, зеленовато-седые. Потом мертвый песок, барханы, пыль стоит беспросветно. Тощий кустарник, его выдергивают на топливо и тем окончательно омертвляют пустыню, а за два перегона от Кашгара и прекрасный

уголь, и чудесная нефть. Сами люди стараются по невежеству омертвить свою почву. Около мелких речек еще лежит ледок, а под солнцем уже печет, и трудно двигаться в меховых одеждах. Место стоянки —Караджулгун — маленькая серая деревня. Караван запоздал. Пьем чай из местного кумгана *. Для описания этого чайника не хватает черной краски. Накопляются наброски.

1 марта. Кажется, самый безотрадный переход. Почти все время шли по местам старого опустошенного леса. Все барханы наполнены старыми, гигантскими пнями и корнями. Видимо, здесь был большой лес. А теперь люди его унесли, пески разметали, и вы следуете, как по корявому кладбищу. Тощий кустарник не может сдержать песчаных буранов. Все серо. Так же серы заводья и начавшиеся весенние разливы. Из-за этих разливов делаем вместо 8 12 потаев. Ухабы, пни, оползни. Самая большая китайская дорога равняется маленькому русскому проселку. За день встречается несколько тощих караванов, но они, конечно, не могут явиться нервом истинной торговли. Все умерло.

Серая деревня Урдаклык. На плоских крышах маячат молчаливые фигуры. И ничего они не могут видеть со своей крыши, кроме запыленного горизонта. И нет у этих людей ни просвета, ни надежды. Мимо них идут редкие путешественники; на ночь загорится огонек каравана. И опять то же подавленное безмолвие. Пролетают гуси и утки на весенние разливы, но домохозяйничают одни вороны и грачи. Вместо плугов — какая-то деревяшка каменного века. Неужели и с этих людей ухитряются наживаться беки и китайские амбани?

Не везет нашему китайскому эскорту. За три дня три «воина» умудрились слететь с лошадей. А если целый полк таких «цириков», как их здесь называют?!

Рассказывают, что некоторые китайские армии пушки возят на людях. И враги днем стреляют на воздух, а ночью сидят за общей азартной игрой.

2 марта. Говорилось о Китайском Туркестане со стороны археологии, говорилось о давнишних завоеваниях и о смене владений, но не говорилось о текущем самосознании края. А ведь в нарастании мировой эволюции нельзя обойти молчанием этот обширный и забытый судьбою край. Очень поучительно следить за остатками тохарских, уйгурских и монгольских построек, но так

же поучительно и поражающе видеть, во что превратилось самосознание края. Опять та же песчаная серая безнадежность.

Буран целый день. Идем «лесом», вернее, лесным кладбищем. Оставшиеся деревья карагачи торчат искривленно, мохнато, рогато. Вместо солнца — серебряный кружок. Как ясно представляется причина, гнавшая великих переселенцев и завоевателей* на запад и на юг. Изображая великое переселение, не изображайте ноги, обувь, копыта — все до пояса тонет в густом пыльном облаке.

Обгоняем старика. На что-то жалуется. Поняли, что ему сломали плечо и угнали шестнадцать его лошадей. Конечно, на каракорумских высотах больше своей этики. За день встретили три каравана ослов и полдюжины арб. Стоим в Чуге. Прошли 14,5 потаев. Неужели это и есть самая большая китайская дорога? И может ли именоваться правительством власть, содержащая свою главную артерию в подобном состоянии? Ведь об этом нужно кричать, как о каждом невежественном антикультурном проступке. Е. И. простудилась.

3 марта. Особенно нелепо сознавать, что целый день утомительного пути равняется двум часам езды на моторе или часу на аэроплане. Ведь здешние пути могут быть так легко приспособлены для мотора, а для аэропланов даже не нужно аэродромов строить. Может быть, ничто так не пробудило бы народное сознание, как стальная птица с доброю вестью и с нужными вещами. В ряды запыленных и перегруженных ослов была бы внесена брешь разума. Сэр Аурел Стейн в своих книгах высказывает опасение, как бы примитивность этого края не нарушилась проведением железных дорог и проявлениями цивилизации. Этот сентиментализм граничит с бесчеловечием. Я всегда был против некультурных проявлений цивилизации. Но бывают моменты такого паралича края, что нужны самые экстренные меры просвещения.

Но буддист знает причину омертвления края. В книгах Ганджур сказано, что в земле, отступившей от учения Будды, засохнут деревья и поникнут травы и уйдет благосостояние.

Идем сперва так называемым лесом, потом солончаками, попадаем в разлив Яркенда. Наконец доходим до глиняных стен и башен Маралбаши. Не стреляйте по этим стенам из пушки — слишком много пыли останется. Длинный базар Маралбаши. Грязнее или темнее других базаров. Или такой же, как и все прочие. Стоим в саду,

далеко за городом. Амбань присылает спросить нашу фамилию. Оказывается, в распоряжении кашгарского даотая о нашем проезде пропущена наша фамилия. Нет, с китайским делопроизводством далеко не уедешь!

Среди сар, с таким трудом нам выданных в Кашгаре, много негодных. Должно быть на них десять букв, но часто десятая, средняя буква бывает вырвана и тогда денежный знак более не принимается. Тщательно пересматривайте все деньги, здесь получаемые, будут ли они с базара или из губернаторского ямыня.

Юрий вспоминает, что наш Пржевальский первый сказал о Дуньхуане, но затем честь этого открытия была

взята иностранными учеными. Пржевальский уже в семидесятых годах говорил об этих замечательных пещерных храмах.

Около Маралбаши несколько озер. Много рыбы, но часто попадается чем-то отравленная.

Новая наглость амбаня. Заявил, что пришлет нам солдат, если мы его попросим. Но ведь не нам солдаты нужны, а они сторожат по приказу генерал-губернатора отобранное и запечатанное оружие наше. Как же мы должны просить амбаня об исполнении приказа генерал-губернатора? И нагло и нелепо. Опять говорят люди: «Амбань не знает никаких обычаев». Сун должен был, несмотря на усталость и поздний час, ехать и вразумлять неразумного амбаня, что солдаты не нужны нам, а нужны по приказу генерал-губернатора.

4 марта. Прислали новых солдат. Даже на людей не похожи, просто какие-то насекомые. Вспомнили рассказы М.*, как он один обратил в бегство тридцать цириков, и как целый полк цириков сдался двум пулеметчикам. Да, видно все это не преувеличения. Ехали сперва унылой равниной. Скоро справа выделился на желтом небе опаловый силуэт гор.

Здравствуйте, родные горы!

Сулейман рассказывает: «Жил богатырь. Увидел, что озеро здесь слишком велико, и нарубил мечом своим утесы от соседних гор и накидал сюда. За этой горою лежит прекрасный сад и живут там святые люди, но никто туда без дозволения их не пройдет. Пробовали сарты * идти туда — никто назад не вернулся». И показывает Сулейман на юго-восток.

Скоро нас ожидала неприятность. Скачут навстречу — предупреждают, что вода через дорогу пошла. Пришлось делать объезд в двадцать верст. Тоже надо поставить за

счет ареста и задержки в Хотане. Потеряли лучшее для пути время. Теперь придется всюду мучаться с разливами.

Опять рассказ: «Под Урумчи утесная гора, и тоже живут там святые люди. Раз подранил калмык горного барана. Тот и довел калмыка до святого человека. Приглашал человек калмыка остаться с ними, но калмык домой отпросился. И дал калмыку святой полную полу деревянных щепочек. Понес калмык и думает: куда понесу эту невидаль. Взял да и вывалил в лес. Только две щепочки зацепились. А как пришел домой, глядь, а в поле-то золото зацепилось. Так и прогадал калмык».

Идем дальше, мимо серых песчаниковых гор с сильными напластованиями. Прошли старый могильник, потом прошли мазар богатыря — святого человека. Говорят, даже след копыта коня его остался на горе. Горы — все красивее и выливаются в библейски-романтичный силуэт. Здесь недалеко древнее городище Хайвар. Около дороги остатки китайского укрепления Анджалык. Затем опять пески и разливы.

Еще рассказ: «Недалеко от Анджалыка старый дом. Кто войдет в него — дивится богатому убранству и грудам золота. Наберет золота кучу, а дверь уже и заперта, и никуда не выйдешь. И покуда не отдашь обратно все золото до последнего зернышка, до тех пор и двери не отопрутся. Такое же место есть около Учтурфана *. Стоит строение, словно город, даже дымы видать, а войти можно только по пятницам. Но золота тоже не вынести из этого городища. А в Куче нашли подземный ход, как бы целую подземную дыру. Навезли тысячу телег камня, чтобы засыпать, да так и не могли. Камни и теперь видать. Там же нашли могилу святого. Тридцать девять дверей в нее открыли, а сороковую не могли. Так и зарыли обратно». Помнит народ и о сужденных садах прекрасных и о чужом золоте».

Становится темно. Пришли в деревню Томчуг. Костры и звезды. И народные мечтания. И долго-долго молился один, освещенный костром. О чем? Не о просвещении ли? Высоко стоит чаша Ориона. Вокруг костра лежат босоногие подростки — это наша стража.

5 марта. Если хотите дать подарок босоногим ночным стражам—ваше желание тщетно. Все данное будет забрано старшиною. Один из скучных переходов до Якка-Худука. Опять несносная пыль. Скрытые ямы. Горелый лес. Кабаньи заросли и затоны. Кабанов много. Часто над

нами тянется одна проволока телеграфа. Это та самая линия, которая передает телеграммы в абсолютно непонятном виде. В последней телеграмме из Нью-Йорка значился ряд нечленораздельных букв и ясно одно последнее слово «совет». Кому и о чем? Можно подумать, что это очень хитрый шифр или злая шутка, где понятно лишь последнее, вызывающее ответ слово.

Еще рассказ: «В Кашгаре недавно жил один святой человек. Он слышал, когда в святом месте люди молились, а ходу до этого места шесть месяцев. Есть такое святое место за горами. В Оренбургском крае тоже жил такой человек. Слышал он и про будущее, и про настоящее,

и про войну, и про голод. Через двести лет сарты ждут великого святого. А может быть, и раньше».

Стоим на пыльном берегу Яркенда. Иногда подымается ветер и крутит высокие жестокие столбы песка. Маленькие мазанки, голые кусты и песчаные отмели реки.

6 марта. Очень просто изобразить наш сегодняшний переход. Насыпьте на круглое блюдо много серой пыли, бросьте несколько серых шерстинок и воткните обломки спичек. Пустите муравьев ползти по этой ухабистой равнине и для правдоподобия дуйте, чтобы создать столбы пыли.

Так и ползли. Должны были стоять в Старом Чулаке, но там вода горькая, и пришлось делать обход, чтобы переночевать в кишлаке Новый Чулак. При подходе к его серым глинобиткам неожиданно обозначился легкий силуэт гор — преддверий к Тянь-Шаню. Все еще мучает простуда Е. И.

Сулейман рассказывает, как сейчас в этом крае гибнут кишечные дела — немецкое (Фауста) и американское (Бреннера). Цены на кишки так неслыханно поднялись, что дела сделались невыгодными и идут на закрытие. И эта отрасль погрузится в бездействие. Странно было узнать, что оболочка для колбас на рынки Америки шла из Хотана и из Аксу. Такие же затруднения и с торговлей хлопком. Для повышения цены смешивают разные несходные сорта и тем губят ценность всего состава. С шелком происходит тоже трудность. Невозможно получить качество всей поставки по принятому образцу, невозможно получить окраску материала по данному тону. Все это ввергает промышленность в условия средневековья. Хороши дыни, изюм.

Янтарное солнце растворилось во мгле горизонта. По далям зажглись глаза костров. Кто-то где-то сидит и

ткет узор слухов. В потемках гремят песни. Идет шумливая тамаша *.

7 марта. Оказывается, в Старом Чулаке вода очень хорошая, даже лучше, чем в Новом. Но жители Нового Чулака решили перебить проезжающих и накидали в озеро Старого Чулака дохлых ишаков и собак. Караван — это нерв страны, и этот случай переманивания проезжих очень характерен. Шли тринадцать потаев до маленького селения Чуту-Худук. Забитая маленькая деревушка. Нелепо даже подумать, что эта станция на самом большом пути Китая. Все время пески, но с левой стороны протянулась груда гор и жемчужные взгорья скрашивают горизонт.

Еще рассказ: «У города Ош еще есть гора Соломона. Даже сохранились ямки, где на коленях Соломон молился».

Вспоминаем, как британский консул в Кашгаре сообщил нам, что еще в ноябре в Урумчи был друг Юрия Аллан Прист. После Бостона мы встретили Приста на пороге Ватикана в Риме. А теперь он попадается нам на азиатских путях. Подвижной, чуткий человек. Консул говорит, он получил от Советов разрешение ехать через Сибирь в Пекин. Не застанем ли его еще в Урумчи? Есть люди, с которыми всюду приятно встретиться. Где-то встретим наших дорогих американцев?

Давно мы не видели такой благородный закат с широкой градацией опалово-лиловой гаммы. Золотое, слегка притушенное солнце долго касалось зубцов дальних гор и ушло, оставив мягкий огневый столб. За этими горами — русская земля. Сегодня песен нет. Поселок тих. За околицей на равнине — наши палатки. Сверху глядит Орион.

Е. И. почти поправилась.

8 марта. Дошли до Аджкула. Сперва песками; после двух потаев селения — поля, всего — десять потаев. Начинают сеять, пашут. Плуг каменного века. Два вола тащат одну рогатую деревяшку. Глубоко ли можно взять подобным орудием? День весенний. Свежий ветер и жаркий припек. Аджкул — длинное, пыльное селение. За день несколько караванных происшествий. Пала лошадь: с утра [у нее] вспухла голова, и к трем часам [она] кончилась. В мафе у Гегена упала средняя лошадь на плохом мосту, боялись, что не поднять. При этом выяснилось, что вчера опрокинулась одна арба. Вся поклажа вывалилась. А охранный цирик скрыл это происшествие. Когда ему выговаривали, он глупо, идиотски усмехался.

Приближается прохладный вечер; толкуем о падении китайского языка. Собралось сорок тысяч знаков, а между ними ни один не выражает букву «р». В старое время был знак, довольно близко выражавший эту букву, а затем он куда-то исчез из восьми тысяч знаков, употребляемых в обиходе. Спрашивается, для чего словари хранят тридцать две тысячи ненужных знаков? В этой ненужной ветоши сказывается все падение китайской эволюции. В результате местные люди шепчут: «Не заходите в этот двор: там китайцы», или: «Разве можно ожидать справедливость от китайцев!»

И сколько молодых людей безвинно волочат за собой этот приговор, сложенный невежеством и жестокостью их отцов и дедов. Как им надо спешить отделаться от такого наследства. Если вся многотысячная груда знаков привела к невежеству, надо скорее раскрепоститься от этих скелетов условности. Бодро и сурово надо сбросить тухлятину пережитков. Иначе отчего же часто стирались из истории Земли целые народы?! «Великая материя ткет свой узор и сурово изгонит всякую гнилую нить из своей космической пряжи». Отчего уже Конфуций должен был держать всегда наготове свою дорожную колесницу? Вот когда преступная власть уйдет, тогда нужно немедленно дать народу железные дороги и возможность роста и обмена. И как легко здесь протянуть железные линии среди равнин!

Сегодня особенно плоха вода. Всю неделю она желто-коричневая, а сегодня еще какая-то мыльно-серая и вонючая — пить нельзя. Того и жди — выудят в ведре из колодца голову дунганина. Это бывало.

9 марта. От Аджкула до Аксу, до столицы неудачного Якуб-бека *, который полвека назад пытался освободить Туркестан от китайского владычества, но не сумел выбрать себе союзников. Дорога большею частью мокрая, в ухабах. Река Аксу, т. е. «белая вода», уже начала разливаться. Мосты, как и всюду, пляшут, как живые. И это главный путь Китая! Серое небо и желтая пашня. Вспоминаем Америку. Вспоминаем красоты Санта-Фе, Большого каньона Колорадо и Аризоны. Еще раз мысленно убеждаем друзей-американцев лучше знать красоты своей прекрасной страны. Вспоминаем, как пытаются всякие бездарные Жаны Кокто * в Париже предложить американцам специальное блюдо чепухи. Но Америка полна своих возможностей.

Незаметно въезжаем в пределы Аксу. Те же глинобитки и ларьки. Как всегда, два города. Один старый — на болотистом месте. Новый — посуше, там живет китайское управление: даотай, амбань и полковник. В пяти днях отсюда перевал Музарт — на Илийский край к калмыкам *. Стоим в новом городе, в саду андижанского аксакала. Пыльно.

Сегодня — первая кровь. Двое бродяг разбили в кровь и почти выбили глаз одному из наших мафакешей. Крик. Шум. Бродяг изловили. Вяжут. Уводят к амбаню. А наши револьверы запечатаны, ибо генерал-губернатор, т. е. дуту, не доверяет нашим американским верительным бумагам и уверяет, что путь по его провинции совершенно покоен. Губернатор, конечно, не знает свою провинцию, он занят пересылкой своих богатств в разные банки разными фантастическими путями. Скорее из китайской территории! Лама просит не стоять долго в Аксу. Здешний базар славится ворами и развратом.

Темнеет. Приезжает с визитом амбань. Приятное исключение: говорит по-английски, немного по-русски, служил в Русско-Азиатском банке и знает лично Аллана Приста (сейчас Прист в Пекине). Долго беседуем, амбань просит остаться на день, иначе он не может нам устроить двух лошадей до Кучи. Рассказываем ему о хотанских невеждах. Он пожимает плечами и говорит: «Верно вы первый раз в Китае». Симпатичный тип молодого чиновника, следящего за событиями и знающего значение многого. Завтра приедет к завтраку. Для нас он первый культурный китаец. В нем нет той агрессивности, как в Чжу (в Кашгаре). Амбань Аксу скорее в типе хороших китайских студентов, которых можно встретить в американских и парижском университетах. Рады мы встретить этот тип, ибо по нему мы складывали понятие о современном Китае, а не по «зубрам». Посмотрим, что будет дальше.

10 марта. Рано утром послышалось знакомое пение. Так на восходе пели молитвы ладакхцы на перевалах. Так и есть. Наши два ладакхца-караванщика сидят под деревом и складно поют гимн Таре и владыке Майтрейе.

Приехал Пан Цзи-ли, амбань. Говорили о китайских проблемах, о религиях, об учениях жизни. Очень жалуется на жизнь в Аксу. Мечтает уехать, ибо здесь делать ничего не может; конечно, один и подначальный человек не может начать ничего существенного. Пожелали ему удачи в его намерениях...

Картосхема маршрутов экспедиции Н. К. Рериха 1923—1928 гг.

11 марта. Лопнул последний китаец в караване. Выяснилось, что Сун каждую ночь проводит на базаре в карточной игре. Отрубленный палец не помог. Из четырех китайцев двое оказались курильщиками опиума и двое

игроками. Вот и лучший из встреченных китайцев, амбань в Аксу, стремится покинуть эту страну и чувствует, что ничего не может сделать. А кто же будет тот, кто мужественно и самоотверженно возьмется превратить это пыльное кладбище в цветущий сад? И серебро, и медь, и уголь, и нефть — все есть здесь, но нет заботливой руки человеческой.

Идем длинный путь до Карахудука (18 потаев). Сперва глиняные стены нового города, потом жемчужная пустыня, потом барханы и камыш. Дошли около полуночи. Стоим на китайском постоялом дворе. Еще одна трудность: спины грузовых лошадей гниют, ибо караванщики никогда не снимают седла, и багаж пропитывается отвратительным запахом. В будущем необходимо урегулировать это караванное зло: лошади, верблюды, ишаки так трудятся, что их нельзя обрекать на съедение червям заживо. Тибетцы жалеют коней, но кашмирцы и [киргизы] обрекают их на червей. Поверить трудно.

12 марта. Синьцзянский анекдот продолжается. Сегодня наш пресловутый эскорт хотел присоединить к нашему каравану арестованного преступника. С большим шумом удалось отменить это неожиданное приложение.

А весь день выдался такой красивый. Шли замысловатыми древними песчаниковыми формациями. Солнце уже пекло, но в тени лежал еще лед. Ни деревьев, ни селений — далеко вокруг пустыня, закончившаяся голубыми зубцами нагорий. Линии и просты и мощны. В таких местах можно ждать старые памятники. На закате подходим к одинокому лянгару Тогракдонг. На песчаниковых скалах высоко что-то чернеет. Не сомневаемся, что это отверстия древних буддийских пещер. Так и есть. Часть пещер чернеет очень высоко, и подходы к ним обвалились. Но три пещеры на низком откосе. Потолок и стены закопчены — конечно, это мусульмане уничтожали ненавистные изображения. Около земли, пониже, еще видны остатки орнаментов, покрытые сверху тюркскими надписями. Но самое заманчивое то, что под насыпью пола гудит пустота. Значит, в нижней засыпанной части скалы — тоже пещеры и даже не заваленные. У Стейна не помним указаний на это место. Оно напоминает о тохарских древностях V—VIII веков. Обращены пещеры на восток. Перед глазами отшельников расстилался широкий нагорный вид. Хорошее красивое место. Под пещерами журчит горный родник. Не водопад, но именно маленький светлый родник. Тонкая струйка бежит по деревянному

желобку в деревянное ведерко [киргизки]. Так же брали здесь воду и отшельники. Среди осколков в осыпях чернеет много кусков базальта. Конечно, кроме пещер здесь были и ступы, и отдельные строения, занесенные обвалами скал.

Звенят бубенцы, и торопится проехать почтарь с двумя запечатанными мешками почты. От Кашгара до Урумчи почта идет 13 дней.

13 марта. Детишки из лянгара бросаются подбирать бумажки после каравана. Одной девочке достается цветная этикетка от спичек. Восторг обладательницы без-

мерен. Жалеем, что с нами нет цветных открытых писем для раздачи. Если хотите скорее проникнуть к детскому сердцу — сделайте это через ярко-цветную картинку. И примут с радостью, и запомнят.

Простились с пещерами. Идем мимо богатых песчаниковых строений. Точно высокие волны с застывшими гребнями. Или точно грозно протянутые пальцы. Или башни с мостами. Или бесчисленные шатры. После гор опять спустились в пески. Видимо, здесь прошел буран из Такла-Макана — все потонуло в облаках густой пыли. Будем стоять в Куштами, в пыльном лянгаре. Опять кто-то дерется и шумит. По пути встретили несколько табунов коней. Все идут к Андижану, на русскую границу. Качество коней неважное. Приближаемся к конской стране, а качество коней ухудшается! Вообще оценки и репутации надо пересмотреть. Мы это видели уже на нефрите, шелке, конях, пении, на керамике и на многом другом. И не надо бояться пересматривать репутации, ибо пора от прошлого перенестись к будущему. Можно знать прошлое, но сознание надо устремить в будущее.

Во дворе лянгара стоит банда игроков-шулеров. Около стоянки видны две палатки. Именно здесь однажды данный амбанем эскорт ограбил путешественника. Какое безобразие, что оружие наша запечатано. Надо принять особые меры. Сторожей деревня не прислала. Будь наши маузеры при нас, все было бы ладно, а то ведь эта демонстрация с запечатанием оружия сделана гласно, чтобы и слуги, и все придорожные жулики знали это. На китайский эскорт полагаться нельзя. Единственный сторож наш — тибетец Тумбал.

14 марта. Как и следовало ожидать, ночью происходило безобразие. Выяснилось, что арестант, несмотря на наше запрещение, идет с нашим караваном. Ночью была азарт-

ная игра, арестант проиграл много денег. Его связывали... Словом, китайцы нам устроили «почетное» сопровождение. Скорей, скорей из этой области!

После бурана все погрузилось во мглу. Горы исчезли. Желтая пашня и редкие черные волы в плуге. Сеют. На тополях набухают почки, но около речек кое-где лежит запоздалый снег. Должны были стоять в городе Бай, но ужаснулись грязи на базаре и решили пройти еще пять потаев до маленького лянгара. Среди старых могилмазаров стоим на поле. В темноте ставят палатки. Интересно отметить, что в Бае амбань — племянник дуту. Видимо, у него масса племянников и всем даются места амбаней и консулов. Синьцзянская компания!

Сегодня приняты важные решения. Есть сообщение.

15 марта. Тусклый день. Лиловато-серое небо. Желтая пашня. Горы по правую руку — в слабом опаловом силуэте. В этих горах—пещеры, в трех потаях от Кизила, где будем стоять. Пещеры исследованы Стейном. Остатки живописи сожжены местными «иконоборцами». По пути попадаются огромные стада баранов и коз. Куда их гонят? Ответ один: в Андижан. И бараны, и козы, и кони, и быки, и хлопок — все потянулось на Андижан, к русской границе. Общая мечта — торговля и сношения с Советами. Самотеком идут туда ватаги [киргизов] работать, ибо здесь работы не достать. На Андижан, на Кульджу, на Чугучак — вот три артерии, которые привлекли внимание всего края. На базарах котируется русское золото. Червонец, недавно временно упавший, повысился вдвойне и достигает цены золота. Едем базаром, и нам кричат: «Хорошо едешь, урус». Откуда это? Завтра до Кучи большой перегон — 18 потаев. Надо выехать часов в пять.

16 марта. Один из самых красивых дней. До семи часов морозно, потом жаркое солнце. Сперва бодрая пустыня в жемчужных тонах. Потом перевал и самые невероятные песчаниковые нагромождения! Как застывшие океанские волны, как стобашенные замки, как соборы, как юрты — все в нескончаемом разнообразии. У лянгара Токракдонга кормили коней. Там же недалеко две пещеры со следами цветочного орнамента. За два потая до Кучи на откосе высится башня Кызыл Карга [Кизила], т. е. «красный ворон». Оглядываемся и замечаем вблизи темные отверстия пещер. Соскакиваем и спешим туда по песчаным буграм. Ведь это те самые известные пещеры; помнится,

кажется, у Лекока воспроизведена часть их. Но, как
всегда, воспроизведение не дает и части действительного
впечатления. Нужно прийти в этот амфитеатр бывших
храмов под вечер, когда это место усугублено покоем
природы. Нужно представить себе все эти пещерные
молельни не ободранными, с почерневшими стенами и
сводами, а ярко, бодро расписанными. В нишах надо
представить унесенные теперь фигуры благословенного
[Будды] и Бодхисаттв. В одной пещере остались следы
изображения тысячи будд. В другой пещере осталось
ложе Будды и часть плафона. Низ стен испещрен мусуль-
манскими надписями. Под полом часто чувствуется
170 пустота. Очевидно, имеется ряд нижних, не вскрытых по-
мещений. Вряд ли можно считать раскопку законченной,
если ясно звучат пустоты скрытых помещений. Не ла-
маизм, но следы истинного буддизма звучат в молчании
этих пещер. Конечно, прекрасно, что образцы фресок
разлетелись по музеям Европы, но ведь стены-то пещер
остались голыми, но ведь подлинный вид молелен
исчез — остались лишь скелеты.

Едем к Куче длинным рядом садов. Город кажется
чище других. В чем дело? Здесь старый старший мулла
заставляет чистить улицы. Конечно, на базаре все-таки
стоять нельзя. Говорят о каком-то саде за городом. Но
как достичь его в упавшей полной тьме? Спаситель яв-
ляется: из этой именно тьмы ныряет белая чалма и не-
ожиданный друг — [киргиз] ведет нас за город. Там и
сад, и дом, и конюшни. Конюхи просятся спать на кухне.
Почему? В служебном доме живет «лишенный души че-
ловек», т. е. сумасшедший, и вся ватага здоровых мужиков
боится его. Повар называет курятник «курочкина ки-
битка». Вот мы и в столице тохаров. Там, где тохарский
царь Почан, может быть Пасседван, преследуемый китай-
цами, вылетел из города на драконе, унеся с собою все
свои сокровища. Много толкуют о золоте в буддийских
пещерах.

17 марта. Все утро уходит на переговоры с арбакешами,
мафакешами и керакешами *. Сперва все, оказывается,
нельзя. Потом, после бездны ненужных разговоров, все
можно. Сперва до Карашара путь исчисляется в 12 дней,
тогда как всем известно, что восемь дней — обычный
срок. Всматриваемся во все эти лица. Где же они, следы
тохар? Не видно. Может быть, что-то более монгольское
проскальзывает в чертах, но в общем это те же тюрки —
[киргизы]. Так и ушли тохары бесследно, и никто не

знает даже истинного произношения знаков их письменности.

Так, на глазах нашей истории пришел народ неизвестно откуда и неизвестно как растворился, пропал бесследно *. И не дикий народ — с письменностью, с культурою. Так же как их царь Почан — неизвестно куда улетел на драконе. И странно сидеть в этой самой стране, в грушевом саду, и ничего не знать о бывших еще недавно здесь обитателях. Древностей опять не достать: «Где-то, кто-то их знает в Такла-Макане». Получена телеграмма от посланника Соединенных Штатов в Пекине...

18 марта. В час ночи начались барабаны, трубы и пение. Громко, и призывно, и настойчиво неслись крики: «Алла». Это мусульмане готовились к посту рамазана. Днем они должны поститься, но ночью могут принимать обильную пищу. Чтобы не проспать времени пищи, добрые мусульмане играют и танцуют в преддверии дневного поста. Собаки очень лаяли и бросались ночью. Рамзана встал, чтобы обойти лагерь, и заметил, что правительственные сторожа, цирики, глубоко спят. Рамзана подхватил винтовку у одного из них, обошел стан и заснул с винтовкой. Цирик перепугался, проснувшись утром без оружия. Уж эти цирики несчастные!

Утром приехала шведская миссионерша. Уже пятнадцать лет в этом крае — и ни одного обращенного! Впрочем, миссионерша занимается лечением и акушерством, а это здесь совершенно необходимо, ибо все эти «города» без единого врача.

Затем начался русско-американский день. Поехали смотреть американское предприятие Бреннера из Нью-Йорка. Дело кишечное и шерсть. Состав заведывающих русский — П. Г. Полтавский, Дмитриев — целая артель трудящихся, бодрых людей. Своеобразная коммуна с ребятишками и радостным сознанием растущего труда. Дело развивается. При полной примитивности аппаратов надо любоваться стройными результатами.

Вот разбирают и промывают шерсть. Вот на самодельном прессе прессуют ее. Тут же ждет вереница верблюдов, чтобы поднять белые вьюки шерсти и нести их в Россию, в Тяньцзинь, в порты на Европу и Америку. У всей артели нет книг, на всю братию одно евангелие и случайный том Короленко. Была радость, когда могли дать им старые газеты и две книги «Алатаса». Рассказы о делах, о [киргизах]. Хвалят убитого Ти-Тая. Расспрашивают, что творится в мире. Дмитриев умело подходит к местным

нравам путем религиозных рассуждений. Таким путем нетерпимость и суеверие, распространяемое муллами, находит отпор. А нетерпимости очень много. И много местных баев собирались задушить новое иностранное дело. Дмитриев и Полтавский являются пионерами Америки в этом крае. Полтавский послал детей своих, девяти и двенадцати лет, в Ташкент для образования. Малыши доехали одни через перевалы — ладно. Пишут отцу и хвалят жизнь. Дмитриев — алтаец родом. Вынес много странствий. Был разносчиком сластей. В переходах узнал край и нашел подходы к людям. Вся группа производит живое впечатление. Слушает рассказы наши об Америке.
172 Дмитриев рассказывает о минеральных богатствах торгоутского и илийского края.

Калмыки — отличные стрелки. Управление калмыков не чуждается новшеств. [Киргизов-работников] русские хвалят, они инициативны, способны и [хорошо] приспосабливаются.

В крае ходит много сказителей легенд и сказок. Содержание касается вопросов корана и религии. Часто слушатели вступают в диалог со сказителем. Часто разумные вопросы сбивают рутину суеверия. В Турфане существует любопытный обычай посылать молодых людей с опытным поводырем под видом сказителей по всему краю, даже до Мекки. Получается своеобразный опытный университет. Этим объясняется подвижность турфанцев...

Еще сведения о древних местах. О множестве пещер и ступах по течению Кизылдарьи. Частью раскопанных, частью еще скрытых. Еще недавно на базаре продавали «сундук с древностями», привезенный из Лоба * (около Лобнора). Рассказы о старых городах по течению Тарима (т. е. Яркенда). Есть лица, знающие эти города. Высохшие тела в погребениях там очень высокого роста — конечно, выше монголов. Бывшие здесь экспедиции сделали более легкую, более видную часть работы. Теперь остается более скрытая, требующая больших сооружений и подготовок.

В Куче уже тепло. Зеленеет новая трава в вершок вышины. Узнаем, что в Урумчи из Карашара можно пройти горной дорогой, короче на пять дней. Этим можно миновать жаркое место у Токсуна *, где уже спуск в Турфанский оазис (960 футов ниже уровня моря). Летом в Турфане люди закапываются в землю и не могут пройти более одного потая. Кроме близкой жары, на большой дороге уже теперь грязь. Лучше — через калмыков, по горным путям *.

19 марта. Рамзана опять взял у спящего цирика ружье и обходил стан. И опять цирик кланялся ему в ноги, прося отдать оружие, иначе амбань будет бить его.

Спрашивают, на чем основан сравнительно высокий курс китайской валюты? Ведь все знают, что она ничем не обеспечена и вращается, подобно сухим листьям, по приказу губернатора. Конечно, это одно из очередных недоразумений, и справедливость эволюции скоро разъяснит его.

До сих пор существует в Тибете обычай особого преследования игорных и публичных домов. Особый лама, называемый гекор-лама, узнав о нахождении таких домов, берет десяток лам с розгами и в самый разгар разгула является в дом. Тут же производится экзекуция всех присутствующих.

Интересна калмыцкая песня «О пришедшем раньше»: «Один человек думал долго и забыл прийти на выборы нойона (князя). Другой человек не спал в эту ночь и пришел первым, и его избрали нойоном, ибо он вошел первым. И вот первый, думавший, сидит и грустит, что для него не нашлось места в юрте нойона».

Так же как в России, здесь много записей о кладах. Часто на скалах можно видеть торчки, сложенные из камней. Это знаки о кладах. В записях в монастырях можно найти указания на время дня, когда по направлению тени можно идти от одного торчка до другого до места клада. Д. здесь называют ишаном *, т. е. «святым», за его знание религиозных тем. Б.* недавно видел * древнюю могилу. Берцовая кость достигала длиною 6 четвертей *. Место (в направлении Лобнора) Б. отмечено. Получаются интересные отметки для будущего.

20 марта. Простились с трудовой бреннеровской группой. Еще раз заметили, что где труд, там и радость. Полтавский — на тройке, Д. и М.* — верхами провожали нас за город. Опять вопросы: где же встретимся? Долго будут дебатировать оставленные нами газеты и книги. На прощанье показали прекрасную иноходь своих карашарских коней. «Теперь вы захватите часть Гоби»,— кричит Д[митриев]. Погружаемся в молочную пустыню. Начинается шамаль. Засыпает глаза. Превращаемся в желтую массу...

Стоим в селении Якка-арык. Здесь часто применяются подземные арыки. Это вполне отвечает традиции подземных ходов, так принятых в Азии. Именно в средине Азии

сплетается сказка и явь. Никакие европейские мерки не годятся здесь.

Из Пекина предлагали дуту Синьцзяна установить аэропланное сообщение между Пекином и Урумчи. Дуту ответил, что в его провинции это неприменимо, потому что его народ дикий и разбежится в горы. Конечно, народ не разбежался бы, но быстрее разбежались бы слухи о разных действиях генерал-губернатора. Народ полюбил бы скоро этих воздушных вестников...

21 марта. В лекции по истории искусства в Институте соединенных искусств [Нью-Йорк] непременно надо ввести
174 обзор современного нам положения стран с точки зрения культуры. Этим спасете молодежь от многих огорчений и разочарований. Вот китаец древности, вот современный китаец. Вот мудрый Ашока, вот современный нам махараджа. Безбоязненно пусть смотрит молодежь на эволюцию мира. Образуется новый Афганистан, возникнет новый Китай, осознает себя Монголия, [возродится] Тибет. Ничто не останавливается. Уходит неисполнивший свою миссию, приходит к сроку другой. Все движется.

Еще недавно путешествия Свена Гедина казались неслыханным геройством, а теперь Е. И. объезжает те же пустыни и высоты, не приписывая себе ничего неслыханного. Теперь уполномоченные Бреннера колесят по тем самым пространствам, где Свен Гедин, судя по его книгам, чуть не погиб от безводья. А скоро быстроходно полетят над этими самыми местами железные птицы. И сказка прошлого заменяется сказкой космической.

С вечера звенели цикады. Высоко стояла сверкающая луна. Пахла трава. Но в два часа ночи ударил буран. Именно ударил. Налетел, как дракон. И заревел грозно до утра. Палатка вся встрепенулась. Пришлось приготовиться на случай отлета шатра. А утром опять жемчужная Гоби-пустыня. Перламутр и опал, и тусклый сапфир сверху. У дороги в порядке разложен большой караван. Это Бреннер, или, как его здесь зовут, Белианхан, идет на Тяньцзинь.

Навстречу звенит казанский тарантас тройкой. Две женщины и три девочки-татарки из Чугучака едут в Каракуль. Прошли мы 14 потаев и будем стоять в саду Янгиабада. Последние потаи опять задушили глубокими песками. Томми захромал — у него мокрец. Выйдет из строя дней на пять. К вечеру все стихло. Садится серебряное солнце.

Нас называют Ренеджи-бей. Уже пятое имя.

22 марта. Еще надо указывать на лекциях в Институте соединенных искусств, что никакие охранения не должны задерживать рост новых возможностей. Утрировка рескинизма * приведет к одеревенелости. Наоборот, всякое новое понимание дает радость. Сейчас рассказывали, что калмыцкий гeген-перерожденец катается на велосипеде и лихой наездник. Но это не мешает ему быть очень начитанным и замечательным правителем. К тому же где сказано, что лама не должен ездить на велосипеде? Право, даже порадовались, узнав, что сидение под древом заменяется движением жизни.

Пробуем узнать, нельзя ли миновать Карашар и от Курнта пойти через калмыцкую ставку, через монастырь Шарсюме, по горной дороге на Урумчи. Калмыки как целое, как народность ускользали от внимания. Поучительно пройти неделю их улусами...

Идем до Бугура. Пыльное, базарное место. Значится в девяти потаях, но, очевидно, больше, судя по времени. Здесь потаи считаются странно. Есть короткие потаи и длинные потаи. Под гору — длинный потай. В гору — короткий потай. Странная мера расстояния.

Сперва идем опаловой пустыней. Слева — холмы. За три потая до Бугура начинается болотистый оазис. На дороге грязь. Носятся большие стаи уток и гусей. Важно расхаживают большие чомги. Про них говорят: «Это бывший человек». Конец пути заканчивается опять облаками пыли.

Пыльный сад. На заборе сидит сын амбаня. Сун вежливо уговаривает его: «Нехорошо сидеть на заборе». Ничто не помогает, и Сун применяет «обычное» здесь средство — кидает камнем. Мальчик исчезает.

Со всех сторон слышите одно замечание о неточности существующих карт. Где пропущены важные места и подробности. Где внесены несуществующие названия. Необходимо просмотреть и транскрипцию наименований. Где она взята с тюркского, где с китайского, а где с какого-то местного жаргона, который нигде более не признается. Даже в картах штабов внесена масса неточностей, сулящих много хлопот при следовании.

23 марта. Не был ли Тамерлан великим дезинфектором? Он разрушил много городов. Мы знаем, что значит разрушить глиняные городки, полные всякой заразы. Вот мы проехали пять больших городов и семь малых. Что можно сделать с ними? Для народного блага их нужно сжечь и рядом распланировать новые селения. Пока

догнивают старые, трудно заставить людей обратиться к новым местам. Вот тулин Куча устроил рядом со старым городом новый поселок. Широкие улицы, подземные каналы. Но народ боится нового места.

Идем широкой равниной. Прошли Янгигисар. Идем дальше пыльным лесом. Будем стоять за Шадиром. Темно. Прошли 16 потаев. Караван опоздал. У Сабзы вспухла спина. Удивительно идут Мастан и Олла. Никто не знает расстояний. Караван дошел в час ночи.

24 марта. Утомительный день. Жарко. Идем пыльным лесом и низким кустарником. До Чирчи — 12 потаев. Обгоняем большой караван Белианхана. В Чирчи стоит еще караван той же фирмы. Пионеры Америки работают.

Сегодня день наших учреждений в Америке. День учредителей*. Посылаем наши мысли в Америку, в дом Музея и Школы, где этот день празднуется. Наши дорогие друзья, мы как бы присутствуем на вашем ежегодном собрании. Расстояние как бы не существует. Идя по здешним просторам, мы вспоминаем равнины Миссисипи и Миссури и степную необъятность России. Даже каравану Белианхана мы рады, ведь это уже кооперация с Азией. Точно вспоминают оба континента о своей бывшей соединенности, разделенной космической катастрофой. Сколько монгольского в типах последних майев и у краснокожих индейцев *. Сколько одинакового простора в Америке и в Азии. И сейчас, в момент возрождения, Азия вспоминает свои далекие связи. Привет Америке!

25 марта. Показали еще один вид денежных знаков — какая-то промасленная тряпочка и грязная костяшка. Вот положение здешней валюты. Лан (или сар, или теза) равняется 400 дачанам. Но лан кашгарский равняется трем ланам урумчинским, а лан урумчинский равен трем ланам кульджинским. Лан хотанский считается 800 дачан. Вы скажете — это чепуха. Я с вами согласен, но от этой чепухи страдают миллионы людей. Может ли быть в одной провинции такой различный счет денег, усугубленный еще деревянными и тряпочными знаками. Потому-то и спрашивают, почему китайская валюта до сих пор стояла сравнительно высоко.

Нигде не попадаются древности. Видимо, верхний, доступный слой находок уже вывезен в Европу, а скрытые слои уже пусть останутся для самой Азии. Достоинство стран требует разумно распорядиться своим истинным достоянием. Пока же амбани распоряжаются ценностями

народными в свою пользу. Амбань Янгигисара (назначенный консулом в Андижан) проиграл в карты много тысяч лан. Теперь он экстренно безмерно увеличил налоги и не едет на новую должность, пока не восполнит свой проигрыш.

Еще двенадцать потаев пустыней с мелким кустарником. Дошли до Тима. С утра еще прохладно, но к полудню солнце жжет. Караваны уже начинают ходить ночью, по-летнему. Опять рассказы про жару Турфана, где летом пекут лепешки на камнях под солнцем. Говорят: «Там много подземных ключей. А еще много в местности подземных ходов. Там мучали когда-то святого человека, а он скрылся в подземный ход и вышел оттуда через шесть месяцев пути».

«А вот еще давно было: пошли люди бога искать, а в Буркуле был царь, который считал себя богом. Сидит царь и читает книгу, а кот перед ним свечу держит. Вот люди и решили испытать: в самом ли деле этот царь бог. Думают, если пустим мышь, убежит ли за ней царев хитрый кот. Если царь бог, то и кота его сила удержит. Пустили мышь, а царев кот и убежал, и свечу бросил. Видят люди, не бог царь. Пошли дальше. Повстречали пастуха бараньего. Дал он им хлеба и сам напросился в товарищи. Взяли его. А собаку свою пастух не захотел взять. Говорит, по животному нас люди скорей найдут. А собака за ним. Даже не пожалел собаку пастух — убил ее. Только бы идти бога искать. И подошли они к щели в горе, как бы ущелье. А как вошли, так за ними каменная дверь и захлопнулась. Никому не ведомо, что творится у святых людей. Через несколько времени вышел оттуда пастух. Послали его за чем-то. Приходит он в город: хочет на базаре хлеба купить и деньги дает. А люди дивуются, откуда такой великан явился. А деньги его не берут. Сказали, что уже две тысячи лет таких денег и в обороте не было. Пошел пастух поскорее в гору обратно. А царь того места за ним поспешает, чтобы в диво проникнуть. Но, видно, у святых людей цари ненадобны. Как захлопнулась гора, не откроешь ее ни угрозой, ни молением. Привел царь все свое войско. Но сколько над горой ни трудились — все полегли, а гору не открыли. И могила царя у той горы. Вот какие здесь бывают дела, и какие здесь ходы подземные».

Нагоняет нас верхом молодой бакша *, который и сказки поет, и поверия знает, и «чертей отчитывает». «Спой, бакша, сказ о Шабистане». Достал он из-за плечей длинный струнный геджак. Поет и едет. Играет. Струны

звучат ладно. Как-то забылись сыпучие пески и жаркое солнце. Два лада идут *. То осилит высокий лад — не то просит, не то указывает; или загремит низкий лад — утверждает, гремит победою. Потом берется бакша за бубен и наполняет пустыню сменными ритмами. Мы рады, что в последний день [киргизской] земли нас провожает пенье и лады бакши-[киргиза]. Завтра уже доедем до улусов калмыцких.

Налево, на севере, приблизился из тумана хребет Тянь-Шаня. За ним калмыки, а дальше — Семиречье. При въезде в Тим — большая древняя ступа и развалины
 строений. Знамена буддизма. Рассказывают, гора, где Будда принимал посвящение, была вся огненная. Но по молитве благословенного пошел снег, погасил огонь, и теперь вокруг этой горы льды и снега, и трудно найти эту гору до срока.

Тихий теплый вечер. Молочное весеннее небо. Если бы удалось, не заходя в Карашар, пройти на ставку калмыцкого хана и оттуда монастырями и горами на Урумчи. Ждем калмыков. Имеет значение.

26 марта. Хороший, красивый день. Сперва с севера приблизился хребет Тянь-Шаня. Весь сапфировый и аметистовый. Потом перешли песчаниковую гряду изысканной формации. С холма внизу блеснула синяя горная река. Мощная, полноводная. Пошли по реке. Впереди запертые ворота — таможня, граница калмыцкой земли. Показались первые калмыки. Юрий попробовал на них свой монгольский язык — сговорились. Стоим в лянгаре. Недалеко от Мингесаура (тысяча развалин)*. Развалины сопровождены легендой: «Лама видел свет на определенном месте. Копали. Дошли до воды и там показался водяной змей».

Есть предположения, что на этих местах стоял большой монастырь, где была чаша Будды, исчезнувшая из Пешавара и упоминавшаяся Фа Сянем в Карашаре.

Стоим у реки, около залежей каменного угля. Первый день без пыли — опять горный воздух. Первое дерево в цвету. Улыбнулась земля калмыцкая. Точно обходим ее границы. Ночью — полная луна. За рекою зажглись пастушьи костры.

Мы вспоминаем чаяния калмыков. Вспоминаем, как наш Чунда первый сказал нам о таин-ламе. Уже потом пришли все сведения о том, что может сделать этот торгоутский предводитель, если он сможет принять то, что ему посы-

лается. А если не примет, тогда прощай надолго, Джунгария*. О чем говорить, если чья-то пригоршня дырява...

27 марта. Переход до Карашара, или Карачара. Скоро ушли горы, и скрылась к югу река. Опять пыльная и голодная степь. Опять проселочная дорога вместо большого китайского пути. На поверхности много горючего сланца. В горах — уголь. В вихре пыли доходим до реки против Карашара. Перевоз на примитивных паромах. Такие переправы бывали на небольших волжских притоках. Пестрая толпа, груды тюков, арбы, ишаки, верблюды, кони. И опять, в самом городе ничего буддийского, все еще [киргизы] и китайцы. Лица калмыков редки. Смышленее лица калмыков и проворнее они.

Встречает С[енкевич], представитель Белианхана. Хвалит калмыков. Предстоит перемена слуг. Наш страховидный Курбан, которого всюду боялись, оказывается очень боязливым. Он боится и китайцев, и калмыков, и дрожит за свои несчастные рупии. [Киргизы], видимо, боятся калмыков и монголов, боятся их подвижности. Придется восполнять убыль [киргизов] в караване калмыками. Как поучительно наблюдать эту народность, могущую войти на страницы истории. Как увлекательно опять углубиться в горы и покинуть пески и пыль. Даже кони встряхиваются, когда подходят к свежей воде и к горам. При виде гор наши тибетцы Церинг и Рамзана начинают прыгать от радости.

Улыбнись, земля калмыцкая. Задуманы сюиты «Ассургина» и «Оровани».

Глава

9

Карашар — Джунгария

(1926)

180 28 марта. Карашар в переводе значит «черный город». Урумчи китайцы называют Красный Храм (Хунмяоцзы).

На этом пространстве — земли торгоутов и хошутов. Странна судьба калмыков. Народность [рассеяна] самым непонятным образом: в Китайском Синьцзяне олеты занимают Илийский край*, торгоуты — Карашар, хошуты — Джунгарию. Ойраты — в Монголии, дамсоки — в Тибете. Калмыцкие улусы рассыпаны также по Кавказу, Алтаю, Семиречью, Астрахани, по Дону, около Оренбурга. У священной горы Сабур лежат остатки города калмыцкого царя Айши*. В разбросанных юртах начинает шевелиться самосознание...

Словесное состязание между [казахским] беем и калмыком. [Казах] заявляет заносчиво: «У вас нет бога». Калмык тихо говорит: «Если к нам приходит сарт, мы накормим и напоим его, и коня его накормим, и в путь запас дадим. А если калмык придет к сарту, ему не дадут пищу, и коня его оставят голодным. Посуди сам, у кого истинное [учение]? [Казахи] поносят буддийское учение и издеваются над буддийскими изображениями. Но калмыки говорят: «Мы почитаем ваши надписи, а изображений у вас нет, потому что когда были даны первоизображения, то вы были слишком далеко и не могли познать их».

С буддистами спорить трудно. Знающий учение может столько рассказать об эволюции жизни; скажет о посланцах от Шамбалы, ходящих по земле под разными обликами для помощи людям; без предрассудков будет говорить о новейших социальных движениях, припоминая заветы самого Гаутамы*...

С[енкевич] хвалит калмыков за твердость слова. «Никаких письменных условий не надо, не то, что сарты, особенно беки и баи».

Встретили несколько красивых карашарских коней. Это именно та порода, которая встречается на старинных

миниатюрах и на статуэтках старого Китая. Некоторые ученые считают эту породу исчезнувшей, но вот она перед нами, живая, караковая и твердая на поступь. Хорошо бы России и Америке исследовать эту породу.

Завтра едем в ставку калмыцкого хана.

Еще не настал вечер, как наступила новая синьцзянская гадость. Приезжает взволнованный С[енкевич] и передает, что амбань не разрешает идти короткой горной дорогой, а указывает продолжать путь через пески и жар Токсуна, по длинному и скучному тракту. Новое глумление, новое насилие, новое издевательство над художником и человеком. Неужели мы не можем видеть монастырей? Неужели художник должен ездить одними сыпучими песками? Спешим к даотаю. Старик будто бы болен и не может принять. Секретарь его кричит с балкона, что ехать можно, что амбань устроит все нужное. Едем к амбаню. Его нет дома. Секретарь его говорит, что амбань «боится за большой снег по горной дороге». Мы объясняем, что теперь снега уже нет, что нам не надо идти через высокий Текедаван, что мы пойдем через более низкий Сумундаван*.

В семь часов обещали принести ответ. Конечно, снег амбаня вовсе не белого цвета. Каждый день способны испортить китайцы; каждый день подобные китайцы способны превратить в тюрьму и пытку. Ждем вечер и готовимся все-таки к отъезду. Пришли торгоуты, вернувшиеся из Кобдо *.

Пришел [также] хошутский лама. Просит полечить глаза. Принес ценные рассказы. Не сказки, но факты...

Вечером пришел ответ. Принесли его племянник даотая и почтмейстер. Конечно, ответ отрицательный. Несмотря на жару, на духоту и пыль, мы должны длинным путем идти через горячий Токсун. Е. И. заявляет, что она умрет от жары, но китайцы улыбаются и сообщают, что у их генерал-губернатора сердце маленькое.

Составляем телеграмму генерал-губернатору:

«Будьте добры указать магистрату Карашара разрешить экспедиции Рериха следовать в Урумчи горной дорогой. Здоровье Е. И. Рерих не позволяет продолжать путь по знойной песчаной пустыне. Горная дорога гораздо скорее позволит дойти до Урумчи».

До получения ответа мы пойдем в ставку торгоутского хана и в монастырь Шарсюме.

Отвратительно это чувство поднадзорности и насилия. Какая же тут работа, когда за спиной стоит приказ амбаня и когда у генерал-губернатора «сердце маленькое». Испорчено все настроение, и опять сидим в каком-то китайском средневековом застенке.

29 марта. Встали с зарею. Все наши люди торопятся уйти раньше, чтобы китайцы не успели выдумать новых затруднений. Долго провожает нас С[енкевич]. В широкополой шляпе и в желтом старом френче лихо сидит на иноходце. Точно выехал из ранчо Новой Мексики.

Идем желтой степью. Высокая трава. Солнце палит. На севере — опять славный силуэт гор. Отдельные серые юрты. Стада верблюдов. Наездники в круглых, тибетского покроя шапочках. После девяти потаев доходим до ставки. Базар — чище, чем в [казахских] городах. Белые строения ставки горят на солнце. Стены, дворы, проезды выведены широко. Нас ведут на широкий двор в большую комнату. Белые стены, черная китайская мебель, шкуры медведей. Чаепитие. Приносят карточку от гегена-регента (за малолетством хана) — Добу-дун-цорын-чунбол. Это тот самый перевоплощенец санген-ламы, о котором упомянуто в сиккимских заметках. Завтра увидим его. Стоять будем на поле за ставкой против гор — отличное ощущение.

Приходят калмыки, толкуют с нашим ламой. Калмыки спрашивают, нет ли у нас кусков магнита? Спрашивают о Тибете, о Монголии, все это осторожно, пока узнают доподлинно, кто мы. Женщины в очень красивых, хорошо пригнанных нарядах. За стеной звучит военная труба — это казаки таин-ламы, гегена-правителя. У него две сотни калмыцких наездников, обученных казачьему строю.

30 марта. Ясное утро. Лиловые горы. Будет жарко. Четкость гор и строений несколько напоминает Ладакх. Можно бы радоваться, но опять является китайское вероломство в лице конвойного солдата с наглым заявлением, чтобы мы здесь долго не задерживались и что лучше бы нам ждать приказ дуту в Карашаре, т. е. среди навозных полей, среди пыли и духоты. Истинно, от всех предложений китайцев можно задохнуться. Теперь уже конвойные солдаты стали делать замечания. Лучше бы они караулили арестованное оружие наше, которое брошено на пол без призора. Идем в десять часов к таин-ламе. Приветливый человек низкого роста. Радуется, узнав, что мы говорим по-русски: он знает несколько русских

слов. Хотя лицо таин-ламы и непроницаемо по обычаю, но при рассказах о храмах в Сиккиме и Малом Тибете он оживляется и желает всяких успехов. Стоя выслушал весть. Боязнь китайцев леденит язык таин-ламы. Лепечет: «Когда придет время...» Но ведь время-то пришло. Каждый сам отмерит...

Дом князя — белый, чистый, просторный. На дворах стоят юрты с золотыми куполами. Стены с зубцами. Знамена. Одни лица с улыбкой, другие хмурые. Можно понять, насколько сильно синьцзянское давление. Полунезависимость калмыков обвита синьцзянским драконом. А горы и белые стены так радостны!

Но без китайского вероломства не проходит и трех часов. Идет целая толпа «министров» и старшин гегена-правителя с двумя китайскими солдатами. Видите, амбань Карашара указывает нам немедленно вернуться в Карашар. Все это говорится долго и твердо, но письма при этом нет никакого. Мы говорим, что мы сами мечтаем как можно скорей вырваться из Синьцзяна, на что ждем ответа от дуту. И вот опять сидим в бездействии, ждем телеграмму из Урумчи, без уверенности, что наша телеграмма вообще была послана. Работать нельзя, ибо и без движения мы вызываем преследования. Между тем солдат уходит на базар и поручает свою винтовку Сулейману. Итак, солдатское ружье поручается нашему конюху, а наше оружие брошено посреди поля запечатанным. Наконец где же логика, где разум?

После трех часов начинается буран. Горы скрылись.

Друзья, вы будете думать, что я в чем-то преувеличиваю. Я рад был бы уменьшить что-нибудь, но происшествия чудовищны. Опять пришла толпа калмыков с китайскими солдатами и передала требование о нашем немедленном выезде из ставки по указу карашарского даотая. Шумели, грозились. Значит, ни работать, ни посетить Шарсюме нельзя. Вся цель экспедиции исчезла. Надо только мечтать скорей покинуть китайскую территорию. Через два часа идем требовать обратно наш паспорт и письмо о причинах высылки. Отдают паспорта при официальном письме о том, что высылка производится по требованию карашарского даотая, по обвинению нас в съемке карт. Дают и арбы, только бы скорей нас вывезти. Говорю, что мне 52 года, что я был почетно встречен в двадцати двух странах и что теперь подвергаюсь в первый раз в жизни высылке с территории полунезависимых торгоутов. Какая тут независимость, это просто рабство. Унизительное рабство: вопреки всем обычаям Востока — выгнать гостя!

И куда же мы пойдем? В жару Токсуна? И вынесет ли Е. И.? Именно жару сердце ее не выносит. Где же ближайшая граница, чтобы укрыться от китайских мучителей?

Над горами — буря.

31 марта. Спали плохо. Встали до рассвета. Выхожу в предрассветной мгле. Навстречу идет наш лама. Расстроенный: «Сейчас мне надо ехать. Нас хотят арестовать».— «Кто сказал?» — «Ночью пришел знакомый по Тибету лама и сказал, что еще вчера калмыцкие старшины хотели нас всех связать, только побоялись револьверов».— «Берите Олла и киргиза с собой. Скачите степью в Карашар. Там найдем вас».

Через пять минут лама с киргизом уже скакали степью. Между тем подошли арбы. Мы стали спешно грузиться. Напуганный китайцами геген-правитель даже не приехал проститься. Ведь он был неоднократно задерживаем в Урумчи и потому боится до последней степени. Даже на религиозное празднество китайцы отпустили его всего на четыре дня из Урумчи. Хотя он и не храбрец, но все-таки нельзя же гостей попросту выгонять в угоду китайцам. Какие-то всадники снуют около нас, доглядывают. Опять едем той же степью. Но Карашар стал для нас уже истинно «черным городом». Из Карашара нам запретили осмотреть буддийские храмы, обрекли двенадцать дней тащиться по жарким пескам и нелепо запретили прикоснуться к любимым горам. Из Карашара по приказу дуту опять нас сделали поднадзорными ссыльными. Но зато мы знаем, что бедный геген окружен китайскими шпионами и под калмыцким кафтаном часто скрыта китайская сущность.

Приезжаем в прежний навозный сад. Из ворот нам кричат «капр» (т. е. «нечистый» — мусульманское приветствие!). Сун кидается с плетью на обидчика. Обычная драка. [Киргиз] улепетывает. Сейчас же едем к амбаню и по пути захватываем почтмейстера, говорящего по-английски. Амбань заявляет, что по телеграмме дуту мы должны идти дальним путем по пескам, несмотря на опасность для здоровья Е. И. Конечно, мы уже слышали, что у дуту «маленькое сердце», но все-таки эта жестокость поражает. Амбань не отрицает, что он приказал вернуть нас из ставки и что нам запрещено смотреть буддийские храмы. Мы говорим, что тогда нам нечего делать в Китае, и просим дать письменное извещение об этих запрещениях для сообщения в Америку. Амбань мнется, ссылается на необходимость советоваться с даотаем. Мы еще раз удо-

стоверяемся в том, что нам запрещено посещать храмы и писать горы, и что для ускорения пути нас посылают по долгой дороге. Где же ты, Конфуций? Где же твоя справедливость и прозорливость?

Начинается скучная торговля с арбами. Требуют до Урумчи 180 лан, тогда как цена не более 90 или 100 лан. Так и кончаем день среди разных «дружественных приветов».

Земля калмыцкая улыбнулась лишь издали, а вблизи превратилась в синьцзянскую гримасу. Вспоминаем проникновенные сиккимские настроения, вспоминаем величие Гималаев. Недаром защемило сердце, когда стали спускаться с каракорумских высот к Такла-Макану. Киргиз рассказывает, как старшины торгоутов советовались после получения письма от амбаня: «Не связать ли их?! Нас много, а их всего трое». Киргиз Салим возмущен гегеном: «Это не князь, если через час слово меняет. Не бывать ему больше бурханом» *. И опять видим сочувствие народа и злобствование старшин и беков. Лама возмущен поведением калмыков. Все это поучительно! Прошлый хан калмыцкий был отравлен. Более разумный советник — убит.

Далеко старшинам торгоутским до пробуждения.

1 апреля. Разные рассказы о калмыках. Покойный калмыцкий хан под давлением или под внушением передал важные полномочия китайцу. Китаец спешно поехал в Урумчи, чтобы оформить и закрепить получение полномочия. Калмыки в горах догнали его и уничтожили со всем эскортом, так что и следов не нашли. Хана своего калмыки отравили... За малолетством наследника стал регентом брат хана таин-лама. В июне этого года таинлама передает государственную печать (тамгу) молодому хану, а сам удаляется, как духовное лицо, в монастырь в Шарсюме. Долго ли направит двенадцатилетний хан? Таин-лама впал в немилость дуту после того, как он отказался дать своих солдат в экспедицию для убийства кашгарского Ти-Тая. Сплошное мрачное средневековье.

Благосостояние калмыков падает, ибо налоги велики. Кроме китайского налога они еще платят местный нойонский налог *. Народу тяжко. Табуны простых людей редеют. А китайской ориентации старшины дошли до того, что пытались связать американскую экспедицию. В Хотане грозились нас выслать, а в Карашаре уже привели угрозы в действие. Будем надеяться, что погода окажется менее кровожадной, нежели урумчинский дуту, и не задушит

Е. И. Этот правитель посылает сборник своих указов британскому консулу и для Британского музея; но не мертвые листы указов, а действия дают облик деятелей. Посмотрите и послушайте на местах, и вы увидите истинное обличье правителей Синьцзяна. Недаром лучшие китайцы называют правление Синьцзяна «Синьцзянской компанией». И покуда вы не увидите все это на месте, вы не можете поверить такому человеческому одичанию. Конечно, дуту стар, очень скоро умрет и вряд ли он возьмет в могилу награбленное добро, но кто будет тот, кто вычистит эти авгиевы конюшни?

Истинно, хотелось бы писать картины вместо описания этих вредных, человеконенавистнических безобразий. Но, видно, так надо. Видно, кому-то это будет полезно. Америка ждет мои картины буддийских высот, но пусть китайское правительство разъяснит, почему мы не допущены в монастыри. В Сиккиме нас встречали с трубами и знаменами, а на китайской земле — с веревками. Конечно, карашарский амбань никакого письма мне не дал. И не нужно. У нас есть письмо с печатью калмыцкого хана, где ясно указан приказ китайских властей. Скорей, дальше от китайской гримасы! Перед нами острова Японии, перед нами давняя мечта повидать острова Пасхи с их неведомыми каменными гигантами.

Солдат сегодня вообще не прислали, так что наше арестованное оружие само себя сторожит. Вечер кончается скучной процедурой отпуска трех конюхов, уходящих в Ладакх. Молодой тибетец Церин хочет идти с нами. Он не любит мачеху и говорит, что отец стал ему чужой, и он вообще хочет далеко идти с нами. Молодая душа стучится в окошко новых возможностей. Как же не взять его?

2 апреля. Утро начинается драмой Церина. Ладакхец, отец его, сбит с толку злыми конюхами и запретил Церину идти с нами. Иначе, говорит, перебью тебе руки и ноги. Надо было видеть слезы Церина. Прощался с нами, дрожа и глотая слезы. Какое право имеют люди отнимать чужое счастье? Ведь в этом порыве было столько стремления к свету. А теперь Церину придется снова бессмысленно шагать с ослами по сыпучим пескам, служа невежественности. Бедный мальчик! Иногда думаем, не убежит ли он? Конечно, это трудно, ведь за ним будет смотреть злой старик и не менее злые конюхи.

С семи часов возимся с арбами и караваном. Пишем условия. Шумим из-за негодности лошадей и присланных

солдат. Возмутительная медлительность. Русский или американец обезумели бы от такого темпа. Когда же проснется этот народ?

Попутно поступают интересные сведения. Китайцы берут прививку оспы не от телят, а от людей и, таким образом, заражают сифилисом и другими болезнями...

Идем всего четыре потая. Вместо гор, вместо монастырей Майтрейи опять желтая степь вокруг нас. Какое право имеют китайцы лишать нас возможности увидеть красоту? Уход трех конюхов как-то освежил караван. Люди почему-то радостны. Рамзана ждет Церина и уверяет, что он прибежит сегодня или завтра. Это было бы по-тибетски!

3 апреля. Сильно студено ночью и жарко в полдень. Желтая степь. Пыльная, каменистая дорога. На севере — гряда туманных гор. Доходим до грязного местечка Ушактал. Опять нужно стоять около скотных дворов. Неприхотливы все даотаи, титаи, амбани, тулины, веками кочующие на тех же самых грязных постоялых дворах. Из этого местечка проходит хошутская дорога на Урумчи. По хошутской дороге всего четыре дня до Урумчи, но мы по приказу генерал-губернатора должны идти долгой, пыльной, жаркой, некрасивой дорогой целых восемь дней. Такова китайская жестокость, чтобы заставить путешественников идти по пыли в духоте и знать, что тут же рядом — краткая дорога, полная горных красот. Недаром ни один из виденных нами даотаев и амбаней не мог назвать ни одного знаменитого современного китайского художника или ученого.

Представьте себе наше ощущение: видеть ущелье, через которое идет короткая дорога, а самим ползти в облаках жаркой пыли.

Еще вариант легенд о Турфане. «Из пещеры вышел высокий человек и пошел на базар что-то купить. За покупки предложил заплатить золотыми монетами стариною в тысячу лет. Затем человек ушел в ту же пещеру и пропал. А у входа стоит каменная собака. Хотела она вскочить в пещеру за человеком, но окаменела».

Ушактал является центром хошутских коней. Они больше ростом, нежели торгоутские. За потай от Ушактала — следы старого укрепления времен завоеваний Андижана и Ферганы *. Много комаров. Дикие гуси.

4 апреля. «Старый хан решил передать сыновьям тамги (печати) на правление хошунами. Были тамги золотые,

серебряные, медные и одна была деревянная. Говорит ханша любимому сыну: «Возьми, сынок, деревянную тамгу, не бери золотых». Разобрали тамги ханы. И сказал старый хан: «Небо создало воду. Испытаем тамги водою. Которая тамга выше, та выше и останется. И осталась деревянная тамга на воде, а золотые и серебряные ушли под воду».

На Черном Иртыше много золотоискателей. Десятки тысяч. Золото — всего на две четверти под землею. Дуту посылал отряды солдат перехватывать искателей, но, дойдя до золота, все отряды исчезали.

Сегодня красивый день. Со всех сторон показались горы, синие, сапфировые, фиолетовые, желтые и красно-бурые. Серое небо и жемчужные дали. По руслу широкого потока доходим до Кара-Кизыла, т. е. «черно-красного». Название верно, ибо скалы из черного и красного крупнозернистого гранита. Тишина пустыни. Насколько лучше эти уединенные лянгары, нежели города и грязные базары.

Только подумать, что мы могли идти четыре дня уединенными горами, среди дальних снегов. Сегодня показалась первая низкорослая хвоя. За весь день, за семьдесят четыре версты лишь один убогий лянгар с плохим колодцем в «сто аршин глубиной». За весь день — лишь два маленьких каравана тощих ишаков. Точно идете не большой китайской дорогой, а по новой, неоткрытой стране. Из гор торчат слои черных сланцев и угольных образований. И вся пустыня замерла, ожидая шаги будущего.

5 апреля. Просто беда с цириками. Заваливается спать на арбу и не только наши, но даже свое ружье не бережет. Ночью люди какого-то проезжего амбаня хотели выбросить наших коней из лянгара.

А горы так хороши! Стоят темно-бронзовые с зеленоватыми и карминными пятнами. За горами опять пустыня с темными галечными скатами, усеянными светло-желтыми кустиками. Целый ковер Азии.

Днем жарко. Помогает восточный ветер. Прошли девять потаев до бедного местечка Кумыш. Какое-то ободранное, растерзанное селение. Два разбитых необитаемых лянгара. Когда-то что-то было. Е. И. спрашивает: «Но ведь ездят же здесь даотаи и амбани? Неужели они останавливаются в такой грязи?» Сулейман смеется: «А им-то что? Этим амбаням?! Была бы трубка опия да баба, в любой грязи проваляются!» Видно, не велико уважение к властям. От

путников из Хотана доходит неясное сведение о смещении даотая Ма...

Молчат барханы. В голубой дымке залегли горы. Вспоминаем характерный случай. Путешественники из Китая в Тибет рассказывают, что на границе для досмотра были остановлены нянькой с ребенком. Оказалось, что пограничный служащий накурился опиума, жена его была занята по хозяйству, и няньке пришлось выполнить обязанности таможенного стражника. Это было напечатано в шанхайских газетах.

В прошлом году калмыкам-богомольцам не было разрешено пройти в Тибет на поклонение святым. Такое запрещение очень многозначительно.

Сегодня уже начинается китайская пытка — начинается жара, которую мы избежали бы по хошутской горной дороге. Нынче очень ранняя весна. Говорят, снег в Урумчи уже сошел. Вечером выговариваем Сулейману за его привычку пускать в ход нагайку по человеческим спинам. Он удивлен: «Да как же иначе мне с дунганином или китайцем дело иметь? Разве они понимают рассуждение? Или он тебя взял, или ты его взял. Вот вчера мафакеш-дунганин отчего быстро ехал? Потому что с утра дали ему пинка хорошего, а сегодня, наверно, поздно придет». Так здесь и живут — целая цепь зла.

6 апреля. Жаркий день. Сперва пустыня со многими буграми и скалами вокруг. Через восемь потаев вошли в красивое ущелье. Шли мы около семи потаев. Сине-черно-бронзовые скалы. Все в трещинах. Полная безводность. Разрушенные лянгары по пути. Верно, вода ушла и заставила жителей отодвинуться. За весь день всего один караван ишаков и два всадника. Самая большая дорога представляет из себя каменистую пустыню. От семи утра до четырех с половиной [дня] не видно никакого движения по дороге. Если бы мы шли горами, то завтра уже пришли бы в Урумчи. Ночуем в Архай-Булаке — уединенном лянгаре среди бронзовых гор. Говорят, здесь тоже была война с Андижаном.

Высоко в песчаниковой скале видна пещера. Подходы к ней все обвалились.

7 апреля. По бесчеловечью генерал-губернатора идем жарким ущельем. Разнообразные песчаниковые формации, но все это в Ладакхе гораздо красивее. Среди песков вдруг ярко зеленеет каемка травы. Значит, из скалы нежданно бьет родник звенящей воды и растекается по

песку. Конечно, можно бы легко собрать драгоценную влагу в обработанное русло, можно бы легко починить каменистую дорогу, но, конечно, улучшение края не входит в круг занятий китайской администрации. После небольшого перевала входим на палящую равнину. Е. И., задыхаясь от жары, говорит: «Это не губернатор, а старое чудовище». Действительно, заставить иностранцев получить четыре дня лишней палящей дороги — бессмысленно и бесчеловечно. Все равно что сказать американцу: «Можете ехать из Нью-Йорка в Чикаго только через Новый Орлеан». Вообразите негодование пассажира.

Среди песков, среди молочной мглы синеет Токсун.
190 Всего на день пути [отсюда] лежит Турфан, и из его девятисотфутовой ямы пышет жар. Как легко представить себе, летом в Турфане даже местные люди умирают от жары.

В Токсуне деревья все уже ярко-зелены. Посевы густо зеленеют. Стоим на берегу реки, бегущей многими рукавами. Лишь бы опять не было драки. Сегодня рассвет начался безобразной дракой. Сулейман избил Суна, и тот в крови прибежал к нам. Необходимо скорей освободиться от Сулеймана. Это животное не понимает никаких убеждений, и главное его преследование направлено на Суна за то, что этот не крадет. А в основании всего виноват в драках сам дуту, который арестовал наше оружие и возит его запечатанным напоказ всей провинции. Если бы револьверы были при нас, то и люди относились бы иначе. Жарко, даже в пять часов жар еще не спадает. Ночь тоже не принесла прохлады в палатки.

К вечеру приводят коней на реку. Проводят перед нами. Не купим ли? Цена от трехсот до тысячи лан. Красивый буланый конь. На спине черная полоса. Посадка головы напоминает зебру или кулана. Нет ли в породе карашарских коней скрещения с куланом?

Приходит в сумерках дунганин — китайский доктор. Говорит по-русски. Почему? Оказывается, жена его — русская семиреченская казачка. Вот идет и она сама в розовых штанах и кофте, с ней черненькая девочка. И под звездами Токсуна звучит тихая жалоба на жизнь. С тринадцати лет родня продала ее дунганам. Бежала она. Там пришла революция. Родня ее исчезла. Пришел голод. И вот казачка оказалась в китайском наряде. «Скучно мне. Не о чем говорить с ними. Грязь у них. Теперь опять тянемся к России. Муж мой хочет в России быть. Купила я себе девочку — [киргизку]. Заплатила за нее двенадцать лан. Сделала я себе из холста палатку,

поставила ее в комнате — лишь грязь их прикрыть. В Урумчи много наших казачек от нужды за китайцев пошло. И образованные и портнихи хорошие пошли за дунган. А вот здесь много скорпионов. Берегитесь ночью. Турфан и Токсун славятся скорпионами. Один маленький меня укусил — три часа кричала. Потом перетянули палец веревкой и положили опий. Будьте осторожны». И казачка-дунганка уходит во мглу со своим чуждым ей мужем и с купленной девочкой. А девочку назвала Евдокия. Итак, дуту нас послал не только в пекло, но и в город скорпионов.

Ночью жарко. Цикады звенят без устали. Юрий удивлен, что до сих пор идет продажа людей. Идет открыто и деловито. Может быть, в сборнике указов дуту, подаренном им Британскому музею, имеется «прекрасный» указ о продаже людей.

8 апреля. По бесчеловечью генерал-губернатора провели безобразный день. Тянулись знойной каменистой пустыней. На горизонте трепетал жаркий воздух. Уплотнялись далекие несуществующие озера. И таяли миражи. И претворялись в серую беспощадную равнину. В зное потонули далекие горы. Только подумать, что сегодня мы уже были бы в Урумчи. Уже читали бы вести из Америки. И по самодурству чудовища еще целых три дня будем топтать ненужное нам взгорье. Будем стоять в лянгаре Паша-Сайган.

В пути думалось: не правы европейцы, разрушая монументальные концепции Ближнего и Дальнего Востока. Вот мы видели обобранные и ободранные пещеры. Но когда придет время обновления Азии, разве она не спросит: «Где же наши лучшие сокровища, [созданные] творчеством наших предков?» Не лучше было бы во имя знания изучить эти памятники, заботливо поддержать их и создать условия истинного бережливого охранения. Вместо того фрагменты фресок перенесены в Дели на погибель от индийского климата. В Берлине целые ящики фресок были съедены крысами. В Лондоне части монументальных сооружений нагромождены в музее без указания их первоначального назначения и смысла. Прав наш друг Пеллио, не разрушая монументальных сооружений, а изучая и издавая [исследования о них]. Пусть свободно обращаются по планете отдельные предметы творчества, но глубоко обдуманная композиция сооружений не должна быть разрушена. В Хотане мы видели части фресок из храмов, исследованных Стейном, а остальные куски уве-

зены им в Лондон и Дели. Голова бодхисаттвы — в Лондоне, а расписные сапоги его — в Хотане. Где же тут беспристрастное знание, которое прежде всего очищает и сберегает, и восстанавливает? Что бы сказал ученый мир, если бы фрески Гоццоли или Мантеньи * были бы распределены таким «научным» образом по различным странам. Скоро по всему миру полетят быстрые стальные птицы. Все расстояния станут доступными, и не ободранные скелеты, но знаки высокого творчества должны встретить этих крылатых гостей.

Сегодня за весь день мы видели один маленький караван ишаков и одного всадника. Мертвое молчание большой дороги прилично лишь омертвелости современного Китая. Придет молодежь, и зацветут пустыни.

В яхтанах растопились свечи. Желтое солнце заходит за янтарную гору. Завтра должно стать прохладнее — зайдем за горы, в первую зону алтайского климата.

9 апреля. Идем последними отрогами «Небесных гор» — Тянь-Шаня. Минуем дорогу на Турфан. На распутьи — старая китайская стела — плита с полуистертыми надписями и орнаментами. Там давно, в глубине столетий, кто-то заботился о видимости путевых знаков. Дальше дорога наша разветвляется. Один путь идет через перевалы, а другой — рекою с пятнадцатью переездами через воду. Люди наши долго, как государственное дело, обсуждают направление пути. Совет порешил: идти нам перевалами. Все говорится так серьезно, что мы можем думать о серьезности перехода. Но ожидания напрасны. Оба перевала очень легки и не годятся ни в какие сопоставления с Ладакхом и Каракорумом.

Спускаемся с гор к небольшой реке. Видны развалины старого форта. На черно-синем фоне гор светится неожиданная светло-золотая песчаниковая вершина. Нам говорят: «Там живет святой человек. Прежде он показывался людям, а теперь его никто не видит. А знаем, что живет там. И стоит там как бы часовенка, а только дверей не видать». Так сеется легенда.

Опять идем узким кочковатым проселком, и никто не поверит, что это самая большая и единственная артерия целой области с метрополией. Чудовищно и странно видеть такое одичание целой страны. Одно хорошо: мягкие колокола длинной вереницы верблюдов. Истинные корабли пустыни.

Стоим в Дабанчене (город перевала). Шли одиннадцать часов. Е. И. даже поцеловала свою лошадку. До Урумчи

осталось двадцать два потая. Днем очень жарко. Необычно мерцают звезды. Первый раз слышали гонги в китайском храмике.

10 апреля. С вечера начался буран. Укрепили палатки всеми гвоздями. Навалили вокруг яхтаны для тяжести и плохо провели ночь в трепещущем домике. Часа в два ночи в храме звонили гонги, но так и не пришлось узнать, какая это могла быть ночная служба. С утра шамаль даже усилился. Все ушло в серо-желтый сумрак. Горы исчезли. Весь переход движемся против свистящих волн вихря. С приближением к столице дуту селения становятся еще ободраннее. Дорога еще хуже, и типы дунган еще более разбойными и дикими. Непонятна разница цен на продукты. Здесь десять яиц стоят один сар, а рядом селение — наполовину дешевле. То же и с дровами, и с кормом коней.

Серая пустыня с белыми прослойками соли. Движутся клубы пыли, и вьются хвосты коней. Легко представить, что вихри Азии могут перевернуть груженную в пятьдесят пудов арбу или остановить тройку коней. Особенные трудности были с установкой палаток в грязном местечке Цзай-о-пу. Шатры развевались на ветру, все дрожало, и слой сора мгновенно засыпал все. И вот сидим среди глухих ударов вихря, среди слоя песка и мусора. Зачем нам нужно пройти через этот свирепый шамаль, когда уже три дня мы могли быть в Урумчи. Видно, дуту хотел показать нам свою страну в полной безнадежности. Глаза наполняются пылью, и на зубах хрустит песок. По гулу и по ударам ветра вихрь напоминает нам ужасное море, живо описанное в газетах, во время нашего последнего переезда через Атлантику.

Иногда строение гор больше всего напоминает соединение разноцветных жидкостей, и часто пустыня гремит аккордами океана. К вечеру шамаль не унялся, как надеялись караванщики.

11 апреля. Рассказывают, вот отчего здесь вихри: «Китайское войско гналось за калмыцким богатырем. Сильный был богатырь. Вызвал себе на подмогу вихрь с гор, а сам ускакал; вихрь разметал китайскую силу, но некому было заклясть вихрь. Так он здесь и остался».

Сегодня часть горизонта очистилась. Блеснули слабые очертания гор со снежными гребнями. Внизу блеснули стальные озера, окруженные белыми каймами соли. Вихрь остался. Заледенело за ночь. Шамаль стал сибирским

студеным сиверко. Щиплет щеки и слезит глаза. Достали шубы. Видно, надо испробовать все особенности местного климата. Пустыня сменяется оголенными серо-желтыми молчаливыми буграми. Вдали голубеют горы. Путь не близкий. Судя по времени, потаев четырнадцать. Нажег вихрь щеки. Далеко, между двумя холмами, указали нам Урумчи.

До китайского города следуем по русской фактории. Широкая улица с низкими домами русской стройки. Читаем вывески: «Кондитерская», «Ювелир», «Товарищество Бардыгина»... Появляется посланный от фирмы Белианхана и везет нас в приготовленную квартиру. Низкий белый дом. Две комнаты и прихожая. Но вот затруднение: для нашего внедрения выселили двух русских, это так неприятно. Едем к Гмыркину — представителю «Белианхана» — посоветоваться. Оказывается, в Урумчи все переполнено. Домов нет. Придется стоять в юртах за городом. Тем лучше. Юрий с Гмыркиным скачут искать место для ставки. Ходят какие-то люди. Всем им настойчиво нужно знать, кто мы, откуда, зачем, надолго ли, сколько людей с нами, что в ящиках? Обедаем у Гмыркиных. Разговоры о нашей Америке, о жизни там, о напряженном труде, о надписях: «Улыбайся». Да, да, эта надпись очень нужна.

На обеде у Гмыркиных целый стол русских. Оказывается, сегодня важный день. Дуту призвал к себе дунган и заявил им, что ничего против них не имеет. В начале марта здесь была мобилизация, при этом было объявлено, что призываются все, а дунган не нужно. Дунгане встревожились, тем более что с некоторых постов дунганские чиновники были удалены. В самом городе оперирует опасная шайка дунган. По мобилизации было послано до десяти тысяч войск в направлении Хами *.

12 апреля. С утра люди отказались переезжать за город в юрты. Боятся нападения грабителей. Поехали с Юрием к Кавальери, к Чжу Да-хену (знающему русский язык), к Фаню (заведующему иностранной частью) и к самому дуту. Долго ехали китайским городом. Тройные стены. Длинные ряды лавок. Продукты разнообразнее, чем в Кашгаре. Кавальери — симпатичный итальянец, заведует почтой. Изумляется всем нашим происшествиям и советует нам ехать на Чугучак через Сибирь — в Японию. Так же как ехал отсюда наш приятель Аллан Прист. Чжу Да-хен — молодой китаец, отлично владеет русским. Улыбается, возмущается поступками в Хотане и в Кара-

шаре и уверяет, что он готов помочь. Ведет нас к Фаню и дуту. Следуем через всякие ворота и закоулки. У обоих сановников пьем чай. Оба подкладывают нам сахар и уверяют, что в Хотане и Карашаре сделаны властями ошибки, что мы великие люди и потому должны простить малых людей. Уверяют, что более ничто подобное не повторится и мы можем быть совершенно покойны в Урумчи. Но о расследовании — ни звука.

Едем обратно через все длинные базары. Ряды ситца, шорных изделий, дешевой посуды и лубочных картинок. А дома Е. И. встречает нас с сюрпризом: именно в то время, когда дуту заверял нас в своей дружбе, содействии и благожелательстве,— именно в ту минуту у нас был сделан подробный обыск полицмейстером в сопровождении татарина-переводчика. Опять Е. И. допрашивали о наших художественных работах, опять вся нелепость была проделана от начала до конца. Как же можно верить уверениям дуту?

После обеда иду к консулу Быстрову просить устроить проезд через Алтай, через Сибирь подобно Присту. Ответ может прийти через две недели. Найти лучшую квартиру нельзя — все дома переполнены. Говорят, что через пять дней Ахматов уезжает на службу в Ташкент. Не удастся ли хоть на время переехать в более удобное помещение. «Улыбайся! Улыбайся!»

Сегодня я сказал трем китайским высшим чиновникам так: «Мне 52 года. Я был встречен почетно в 23 странах. Никто в жизни не запрещал мне свободно заниматься мирным художественным трудом. Никто в жизни меня не арестовывал. Никто в жизни не отнимал у меня револьвера как средства защиты. Никто в жизни не высылал меня насильно в нежелательном мне направлении. Никто в жизни не вскрывал самовольно моих денежных пакетов. Никто в жизни не возил вместе со мной арестантов. Никто никогда не обращался со мной, как с разбойником. Никто никогда не отказывал принять во внимание просьбу пожилой дамы, основанную на состоянии ее здоровья. Но китайские власти все это проделали. Теперь наше единственное желание — как можно скорее покинуть пределы Китая, где так оскорбляют мирную, культурную экспедицию Америки».

Все это сказано. Генерал-губернатор и вице-губернатор не возражают. Уверяют, что в Урумчи нас никто не тронет, а за спиной именно в эту же минуту проделывают обыск, и Е. И. должна бессмысленно раскрывать ящики и сундуки. «Улыбайся!» Ведь мы не в молодом Китае!

13 апреля. Вы спросите: «Отчего гниет Китай?» От беспринципности и бесчеловечности. Спросите: «Вы, кажется, разлюбили Восток?» Вовсе нет, наоборот. Но во имя справедливости мы должны отличать молодые жизненные побеги от сухих ветвей. И сухие ветки должны быть отсекаемы для спасения общего блага. Совершается в Китае великий процесс.

Ищем какой-нибудь сносный дом. В Урумчи это труднее всего. Сегодня ночью у Гмыркиных увели лошадь. За ночь сломали высокую стену и угнали из конюшни. Собаки лаяли. Конюхи спали. Воры трудились, и лошадь исчезла. Конечно, полиция ее не найдет. Но может быть,

ее удастся выкупить у местных киргизов.

Гремят барабаны. Со знаменем идет вновь сформированный полк. Отъявленные оборванцы. Но Фельдман (директор Русско-Азиатского банка) успокаивает: «Это еще ничего, а вот вы посмотрите солдат около Хами». Какие же там банды! «Улыбайся!» Улыбаясь, нам говорят китайцы: «Как вам интересно будет рассказывать в Америке все ваши приключения». Какое-то странное отношение к Америке. Точно к чему-то легковерному и мягкотелому. Так же странно, что все бумаги и удостоверения из Америки мало читаются и всегда спрашивается: «А что еще у вас есть?»

Вот и Присту не дали снять фото в Дуньхуане, а между тем в шести томах Пеллио пещеры эти давно изданы.

Приходит Фельдман, директор Русско-Азиатского банка, энергичный и широко смотрящий. Не знает, как ему возвращаться в Шанхай. По так называемой императорской дороге нельзя. Уже по пути сюда он был там арестован и задержан, а потом попал под обстрел хунхузов, которые часто сформированы лучше правительственных войск. Рассказывает о бывших событиях в Сибири. Очень плохого мнения об Оссендовском. Рассказывает ужасы об Унгерне, Семенове, Анненкове *. Приходят Гмыркины. Новые рассказы об ужасах отряда Анненкова. Как сотник Васильев изрубил шестнадцать офицерских семей своего отряда, предварительно изнасиловав женщин. Где же человекообразие?

14 апреля. Яркий, солнечный день. Сияют снега на горе Богдо-Ула. Это та самая гора, за которой «живут святые люди». Можно подумать, уж не на Алтае ли отведено место для них? Сегодня начнется праздник рамазана. Барабаны, кличи на мечетях и толпы люда.

Интересно было бы подойти ближе к психологии местной власти. Есть тут так называемые генералы и министры финансов, промышленности и просвещения. Надо надеяться, что нет министра путей сообщения, иначе чем бы объяснить отчаянное состояние дорог. Как просвещает народ министр просвещения? И где она, таинственная система промышленности? Когда министр промышленности спросил одного больного о состоянии его здоровья, тот сказал: «Так же, как и ваша промышленность». А дуту «скромно» заявляет, что благодарное население поставило ему памятник за процветание края.

Замечательна система налогов. Например, на золотых приисках налог взимается с числа рабочих совершенно независимо от результатов работ. Сейчас на Черном Иртыше роется до 30 000 человек. Конечно, все это сводится к порче золотоносной почвы.

Переезжаем в маленький домик при Русско-Азиатском банке. Вероятно, придется пробыть еще недели две.

15 апреля. Рассказы о дуту. Пекинское правительство неоднократно пробовало смещать его, но хитрый дуту собирал подписи местных баев, и в Пекин следовала составленная им петиция населения о том, что лишь присутствие дуту Яня обеспечивает спокойствие области. Но спокойствие области для дуту подобно смерти. Правитель утверждает, что построение фабрик и расширение производств создаст класс рабочих, а потому не следует развивать производства и строить фабрики.

В 1913 году правитель заподозрил измену своих восьми родственников. Потому он устроил парадный обед, пригласил всех должностных лиц и во время обеда собственноручно застрелил главного заподозренного, а стража тут же за столом прикончила семь остальных. В 1918 году дуту возымел злобу против одного из амбаней. Он послал опального в Хами, а по пути амбань был «заклеен бумагой», и таким необыкновенным путем задушен. В «Саду пыток» Мирбо * это измышление зла было упущено.

Конечно, сборы на постановку памятника дуту были произведены по всему краю насильственной подпиской. И от «благодарного населения» появилась безобразная медная фигура с золочеными эполетами и звездами. Для улучшения нравов своих чиновников дуту запрещает им выписывать иностранные и лучшие китайские газеты. Чудовищно видеть все эти средневековые меры в дни эволюции мира. Немногим чутким молодым чиновникам приходится очень тяжко. Вспоминаю грустную улыбку

амбаня Паня в Аксу. Понимаю, отчего у него были газеты лишь от Кавальери. Надежда одна: дуту очень стар и его «благотворное» омертвление огромного края не сможет продолжаться долго. Не надо забывать, что население хорошо помнит тех немногих китайцев, которые не грабили и не проявили человеконенавистничества. Хорошо говорят о даотае Чугучака. Хорошо, тепло поминают Пан Да-чженя, отца нашего знакомца из Аксу. Когда хоронили старого Пан Да-чженя, весь город вышел его проводить. Сверх обычая старый чиновник не оставил никакого состояния, ибо не брал взяток.

Сегодня праздник рамазана. Город разоделся в яркие
198 платья. Ходят друг к другу с визитами. Утром до двух
тысяч [мусульман] на поле слушало проповедь муллы. Два китайских визита. Чжу Да-хен и Фань с переводчиками. Молоденький Чжу Да-хен явно нам симпатизирует, и его живые глаза могут прямо смотреть на нас. Чаще отвертывает глаза Фань. Теперь у него новая отговорка: все наши неприятности проистекали от пекинского правительства, которое не известило Синьцзян о нашем приезде. Но ведь с 12 октября по сегодня Фань имел достаточно времени, чтобы снестись с Пекином. И нечего валить на Пекин вину Синьцзяна.

16 апреля. Дошли странные сведения о разграблении фресок Дуньхуаня. Если эти сведения верны, то такое вандальство должно быть исследовано, как совершенно недопустимый факт разрушения почти единственного сохранного памятника. Рассказывается, что «приехали какие-то «американские» торговцы, вырезали куски фресок и успели увезти много ящиков». Будто бы китайцы гнались за похитителями, но по обыкновению неудачно. И в результате — искалеченный памятник. Ученый мир не должен оставить без расследования разрушение единственного памятника. Конечно, Прист, бывший осенью в Дуньхуане, может дать достоверные и подробные сведения. Мы же можем лишь занести этот факт для сведения научного мира. Как будет возмущен Пеллио, узнав о разрушении изученного и изданного им памятника. Здесь вся русская колония знает о случившемся.

Сейчас идет по улице «полк». Неужели это сборище оборванцев может кому-то оказывать какое-то сопротивление? Хитрый дуту играет на этих оборванных струнах. То он вызовет к жизни дунган, то мусульман, то калмыков, то киргизов. То он вынесет разноцветных петухов и скажет: чей петух победит, тот и будет первым. А петух

соответственной окраски уже подготовлен и побеждает соперников, подтверждая желание правителя. То правитель изобретет несуществующий заговор или восстание. Много изобретательности поработителя...

Возмущаемся расхищением Дуньхуана, а нам приводят в пример расхищение мечетей Прикаспийского края * в 1918 и 1919 годах. В Мерве, Полторацке, в оазисе Анау * вырезаны и расхищены иностранцами ценные стенные изразцы. Французы разрушают Дамаск. Англичане расхищают мечети. Что это? Неужели исполняются какие-то космические законы? «Идущие к пропасти с содроганием продолжают свой путь судьбы». Так сказано в учениях мудрых об исполнении сроков.

17 апреля. Среди долгих путешествий ускользают целые события. Только что мечтали о поездке на остров Пасхи, а здесь говорят о гибели [этого острова] три года тому назад. Неужели гиганты Атлантиды * уже навсегда погрузились в пучину, и поток космоса, эта сантана * буддизма, совершает свое непреложное течение? За время наших хождений по горам и пустыням какие-то звезды из мелких сделались первоклассными величинами. Еще опустился в море какой-то остров с десятитысячным населением. Усохли озера, и прорвались неожиданные потоки. Космическая энергия закрепляет шаги эволюции человечества *. Вчерашняя «недопустимая» сказка уже исследуется знанием. Испепеляется отброс, и зола питает побеги новых завоеваний.

В тишине фактории Урумчи консул Быстров широкоохватно беседует о заданиях общины человечества, о движении народов, о знании, о значении цвета и звука... Дорого слушать эти широкие суждения. Одни острова погрузились в пучину, и вознеслись из нее другие, мощные.

18 апреля. Поездка за город, устроенная Янем Чан-лу и Чжу Да-хеном. Смотрели храм «бога-черта» с изображением ада. Храм бедный. Изображения безобразны. Чжу уверял, что это буддизм, но потом и сам сознался, что такая «народная примитивная религия» не имеет ничего общего с буддизмом. Ад представлен очень недекоративно. В продолговатом помещении на полу расставлена толпа плохо и недавно сделанных фигур. Своеобразный сад пыток. Смалывают грешников жерновами. Сплющивают прессом, усеянным гвоздями. Распарывают животы. Кипятят в смоле. Раздирают крючьями и членовредитель-

ствуют над грешниками всеми мерами, доступными китайской фантазии. Особенно возмутительно поведение праведников, нагло и самодовольно наблюдающих мучения с мостиков и балконов рая. Не указано, в каком разряде ада будет помещен сам дуту. Весь этот паноптикум производит жалкое, ненужное впечатление.

Едем затем к статуе дуту со всем ее безжизненным, медным «величием», к павильонам и пруду, им устроенным... После того поднимаемся за рекою на гору к Таонскому храму с богом всех богов. По одну его сторону шестирукий бог лошадей и животных, по другую — бог насекомых. Впечатление [от] храма несколько лучше и
200 чище, вероятно, благодаря более уединенному положению на горе. С ближней скалы виден весь город и округа всех гор и холмов. Лучшее место из всего виденного в Китайском Туркестане. После этого остается храм бога грома — бедный и малоинтересный, а затем чай и обед с утомительным сидением на полу. Старик Ян Чан-лу быстро напивается, и сын отправляет его домой.

Хороший разговор с Быстровым. Истинно, можно поражаться широте взглядов его.

От Богдо-Ула поднимаются тучи. Холодеет к вечеру. Надо будет найти время и съездить в старое Урумчи, которое находится в 10 верстах. Там-то и есть тот красный храм, по которому и называется новый город. К вечеру — игра в городки. На дворе консульства толпа народа. Качели, гимнастика, гигантские шаги. Русские, мусульмане, дунгане, китайцы, детишки. Там же предположено устроить клуб. Просто, по-человечески. Весело смотреть.

19 апреля. Похолодало. К вечеру пошел дождь. Это обстоятельство не спасло бога воды от большой неприятности. Ввиду бездождия генерал-губернатор приказал вынести водяного бога из храма и отрубить ему руки и ноги. Когда-то мы читали о дикарях, секущих своих богов за нерадение, но, оказывается, эти дикари живут в Урумчи и ими предводительствует генерал-губернатор, считающий себя магистром [философских] наук. Но кто знает, просто ли бог лентяй? Не было ли у него зловредных мыслей возбудить народ против генерал-губернатора? При таком количестве богов можно ожидать всяких группировок, вредных для «правительства». Местные обыватели настолько привыкают к подобному правлению, что самые странные факты им начинают казаться естественными. Нельзя строить фабрик — это естественно. Нельзя добывать нефть — естественно. Нель-

зя получать газеты — естественно. Нельзя иметь врача — естественно. Все становится естественным.

Из горных щелей вьются струйки дыма — это ползет подземный пожар угля и гибнет ценнейшее достояние края.

К Гучену, в долине смерти, лежат кучи костей — следы многотысячной резни. Большинство мертвых развалин стоит свидетелями резни и предательства. Но провинция «спокойна», и только кладбище спорит о большем спокойствии. Как взорвется это спокойствие смерти? Кто придет? Откуда придет? Кто возмутится изнутри? В молчании кладбища трудно понять, которая могила будет первой.

По ночам проходят какие-то банды оборванцев, именуемых солдатами, в направлении Хами. Говорят, дуту полагает, что, насильственно собирая оборванцев с базара в казармы, он освободит город от опасного элемента. Но какова будет судьба этих вооруженных шаек и против кого они обратят свое заржавленное оружие? Пришла шанхайская газета с описанием разгрома китайскими армиями американской миссии и убийства миссионера. Прежде это известие кого-то взволновало бы, но теперь никто не изумляется. А как же иначе? Спрашивают нас: «Уверены ли мы в пропуске китайцами на Чугучак?» Мы отвечаем: «Куда же иначе нас денут китайцы?» Нам говорят: «Все возможно»,— и приводят случаи каких-то нелепых запрещений и насилий. Когда изумляемся «местным делам», здешние жители нам говорят: «А разве в Америке и Европе не знают, что такое Синьцзян?» Если бы мы знали половину действительности, мы никогда не продолжили бы путь через Китай.

На Богдо-Ула выпал снег. Надо топить печи.

20 апреля. За ночь забелело. Давно не видали снежных гор со всею их хрустальностью и тонкостью линий. Горы, горы! Что за магнетизм скрыт в вас! Какой символ спокойствия заключен в каждом сверкающем пике. Самые смелые легенды рождаются около гор. Самые человечные слова исходят на снежных высотах. К вечеру пошел снег и в низинах, вся округа приняла зимний характер. Приходит Зенкевич *. Говорим о всех темах нам близких. Его странствия и приключения — это целое повествование. Невыразимая прелесть есть в том, что люди сдвинулись с мест и на невидимых крыльях сделали землю маленькой и доступной. И в этой доступности есть эмбрион доступности дальних миров.

21 апреля. С утра снег. Богдо-Ула показался весь снежный и синий. Странно, Ф.* не верит в ужас некоторых кварталов в Бомбее. Не может допустить, что эти позорные клетки с женщинами существуют. Но ведь каждый шофер это знает и, даже без вашего желания, привозит вас показать этот ад, существование которого земля терпит уже много тысячелетий!

М. говорит: «Китайцы хотят, чтобы их оставили в покое». Согласен, и всегда стою за неприкосновенность свободы, но тогда она должна быть подлинной и нелицемерной. Самая земная гадость — это лицемерие, невежество и предательство.

22 апреля. В шесть часов утра все покрыто снегом. По Богдо-Ула тянутся клубы молочных облаков.

«Старый лама пошел искать Манчжушри, владыку мудрости. Долго ходил. Наконец видит человека, мнущего кожи. И стоит перед ним ведерко с омывками от кож. Одна грязь. И спросил лама человека, не слыхал ли он пути к Манчжушри? А тот дает ему пить из грязного ведерка. Лама ужаснулся и ушел скорее. Но встретился ему лама ясновидящий и пеняет: «Глупый лама, ведь ты нашел самого Манчжушри, и сама грязь обратилась бы в напиток мудрости, если бы ты нашел отвагу отведать ее». Так говорят о бесстрашии прикоснуться к материи. Очень значительны беседы этих дней.

Олеты знают [легенду] об Иссе, так же как и торгоуты. Еще непонятнее становятся злоречия миссионеров против этого [рассказа]. Каждый образованный лама спокойно говорит об Иссе, как о всяком другом историческом факте...

23 апреля. Вот и солнце опять! Сведения о том, что дорога в Китай совершенно непроездна. Решительно все говорят о войне, о грабежах и, конечно, о наступающей жаре. Этот путь закрыт. Странно также, что о вывозе фресок из Дуньхуана никто, кроме Ф.[ельдмана], не слышал. Конечно, Прист должен знать все это дело.

Зенкевич читает дуту конституцию Советов. Дуту находит ее очень замечательной и «пригодной для центрального Китая, но не для его провинции». Вот уж старый лицемер! Оказывается, у лицемера имеется даже юридическая школа в Урумчи. Можно представить, какое «право» там преподается! По какой статье этого «права» учитываются все грабежи и поборы, установленные чиновниками? Одни говорят: «Надо Китай изучать с его парадного крыльца — от океана». Но будет правильнее

знать прикрытые недра, где ничто «не проветрено» и можно видеть тысячелетнюю атрофию. Конечно, дуту думает, что до него через пустыню никто не дойдет.

Неожиданно пришло письмо из Сиккима от полковника Бейли. Пишет о высланных книгах, но значительная часть их не дошла. Из Америки нет сведений. Верно, письма тоже исчезают или задерживаются. Какой чистый воздух сегодня!

После смерти Ленина Е Чин-бен писал: «Народы многих называют славными героями, но в сущности только малое количество людей заслуживает этого названия. Таким был Ленин, пользовавшийся всеобщей любовью. Ленин—«яркая звезда человечества»... Небеса безжалостны; он ушел из нашего мира, но идеи его будут жить вечно». Есть же где-то светлые, и смелые, и честные китайцы, но ведь мы-то их не видим. А так хотели бы увидеть!

24 апреля. Получили приглашение от комиссара по иностранным делам Фаня на обед завтра. Разве это не лицемерие? Одной рукой все запрещать, а другой приглашать на обед. Если это «искусная» дипломатия, то она вовсе не искусная, ибо умное действие познается по результатам. А лицемерный обед не может исправить отношения. Лучше бы разрешили побывать в буддийских монастырях. Кстати, оружие наше отобрано и так и не возвращено.

Список приглашенных на обед самый нелепый: миссионер-католик — голландец, Кёлин — немец, Кавальери — итальянец, Чанышев — мусульманин и какие-то китайцы. Из русской колонии всего один Фельдман. Посмотрим.

Г. * рассказывает о селах «кержаков» на Монгольском Алтае. Эти «кержаки», т. е. староверы, сохранили все свои обычаи. Свои моленья, своих начетчиков, свою пищу и полное удаление от «мирских». Ни водки, ни табаку. Занимаются пчеловодством, пушниной, рыболовством, скотоводством. Среди дунган и киргизов стоят три села дворов по 50, по 60, и ничто новое не проникает за их околицу. Вероятно, поддерживают связи со своими единоверцами на Русском Алтае.

И странно и чудно — везде по всему краю хвалят Русский Алтай. И горы-то прекрасны, и недра-то могучи, и реки-то быстры, и цветы-то невиданны. А на реке Катуни должна быть последняя в мире война. А после — труд мирный.

Год назад в Тибет шло посольство из Монголии — около 30 человек монгол и трое русских. На тибетских перевалах

умерло 20 монголов и двое русских. По описанию, умерли как бы от каких-то газов. Конечно, что-то могло случиться в области гейзеров и старых вулканов * или причиною зимние бури. Но факт любопытен, тем более что его трудно выдумать...

25 апреля. Плавники акулы, древесные грибы, водоросли красные и белые, бамбук, семя лотоса, голубиные яйца, трепанги и много других склизких и скользких блюд. Подсахарились сладким рисом и розами. Кончили. В павильоне генерал-губернаторского сада три стола. Один весь китайский. Другой весь мусульманский, без

ингредиента свинины. Третий — международный, где Китай, Россия, Америка, Германия, Голландия, Италия. Сам Фань — хозяин — ничего не ест. Объясняет своим строгим вегетарианством. Его водорослеобразное лицо улыбается; вероятно, он глубоко ненавидит всех иностранцев и полон самого тонкого лицемерия. Неужели Фань думает, что нелепый обед смывает все сделанное хотанскими и карашарскими властями? Ни единого слова о расследовании не произнесено Фанем. Где же она, политика и дипломатия? На лице лишь лицемерие, такое явное, такое неприкрытое. После обеда — топтание около пруда, где стоят на мели две джонки. Потом низкие поклоны Фаня.

Проходим мимо истукана губернатора и едем к радушному Кавальери. Хорошо кончается день. Кавальери везет нас на моторе по кружной дороге. Свежий ветер. Яркие, поистине небесные горы. Испарения вновь выпавшего снега делают дальние цепи и пики воздушными и прозрачно-сапфировыми. А ближе — лиловые бугры и омытые солнцем глиняные зубчатые стены. Так бодро, так свежо и прекрасно, и сам «вегетарианский» лицемер Фань начинает превращаться в студенистую водоросль. Келин, представитель немецкой фирмы «Фауст», ехал через Россию и хвалит все условия проезда. Сообщает, что из Кульджи едет в Пекин «для магнитных съемок» Фильхнер и через неделю, вероятно, будет в Урумчи. Любопытно встретиться. В Урумчи хорошо поминают приезд С. Ф. Ольденбурга *.

26 апреля. Киргизы скачут на белых лошадках. На головах — стеганые цветные шишаки — точь-в-точь как древние куаки русских воинов. На макушке — пучок перьев филина. На руке иногда сокол с колпачком на глазах. Получается группа, входящая и в XII и в XV

века. И тут же, на улице, стоит мотор Кавальери. Сильный паккард, без повреждения проделавший весь путь от Пекина до Урумчи. Мотор принадлежит Русско-Азиатскому банку, но генерал-губернатор запретил пользоваться машиной и ее пришлось за бесценок продать. Одним своим видом паккард напоминает, что путь от Урумчи до Пекина вполне может быть сделан на моторе. А человеческое невежество и лицемерие твердит свое мертвенное «нет!»

Сегодня русская колония провожает Стефановичей. Уезжают они по требованию китайцев, ибо Стефанович слишком многое о Китае знает. Почта из Москвы задержалась на семь дней. Вероятно, препятствует ледоход на Иртыше.

Опять студеный ветер. Опять сине-прозрачен небесный Богдо-Ула. Генерал-губернатор запретил продавать мясо на рынке, пока не пойдет дождь. Кажется, бездождие всетаки окончится сечением водяного бога.

Но вот истинно добрый знак. Тибетец-лама, которому мы дали 100 лан в Карашаре, пришел сегодня. Принес деньги, извиняется, что не может идти с нами. Ему не удалось продать лошадей и овец. Сейчас кони худы, корма нет, продать некому. Бросить табун нельзя, и вот он не может идти с нами. Пробудет здесь до нашего отъезда и пойдет обратно. Вот это по-тибетски! Пройдет десять дней, чтобы вернуть деньги и объяснить дело. До сих пор ничего дурного мы не видали от тибетцев-буддистов. Жаль, что не пойдет с нами. Начитанный и с отличным выговором. Напился чаю и чашку вытер. Поел творогу и тарелку вытер и стул на место отставил.

Ходили за город к озерам.

27 апреля. Характер переговоров с Фанем. Ему говорят, что данная река течет на восток, а он говорит, что на запад. Ему ссылаются на карты, а он твердит свое. Ему указывают на личное свидетельство, а он твердит свое. Так вопреки очевидности, вопреки картам, вопреки фактам. Попробуйте делать договоры при таких условиях.

Местный священник сделал из Ленина кесаря. Какие-то люди из русской колонии не решались прийти на открытие памятника Ленину *, опасаясь контроверзы с религией. Но священник сказал проповедь и указал: «Воздайте богу божие, а кесарю кесарево». Тогда затруднения исчезли...

28 апреля. Паломники не пропускаются в Тибет. Хошуты собрались тайком и отправились в феврале. Удастся

ли им пройти через границу? О черном камне здесь знают. Ждут камень. Также знают буддисты [легенду] об «Иссе, лучшем из сынов человеческих».

Целый ряд сведений о иезуитстве дуту и как он освобождался от неприятных ему чиновников, поражая их в спину. Вчера дуту запретил установку памятника Ленину на дворе консульства. Даже на внутренней территории консульства дуту пробует распоряжаться. Так, так! Так же дуту протестует против качелей, гигантских шагов и игры в городки во дворе консульства. Протест объясняется заботою о неприкосновенности консула. Опять лицемерие, грубое, неприкрашенное! Это уже не лакированная старая китайская работа, а гримаса испорченной маски. Дуту требует отозвания консула Думписа из Кашгара. Дуту из-за бездождия запретил на десять дней продажу мяса и «пролитие крови». Где граница лицемерия и фетишизма?! И стоит темный истукан дуту, и на темном теле горят золотые эполеты, ленты и звезды. Широко расставлены медные ноги истукана, и низко кланяется с улыбкой черепа Фань. Один лицемер приказывает, другой лицемер низко ухмыляется, третий лицемер в Хотане чистит свой маузер для предательства. Откуда этот обычай в Китае кончать с «неприятными» людьми после обеда в спину? Из каких глубин человеконенавистничества, из каких веков темноты пришла эта техника предательства? И темнота эта прикрывается «учеными званиями». Дуту — магистр. Фань — доктор наук, юрист и писатель. А где же их сочинения против фетишизма, которому они потворствуют? Где же их осуждения продажи людей, предательства и лжи, которым они так низкопоклонно служат?

Весь день шумит сухой, палящий буран.

29 апреля. После жаркого бурана — сухой ветреный день. Дождя нет. Мусульмане, татары и [казахи] смеются над приказом дуту не колоть десять дней животных, не продавать мяса и сечь бога воды за бездождие. Буддисты, калмыки и тибетцы прямо глумятся над таким фетишизмом. Дунгане и киргизы, как и мусульмане, тоже смеются и глумятся. Спрашиваю: для кого же устроен этот смехотворный акт дикого фетишизма? Значит, вся эта комедия сделана для китайцев. Значит, именно китайцы еще подвержены первобытным формам фетишизма. Ведь мы это не знали, относя китайцев к «справедливости» Конфуция. И не сам ли дуту в глубине души будет сечь «водяного бога»? Ведь «водяной бог» имеется лишь у

китайцев. Значит, и сечение бога нужно только китайцам. И китайские «доктора» и «магистры» искренно инспирируют эту вредную чепуху. Но чепухой занимаются очень деятельно.

Сейчас — новый приказ. Разрешить продажу мяса в течение трех дней, а после опять мясо будет запрещено под страхом тюрьмы. Больше всех страдает от фетишизма дуту наш Тумбал, которому мясо нужно. Рядом с чепухой «водяного бога» происходит и другое странное действие.

По-прежнему каждую ночь в направлении Хами отправляются отряды оборванцев. Против кого же направлена эта своеобразная «мобилизация»? Может быть, против отрядов народных армий Фыня? Конечно, все эти посылаемые ночью оборванцы не солдаты, а просто фетиши, никуда не годные. Конечно, из двадцати четырех пушек всего две в порядке. Но ведь и пушки, вероятно, рассматриваются не более как фетиши. Сегодня назначен большой парад «войск».

Говорим себе: «Зачем Фань устраивал нам обед?» Не есть ли это начало каких-то неприятностей? Ведь и в Хотане все преследования даотая начались с сорокаблюдного обеда, с почетных караулов и с уверений «мы ваши друзья». Вообще здесь у синьцзянских китайцев слово «друг» имеет какое-то особое значение, и с нашими мерками нельзя подходить к местному понятию.

Наконец дуту посовещался и окончательно запретил открытие памятника Ленину. Интересно, какова будет судьба гигантских шагов, качелей, городков и клуба? Еще очень опасные занятия на дворе консульства — теннис. Не будет ли конфликта «водяного бога» и с этой противозаконной игрой? Где-то кто-то не знает о фетишизме дуту.

В Британском музее хранится сборник указов дуту, и кто-то вводится в заблуждение, принимая отжившую вредную ветошь за осколки бывшей цивилизации. Кто-то вводится в заблуждение «ученой степенью» дуту и вегетарианством Фаня. Кто-то вводится в заблуждение, думая, что остатки фетишизма кроются в далеких тундрах и на уединенных островах дальних океанов. Нет, здесь, в столице Синьцзяна, под «мудрым» правлением дуту фетишизм возведен в государственную форму религии и поддерживается указами «правителя».

Письма и телеграммы не приходят. Не сомневаемся, что они задержаны. Полицейский спрашивал Е. И., веду ли я дневник. Е. И. сказала, что дневник отослан

из Кашгара в Америку. Как бы наши тетради не исчезли! Куда их спрятать в этом царстве фетишизма?..

Завтрак у Кавальери. Среди русских — один китаец Чжу. Разговор о наших злоключениях в Синьцзяне. Чжу говорит: «Не судите Китай по Синьцзяну. Сюда хорошие китайцы не едут». Говорю ему откровенно, что мечтаю видеть лучших китайцев; хотел бы сказать о Китае самое лучшее, но вся Синьцзянская провинция, за исключением трех людей, не дала нам возможности к хорошим суждениям.

Сравниваем светлые настроения Сиккима, Гималаев, Индии, Ладакха с тюремными ощущениями Синьцзяна...

30 апреля. Прошлым летом было разрушено до семидесяти буддийских монастырей в Амдосском крае *. «Дунганские» войска сининского амбаня употребляли пулеметы... Много тангутов погибло. Теперь геген амдосский запросил голоков о помощи. Голоки горячо откликнулись на призыв; в течение наступающего лета возможны крупные столкновения. Дунганами разрушено знаменитое изображение Майтрейи.

Лама из Кобдо производит сбор на создание нового изображения. Голоки постановили набор в войско по три мужчины от каждого двора. В Лабране * устроены казармы дунганских войск, и антибуддийское направление поддерживается. Все это нигде не напечатано, и все это чрезвычайно важно для будущего. Помимо волн, замеченных миром, идет внутреннее волнение, оценить которое можно лишь на месте. Ф.[ельдман] повторяет: «Чжу вчера правильно сказал, что порядочные китайцы в Синьцзян не едут». Но тут же приводит случай беззаконных задержаний в Центральном Китае. Ф.[ельдман] сомневается, чтобы из наших протестов что-либо получилось. Говорит: «Здесь принюхиваешься к этому ко всему, как к песку в пустыне». Неправильно! Ведь даже в Хотане нам удалось сместить грабителя Керимбека. Невозможно добру и злу «внимать равнодушно». Теперь главная задача — выбраться из Синьцзяна. Е. И. не делает иллюзий, она знает, что будут предстоять всякие трудности. Правильно сказано индийцами:

«Принеси одну рупию и все поверят, но принеси миллион — и усумнятся».

Заболел Оренбурец (конь). Пускали кровь. Говорят, нужно еще два раза объехать киргизские могилы, тогда поправится. Так говорят здешние «опытные» люди.

В Лхасе есть храм Гесер-хана. По сторонам входа изображены два коня — красный и белый. По преданию, когда Гесер-хан приближается к Лхасе, то кони эти ржут. Не будет ли скоро слышен этот клич коней?

Обсуждаем вести из Синина. Как это замечательно, что нужные ламы приходят без опоздания. «Длинное ухо»* Азии работает лучше радио. Из Кашгара на шесть радиограмм нет ответа. Единственно можно предположить, что радиограммы перехватываются и вместо назначения попадают на совсем иной стол.

1 мая. Первомайский праздник в консульстве. В половине первого обед с китайцами. Двор консульства удачно и красочно убран. Под большим навесом, увешанным яркими коврами, столы на сто человек. Рядом стоят три юрты для мусульман, где вся еда приготовлена без свинины под особым присмотром мусульманина. Перед юртами сиротливо стоит усеченная пирамида — подножие запрещенного памятника Ленину. Невозможно понять, почему все революционные плакаты допустимы; почему китайские власти пьют за процветание коммунизма, но бюст Ленина не может стоять на готовом уже подножии. Кроме всей русской колонии на обеде и Кавальери, и немец Кёлин, и англичане, и [казахи], и киргизы, и татары. Работа объединения, произведенная консулом Быстровым за полгода, поражает. И все единодушно тянутся к нему с лучшими пожеланиями. Китайские власти все налицо, кроме самого дуту, который счел за благо «заболеть» и предпочел послать вместо себя своего девятилетнего сына. Против нас сидит Фань. Ничего не ест, кроме хлеба. Или диета, или ненависть, или верх подозрительности. Тут же сидит брат дуту — старик, ввергнутый в опалу своим правительствующим братом за либеральные воззрения. За обедом первым напился комендант крепости. Начал безобразничать: разбил несколько рюмок, толкнул даму и, наконец, ногою подбросил поднос с мороженым. Этот взрыв мороженого заставил китайцев принять меры, и комендант крепости был удален посредством полицмейстера и своих собственных солдат. Из китайцев больше всех был возмущен поведением коменданта девятилетний сын дуту. У него даже слезы выступили от негодования. Он забрал с собой разбитую рюмку, верно, чтобы представить своему отцу...

Молодой хор спел несколько песен. Еще раз все потянулись к Быстрову с приветом. Гурьбою уехали ки-

тайцы. Е. П. Плотникова говорит мне: «Ведь мы, бывало, ходили смотреть на вас в щелочку, когда вы приходили к Куинджи» *. Оказывается, она знала и Архипа Ивановича и жену его В. Л. И вот в Урумчи мы толкуем о Куинджи, вспоминаем его кормление птиц, вспоминаем его безбоязненные, свободные речи, его анонимную помощь учащимся всех родов знания. Не ржавеет память о Куинджи.

Так обидно, что имя Ленина не успели написать на подножии «запрещенного» памятника. Ведь к этому имени тянется весь мыслящий Восток и самые различные люди встречаются на этом имени.

210 После обеда играют в городки и теннис. Через неделю будут открывать клуб. На маленькой сцене клуба кроме русских пьес предположено ставить мусульманские и китайские.

Вечером подходят новые сведения о событиях в Амдосском крае, о притеснениях монастырей китайскими солдатами, о вступлении китайских войск в Лабран, о разрушении изображения Майтрейи. Сроки подходят.

Поздно вечером неистовствует Тумбал. Приносят куличи и яйца от Гмыркиных и от М. Завтра пасха.

Совершенно так же, как во время Пржевальского, [казахи] мечтают освободиться от ига китайцев старого типа со всеми их поборами и притеснениями. Так же точно стоят еще дунганские могилы, свидетели «покорений китайских». Так же точно вспоминают люди Якуб-бека, кратко мелькнувшего в сознании [казахов]. Так же точно берегут [казахи] мечту о свободе. Так же точно гнездятся дрязги ямыней. Так же точно криводушничают амбани, близоруко не отличая друзей от врагов. Так же точно поет бакша песнь о бывших подвигах... Бывшее, бывшее, бывшее, дошедшее до края порога будущего. Скажем нашему знакомцу — китайскому свободомыслящему студенту: «Скорее установите новый порядок!»

Доходят вести о движениях кантонских войск *. Шепчутся и подмигивают: «Как-то теперь извернется дуту Янь?» Ведь тут сечением богов не отделаешься, и петушиный бой не поможет... Мечта работает и зовет невиданных кантонцев, которые должны убрать грабительских амбаней, должны умерить купцов и дать возможность краю свободно развиваться. О Фенге, или, как его зовут, Фыне, почему-то говорят осторожнее. Но Кантон привлекает народное сознание. Войска Кантона наделяются бывшими и не бывшими качествами.

А правительство Кантона * называется и неподкупным и справедливым. Если эти два свойства оправдаются, можно ждать повсеместных доброжелателей Кантона. Так промерзшие в ночной стуже путники ждут восхода солнца. И даже первые проблески света уже радуют. И мы радуемся. Кто знает? Ведь это, может быть, те самые культурные, устремленные к прогрессу и знанию китайцы, о которых мы так искренно мечтали, подходя к Хотану?!

Приходят, спрашивают: «Нет ли у меня плоскогубцев-клещей».— «Зачем?» — «А зуб вырвать». На перевалах, среди костров, был Босх или старый Брейгель, а тут уже Остаде *. Однако зуб вырвали и клещи вернули.

Приходит китаец: «Кумашка яшка». Что такое? Смеемся, уж не согдийское ли наречие, или нет ли здесь яфетидов *? Оказывается: «ящик для бумаг». Можете представить, как создаются комбинации наречий, а потом будут вспоминать известный анекдот: «Раз-мо-кропо-годилось»...

Самодельные комбинации всевозможных языков действительно представляют поучительное зрелище.

В результате мы видели людей, вообще не знающих ни одного языка. Немного калмыцкого, чуть-чуть тибетского, два-три слова русских, китайских и [казахских]. Когда же такой лингвист взволнован, он начинает говорить на всех пяти языках. Быстро и непонятно, но в его представлении очень убедительно. Так же он мало уверен и в своей национальности; с необычайной легкостью он оказывается и русским, и китайцем, и торгоутом... Так себе — «кумашка яшка». Интернациональный язык.

2 мая. Ясное утро. Приходят ламы поздравлять с праздником. Говорят: «Христос воскрес». А ну-ка, христианские служители, придете вы поздравить буддистов с их памятными днями? Раскрываем сундук с буддийскими картинами, развешиваем их и вместе с ламами любуемся звонкими красками и глубокими символами... собранными в этих изображениях. Только знание без всяких предрассудков открывает новые возможности. И вчерашнее «случайное» становится в линию движения эволюции. А сегодняшнее «важное» оказывается часто просто случайным пережитком.

Вчера на обеде кто-то говорил нам, что вряд ли скоро удастся уехать из Урумчи. Может ли это быть? Столько срочного, столько безотлагательного впереди, а здесь

полное неделание. Сидение на сундуках! Ожидание каждого дня. Ничего из Америки. Почему друзья не действуют там? Даже срок выезда М. и З.* неизвестен. Впрочем, может быть, что-то опять на телеграфе или на почте пропало. Или телеграммы дойдут через полгода. Здесь и так бывает. Телеграмма от апреля дошла в октябре.

3 мая. Приехал из Кобдо Цампа-лама; свой караван в 30 верблюдов оставил в Гучене. Самого его немедленно вызвали к дуту, [с которым] имел длинное совещание и был поселен в ямыне, что делается лишь для чинов не менее даотая. Ждут приезда двух чиновников из Кобдо.
212 Двое монгольских лам по-прежнему остаются под арестом. Слухи, дошедшие в Карашаре, подтверждаются. Сведения от Быстрова. Получена телеграмма от Чичерина о проездной визе. Значит, около 15 мая можно будет тронуться.

Здесь уже не дождемся сведений из Синина о голоках. Надо теперь же хлопотать о подводах до Чугучака и надо пересмотреть багаж. Телеграмма из Москвы от 2 апреля дошла лишь 2 мая. Между тем от Москвы до Бахты (граница) телеграмма идет один день. Значит, около месяца телеграмма лежала в Чугучаке, задержанная китайцами. Пешком из Чугучака можно доставить весть куда быстрее. Лишь бы не было новых китайских преследований!

4 мая. Бедному богу воды все-таки отрубили руки и ноги за нерадивость. Не успели отрубить, как пошел дождь. Неужели китайский бог нуждается в таких суровых воздействиях? Пошел дождь со снегом, и улицы Урумчи превратились в черное липкое болото. Можно себе представить, что здесь было за две недели до нашего приезда. Недаром рассказывают, что здесь и ослы и кони тонут. Ничего не стоило бы замостить базар, приказав каждому торговцу сделать мостовую против своей лавчонки. Но здесь «всемогущий» дуту не проявляет свою власть. «Магистр» наук легко мирится с бассейнами грязи. Другое дело, если ему нужно пристрелить заподозренного противника в спину. Рассказывают, что лет двадцать тому назад знатный тибетец был почтен китайским императором необычно высоким титулом. Для передачи титула был устроен обед у местного амбаня. После церемонии и изысканного обеда за спиною гостя из-за занавесок выступил солдат и ударом сабли снес голову осчастливленному императорской лаской. Новые сведения!

Еще и еще раз можно оценить «почту» лам. Гораздо раньше государственной осведомленности, гораздо точнее приносят ламы самые лучшие вести. И каким огнем блеснут узкие глаза, если заметят незнание собеседника. И тогда уже не ждите правильных рассказов; тогда вас переведут в разряд не заслуживающих внимания; махнут пренебрежительно рукой и шепнут: «Пелинг!»

Пришли Быстровы, Плотниковы, Яковлева, Зенкевич, Алейников, Пурины, Краузе и другие смотреть серию «Майтрейя». Какие хорошие люди все они!

5 мая. В Туркестане один мулла приказал за непосещение мечети вылить сорок ведер воды на темя «правоверного». После семнадцатого ведра неисправный «правоверный» умер. Однако что же делать с таким мышлением?

Все пошло как-то быстро. Уже нашлись возчики. Теперь надо решить путь. Предлагаются три комбинации. Одна — на Кульджу, оттуда мотором до Ташкента и прямым поездом на Восток. Вторая — Чугучак, Семипалатинск, Новосибирск — Москва. Третья — Тополевый Мыс, Зайсан, Иртыш, Семипалатинск, Новосибирск, Москва. Заманчива третья комбинация, где едем пароходом по Иртышу среди долистых и холмистых далей. Уж очень заманчиво. Но не помешают ли опять китайцы? Мнения делятся. Одни полагают, что какая-то очередная гадость будет проделана. Другие думают, что на этот раз китайцы устыдятся. Лично я не оптимистичен. Ведь и в Кашгаре уверяли, что больше наглостей не будет, но одна из главных наглостей была проделана в Карашаре, т. е. после Кашгара.

Мы ходили с Быстровым за город по направлению к Богдо-Улу. Бесконечные дунганские кладбища. Ряды курганчиков. На вершине всегда поставлен горшок, сосуд или черепки горшка. Род курганной тризны. Несмотря на мусульманство, дунгане сохранили какие-то своеобразные черты. Китайская народная религия и шаманизм оставили свои следы.

Приехал Фильхнер. Кажется, ему разрешили все съемки. Странно, почему Германии все можно *?!

6 мая. Укладка. Уговор с возчиками. Три тройки до Тополевого Мыса за 660 лан.

7 мая. Утро у Фаня. Все притворно любезны. Будто бы обещал не препятствовать нам ехать через Тополевый

Мыс к Зайсану. Многие новости про Цампу. Как и в Карашаре, слышали, положение действительно серьезно. Предлагают 10 000 000 лан, чтобы привлечь 30 монгольских хошунов на сторону дуту.

Вечером гуляли с Быстровым по холмам за городом. Русское кладбище. Среди голого поля — десяток крестов и два памятника...

Сегодня прямо знойный день, точно июль. Снег на Богдо-Уле значительно сошел. Через восемь дней опять в далекий путь. Яковлева говорит: доедете до большого города и будете скучать. Именно так.

214 **8 мая.** Приносят сведения, слухи ползут: сининский амбань бежал с 20 тысячами войска под давлением тангутов. Неужели уже голоки подошли? Ведь это начало чего-то большого и длительного.

Давно было известно, что католические клирики пользуются оккультными силами *. Об этом сообщено много раз в литературе, но, конечно, сами ксендзы упорно скрывают такие способы воздействия. Здешний католический миссионер очень откровенен в этом отношении. Он прямо и без особого повода рассказывает Е. И., как он может «производить чудеса», т. е. пользоваться спиритизмом и магнетизмом. Спешность нашего отъезда мешает, а то патер, наверное, продемонстрировал бы что-либо поучительное.

Как странно подумать, что здесь и фетишизм, и примитивный спиритизм, и суеверие, и крик муллы, и имя Конфуция — все спутано в нерасчленимый комок.

Скоро наш Геше * уйдет в свои горы. Сегодня он рассказал, что настоятель медицинской школы в Лхасе говорил ему об «азарах», как они называют махатм, живущих в горах и применяющих свое глубокое знание на пользу человечества. Слово «азара» никогда еще нам не встречалось. Это не санскрит. Не сензар * ли? Но как трудно заставить Геше рассказать такие подробности! Скоро уйдет он. Скажет таин-ламе все им упущенное. Страх — плохой советник.

9 мая. Опять жара, несвойственная для начала мая. Кто говорит, что к дождю, кто успокаивает, что вообще уже началась жара. Китайцы своими проволочками точно преследуют Е. И. Телеграмма Чичерина *, отправленная из Москвы 2 апреля, дошла сюда лишь 2 мая. Где же она ходила? Так все сложно. Так много вопросов. И необыкновенных условий. Надо ускорять отъезд.

Настоятель медицинской школы говорил нашему Геше, что он сам встречал одного такого азара в горах Сиккима. Трудно узнать больше того, что там был маленький домик и что азара был очень высокого роста. Потом азара удалился с этого места. Те же самые вести ползут по всей Азии.

Ездили за город. Куковала кукушка. Летали удоды и звенели цикады. К вечеру — гром. Читали записки Е. И. по основам буддизма *. Как красиво выходит, когда шелуха позднейших наносов слетает, когда труд и знание занимают должное место.

10 мая. Солдаты перестали учиться. Праздник. Говорят, 215
потому, что сининский амбань разбит. В последней пекинской газете сообщается, что Ганьсу и Синьцзян оставлены в сфере влияния народной армии. Для Синьцзяна это знаменательно.

Вдруг все повернулось так, что необходимо ехать как можно скорее.

Живет до сих пор сага о Гесер-хане: «Гесер Богдо-хану посылает семь голов, отрубленных у семи черных кузнецов, а он эти семь голов варит в семи медных котлах. Делает из них чаши, оправляет эти чаши серебром. И так из семи голов вышло семь чаш *, которые Гесер-хан наполнил крепким вином. После этого он поднялся к мудрой Манзал-Гормо * и отдал ей чаши, и угостил ее. Но она взяла эти семь чаш из семи голов черных кузнецов и бросила их в небо. И образовали семь чаш созвездие Долон-Обогод (Большую Медведицу) и сторожит оно сроки».

Как замечательно влиты символы в эти неясные и как бы лишенные значения слова, связывающие Гесер-хана с семизначным созвездием Севера. Монгольская «габала» и особенные чаши бутанских храмов напоминают о тех же устремлениях и надеждах. Твердится указание из Трипитаки *, что «Будда указал, что чаша его в срок новых достижений мира станет предметом искания, но лишь чистые носители общины могут ее найти». Так, так!

«Рибхвасы * мчатся к Савитри — Солнцу за Сомой *»,— по мудрости Ригведы. На блюде джиль-кор * вычеканена в середине гора Сумеру, а по сторонам — четыре страны света в виде больших островов вокруг. Как бы точка на одинаковом расстоянии от четырех океанов...

Лама провозглашает: «Да будет жизнь тверда, как адамант, победоносна, как знамя учителя, сильна, как орел, и да вечно длится».

11 мая. Завтрак у Фельдмана. Там же Фильхнер и католик-миссионер. Сильный и рабочий, в кожаной куртке, загорелый Фильхнер полон энергии. Задание его любопытно. Он соединяет магнитные исследования между Ташкентом и средним Китаем. Измерения были сделаны в России, а Институт Карнеги с большими затратами произвел работы в Китае. А теперь Фильхнер соединяет эти две области исследований и тем его работа становится и срочной, и особо настоятельной. Говорит: «Другие тратят миллионы, а мы сделаем ту же работу без затрат».

Вспомнили его приключения с голоками. Все-таки хвалит он их. И любит Азию, навсегда привлечен очарованием азиатских просторов. Истинный маршрут свой он утаил...

А холод ползет от Богдо-Ула, и ветер захолодел. Делаем всякие попытки ускорить выдачу китайских паспортов. Вечером Фильхнер просил консула сообщить германскому послу в Москву о препятствиях, чинимых ему Фанем. Обычная техника.

12 мая. На столе у консула лежит прошение, подписанное отпечатком пальца. Киргиз-бедняк жалуется: «Три года назад около Манаса * он с дочерью, девяти лет, ночевал у дунганина. За ночлег дунганин запросил дочь киргиза. Тот отказал. Дунганин избил его, выгнал, а девочку оставил себе и держит ее уже три года». Обычное здесь явление умыкания и продажи детей с целью работы, а чаще с целью разврата. Зачем созывать лицемерные конференции о невольниках Африки, когда в серединной Азии и повсюду в Китае продажа людей является самым обычным явлением. Все деловые учреждения края знают этот институт рабства, и никто не требует его прекращения. Где же протесты и требования?

Получено приглашение. от генерал-губернатора завтра на завтрак. Все те же люди: Фань, Фильхнер, миссионер, Кавальери...

На базаре возник слух о походе на Кобдо, и последнее посещение генерал-губернатором консула связывается с этим слухом. В Шарсюмэ спешно выехал даотай, алтайский командующий местными войсками. Это обстоятельство еще более усиливает слухи о возможных военных действиях.

Ясный, свежий день. Вот бы уже ехать! Но ехать до субботы не удастся...

13 мая. Утром приходит монгольский лама. Вот радость! То, что мы знаем с Юга, то самое он знает с Севера.

Рассказывает, что́ именно наполняет сознание народов, что́ ждут и ради чего глаза его наполняются неподдельными слезами. Наш друг таин-лама шесть месяцев был около Лянчжоу и ежедневно говорил о значении будущего. «Знали мы давно,— говорит лама,— но не знали, как оно будет, и вот время пришло. Но не каждому монголу и калмыку можем сказать мы, а только тем, кто может понять и действовать». И говорит лама о разных «признаках», и никто не заподозрит таких знаний в этом скромном человеке. Говорит о значении Алтая.

А после этих настоящих и серьезных разговоров — лицемерный завтрак у генерал-губернатора. Опять идем бесконечными переходами ямыня, опять вопросы о здоровье, опять тосты за здоровье. Опять плавники акулы, бамбук и древесные грибы.

Хозяин уверяет, что местные [казахи] лучше всех земных народностей. Несколько лет тому назад он уверял то же самое о дунганах и даже завещал похоронить его на дунганском кладбище. Но теперь его «курс» на [казахов], и завещание уже отменено, а [казахи] провозглашены лучшею народностью. Е. И. шепчет: «Какой страшный старик». В настроении похоронного шествия идем обратно по переходам и дворикам, и генерал оказывает «высшую честь» — довести до экипажа. Ни слова о расследовании хотанских и карашарских дел; будто так все и кончилось, и все запрещения работы должны быть проглочены за завтраком.

Можно всячески оскорбить, а потом замазать все плавниками акулы. Сегодня запечатают наши сундуки, чтобы нас не тревожили на границе. Три часа длилась бессмысленная тягучая процедура отмыкания сундуков и никчемной переборки вещей. И когда эта нелепость будет оставлена?

К вечеру происходит уже знакомая нам провокация. Какой-то дунганин отвратительного вида набросился и избил Рамзану. Схваченный уверял, что принял Рамзану за китайца и потому избил его. Странное объяснение. Опять странно, что провокация происходит именно в день завтрака у губернатора. Вечером предупреждают о двух опасных местах по пути до Тополевого Мыса. Грабят киргизы. Конечно, здесь конвой не дается губернатором. Конвой нужен там, где безопасно.

Рассказывают, как дервиши иногда убивают «неверных». В толпе или танцуя, дервиш оцарапает гяура сильно отравленным ногтем, и смерть иногда наступает в тот же день. Средневековье!

14 мая. Дали паспорт до Пекина, длиной в мой рост. Этакая нелепость — писать в паспорт число и описание всех вещей. Сколько изменений за дорогу произойти может. Китайцы Синьцзяна, зачем вы такими показались нам?..

Интересны вулканические показания в районе Чугучака, Кульджи, Верного [Алма-Аты] и Ташкента *. Земля точно дышит. Как бы гигантская динамомашина работает в продолжение месяцев.

Сегодня прощальный обед у Гмыркиных. Ох, сколько хлопот с укладкой. Вещи — враги человека! Уедем ли завтра?!

15 мая. А ведь так мы и не уехали сегодня. Возчик отказался грузить. Все силы и увещания были применены, но старик остался деревянным. Главная причина, что суббота считается у мусульман плохим днем. Такая чепуха! А целый день потерян...

16 мая. Все-таки выехали. После всяких препирательств с возчиками кое-как погрузились. Конечно, китайцы остались верны себе. Последнюю ночь Сун плакал и сказал ламе, что полиция и ямын запретили ему идти с нами до границы. Кто знает, что за смысл в этом новом вторжении в нашу жизнь? Или Сун давал о нас слишком хорошие отзывы? Сун совершенно расстроен.

Провожают Быстровы и все хорошие люди из состава консульства и Госторга. Правда, сердечные люди. Точно не месяц, а год прожили с ними. Посидели с ними на зеленой лужайке в пяти верстах за городом. Еще раз побеседовали о том, что нас трогает и ведет. Почувствовали, что встретимся с ними, и разъехались.

Налево лиловели и синели снежные хребты Тянь-Шаня. За ними остались калмыцкие юлдусы *. За ними Майтрейя. Позади показался Богдо-Ула во всей его красоте. В снегах сияли три вершины, и было так радостно и светло, и пахло дикой мятой и полынью. Было так светло, что китайская мгла сразу побледнела.

И все-таки нас остановили на таможне. Несмотря на трехаршинный паспорт, опять к чему-то бессмысленно пересмотрели наше оружие... Дальше, дальше...

Стоим в Санджу; селение в 39 верстах (русские версты). Стоять за околицей нельзя: опасно ночью, да и наш верный страж Тумбал остался в консульстве. Стоим во дворе. Старая казашка в белом степенно ходит по двору. Девочки со многими черными косичками проворно шны-

ряют из хаты. Уже шесть часов, а жар еще не начинает спадать. Как это будет с Е. И.? Сегодня ей было уже трудно. И какое право имел этот хотанский дьявол арестовывать и так задерживать нас? Ведь мы могли здесь проезжать более месяца тому назад, когда не было жара! И вместо расследования возмутительного насилия нас угощают лицемерными обедами и притворными тостами. Где же справедливость Синьцзяна? Вырождение.

Вечером опять приходили какие-то типы и смотрели вещи. Поймите же, китайцы Туркестана, пока путники в вашей стране не более как арестанты поднадзорные, до тех пор и вы сами останетесь на уровне тюремщиков. Пора вам знать больше и не утверждать, что текущая на запад река течет на восток, как делает «ученый» комиссар по иностранным делам. Говорят: «Китайцы — бывшая великая нация». Довольно всяких бывших людей. Теперь время людей настоящих. Некоторые до того принюхались к здешнему произволу, что флегматично замечают: «Хоть сто лет судитесь с ними, они никакого расследования не сделают, а решение их суда зависит от количества тысяч долларов, уплаченных судьям». Так говорят люди, долго жившие в больших городах Китая. Как же трудно живым китайским ячейкам, задавленным преступным мещанством? Опять вспоминаю грустные глаза китайского студента в Америке; теперь он нас спросит: «Каково ваше мнение о китайских чиновниках?» Является вопрос: откуда же берутся эти пресловутые чиновники? Из народа? Разве?

17 мая. В 5 утра уже тепло. День будет знойный. На базаре к столбу привязан человек. Преступник? Или слишком умный? Опасный? Нелюбимый? Оклеветанный? Богдо-Ула потонул в тумане, но влево протянулись на весь день цепи Тянь-Шаня. Истинно «небесные горы». После фиолетовых окаймлений звучат голубые кряжи и сверкают снега. Милые горные снега! Когда опять вас увидим?

Песчано и пыльно. К 12 часам пробежали 9 потаев, т. е. 36 верст. Будем стоять в дунганском селении Хутуби. Вода и вчера была скверная, и сегодня не лучше. Из-за зноя решаем выйти ночью, чтобы дойти до Манаса* к полудню.

Вспоминаем Быстрова — исключительный тип нового человека. Крестьянин, отважный воин со всеми «Георгиями» на войне с 1914 года, природно интеллигентный, без суеверий и предрассудков, широко подвижный и разумно решительный. Россия может гордиться такими новго-

родцами. Вспоминаем всю дружную группу из урумчинского консульства.

На придорожных ивах щелкают соловьи. Садык, кучер, предлагает еще сегодня вечером проехать 5 потаев и тем сократить завтрашний путь. Грузовые тройки опять отстали. Старик извозчик заявил мне, что он поедет не по условию, а как бог захочет. Я поручил перевести ему, что и вернется он, как бог захочет. Расстояние между Олон-Булаком и Кюльдиненом* считается опасным местом по грабежам. Всем повозкам советуют ехать вместе и оружие держать заряженным. Обстрел начинается с обеих сторон ущелья.

220 К вечеру жар еще усилился. В семь часов нисколько не улучшилось. Экий преступник Ма, даотай хотанский. Из-за ареста и насилия его мы потеряли два с половиной месяца, иначе теперь уже были бы давно за пределами китайской пляски смерти. И неужели никто из вас, из тех китайцев, кто считает себя цивилизованными, не возмутится произволом хотанского чиновника? Неужели мне придется оставлять пределы Китайского Туркестана с твердым убеждением, что эта страна для культурных посещений не пригодна? А ведь так искренно нам хотелось сказать о Китае слово полного сочувствия, так хотелось найти лучшие оправдания! И вместо того едем с сознанием пленников, вырвавшихся из гнезда грабительской банды.

Знойно и душно.

18 мая. Встали ночью в два с половиною часа. Всеми мерами подгоняли гнусного извозчика и в половине пятого вышли. Утро затучилось. Облака пошли в опаловую морщинку. Даже дождик прохладный пошел. Жар поднялся лишь после часу дня. Пестрели горы Тянь-Шаня. Лиловели ирисы. Густо зеленела свежая трава и чудесно пахла после дождя. Немного испортила настроение еще одна таможня и третий осмотр паспортов. К чему? Зачем ездить по дорогам, если, свернув к горам, можно проехать вовсе без досмотров. Эти досмотры для арб и для незнающих путников, но опытный наездник всегда легко минует все эти мишурные заставы.

Напомнили о резне при восстании дунган* развалины старого Манаса. Стоят груды глиняных стен. Остатки храма. Пустые глазницы окон и дверей. Манас перенесен за один потай дальше. А всего сегодня сделаем 16,5 потаев.

Те же базары Манаса. Те же дунгане. Иногда попадается калмык. Здесь уже не торгоуты и хошуты, а олеты, ко-

торые занимают Илийский край, Кульджу. Разницы во внешности не видно. По всему пути растянулись караваны верблюдов, несущие 100 000 пудов шерсти, закупленной Госторгом для СССР. Важно звонят колокола. Садык, кучер, с особым ударением скажет: «На Чугучак — шерсть». Исполняется мечта края о восстановлении сношений.

Стоим у старшины. Здесь дворы несколько чище, нежели в Кашгарском и Карашарском округах. Говорят, и здесь будут смотреть паспорт. Лишь бы не разорвали эту длинную диковинку. Хочется довезти его и воспроизвести.

Среди дня нам казалось, что мы едем четверть века назад по равнине Средней России. А теперь мы сидим в замаранной белой комнатке. Е.И. вспоминает, что так же точно двадцать пять лет назад мы сидели в хибарках в Меречи, или в Велюнах на Немане, или под монастырями Суздаля. Или позднее — в каморках Сиены и Сан-Жеминьяно. Видели, видели, видели!

День кончился еще третьим осмотром оружия и разбором нашего паспорта. Пришел от амбаня какой-то полуграмотный курильщик опиума. По складам читал наш саженный паспорт. Потребовал вынуть ружья из чехлов и боязливо потрогал револьвер. Долго мялся и бубнил что-то, а потом ушел, поручив нас под ответственность содержателя постоялого двора. Можно ли включать такие власти в эволюцию человечества? Просто омывки какие-то. Но эти глупо-докучливые омывки способны затмевать сияющие горы; способны превратить каждое мирное настроение в ощущение участка*. Долой невежественность!

19 мая. Какой добрый знак! Так нам сказали. В чем дело? Слышим какую-то нескладную музыку: пискучий кларнет вроде волынки, тарелки и барабан. Эта пискливая дребедень продолжается весь вечер. В чем дело? Оказывается, рядом умер человек и его собираются хоронить. Недаром в Манасе в целом ряде лавочек множество пестро раскрашенных гробов. Говорят: для путешественников очень добрый знак, если рядом умрет человек. Неизвестно, по знаку или нет — на полпути у нас сваливается колесо. Надо чинить в ближней деревне.

Сегодня путь совсем коротенький — всего 40 верст. Пришли уже к половине второго [дня]. Ясно, что можно было бы пройти еще 2,5 потая, но все дело в невозможном возчике. Сидим в Улан-Усуне, ждем телеги.

Яркий день. На дальних горах как будто прибавился снег. Заманчивы уходящие хребты. Степь залита сочной зеленью и лиловыми ирисами. Четкими силуэтами пасут-

ся стада. Лама отошел в сторонку и обратился на восток — молится. Долетает ритм его славословий. Вероятно, зовет он новую эру, время Майтрейи, наступление которого знают все буддисты. Под линией снегов на горах притаилось несколько больших калмыцких монастырей. В каждом — несколько сотен лам. Монастыри большею частью в юртах — кочевые, но есть и храмы. А нам-то их нельзя увидать. Если хотите, можете увидеть нелепый храм черта в Урумчи, но буддийские монастыри смотреть нельзя. Нелепо и глупо.

А трава так зелена, и скворцы и сойки кричат в листве карагачей. Кукушка наскоро считает года. По степи

стоят столбы дыма — жгут камыш. Эти дымы из «половецкого стана» особенно характерны для горизонта степей. Вспоминаем сны — картины 1912 года: «Змий проснулся» и «Меч мужества», когда огненный ангел принес меч мужества стражам.

Говорят, на Алтае весною цветут какие-то особенные красные лилии. Откуда это общее почитание Алтая?!

Жара. Предупреждают, что здесь много краж. Генерал-губернатор о нашем проезде не послал обещанного приказа. В конце концов и хорошо! По крайней мере у нас нет и капли сознания, что китайцы хоть что-нибудь сделали, кроме оскорблений, насилий и препятствий. От Улан-Усуна четыре дня езды до торгоутского летника. Одинаково от Кучи, Урумчи и от Улан-Усуна.

20 мая. Поднялись в 4 часа. Вот красиво! Горы розовеют. Бегут лиловые туманы. Пышнеет трава. Выехали в половине шестого еще до жары. Бодро пробежали 9 потаев (36 верст) до Янцзыхая. Отличная дорога. Свежо и сладко пахнет серебристая джидда [лох]. Поют птицы. Так много птиц давно не слыхали. Проехали равнину, усеянную могильными бугорками,— следы боев в дунганское восстание. Как заповедная стена, стояли серебряно-голубые горы. Прибыли в половине десятого в Янцзыхай, и вовремя. Солнце уже стало жечь. Все уже накалилось. С радостью входим в маленькую глинобитку. Будем здесь до 12 часов ночи, а там при луне, в холодке, дальше — до Шихо. В чем-то почти неуловимом уже чувствуется близость России. Шире ли улицы селений, больше ли пашен, чище ли постоялые дворы? Опять сидим в глинобитке. В комнате хлопочут касатки — под балкой их гнездо. И опять вспоминаем Подольскую или Казанскую губернию. Вспоминаем Ефима из Ключина.

Точно колеблется почва. В области Чугучака есть потухшие кратеры. Не так давно подземная работа была так напряжена, что ждали извержения.

21 мая. Поднялись в час ночи. В темноте при начавшемся буране вышли в половине четвертого. Горы скрылись. Облака пыли. Прогремели на равнине крупной гальки. В час дня пришли в Шихо, пробежали 16 потаев.

На полпути остановились кормить лошадей. Собралась толпа дунган и китайцев. Топтались, щупали нашу коляску, пытались потрогать нас. Е. И. вспомнила их достойного предводителя — главу Синьцзяна. Вспоминали, как пятнадцать лет тому назад в Шарсюмэ был амбань-русофил, и против него было послано из Урумчи 10 000 дунган. Но из Зайсана успел подойти русский батальон, и 10 000 урумчийских войск немедленно разбежались. Теперь сын этого амбаня, олетский князь, живет в дне пути от Шихо. Он получил образование в России. Там же находится и большой калмыцкий монастырь. Шихо является перекрестком между Урумчи (6 дней), Чугучаком (6 дней), Кульджою (9 дней) и Шарсюмэ (12 дней).

По пути встретили три арбы ценного груза — маральи рога. Вероятно, идут из Русского или Монгольского Алтая. Идут через Урумчи на Гучен в Китай для ценных лекарств. Вспомнили Чураевых, Гребенщикова. Староверы и зверская ловля маралов; нелепо, как уживаются эти особенности.

В Шихо во двор бывшего русского подданного нас не пустили. Ренегаты всегда особо усердствуют. Качество дороги здесь гораздо лучше, нежели в Кашгаре, Аксу, Токсуне. Из широких пространств гальки можно легче легкого сделать прекрасное шоссе. Но для китайцев — чем меньше путей сообщения, тем спокойнее; чем меньше просвещения, тем способнее для «правителей»...

Е. И. спрашивает: «Если бы китайцы нас приняли ладно, ведь многое от этого изменилось бы?» Многое, многое!

Никаких сведений из Америки. Когда и где сможем мы получить их? На телеграмму, посланную 12 апреля, до 16 мая ответ не пришел. Состояние телеграфных столбов, проволоки и изоляторов указывает: «Оставьте все надежды». Надо сказать Хоршу, чтобы не посылали телеграмм по бентлей *. Тут и без шифра извращают слова неузнаваемо.

22 мая. Пески до самого Чипейцзы, в 16 потаях. Легкие облачка скрыли солнце, иначе был бы зной несносный.

Как Садык, кучер, говорит: «Лошадей бы зарезали». Никогда не видали столько дичи: золотые фазаны, куропатки, гуси, кроншнепы, утки, чайки, зайцы. Фазаны сидят на дороге перед самым экипажем. Вышли в пять утра, дошли в половине третьего. Предлагают лучше двигаться ночью. Чипейцзы — непривлекательное место, дворы грязны. Стоим за селением у речки. Позади скрылись отроги Тянь-Шаня, а далеко впереди, к северу, показалась легкая линия Тарбагатайских гор. По степи маячат китайские могилы в виде курганчиков...

Узнали, кто такой Цаган-хутухта *. Оказывается, он олет. Сейчас находится в Лабране. Как поучительно сверять сведения из-за Гималаев со сведениями с севера. Только так складывается истинный облик лиц, событий, верований. Каждая страна, не удаляясь от истины, вкладывает свои особенности в свою наблюдательность. Тибет преувеличил таин-ламу, сведения о Цаган-хутухте совпадают.

Цветет джидда, розовеет свежая жимолость. Пахнет весенней свежестью к вечеру. Опять будет драма с возчиками, надо уговорить их двинуться ночью. Решили не спать, идти в одиннадцать ночи.

23 мая. Вечер настроился неспокойно. Приехали странные китайцы с десятью солдатами. Исполняют какое-то таинственное поручение генерал-губернатора. Едут в Пекин и Москву. Плетется сеть интриг.

Пришел совет — уезжать немедленно, привязать, заглушить колокольцы под дугою и погасить огни. Неспокойно. Так и сделали, и вышли под дождь и ветер с заряженным оружием. Шли глубокими, тяжкими для лошадей песками. Восемнадцать потаев до Улун-Болыка взяло 12 часов, с двумя часами кормежки лошадей. Улун-Болык — бедный лянгар. Пищи нет. За семь потаев до лянгара пески перешли в темное галечное взгорье Джаирских гор *. Все стало четко. Заклубились ослепительные грозовые тучи, и в стороне Чугучака * загрохотало. Сидим на бугре около убогого китайского храмика. Перед нами в последний раз тянется и тонет в тумане гряда Небесных гор. Так они небесны в тоне, так богаты белыми гребнями.

Так мало еще знают калмыцкие улусы. Когда и кому удастся пройти через все лабиринты захороненных богатств? Вся даль трепещет в сияющей радуге разложения. Сапфировая пустыня и эфирные горы влились в небо. Разубранные холмы в золоте. Уж очень красива ты, Азия. Твой черед. Прими чашу мира.

Едут дунгане и калмыки с ними. В тоне, каким калмык говорит с нами, звучит какое-то доверие и близость. Простодушно рассказывает, как он хотел охотиться в горах, а местный князь запретил. Через дорогу перебежали шесть серых серн. Можно представить, сколько дичи в горах. Телеги опять не пришли. Будем третью ночь без сна.

24 мая. Для дальних путей пригодны лишь тибетцы и некоторые монгольские хошуны. Все остальные слабеют, теряют бодрость и впадают в уныние.

Простились с Тянь-Шанем. Впереди бесснежные мелкие купола Джаира. Сегодня тот самый страшный день, о котором твердят все караванщики. Именно в ущельях Джаира бывают грабежи и убийства. Взгорья Джаира встретили нас совсем сурово. Ледяной вихрь, дождь, град, а под ночь — лед и снег. Наш возчик ухитрился 17 потаев до Кюльдинена пройти в 22 часа. Дошли в половине третьего ночи. Измочалились окончательно плестись за арбами с заряженными винтовками. Отту — бедная станция в середине пути, утопающая в грязи. После нас приехали китайцы. Началось безобразие — ходили через нас. Плевали. Тут же развели кизяковый огонь, выедающий глаза. Накапали маслом и облили чаем. Мы были рады вечером убраться до Кюльдинена. Разбойников не видели. Теперь говорят, что главное место разбоя — не сегодня, а завтра, между Кюльдиненом и Ядманту. В снегу добрались до Кюльдинена. Зажались в вонючую лачугу и спали четыре часа беспросыпно. А там опять грузились, опять ссорились с негодным возчиком.

25 мая. Весь день красив. Верно, что в узких ущельях красных гор могут быть нападения... В наших людях чувствуется настороженность. Как нарочно, в самой узкой щели у второй арбы ломается ось и остальные четыре повозки оказываются запертыми. Самый удачный момент для грабителей, но они не являются. Два часа возятся с телегой. В пути по косогорам еще три телеги перевернулись.

После красных и медных гор спускаемся к зеленой степи, окруженной синими хребтами, и опять чистота красок равняется волшебной радуге. Мапан (13 потаев от Кюльдинена) — степное радостное место. По окраинам селения стоят юрты. Толпятся стада. Киргизы в малахаях скачут, как воины XV века. Калмыки с доверчивыми лицами. Не успели найти двор в Мапане, как приходит калмык со сведениями чрезвычайного значения: «Во втором месяце,

т. е. в марте, от урумчинского генерал-губернатора распространились известия по улусам, стойбищам и монастырям о том, что таши-лама избран китайским императором. Еще на трон не взошел, но уже принял тамгу (печать)». Только бывшие в Азии могут оценить значение этой выдумки для Монголии и Тибета. Конечно, в данном случае урумчинский властитель имеет в виду именно Монголию. Да, об этой выдумке газеты не пишут и Рейтер не телеграфирует, но именно эти незримые узлы создают будущую действительность.

Много вестей про таши-ламу будет бродить по калмыцким и монгольским просторам. На многие годы!

226 Петля на Монголии задумана генерал-губернатором широко *, и он думает, что никто об этом не знает. Но система китайских подкупов такова, что не только ямын губернатора узнает все события, но и о ямыне все, кто хочет, тоже узнают все. Налаженная машина действует в обе стороны.

Все богатство этой страны, вся ее красота, вся ее значительность ждут новых путей, новую культуру и самосознания. Оцените, каков слух о новом китайском императоре. Калмыки радуются притоку товаров из Советского Союза. Говорят: «Теперь в России все хорошо».

26 мая. Калмыки просидели у ламы всю ночь. Принесли много новостей. Эти «устные газеты» имеют обширный политический отдел. Калмыки очень хвалят Быстрова. Удивительно, как быстро добрая слава о нем прошла по всем калмыцким землям. Простились мы с калмыками. Ждут они.

Сегодня путь долгий — 90 русских верст. Бежим зеленеющей степью. Всюду юрты, стада. Над дальними Тарбагатайскими горами готовится новая непогода, и холодеет ветер. Справа — отроги Алтая. Пробежали поселок Курте, где дорога разделилась: большая — на Чугучак, малая и глинистая — на Дурбулджин. В Дурбулджине те же глинобитки, но еще больше смеси народностей. Исчезло преобладание [казахов] или дунган.

Стоим в «мойке шерсти» у Князева. Его представитель Р. любезно уступил две свои комнаты. Жена Р. недавно из Семипалатинска, но уже рвется обратно. Говорит: «Здесь в китайской грязи и тьме задыхаюсь». Хвалит жизнь в России.

Много хлопот с возчиками; надо уговорить доехать в один марш до русского поста. Не советуют на ночь оставаться в китайском посту или в полосе между постами

(русских 30 верст). Там и кражи и грабежи. Будем стремиться проехать все 75 русских верст до русского Кузеуня в один пробег. Лишь бы китайская таможня не задержала. Даже Садык, кучер, советует не задерживаться на китайском посту.

Еще анекдот: «В Урумчи лежит непохороненное тело чугучакского даотая. При теле живет белый петух, которого везут при гробе из Чугучака». Плохи дела мертвеца: из Пекина получен приказ возбудить посмертное судоговорение против бывших преступлений даотая и до конца процесса не погребать и не отправлять тело на родину. Вот уже подлинные мертвые души, и для балагана еще кукарекает белый петух. Не побывавши в Китае, невозможно верить подобным танцам смерти. Как мало знают Китай, а в особенности в Америке. Помню, доктор Б. Лауфер * в Чикаго говорил мне: «И чего это носятся с китайцами, не зная их». Тогда и мы еще знали только «музейный» Китай, но не действительность Синьцзяна.

Накопляются альбомы зарисовок.

27 мая. День прекрасный по краскам. Синие горы. Шелковистая степь. По левую руку — снега Тарбагатая, а прямо на север — отроги самого Алтая. Алтай — середина Азии. Стада по степи. Великие табуны коней и юрты черно-серые и бело-молочные. И солнце, и ветер, и неслыханная прозрачность тонов. Даже звучнее Ладакха.

С утра измучил негодяй возчик. Все у него не в порядке, и телеги разваливаются — такого мы еще и не видали. После выступления возчика — ряд китайских интермедий. Амбань назначил солдата ехать с нами до пограничного Кузеуня. Солдат приехал, повертелся в воротах, сказал, что едет пить чай, и более мы его и не видели.

Когда же мы проехали пять потаев до пограничного пункта, тут началась комедия, но от нее хотелось плакать. Трехаршинный паспорт и печати генерал-губернатора мало помогли. Полуграмотный таможенник хотел вскрывать печати генерал-губернатора. Хотел снова пересчитывать все вещи и наконец пытался вообще отнять наш китайский паспорт, выданный для следования в Пекин, на котором русская виза. Еле отговорили его от этой затеи. Но тем не менее мучительство и выдумки таможенного идиота заняли около четырех часов. Лишь в шестом часу мы тронулись, чтобы пробежать, а вернее, проползти двадцать пять верст до русского поста. Не отошли и версты, как сломалось колесо у возчика. Предстояла ночь в горах среди самого опасного места. Пришлось вернуться к ки-

тайскому посту. И вот опять сидим в палатке. Может быть, последний раз перед длинным перерывом. И горы-то милые, и палатка так многое напоминает. И полная золотая луна беспощадно глядит в открытый полог. Сегодня мы миновали несколько кочевых монастырей, где чтут Майтрейю. Избегая осложнений с китайцами, мы не завернули к юртам монастыря. Жалко, жалко.

28 мая. Как торжественна эта ночь. Конец и начало. Прощай, Джунгария! На прощанье она показалась не только синими снеговыми горами, не только хризопразами взгорий *, но и пышной травой, и давно не виданными цветами. Красно-пунцовые дикие пионы, желтые лилии, золотые головки огненно-оранжевого цвета, ирисы, шиповник. И воздух, полный весенних дуновений. Спускались и поднимались зелеными холмами. Поднимали свалившиеся телеги.

Около ехала киргизская стража. Те же скифы. Те же шапки и кожаные штаны, и полукафтанья, как на кульобской вазе *. Киргизы гонялись за показавшимися через дорогу волками. Один из них нарвал для Е. И. большую связку красных пионов.

А там еще один перевал, и на гребне — кучи мелких камней. Это конец Китаю.

Здравствуй, земля русская, в твоем новом уборе! И еще травы, и еще золотые головки, и белые стены пограничного поста Кузеунь. Выходят бравые пограничники. Расспросы. Общая забота сделать нам так, как лучше. Где же грубость и невежественность, которой мог бы отличаться заброшенный, не помеченный на карте маленький пост?! Следует долгий внимательный досмотр вещей. Все пересмотрено. Извиняются за длительность и хлопоты, но все должно быть сделано без исключения и по долгу. Вот и начальник поста. Вот и семья его помощника Фомина. Сын его трогательно собрал всевозможные портреты Ленина и сделал из них как бы венок над своей постелью. Ночуем на посту.

29 мая. Покатили утром до села Покровского (70 верст) по чудесной гладкой дороге. Горы отступают. Понижаются. Киргизские юрты. Любопытные всадники. Бодро бежит сытый вороной конь красноармейца в зеленой пограничной фуражке, весело сдвинутой набекрень. Первый русский поселок — Рюриковский. Низкая мазанка. Видны уже белые стены и скудные сады. Здесь климат суров. Овощи не растут: хватает мороз. Но теперь уже нача-

лась летняя жара. Если бы доехать до Тополевого Мыса, но наш возчик не сделает это. Так и есть. На ровном откосе разлетается вдребезги колесо у брички. Надо посылать в комендатуру в Покровское за телегой. Долго стоим у мельницы Ященко — он не дружелюбен и не дал свою телегу.

Вот и Покровское. Больше белых домиков. Выходит навстречу комендант. Вот и начальник стражи. Вот и помощник коменданта. Наперерыв размещают нас по своим скромным квартирам. Еще больше вопросов. Еще настоятельнее ждут поучительных ответов. Понимаете ли, хотят знать. Хотят проверить свои сведения с нашими. Рамзана, не понимая языка, замечает: «Русские хорошие люди. Душа у них хорошая». Спрашиваем, как он дознался до этого. «А по глазам видно».

Оказалось, наш пароход по Иртышу отходит сегодня ночью, а следующий лишь через три дня. Возчик нас посадил. Но на посту радуются и просят погостить у них хоть один день. Приходят к нам вечером, до позднего часа толкуем о самых широких, о самых космических вопросах. Где же такая пограничная комендатура, где бы можно было говорить о космосе и о мировой эволюции?! Радостно. Настоятельно просят показать завтра картины и потолковать еще. На каком таком пограничном посту будут так говорить и так мыслить?!

30 мая. С утра смотрели картины. Люблю этих зрителей без предрассудков. Свежий глаз и смотрит свежее. Толковали о разнице понятий культуры и цивилизации. Замечательно, что русские легче многих других народов понимают это различие. И еще замечательно: это сознание долга и дисциплины. А вот и «чудо». Были на собрании крестьян и красноармейцев. Слушали доклад Джембаева о международном положении. В этой жажде знания — все реальное будущее и весь свет труда. Е. И. читала письмо об индийской философии. И мы сказали спасибо этим новым знакомым за все от них услышанное. Надо сказать, что эти пограничные красноармейцы мыслят гораздо шире многих западных интеллигентов. Где же та узость и грубость, о которой говорили подложные отзывы?

31 мая. Джембаев на коне проводил нас в степь. Сердечно простились. Побежали 45 верст до Тополевого Мыса, до синего Зайсана. Взгорья и холмы. Пологие курганы. Седая трава и ярко-красные откосы. Аилы киргизских юрт... Извозчик наш совсем одурел. За 45 верст девять оста-

новок и поломок. Наконец одна телега перевернулась вверх колесами; непонятно, как ямщик и лошади не были убиты. Вот синеет Зайсан, за ним белеет гряда Алтайских белков. Не сама ли Белуха?

Вот и Тополевый Мыс, приземистое селение с белыми мазанками. Хороший пароход «Роза Люксембург» вчера ушел, и нам придется ехать на «Алтае». Будем стоять у старухи Федоровой.

Пьем чай с красноармейцем. Едим творог со сметаной. На стене висит Никола и премия «Нивы»*: «Ломоносов показывает электрическую машину Екатерине». Приходят племянники Федоровой, бывшие красноармейцы. Интеллигентно толкуют о Китае, о Корее, о Чжан Цзо-лине. Хотят достать нам окуней и карасей из Зайсана. На окнах — красные и лиловые прим-розы и всегдашняя герань. Нашего гегена приняли за китайского генерала. Сколько легенд будет ходить о нашем проезде.

1 июня... Вместо «Алтая» пришел самый плохой пароход, «Лобков». Ну что ж, не судьба ехать на добром пароходе: возчик лишил этого. Озеро лежит жемчужной сетью. Сегодня видна святыня калмыцкая — гора Сабур или, вернее, Саур.

«Лобков» оказался совсем уж не так плох, как о нем говорили. Ламу и Рамзану устроили на верхней палубе. Разместились.

Опять чудо: еще на сходнях около нас собираются грузчики и просят им «рассказать». На верхней палубе нас окружает целое кольцо всех возрастов. И все они одинаково горят желанием знать. У каждого свой угол подхода; у каждого свои сведения, но у всех одно жгучее желание — узнать побольше. И как разбираются в сказанном! Какие замечания делают! Кому нужно знать экономическое положение стран, кто хочет знать о политике, кто ищет сведений об индийских йогах... Народ, который так хочет знать, получит желанное. Подходит мальчик, хочет с нами путешествовать. У Юрия в тесной каюте скопилось четверо коммунистов, дружно толкуют о ленинизме. Над пристанью более не висит ругань. Спорится работа народная.

2 июня. «Вот так бы и учился лет тридцать не переставая, да вот заработок мешает»,— говорит рабочий на пароходе. И глаза его горят неподдельной жаждой знания.

В последний раз оборачиваемся в сторону Китая. На моей картине, которая в Пекине, есть надпись: «Друг

Китая». Уменьшилась ли моя дружба после того, как мы видели весь танец смерти Синьцзяна? Нисколько. Именно дружба к молодому Китаю дала мне право записать столько ужасов. Лицемерный враг закрыл бы глаза на ужас действительности, но друг должен указать все то, что оскорбляет свежий глаз. В раскрытии этих язв лежит залог удачи будущего Китая, который уже растет. От прошлого, от древней цивилизации Китая можно провести мост лишь к будущему, новому осознанию в международном понимании истинной эволюции. Все же настоящее уйдет во мрак как запятнанная страница истории. Губернаторы и амбани современного Китая станут как страшные гримасы паноптикума, нужные для человечества так же, как отрубание рук и ног водяному богу. Желаю, искренно желаю Китаю скорей скинуть все убожество и скорее смыть грязь, наросшую под шелком внешнего наряда. Желаю успеха всему молодому, понимающему ужас лицемерия и невежества.

Совершенно нелицеприятно смотрю в глаза трудящейся России. Какая жажда знания! Ведь эта жажда горами двигает; ведь она дает непоколебимое мужество к новым построениям. За наш долгий путь мы давно не видали глаз русских, и глаза эти не обманули. Здесь оплот новой эволюции. Пришли утром просить прочесть лекцию о путешествии. Команда парохода и пассажиры просят.

Еще ночью покинули озеро Зайсан и пошли между пологими степными берегами еще узкого Иртыша. Вода малая сейчас, и пароход не один раз трогает мели. На носу промеряют глубину, несутся те же возгласы, как бывало на верховьях Волги. Селения киргизского типа. Кое-где стада. Много гусей и всякой дикой водяной птицы.

После обеда была беседа. Вся команда и все пассажиры третьего класса собрались тесным кольцом, и все ловили новые сведения с напряженным вниманием. Не игра, не сквернословие, не сплетни, но желание знать влечет этих людей. И они узнают. Трое беспризорных едут на родину, им собирают деньги на проезд. И трогает, и дает новые силы это явление растущей силы народа.

Показались зеленые холмы. К вечеру дойдем до гор. К шести добежали до села Баты; русские домики уже начинают преобладать. А там и горы. И грозы над горами. Изумительный эффект светлой степи под синими горами и под облачным нагромождением. Этих облачных богатств давно не видали.

Вечером в столовую приходит мальчик: «А не заругают войти?» Едет к матери. Много толкует... Говорит о найден-

ной им неизвестной киргизской горной дороге — «как шоссе через самый хребет». Толкует о рыбной ловле: «Поймали щуку в два пуда, как крокодил». Вспоминает встречу с медведем: «Я его напужался, а может, он меня еще больше».

Поздний вечер; до полуночи занят беседой с народным учителем о йогах, об общинах Индии, о перевоплощениях... Задают сложные, продуманные вопросы. Весело видеть ищущих, для которых денежный знак заслонен вопросами реального строительства жизни. Не в теоретическую аптеку повелительно зовет жизнь этих людей, а к построениям, возведенным руками человеческими. Таких народных учителей много. Они общаются друг с другом и ждут живых сведений.

К полуночи добежали до Нового Красноярска. К пароходу вышла целая толпа. Нигде нет сквернословия.

3 июня. С утра проходим утесами. Серые глыбы сгрудились до самого течения. Иртыш стеснился, и еще сильнее течение. А там деревянный городок Усть-Каменогорск, и за ним кончаются горы. Иртыш развернулся в широкую плавную реку, а на горизонте остались отдельные гребни и пирамиды ушедших гор. Прощайте, горы!

Опять приходят с вопросами, и все о том же: об учении жизни, об Индии, о путях истины. Большая часть дня занята этими беседами. Наметился еще один сотрудник. Вот где насущно нужно то, что на Западе попирается.

Решаем от Семипалатинска до Омска следовать по Иртышу пароходом. Длинная пересадка, но поездом тоже не лучше. Двадцать часов до Новосибирска; приехали бы туда позднею ночью. На пароходе больше и с людьми общения, и воздуха. Сейчас прохладные дни и холодные ночи. Говорят, уже три года, как заметны перемены климата. Нет жары летом, но и зима менее студена.

Поздним вечером опять беседа и опять на те же темы. Прямо удивительно воочию убедиться, куда направлено народное сознание. Уже поздно, но приходят матросы и просят дать им статью в их газету. И вот первый «привет Востока» пишется для матросской газеты. Всячески хотят помочь эти обветренные, трудящиеся люди. Замечательные сердца! Новые друзья просят: «Позвольте писать вам»...

4 июня. Семипалатинск. Три часа утра, перегружаемся на пароход «8 Февраля» до Омска. Решили ехать пароходом, ибо алтайская дорога поездом медленна — поезд идет 20 часов до Новосибирска. Едем в Госторг с письмом

Быстрова. Опять встречаем заботливость и желание всячески помочь. Дают письма в Совторгфлот в Омске, где нам устроят места в международном вагоне. Заходим в книжный склад — удивительно: ни одной пошлой книги. Масса изданий по специальностям. И это все в пограничном захолустье, в уединенном Семипалатинске! Стоят и белые каменные дома, и серые деревяшки — как будто все то же самое, но жизнь иная наполнила эти остовы.

Под пароход подтянуло лодку, опрокинуло течением. Дружно бросаются помочь беднягам. По пароходу бродят любопытные детишки, нет в них забитости, нет наглости — есть та же пытливость. А Иртыш уже развернулся в могучую низовую реку. Гонят плоты. На них сидят, может быть, кержаки-староверы. «Коли скажешь им, что ел с киргизами, они ни за что за стол не пустят. И все велят креститься»,— поясняет мальчик. Степная пословица: «Если товарищ твой кривой, старайся поджимать глаз, чтобы быть ему под пару».

Ушли кочевые аилы. Поредели всадники и пошли сибиряки каменнотесаные. А под Белухой еще снег лежит. Опять недавно выпал. А мясо там по 8 копеек за фунт. А хороший конь там восемьдесят рублей. И ко всему прибавлено крепкое, упрямое сибирское «однако». И киргизов сибиряки мало опасаются: так себе, барантачество * — степное воровство-удальство. И команч, и зуни в Аризоне тоже угонит коня. Да своих ли коней стреножили скифы на вазе Куль-оба? Столько надо сказать. Столько запечатано красными печатями консула. Столько творится. И земля — земля Будды — переносится на великую могилу *. Опять забудутся многие сроки и нельзя их записать. А новый друг твердит на прощанье: «Я не потеряю вас».

5 июня. И здесь на Иртыше достигают рассказы о жестокости китайцев. Едущие пограничники вспоминают о виденных ими китайских пытках. Осужденного опускают в полый столб с набитыми острыми шипами. Тело тяжестью своею опускается на шипы. Или через нос и носоглотку и через рот пропускают конский волос и начинают пилить. Или вводят конский волос в область глаза. Все это видят пограничники и везут эти вести в центр. О барантачестве сообщают центру. Когда недавно поймали богатого бая-разбойника * и приговорили к ссылке на Камчатку, то 200 его сородичей приехало, предлагая все свое имущество как выкуп за своего старшину-грабителя. Твердыми мерами эти разбои будут прекращены, особенно если китайцы перестанут

поощрять контрабанду, за которую берут крупный выкуп.

Юрты почти кончились. Степь. Низкие сосны и кустарник. За окном беседуют два молодых рабочих. Говорят об организации местного театра, о трудностях с костюмами и освещением. Говорят так, как и в столице редко услыхать можно...

А вот идет Алексей Пивкин из Нижнего Новгорода и скорбит о том, что люди не понимают пользы практического объединения. «И все-то норовят отделиться в деревне, а как способнее бы скопом хозяйствовать».

234 **6 июня.** Некоторые люди боятся гор и уверяют, что горы их душат. Не боятся ли эти люди и больших дел?

Еще шире Иртыш. Экая стремнина! Пожелтел Иртыш, и пошли белые гребни. Теперь верим, что здесь мог Ермак утонуть. Пришли от команды парохода: просят дать статью в их газету. Не успел написать: «Великая рука Азии»,— а тут еще идут представители матросов и пассажиров с просьбой прочесть им лекцию. Вот это называется — стремление. Вот это поиски — нет ли где еще нового, нет ли полезного, чтобы просветиться. На картине «Сон Востока» * великан еще не проснулся, и глаза его еще закрыты. Но прошло несколько лет, и глаза открылись, уже великан осмотрелся и хочет знать все. Великан уже знает, чем владеет. В Америке и Дымов, и Каральник, и другие писали об этой картине, спорили, а она уже — в жизни.

На пристанях все гуще и гуще толпа. Павлодар точно высыпал к пароходу. Малыш спрашивает другого, совсем крохотного: «А ты пионер?» Сколько здоровых лиц! Радостно отметить легкость передвижения. Послушайте говор: тот с Камчатки, был в Семипалатинске. Этот в Павлодаре — из Кронштадта. Этот побывал в Сеуле и Бухаре. Этот — от границ Польши. Этот от Нижнего — на Алтае. Ведь крылья растут! «Все возможно и все доступно!» И уходит главный бич жизни — страх и предрассудки. Завтра последний день Иртыша. Омск. Поезд. Новый Восток. Новое, над чем знак розы.

7 июня. Ветер и гребни сменились проливным холодным дождем. Попрятались толпы на пристанях. Е. И. довольна: нет зноя, которого она так опасалась. Спрашиваем себя, приехали ли уже в Москву Лихтманы. Последние письма из Америки были от начала января, а телеграммы от начала марта.

Т. * не знает, что мы проехали так близко от его родных мест. Вот рабочий рассуждает о религии. Слушайте и удивляйтесь, как широко, реально и практично судит он о применении новых методов. Вот он перешел к вопросу о пьянстве, и опять слышится здоровое суждение. Вот он толкует о дисциплине в армии; не удивительно, что такая армия представляет грозное своей сознательностью целое. Вот он оценивает экономические условия. Без вредного шовинизма он учитывает нарастание хозяйства. В его руках цифры и сопоставления. Говорит о налаженной работе народа со специалистами. Нет ни ложного пафоса, ни хвастовства; спокоен жест руки, и безбоязненно смотрят серые глаза. Вот опять народный учитель. 235
Тот, который работает двенадцать часов в сутки за 36 рублей в месяц. Он и учитель в трех школах, и режиссер, и народный лектор, партийный работник. Послушайте, как любовно он говорит о лучших методах преподавания; как он бережлив с индивидуальностью детей и как следит за достижениями науки. Сейчас едет, чтобы пройти дополнительный курс на биостанции.

А вот латыш — командир полка. Жена его шепчет: «Что делать с ним? Все, что имеет, раздает. Найдет каких-то бедных старушек, выдает им пенсию. А чуть скажешь ему, отвечает: «Да ведь ты сыта. Лучше я сам есть не буду». А ведь жалованье-то всего 125 рублей». Этот грозный латыш — убежденный коммунист самого чистого склада. И весело с ним говорить об эволюции материи. Это не тупой дарвинист, но реальный искатель и поклонник реального познания сущего... Радостно плыть по Иртышу и слышать доброе строительство. Радостно не слышать ни одного сквернословия и не видеть жестов пошлости. Радостно видеть углубление знания. Как Ленин говорил: «Претворение возможности в необходимость» *.

Вспоминаем всякое бывшее с нами. Трехсуточная гроза в Гульмарке. Шаровидная молния около моей головы в Дарджилинге. Необъяснимый синий огонь в Ниму. Шесть часов с револьвером в Тангмарке. Бамбуковый мост в Ташидинге. Глетчер Сасир. Мертвый оскал даотая Ма. Переход ламою границы. Ползанье по пещерам Кучи. Неожиданная стужа на Каракоруме. Буран после Токсуна. Буря на озере Вулар. И многое другое. И каждая эта буря, и каждая эта стужа, и каждая эта молния вспоминается, как неповторяемый сон. Плотников спрашивает в Урумчи: «Вошла ли в вас зараза Азии?» Да, Петр Александрович, вошла, но не зараза, а очарование, и всегда оно было в нас. Гораздо ранее, нежели писался «Стан по-

ловецкий» или «Заморские гости» *. И как же мы будем без тебя, Азия? Но ведь мы и не выехали еще за твои пределы...

Я делаю доклад команде и пассажирам. Следуют вопросы. Так же, как на «Лобкове», напряженные вниманием лица. По откосам берегов еще лежит снег. Сегодня утром прошли селение Ермак на месте, где утонул завоеватель Сибири *. Рабочий поясняет: «Он бы выплыл, наверно бы выплыл, да доспех-то его на низ потянул». Так помянул рабочий героя этих студеных просторов. И с командиром, и с рабочим, и с учителем всегда встретимся радостно. Привет всем друзьям.

8 июня. Омск. Мост через Иртыш. Севастьянов показывает «исторические» здания. Особняк, где жил Колчак. Здание колчаковского сената. Дом красноармейцев. Собор, где хранится ветхое знамя Ермака. Полуразрушенная тюрьма, где был заключен Достоевский. Вершинка старого острога XVII века. Оказалось, что оба нужных нам поезда только что отошли и мы должны сидеть в Омске три дня, до четверга вечера. Совторгфлот радушно заботится о нас. Б. * многое рассказывает. Слышим о моих картинах. Высокие цены. Поверх всего идут расспросы опять о йогах, об Индии и Тибете, о буддизме и об учениях жизни. Целый слой изучения воли и материи. И совершенно здесь не знают положения ни Америки, ни Китая. Газеты дают верные факты. Но молва плетет свой узор. Письмо о сложном положении Монголии.

В московских газетах пишут о том, что мы «нашли» манускрипт о Христе (Иссе). Откуда идет эта формула? Как могли мы найти то, что известно давно. Но мы нашли большее. Можно было установить, что формула Иссы-общинника воспринята и живет на всем Востоке. И на границах Бутана, и в Тибете, и на холмах Сиккима, и на вершинах Ладакха, и в хошунах монгольских, и в улусах калмыцких живет текст манускрипта. Живет не как сенсация праздничных газет, но как твердое, спокойное сознание. То, что для Запада — сенсация, то для Востока — давнее сведение. Пройдя Азию, можно убедиться, как мыслят народы.

9 июня. Холодное солнце пробивается через узорчатые листья филодендрона в комнате (гостиницы) «Европа». Не к теплице, не к ботаническому саду, но в Сикким теперь будут переносить эти листья наше воспоминание. Там, когда от реки Тишты поднимались к Чаконгу *,

эти же самые листья вились по зеленым мшистым стволам, переплетались с блестящими цветами орхидей. И маленький храм в Чаконге, и одинокий сторож при храме. Высокий и статный, в одной холщевой рубахе. И вечерние рассказы ламы Мингюра. И так узорный лист будет теперь вести в далекие страны. И подле листа будут расцветать образы близкие и милые.

Едем в ОГПУ сдать на хранение оружие. Опять та же предупредительность и заботливость. «Чем можем помочь?» Управляющий Совторгфлотом сам едет на далекий вокзал, чтобы по недоразумению мы не переплатили за багаж. Идем в Краевой музей. Отделы художественный и этнографический. Из Ленинграда и из Москвы прислан ряд картин, умело подобранных, характеризующих течение русской школы. Есть не только Левицкий, но и Мусатов и Левитан. К удивлению, находим и две мои вещи. Обе из неоконченных запасов, стоявших у стен мастерской. Одна — «Ладьи», 1903 г. (из сюиты «Город строят»), другая — «Древо преблагое», эскиз. Надо написать, что обе не окончены. Подходит местный учитель, удивленно спрашивает: «Вы — Рерих?» — «Да».— «Но ведь Вы были убиты в Сибири в 1918 году». Опять та же сказка, которая достигла нас в Лондоне и в Америке. Как же не убит, если были и панихиды и некрологи. Но отпетому на панихидах светло работалось, плавалось по океанам и легко всходилось на вершины. Верно, «панихида» помогает. И некрологи были очень душевные. Какие славные учителя в этом краю. Уже четвертая радостная встреча.

10 июня. Едем. Поезд отходит в полночь. ОГПУ дало ордер помочь при посадке.

Друзья! Буду рад по окончании пути кроме этих кратких заметок передать вам весь дневник и рисунки. Но для этого нужно где-то временно осесть и разобрать записки и альбомы. Но где и когда?

Козлов * пишет о Хангае. Интересны две статуи — черная и белая — добрая и злая. Но почему они в скифском наряде? Есть ли это Тары? Или приспособленные каменные бабы? Значительно, как и все из старой области Орхона.

Сегодня сабантуй — татарский посевной праздник. Скачки на конях и верблюдах. Татары с громкими бубенцами катят в загородную рощу. Празднуется новый посев.

В полночь приходит поезд *. Агент ОГПУ проходит мимо, глазом дает нам понять, что все ладно. Едем под знаком розы, под знаком праздника посева. Привет друзьям!

Глава 10 Алтай

(1926)

238 Приветствовать сибиряков — это значит почувствовать и сказать что-то очень мужественное и созидательное. Понятие сына Сибири есть зов труда и познавание тех действительно неисчерпаемо прекрасных сокровищ, которыми наполнена эта страна глубокого прошлого и великого будущего.

Во всех странах, где пришлось побывать, никто ни на минуту не смущался понять все великое, еще несказуемое значение Сибири. Белуха, эта Сумеру Азии, стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего. Сибиряки не только любят Сибирь, но они всегда стремятся к ней для работы, для труда, для сотрудничества.

Вспомним, что именно сибирские кооперативы заняли такое незабываемое место среди подобных зачинаний нашего отечества. И сейчас разве мыслимо соображать, какое сотрудничество без этой сознательной кооперации? Тем, кто хочет строить, можно думать лишь в оценках трудовой единицы. Всякие другие ценности, измышленные и условные, поколебались и обветшали. Недавние кумиры человечества уже отброшены, и вместо них неизбежно и справедливо встает понимание труда. Без этого понимания не будет и настоящего осознания культуры.

Культура, как всеобщее благо, как свет истинного просвещения, как свободно осознанная дисциплина духа,— эта культура слагала крепчайшие народы. И сколько таких народов прошло в великих шествиях по необъятным пространствам сибирским! От всех этих великих путников наслоилось высоко духовное наследие. Эти великие понятия разве не обязывают перешагнуть через ветошь и мусор недоразумений и разрушительных непониманий?

Ведь невозможно больше жить среди хаоса разъединения и взаимоуничтожения! Просто невозможно больше дышать! Невозможно больше радоваться свету солнеч-

ному, когда невежественная озлобленность совершает ужасное шествие смерти.

Но довольно мы слышали о смерти, о разъединении и о разрушении. Отравляющие газы и человеконенавистническая биологическая война не могут являться завершением человечества. Ведь это настоящее потрясение культуры...

Словарь зла преисполнен, и необходимо обратиться ко всем мерам сотрудничества, к понятиям созидания.

Когда мы говорим о созидании, о кооперации, разве мысленно не переносимся мы в дали Азии, в просторы Сибири, где такой непочатый край для всякого строительства! Сейчас зарубежные сибиряки разбросаны по самым неожиданным странам, но везде, где они находятся, можно слышать здоровое слово о труде, о будущем. Сибиряк не может преклонить голову перед преходящей невзгодой; от всех сибирских работников веет неутомимостью, и если добавить к тому дружелюбие и понимание кооперации, то вот вам и новый дом.

Могу добавить, что также в разных странах на наших глазах развиваются многие общества, которые в сознании своем идут рука об руку со здоровыми началами Сибири. Если путник знает, что он не одинок, если он, увидя дальние костры, знает, что это дружественные огни, то и силы его удесятеряются. Путник, имея дальних друзей, дойдет в бодрости.

Во все небо стояла радуга. И не одна, но две. И в радужные ворота стремилась широкая Обь... Катит камни Катунь настоящая. И не построен еще город на месте новом. Катун по-тюркски «женщина»...

Камень. Дивный камень. Тигерецкий камень. И просто — камень. И весь край — весь камень.

Елен-Чады́р. Toурáк, Куегáн. Карагáй, Ак-Кáм. Ясатар. Эконýр. Чегáн, Арасáн. Урýл. Курагáн, Алахóй. Жархáш, Онгудáй. Еломáн. Тургунда, Аргýт, Карахéм, Арчáт, Жалдýр. Чингис-тай, Ак-Ульгун. Хамсар. Все имена. Эти имена речек, урочищ и городищ — как напевный лад, как созвучный звон. Столько народов принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаг племен. Ушли и приходят.

Около Черного Ануя на Караголе — пещеры. Глубина и протяжение их неизвестны. Есть кости и надписи.

А когда переломили Эдигол, раскинулась ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. За-

белела дальними снегами. Встала трава и цветы в рост вершников *. И коней не найдешь. Такой травный убор нигде не видали.

Поравнялся алтаец. Пугливо заглянул. Что за новые чужаки в его сторону пожаловали? Махнул плетью и потонул в звонких травах. Синее, золотое, пурпуровое. Поражающе сходство североамериканских индейцев с монголами.

Про доброго Ойрота все знают. А любимое имя алтайское — Николай.

За Ялуем начались алтайские аилы. Темнеют конические юрты, крытые корой лиственницы. Виднеется место

камланий. Здесь не говорят «шаман», но «кам». К Аную и к Улале еще есть камы, «наводящие снег и змей». Но к югу шаманизм заменился учением про белого Бурхана и его друга Ойрота. Жертвоприношения отменены. Заменились сожжением душистого вереска и стройными напевами. Ждут скорое наступление новой эры...

Размытая ливнями дорога измучила коней. Стали в Кырлыке. Придется просидеть ночь. Но не жаль просидеть ночь в месте, где родилось учение о белом Бурхане и его благом друге Ойроте. Имя Ойрота приняла целая область *. Именно здесь ждут прихода белого Бурхана. В скалах, стоящих над Кырлыком, чернеют входы пещер. Идут пещеры глубоко, конца им не нашли. Пещеры и тайные ходы. От Тибета через Куньлунь, через Алтын-Таг, через Турфан; «длинное ухо» знает о тайных ходах. Сколько людей спасались в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит * Гималаев превратился в жар-цвет.

«А как выросла белая береза в нашем краю, так и пришел белый царь и завоевал край наш. И не захотела чудь остаться под белым царем. Ушла под землю. И захоронилась каменьями». На Уймоне показывают чудские могилы, камнями выложенные. «Тут-то и ушла чудь подземная». Запечатлелось переселение народов.

Беловодье *. Дед Атаманова * и отец Огнева ходили искать Беловодье. «Через Кокуши горы. Через Богогорше. Через Ергор по особому ходу. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят. На конях по особым ходам по Ергору. Или было, что женщина беловодская вышла

давно уже. Ростом высокая. Станом тонкая. Лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан. Сроки на все особые»...

«В 23-м году Соколиха с бухтарминскими * поехала искать Беловодье. Никто из них не вернулся, но недавно получилось от Соколихи письмо. Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того и не пишет. Все знают о Беловодье».

«С каких же пор пошла весть о Беловодье?» — «А пошла весть от калмыков да от монголов. Первоначально они сообщили нашим дедам, которые по старой вере, по благочестию».

Значит, в основе сведений о Беловодье лежит сообщение из буддийского мира. Тот же центр учения жизни перетолкован староверами. Путь между Аргунью и Иртышом ведет к тому же Тибету.

Задумана картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Вся чистота. И несет он сосуд свой.

Пишут о магнитных бурях, о необычных температурах и о всяких ненормальностях в природе в связи со сгущением солнечных пятен. В будущем году эффект пятен будет еще значительнее. Возможны необычайные северные сияния. Возможно потрясение нервной системы. Сколько легенд связано с солнечными пятнами, с грозными морщинами светила.

Рамзана ушел в Ладакх. Не вынес северных низин. «Или уйду, или умру». Конечно, вся жизнь ладакхцев проходит на высотах не ниже двенадцати тысяч футов. Жаль Рамзана. Спокойно оставляли на ладакхцев охрану всех вещей. А ойротские ямщики на ладакхцев не похожи.

Кооператор бодро толкует: «Мы-то выдержим. Только бы машины не лопнули. Пора бы их переменить».

И считает Вахрамей число подвод с сельскими машинами. Староверское сердце вместило машину. Здраво судит о германской и американской индустрии. Рано или поздно, но будут работать с Америкой...

После индустрийных толков Вахрамей начинает мурлыкать напев на какой-то сказ. Разбираю: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А и как же принять тебя? Нет у меня, пустыни, палат и дворцов...»

Знакомо. Сказ про Иоасафа *. «Знаешь ли, Вахрамей, о ком поешь? Ведь поешь про Будду. Ведь бодхисаттва — бодхисаттв переделано в Иоасаф»...

Но Вахрамей не по одной кооперации, не по стихирам только. Он, по завету мудрых, ничему не удивляется: он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное — знает он травки и цветики. Это уже неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветики и где затаились коренья, но он любит их и любуется ими. И до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется ликом и гладит их и ласково приговаривает о их полезности. Это уже Пантелей Целитель *, не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй, Вахрамей Семенович! Для тебя на Гималаях жарцвет вырос...

А вот и Вахрамеева сестра, тетка Елена. И лекарь, и травчатый живописец, и письменная искусница. Тоже знает травы и цветики. Распишет охрой, баканом и суриком любые наличники. На дверях и на скрынях* наведет всякие травные узоры. Посадит птичек цветистых и желтого грозного леву-хранителя. И не обойдется без нее ни одно важное письмо на деревне. «А кому пишешь-то, сыну? Дай-ка скажу, как писать». И течет длинное жалостливое и сердечное стихотворное послание. Такая искусница!

«А с бухтарминскими мы теперь не знаемся. Они, вишь, прикинулись коммунарами и наехали грабить *, а главное, старинные сарафаны. Так теперь их и зовут «сарафанники». Теперь, конечно, одумались. Встретится — морду воротит: все-таки человек, и стыдно. Теперь бы нам машин-американок завести. Пора коней освободить».

И опять устремление к бодрой кооперации. И тучнеют новые стада по высоким белкам. А со Студеного белка лучше всего видно самую Белуху, о которой шепчут пустыни...

Как птицы по веткам, так из языка в язык перепархивают слова. Забытые и никем не узнанные. Забайкальцы называют паука мизгирем. Торговый гость, мизгирь, по сибирскому толкованию — просто паук. Какое тюркское наречие здесь помогло? Ветер по-забайкальски — «хиус». Это уже совсем непонятно. Корень не монгольский и не якутский.

В тайге к Кузнецку едят хорьков и тарбаганов (сурков). Это уже опасно, ведь тарбаганы поставляют легочную

чуму. Говорят, что чумная зараза исчезает из шкурки под влиянием солнечных лучей. Но кто может проверить, когда и сколько воздействовали лучи? Откуда шла знаменитая «испанка», так похожая на форму легочной чумы? Не от мехов ли? Часты в Монголии очаги заболеваний, а чума скота вообще довольно обычна. Ко всему привыкаешь. В Лахоре, Сринагаре и в Барамуле * была при нас сильная холера; в Хотане была оспа; в Кашгаре — скарлатина. Обычность делает обычным даже суровые явления.

Ойротские лошадки выносливы. Хороши кульджинские олетские кони. Карашарские бегуны и бадахшанцы не выносливы и в горах менее пригодны...

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы * (ничего не признающие, но считающие себя «по старой вере»). Сколько непонятных толков. А к Забайкалью среди семейских, т. е. староверов, ссылавшихся в Сибирь целыми семьями, еще причисляются и темноверцы, и калашники. Темноверцы — каждый имеет свою закрытую створками икону и молится ей один. Если бы кто-то помолился на ту же икону, то она сделается оскверненной и негодной. Еще страннее калашники. Они молятся на икону через круглое отверстие в калаче. Много чего слыхали, но такого темноверия не приходилось ни видать, ни читать. В лето 1926 года! Тут же и хлысты, и пашковцы, и штундисты, и молокане. И к ним уже стучится поворотливый католический падре. Среди зеленых и синих холмов, среди таежных зарослей не видать всех измышлений. По бороде и по низкой повязке не поймете, что везет с собою грузно одетый встречник.

В Усть-Кане последняя телеграфная станция. Подаем первую телеграмму в Америку. Телеграфист смущен. Предлагает послать почтой в Бийск. Ему не приходилось иметь дело с таким страшным зверем, как Америка. Но мы настаиваем, и он обещает послать, но предварительно запросив Бийск.

На следующий год сделана разбивка линии до Котанды*, т. е. в двух переходах от Белухи. До Котанды еще с довоенного времени проектирована ветка железной дороги от Барнаула, связывая сердце Алтая с Семипалатинском и Новосибирском. Говорят: «Тогда еще инженеры прошли линию».— «Да когда — тогда?» — «Да известно, до войны». Таинственное «тогда» становится определителем до-

военной эпохи. Уже Чуйский тракт делается моторным до самого Кобдо. Уже можно от Пекина на «додже» дойти до самого Урумчи, а значит, и до Кульджи, и до Чугучака, до Семипалатинска. Жизнь кует живительную пряжу сообщений...

«Курумчинские кузнецы». Странные, непонятные народы не только прошли, но и жили в пределах Алтая и Забайкалья. Общепринятые деления на гуннов, аланов, готов * разбиваются на множество необъясненных подразделений. Настолько все неизвестно, что монеты с твердыми датами иногда попадают в совершенно несоответственные, временно установленные периоды. Оленьи камни,
244 керексуры, каменные бабы *, стены безымянных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не явили. Как замечательны ткани из последних гуннских могил, которые дополнили знаменитые сибирские древности.

Живет предание о черном камне *, появляющемся в сроки больших событий. Если сравните все устные сроки из Индии, Тибета, Египта, Монголии, то совпадения их напомнят, как помимо историков пишется другая история мира. Особенно значительно сравнивать показания совершенно различных народностей.

Калмыки и монголы по следу коней и верблюдов узнают род и количество груза. Скажут: «Проехал конный с двумя конями в поводу. Два коня загнаны, а третий свежий». Или: «Прошел табун и при нем два вершника».

Передавали случаи из недавних войн. Вызвался один наездник принудить к сдаче целый полк. Взял одного товарища и большой табун конский: «Больше,— говорит,— ничего и не надо». Подогнал табун с наветренной стороны, а сам поехал с товарищем для переговоров. Говорит: «Немедленно сдать оружие, иначе поведу на вас все мое войско». Подумали, поглядели на столбы пыли от табуна, да и сдали оружие. А удалец велит товарищу: «Скачи, отведи войско обратно». Так и принудил к сдаче весь полк. И это не чингисова сказка, а недавняя быль.

И слухи опережают даже моторы. За двести верст верхом едут чай попить.

Опять передают: «Толкуют, что вы пропали». Неужели во второй раз похоронят? Откуда это неиссякаемое стремление клеветы и всяких ложных выдумок? Говорят, что много ходит поддельных картин под меня. Рассказывают

целые забавные истории и даже называют несколько имен, таким порядком на мне заработавших. Говорят, В. и Р.— один в Ленинграде, а другой в Москве поработали *. Несколько подделок мне приходилось видеть еще до войны. Помню одну очень большую картину, неглупо составленную из фрагментов разных моих вещей. Бедный собиратель, позвавший меня одобрить его покупку, был огорчен безмерно.

Друзья, вам могут приносить в музей такие подделки, смотрите, будьте осторожнее. Так часто приходилось видеть и картины и целые альбомы, фальшиво приписанные. Помню одну картину Рущица, подписанную моим именем. Неисповедимы пути художественных произведений.
Рассказывают о гибели многих моих картин. Пропал «Зов змия» из Академии, пропали «Поход», «Ункрада», «Построение стен», «Святогор» и другие. Конечно, их считают пропавшими, но кто знает? Пути вещей так неожиданны. Собирая старинных мастеров, мы наталкивались на такую изысканную игру жизни.

Приходит заезжая художница. Приходит геологическая экспедиция. Говор о художниках. Крепко стоят Юон, Машков, Кончаловский, Лентулов, Сарьян, Кустодиев... * Пошатнулся Бенуа. Ушел в Литву Добужинский *. Не упоминают Сомова, не знают, что Бакст умер *. Нарастают молодые. Смело действуют Щусев и Щуко *. И ходит художница, зарисовывает старые уголки: ворота, наличники окон, разные балки и коньки крыш. Точно последний списочек вещей перед дальним путем. И уйдут с крыши разные коньки. И пусть уйдут, так же как и узоры набойки. Но чем заменятся они? «Венский» стул и линючий ситец не вводят культуру. Вот молодым-то и задача. Дайте облик будущей жизни. Из фабричных гудков и из колокольного звона ладили симфонию. Если даже и не удалось, то сама затея была звонка. Вот и для обстановки дома нужна находчивая рука и затея без предрассудков. Вон мастерские палеховские и холуйские иконники важно обновили свою работу. Как красивы их вещи в кустарном музее! Привет Вольтеру *...

Смотрите и удивляйтесь: и книги, и картины, и песни, и танцы, и строения — все это анонимно пускается по волнам мира. Книги по традиции приписываются определенному автору, но ведь он-то сам на рукописи свое имя не ставил. Картины не подписаны; имя зодчего Поталы не запечатлено. На фарфоре, на керамике и на металлических

изделиях видите иногда марку производства, но не имя. И в этой основной анонимности Восток далеко оставил за собою Запад. У Востока нужно учиться, но для этого нужно усвоить психологию Востока. Восток не любит фальшивых пришельцев; Восток легко различает маскарадную подделку. И Восток никогда не забудет свое решение. Испытание Востока решается в первый же момент. Все выплаты поправок лишь увеличат шутовство поддельного наряда...

Луначарский говорит: «...Здесь уместно припомнить, как непрестанно и как подчеркнуто возвращался Владимир Ильич к идее о необходимости усвоить старую культуру

вплоть до старого искусства, о чем совершенно определенно гласит составленный им соответственный параграф нашей программы» *.

В великом Ленине поразительно отсутствует отрицание. Он вмещал и целесообразно вкладывал каждый материал в мировую постройку. Именно это вмещение открывало ему путь во все части света. И народы складывают ленинскую легенду не только по прописи его постулатов, но и по качеству его устремлений. За нами лежат двадцать четыре страны, и мы сами в действительности видели, как народы поняли притягательную мощь Ленина. Друзья, самый плохой советчик — отрицание. За каждым отрицанием скрыто невежество. И в невежестве — вся гидра контрэволюции.

Знайте, знайте без страха и во всем объеме.

Когда же наконец люди выйдут из туманных потемок «мистики» для изучения солнечной действительности? Когда же извилины пещеры сменятся сиянием простора? Ленин понимал это.

Маральи рога и струя кабарги до сих пор являются ценным товаром. Нужно исследовать целебные свойства толченого рога марала. Весенняя кровь, налившая эти мохнатые рога, конечно, напитана сильными отложениями. В чем разница мускуса тибетского барана и мускуса алтайской кабарги? Кабарга питается хвоей кедра и лиственницы. Алтайцы жуют хвойную смолу. Все подробности мускуса должны быть исследованы.

Стоим в бывшей староверской моленной. По стенам еще видны четыре угольника бывших икон. В светлице рядом написана на стене красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда?

Белый Бурхан, есть ли он Будда или иной символ? В области Ак-кема следы радиоактивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта. Вспоминаем заключение Чома де Кёреш.

На вершинах белков наблюдается необычно теплая температура в зимнее время. По заметкам Сапожникова *, ледник на Белухе за пятнадцать лет отступил на сто восемьдесят метров.

Около двух часов ночи на 2 августа на восток от села Алтайского падал сильно светящийся огромный метеорит. К югу от Верхнего Уймона в прошлом году на вершине белка выбросило как бы взрывом камни и песок. Образовалась воронка.

Начата картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Сама чистота, как на Фалюте. И несет он с горы сосуд свой.

«Кует кузнец судьбу человеческую на Сиверных горах». Гроб Святогора на Сиверных горах. Сиверные горы — Сумыр, Субур, Сумбыр, Сибирь — Сумеру. Все тот же центр от четырех океанов. В Алтае, на правом берегу Катуни, есть гора, значение ее приравнивается мировой горе Сумеру. «Саин галабын судур» * — «Сказание о добром веке».

Все деревья были заговорены, чтобы не вредили Бальдру *. Одна омела была забыта; именно стрела из омелы поразила Бальдра. Все животные дали благословение на построение храма в Лхасе, но один сивый бык был забыт, он-то и восстал после в виде нечестивого царя, против истинного учения. Ничто сущее не должно быть обойдено при строительстве. «Даже мышь перегрызет узы».

Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Ярки цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоялось суровой мощи и красоты?

Семнадцатого августа смотрели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород.

А за Белухой кажется милый сердцу хребет Куньлуня, а за ним — «Гора божественной владычицы», и «Пять сокровищниц снегов», и сама «Владычица белых снегов», и все писанное и не писанное, все сказанное и не сказанное.

«Между Иртышом и Аргунью. Через Кокуши. Через Богогорше. По самому Ергору едет всадник...»

Глава
11
Монголия

(1926—1927)

248 Выстрел. Пуля пробила окно. Хорошо, что Юрий как раз в эту минуту отошел от окна. Кто стрелял? Намеренно? Или озорство?

Предупреждают: «А вам не уехать». Отвечаю: «Уедем, как всегда, не отложим и на один день». Приезжают наши американцы, с ними Борис *. Присоединяется доктор. После долгой переписки нашелся П. К. [Портнягин], Людмила и Рая* поедут с нами. Первая тринадцатилетняя путешественница в Тибет.

Приходит тибетский донир (консул), приносит тибетский паспорт и письмо к далай-ламе. Донир выдает подобные паспорта паломникам. Наше знание буддизма дает нам право пользоваться тем же вниманием. Посмотрим, где донир искренен и в чем его ложь.

Приходят четыре бурятских ламы, просят взять их с собою. Шьют знамя миссии — изображение Майтрейи с акдордже наверху. Все служащие надели маленькие знаки акдордже на шапки и такими ополченцами ходят по Улан-Батору. Юрий учит их ружейным приемам. Прикупили еще восемь карабинов-маузеров. Забавляет всех стоящий в столовой «Льюис» — механическое ружье. Пусть знают, что у нас оружия достаточно.
Случай во время маневров. Монгольский полк брал штурмом укрепления. А с другой стороны наш конвой выполнял ту же задачу. Можете себе представить остолбенение обеих сторон, когда они неожиданно столкнулись с винтовками наперевес.

«Владыка Шамбалы»*. Совпадение картины с пророчеством ламы. «И показался «Великий Всадник», а головы всех людей были повернуты на Запад. Но рука Всадника повернула все народы к Востоку».

Приходит уполномоченный от Монгольского правительства и просит дать рисунок храма — хранилища, где будет поставлена картина «Владыка Шамбалы» * с другими почитаемыми предметами.

Кончается печатание «Основ буддизма» и «Общее благо». Трудно дать книге облик в маленькой типографии. Прежний лама, а теперь литограф, с любовью переписывает для книги «Будду Побеждающего» с огненным мечом. Опять посланец правительства. Просят разрешение перевести на монгольский «Основы буддизма».

Много смятения и ожидания. Но все-таки не отложим отъезда. Е. И. напряженно стоит у притолоки и говорит: «Жду, как разрешит все тот, кто все разрешает». А тут и телеграмма! Хлопочет Ж.*, он многое знает. Именно с ним можно иногда побеседовать о самых сокровенных преданиях. Это он также рассказал монгольскую версию о поездке Учителя Будды в Монголию. Странно услышать начало повести в Индии, а конец — в Монголии. Так связывается вся молчащая пустыня одною напряженною мыслью.

Не знаем, как встретит нас Тибет. Если прекрасен Ладакх, называемый Малым Тибетом, то Великий Тибет должен быть необыкновенно величественен. Впрочем, часто человечество ошибается названиями: «малое» оказывается «великим». Без предрассудков и суеверий увидим действительность.

Затем всякие трудности. И опять неожиданные друзья. Из них — эсперантист в Улан-Баторе. Желание помочь выехать. И заботливое провожанье. И, как башни, высоко груженные моторы...

На стоянках, среди юрт и стад, по холмам Гоби разносится песнь наших монголов. Поют песнь Шамбалы, недавно сложенную монгольским героем Сухэ Батором: «Мы идем в священную войну Шамбалы. Пусть мы перевоплотимся в священной стране...» Так бодро и звонко посылают монголы в пространство свои чаяния. Так и в новой Монголии знают действительность Шамбалы. Место Дуканга Шамбалы уже огорожено в Улан-Баторе. Знают монголы о приездах «Владыки Шамбалы» в Эрдени-Цзу и в Нарабанчи *. Знают о «Держателях». Знают о великих временах. Знают о чаше Будды, которая после Пешавара хранилась в Карашаре и временно исчезла. Знают

о приходе благословенного Будды на Алтай. Знают о значении Алтая. Знают о Белой горе. Знают о священных знаках над древним субурганом около Хотана. Знают и вести из Китая. Знают вести из Индии. Через все молчаливые пространства Азии несется голос о будущем. Время Майтрейи пришло.

На моторах через мелкие реки по весеннему бездорожью. Десять поломок в день. Если пройти 70 миль, то уже день счастливый, а то и двенадцати миль не сделать. Много керексуров. Курганы — следы великого переселения. Замечательная «каменная баба» — здесь, говорят,
250 жил знаменитый разбойник, а теперь он превратился в хранителя пути. Путники мажут жиром губы изваяния, чтобы испросить милость. Наш Кончок требует у изваяния хорошего пути для нас. На пути черепа и кости. Трупик ребенка, обернутый овчиной. Турпаны, дикие гуси, всякие утки летят к северу. Стада куланов.

Ясно, что на моторах далеко не уехать. Дорога не установлена. Местные проводники сами путаются направлением. А главное — машины совсем плохи. Лишь бы добраться до границы, до монастыря Юм-бейсе *. Там придется взять верблюдов.

Слышим легенды. То, что говорилось о посещении «Владыкою Шамбалы» монастырей Нарабанчи и Эрдени-Цзу, подтверждается в разных местах. Юм-бейсе — неприятное, ветреное место. Сам монастырь неуютен, и ламы неприветливы. Над монастырем, на горе, воздвигнут огромный фаллус...

Бесконечные переговоры о найме каравана. До Шибочана (за Аньси)* предположено идти три недели. Конец апреля для верблюдов уже нехорош. Уже жарко и шерсть падает, а с нею уходит и верблюжья сила. Находится проводник — старый лама-контрабандист. Предлагает вести короткой дорогой через дикие места. Обычно там не ходят, боясь безводья, но лама ходил там не менее двадцати раз и знает, что и там есть и колодцы, и речки, и родники. Но и на обычной дороге весною могут пересохнуть колодцы, и потому лучше идти по краткой тропе. Единственная опасность этого нового направления — шайки знаменитого Джа-ламы. Но сам он уже убит, а его «сотрудники» рассеялись. Хотя этот район все-таки признается опасным, лама-проводник уверяет, что теперь можно пройти

эти места безопасно. И мы предполагаем, что наш проводник не был ли сам доверенным лицом Джа-ламы. Слишком много он знает о нем и очень уверен, что с ним мы пройдем. Знает, как Джа-лама заставлял пленников строить укрепленный город, мимо которого мы пройдем. Решили идти новым путем.

Бесконечная Центральная Гоби. И белая, и розовая, и синяя, и графитно-черная. Вихри устилают пологие скаты потоком камней. Не попадитесь в этот каменный вихрь. Гроза Гоби — высохшие колодцы. Иногда отверстие забито павшими животными. Можно миновать безводье обходным путем на Восток, но там китайские шайки.

Ночь. Костры. Дозорные. В этом ущелье недавно ограблен караван. И вдруг тишина нарушается крепким винтовочным выстрелом. Затоптаны огни. Залегла цепь с карабинами. Кто стрелял по лагерю? Где-то лают собаки... Вызывается доброволец на разведку. Условлено: если запоет, то благополучно. Настороженная тишина, и наконец из темноты веселая песня: «Стрелял китаец — хозяин каравана. Очень испугался, увидев наши костры. Думал, разбойники...»

Нирва, вожак каравана, насвистывает ветер среди зноя полудня. Как продавец ветра в приморье Древней Греции, монгол протяжно, минорно свистит — точно ветер шевелит головки пустынного ковыля. Ветерок начинается. Монгол кивает нам, чтобы обратили внимание. Продавцы ветров. Какой сюжет для оперы или симфонии!

Из белой гальки по лону Гоби выложены фигуры рукой неизвестного странника. Есть священные надписи, но есть и эротические изображения, отвратительные среди величия пустыни.

Опять нужны предосторожности. Опять нужно надеть монгольские кафтаны. Подходим к городу знаменитого разбойника Джа-ламы, или Тушегун-ламы. На ночь станем где-то близко. В густых сумерках что-то темнеет за холмами. Лает собака... Хотя сам Джа-лама недавно убит монголами, но банды его еще не рассеялись. Огни на ночь не разводим. Удваиваем дозоры. На утро изумленные восклицания: «Вот и город над нами!» На холме высятся башни и стены — подлинный город. Внушительный и живописный. Юрий и П. К. [Портнягин] с карабинами на

руке идут исследовать, а монголы провожают их советами осторожности. Следим в бинокли. Но вот наши показались на стене — значит, разбойники покинули замок.

Не простой разбойник-грабитель был Джа-лама. Он получил университетское образование в Петрограде. Обладал большими оккультными сведениями. Разве ночной грабитель будет ставить на высоком месте издали зримый город? Какие думы и мечтания тревожили седую голову Джа-ламы, которую долго возили на копье по базарам Монголии?.. По Центральной Гоби будет долго жить легенда о Джа-ламе, заманчивый сценарий для синема *.

252

К каравану подъезжают какие-то странные верховые и спрашивают монголов о количестве нашего оружия. Монголы что-то шепчут им и размахивают руками, показывая что-то большое, а потом сообщают нам: «Люди Джаламы. Они нас не тронут».

Подходим к Аньси. Неясные слухи о каких-то китайских войсках. Встретиться с ними хуже, чем с людьми Джаламы. Обойдем Аньси ночью. Но Нирва теряет дорогу. Рассвет застает нас перед стенами Аньси. Поворачиваем верблюдов и спешим перейти широкий, быстрый арык. К вечеру уже выйдем за пределы Ганьсу и вступим в область Кукунора. На горах развалины крепостей — памятники бывших восстаний дунган.

Быстрые речки. Впереди снежная цепь Наньшаня.

Кончилась Центральная Гоби. Кончилась безлюдная Внутренняя Монголия с источенными временем золотоносными хребтами; величественное дно ушедших стремнин, где притаились всякие останки древних гигантов *. Первое июня. Уже десять дней стоим на серебристых берегах Шибочена. Горит при восходе Наньшань. Журчит горный поток. Белеют стада коз и баранов. Мелькают всадники — какие-то вести? Ползут слухи. Когда же пойдем дальше? Пугают, что не раньше сентября. Причин много. Еще и трава должна вырасти. И верблюды должны утучнеть и обрасти шерстью. И цайдамские опасные топи должны обсохнуть. И голубая река Янцзы должна улечься на осень. Ждем вести из Сучжоу и Чанмара, а пока хитрый Ма-Чен, ученик китайцев, обсчитывает нас. Старый хитрец называет меня «американским королем» и много раз в день скачет от своей ставки до нашего стана.

После удачных лечений монголы просят нас вызвать дождь ввиду неслыханной засухи. Предлагают по пяти долларов от каждой юрты.

Несмотря на все «козни» Ма-Чена, перебрались на Шара-гол, под хребет имени Гумбольдта [Улан-Дабан]. Вовремя перешли мутный, зыбучий Шара-гол со всеми его бесчисленными рукавами. Кончок едва не утопил своего серого китайского коня. Стоим у горного ключа на взгорье перед Улан-Дабаном (16 000 футов) по дороге на Тибет.

Тибетцы толкуют, что во время бегства далай-ламы в 1904* году при проходе через Чантанг и люди, и кони почувствовали «сильное трясение». Далай-лама пояснил, что они находятся в заповедной черте Шамбалы. Много ли знает далай-лама о Шамбале? Таши-лама знает больше.

Пятое июля. Справили праздник Майтрейи. В палатке Шамбалы происходит долгое служение. Проходит толпа соседних монгол, и их голоса сливаются с пением наших лам.

Монгольские «дворяне» драпируются широкими складками средневековых кафтанов. Надели серые войлочные шапочки, с картин Гоццоли, и навесили на шею священные киоты и ладанки. Вихрь и песочный буран. В два часа дня пришлось наглухо зашиться в палатках и зажечь свечи.

Делаю проект субургана на месте Шамбалы, где останавливался на ночлег Великий Держатель. Одиннадцатого июля Нирва из Кумбума повез пророчества и молитву таши-ламы Шамбале.

П. К. [Портнягин] уже третий день скачет в Ма-хой за верблюдами.

Составляются три новые книги. Забелели снегом вершины, свеж воздух, и тишина напоминает наши гималайские высоты, куда стремится дух наш...

Четырнадцатого июля годовой праздник монголов. Сооружают новое обо, скачки, пированье! Молодежь нашего стана отпросилась на праздник.

С утра беседовали о необходимости паназиатского языка, который хотя примитивно примирил бы триста наречий Азии*. Вечером наши ламы читали молитвы Майтрейе и Шамбале. Если бы на Западе понимали, что значит в Азии слово Шамбала или Гесер-хан!

Начался дождь и ветер. Половина июля похожа на осень. Ночью в горах шумит ливень.

Среди дождей и грозы долетают самые неожиданные вести. Такое насыщение пространства поражает. Даже имеются вести о проезде здесь Учителя [махатмы] сорок лет тому назад. Опять настоящий буран и ливень. Холодно.

Двадцатого июля получены указания чрезвычайного значения. Трудновыполнимые, но приближающиеся следствия. Никто в караване еще не подозревает о ближайшей программе.

254

На следующий день опять важные вести, и опять спутники не знают о них. Сверяйте эти числа с вашими событиями. Принесли золото от Улан-Дабана. Опять вихрь. Рая вообще не слыхала о Христе, ей уже тринадцать лет. Так быстро уходят из жизни даже краеугольные понятия.
Азара первоначально значило «халдейский жрец».

24 июля. Не только наш день, но и день окончания нашего субургана. Монголы помогают сооружению, привозят сокровище — норбуримпоче — камешки и зерна для вложения в чашу субургана. Туда же заложено и Акдордже, и Майтрейя, и Сингха.
Лал — на хинди означает «красный».

Конец июля. «Иду радостно в бой». Lapis exilis — «блуждающий камень». Вчера буряты пророчествовали что-то сумрачное. Именно: «Посылают лучшие токи для счастливого решения дел». Предполагаем выступить через Цайдам к Тибету девятнадцатого августа. Отважимся пересечь Цайдам по новому пути.

К вечеру двадцать восьмого прискакал Ч. * с мечом и с кольцом. Не успели выслушать его, как по ущелью вместо мирного ручья хлынул губительный поток [селя]. Вот следствие странного ночного шума в горах. Снесло кухню, столовую палатку, шатер Юрия. Мы ходим по пояс в воде. Погибло множество незаменимых вещей. Погибло много монгольских юрт. Ч. рассказал, что за день до его отъезда от непонятной причины у Я. * сгорели тханки, присланные нами...

Кончаем субурган. Старший лама Цайдама приедет освятить его. Князь Курлык-бейсе прислал посланцев,

предлагает свой караван. Знаменательно, ибо этот князь обычно вредил проезжим.

Пятого августа. Нечто очень замечательное. В десять с половиной утра над станом при чисто синем небе пролетел ярко-белый, сверкающий на солнце шаровидный аппарат*. Семеро из лагеря наблюдали это необычайное явление. Направление с северо-востока на юг. Замечательно.

Седьмого августа освящен субурган. Приехал Цайдамский геген. Наехало до тридцати гостей-монголов. Служение у субургана. Обещали нам хранить субурган Шамбалы. Лишь бы дунгане не разрушили. Бунт среди бурят. Они пошли к китайцам с ложным на нас доносом. Вместо бунтоватых бурят взяли трех торгоутов. Хорошие стрелки.

После бурятского доноса приехали китайские солдаты с чиновником сининского амбаня*. Осмотрели паспорта. Конечно, опять вымогательство. Заплатили китайцам. Монголы возмущены этим вымогательством.

Неожиданные гости прилетают из пустыни. Под вечер прискакал таинственный незнакомец в золотосшитом монгольском наряде. Кто он? Спешно прошел в шатер. Не называя себя, сказал, что он друг наш и должен предупредить о готовящемся на нас нападении на тибетской границе. Предупредил о необходимости усиленных караулов и разведочных разъездов. Сказал и ускакал. Кто он? Наши ламы говорят: «Или вор, или разбойник, или сборщик на монастырь». Всем не понравился роскошный наряд незнакомца. Но он был друг. Он хотел помочь. Опять сюжет для оперы.

Девятнадцатого августа мы выступили через Цайдам на Тибет. Памятна ночь в Цайдаме, когда пересекали соляные топи. Остановиться нельзя. Нужно идти сто двадцать миль без отдыха. Во тьме ночи еле заметна тропа. Проходим самой опасной дорогой, не сознавая этого. По сторонам узкой тропы бездонные ямы. Неверный шаг, и вернуться нельзя. Трудно, но зато Цайдам пересечен в новом, кратчайшем направлении. Много неточностей в картах.

Когда мы проходили Цайдам, он оказался совсем не такой, каким он показан на картах; невольно смотрелось

на Запад. Там розовели безбрежные пески. Вспоминалось, что от Цайдама до Куньлуня на картах показано сплошное пустынное пространство. Конечно, все это место не исследовано. Между тем там в складках нагорий может быть много замечательного. Из области Хотана и Черчена могли в этом направлении распространяться древние буддийские монастыри. Могли быть интересные отшельничества и памятники-пещеры. Но даже сами монголы мало говорят об этих местах. Толкуют о пропавших в песках караванах, о занесенных городах, но все это в пределах сказаний.

256 Замечателен жест приветствия у цайдамских монголов. Они поднимают руки так, как будто молятся солнцу. Это так ритмично, красиво, напоминает о прекрасном жесте индийских брахманов, которых я видел в Бенаресе во время утренней молитвы. И в то же время напоминает жест мусульман, совершающих молитву перед древним мазаром.

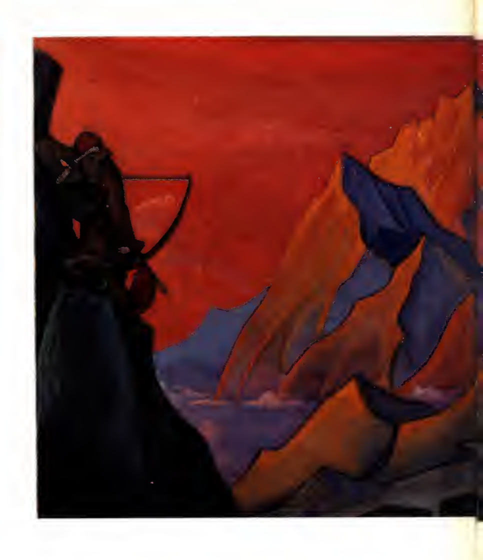
Толкуют о каких-то иностранцах, бывших в Тейджинере и скупавших старинные вещи. Опять говорят, что иностранцы увезли «бурханов» из Дуньхуана. Очевидно, со знаменитыми пещерными храмами что-то произошло. Уж очень упорно и в разных областях об этом рассказывается. Мало ли вещей похищалось для музеев Европы, но об этих «бурханах» от Кашгара, от Урумчи до границ Тибета толкуют.

Полуобглоданные трупы людей и коней у дороги. Следы недавнего боя монголов с голоками. Монголы снимают юрты и спешат под защиту князя Курлык-бейсе. Скоро перевал Нейчжи*, место, о котором предупреждал наш неведомый доброжелатель. Все будто спокойно, но около стоянки найден свежий костер и оброненная длинная трубка. Здесь были люди недавно.

Утром идем, как всегда. Впереди Юрий и П. К. [Портнягин] в разъезде. Затем все верховые — мы и ламы. За нами на некотором расстоянии — торгоуты с мулами. А дальше отстал караван с верблюдами под охраной Голубина, Кончока и Церина. Впереди нас — ущелье между двумя холмами. Елена Ивановна, всегда чуткая, слышит далекий лай собак... Вдруг через ущелье между холмами начинают проскакивать вооруженные всадники, скрываясь за холмом. Санген-лама кричит: «Аранган» (т. е. «раз-

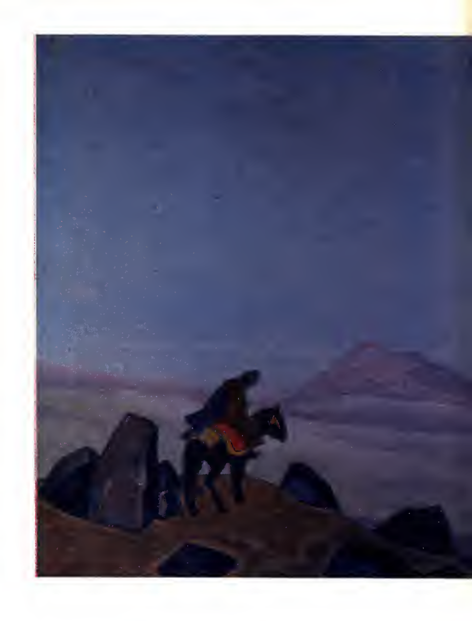
Меч Гесера. 1931 г.

Весть Шамбалы (Письмо). 1946 г.

Монголия. Всадник (из серии «Чингис-хан»). 1931 г.

Наньшань, граница Тибета. 1936 г.

Озеро нагов. 1937 г.

►

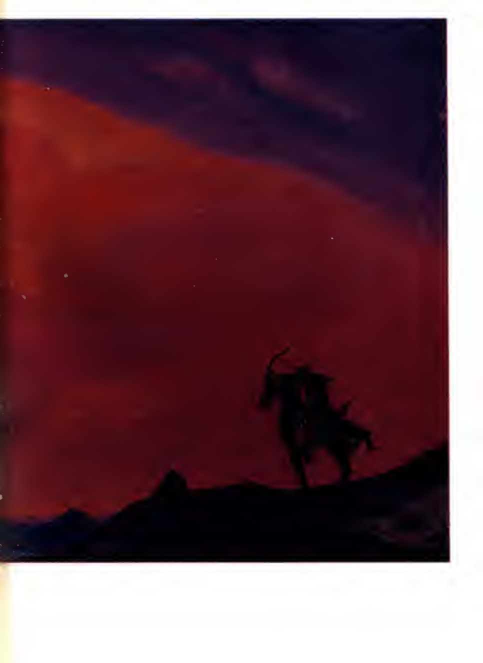
Тибетский стан. Год неизвестен.

►

Гесер-хан. 1941 г.

Алтай, Верхний Уймон. 1926.
Слева направо: З. Лихтман,
Ю. Н. Рерих, Е. И. Рерих,
Н. К. Рерих

◄

Во дворе Советского консульства
в Синьцзяне, Урумчи, 1926 г.
Сидят слева направо: Ю. Н. Рерих,
А. П. Зинькович, генеральный
консул СССР А. Е. Быстров,
Н. К. Рерих, П. А. Плотников,
А. Н. Быстрова, дети
Быстровых; стоят:
З. В. Казакевич,
Е. А. Плотникова
с сыном, Е. И. Рерих

◄

Н. К. Рерих
и А. В. Щусев, Москва. 1926

Во дворе Ученого комитета МНР. Улан-Батор. 1926. Сидят слева направо: Г. О. Боровко, Б. Б. Полынов, Н. К. Рерих, П. К. Козлов; стоят — Ю. Н. Рерих, Е. В. Козлова, Ц. Жамцарано, Б. М. Куплетский, С. А. Глаголев, В. И. Лисовский

►

Лагерь экспедиции в Шараголе, Монголия

►

Тибетцы-кочевники

Перед отправлением с места стоянки

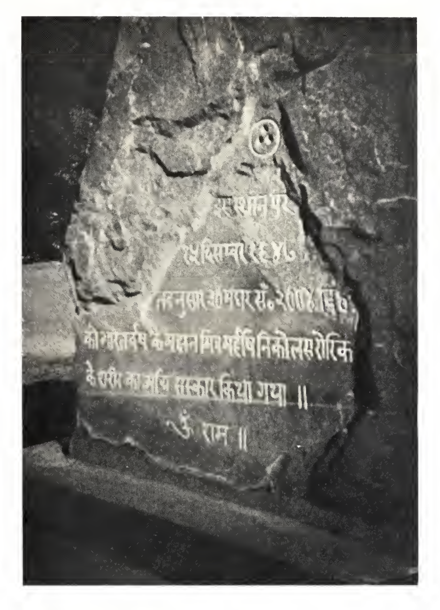
◀

Шекардзонг

◀

Спуск с Туг-ла

«Здесь 15 декабря 1947 года было предано сожжению тело Николая Рериха — большого друга Индии».

бойники»). Даю приказ повернуть назад, чтобы занять вершину холма и соединиться с торгоутами. На вершине вместо атакованных мы оказались атаковывающими и командующими положением. Отряд панагов* остановился, очевидно не ожидав нашего маневра. К ним поскакали полковник, торгоут Очир и бурят Бухаев с грозным предупреждением. Остальные, готовые к бою, наблюдали. Панаги, неожиданно застигнутые, спешились и в знак покорности положили винтовки. Один из них держал длинное копье: знак объявленной войны. Мы хотели купить это копье, но они сказали: «Мы не можем продать, это друг наш».

Главное, всегда действуйте смело.

На другой день готовилось еще нападение, но сильная снежная метель с громом расстроила суеверных тибетцев. И так перешли Нейчжи. Любовались огромными стадами диких яков. Одного из них убили торгоуты. Впереди нас снежный хребет Ангар-Дакчин [Бокалыктаг], т. е. Марко Поло. Смешно давать европейские имена местностям, которые издавна имели свои наименования. К ночи умер от кровотечения монгольский лама. Жаль.

За Ангар-Дакчином — Кокушили, те самые Кокуши, о которых знают староверы на Алтае, искатели Беловодья. Тут уже недалеко заповедные границы. Счастливо минуем реки. Ни весною, ни летом их не перейти верхом. Но сейчас, осенью, вода не выше стремян, и только две лошади завязли. Даже Голубая река [Янцзы] с ее быстрым течением не легла препятствием.

Ждем тибетские посты. Почему их нет? Что-то забелело вдали... Снег? Но нигде кругом снега нет... Шатер? Но это нечто слишком большое. Оказалось, гигантский гейзер глауберовой соли*. Белоснежная, сверкающая на солнце глыба; уже заповедная граница.

Глава

12

Тибет

(1927—1928)

258 **6 октября.** Точно черные пауки на длинных ногах притаились черные палатки тибетцев на длиннейших веревках. Пограничные разъезды отбирают наш паспорт и предлагают стоять два дня, пока они привезут ответ генерала хортичапа, т. е. от главного правителя области Хор*, и главнокомандующего северным фронтом. Какие цветистые названия!

Стоим среди болотистой равнины, поросшей убогой колючей травою. На горизонте озеро и умершие горы. Называют их умершими, ибо это настоящее кладбище. Когда-то великие горы, может быть соперники Эвереста, разложились, распались мелким щебнем. Глубокие долины заполнились*, и получилось нагорье в 15 000 футов, открытое свирепым ветрам. Перед самыми знаменательными местами, перед небесными Гималаями, попадаете в жуткую тундру. Кони скользят и оступаются среди уродливых кочек. Ни птицы, ни зверя.

Юрий клонится в седле и почти падает с коня. Подскочили, сняли. Пульса почти нет. Два сильных приема дигиталиса, растирают руки. Становится легче.

Впереди плохо чувствует себя Елена Ивановна. Из арьергарда сообщают, что лама Малонов упал с коня и лежит без чувств на дороге. Доктор спешит туда. Так неприветливо встречает Тибет.

Пестрое знамя с покривившимся навершием. Музыка — барабаны и волынки. Стрельба салюта. В глубине шатра маленькая фигурка генерала в ярко-желтом халате. На круглой китайской шапке крестообразное акдордже из рубинов. Ласковая речь и опять просьба побыть у него в лагере только два дня. Затем генерал провожает нас в наш стан со знаменем и музыкой и с пестрой толпой свиты.

В полной ненужности проходят впечатления приема у Капшепа. Знамя с покривившимся навершием, бутафорский меч, нечистота под драгоценными камнями, вся старая китайщина, от которой сами китайцы уже отказались. Она и непригодна для жизни и уже потеряла прежнюю декоративность, ибо ушло качество производства. Вся тонкость художества исчезла. Выступила вся неприглядность и убогость. Вероятно, генерал думал, что впечатление от его желтого халата было очень велико. Но даже ближайший его конвой был оборван и украшен пуговицами трех армий, но не тибетской. Там же, где не хватало чужой пуговицы, там с особым успехом красовалась английская булавка. Ружья сомнительной пригодности, но зато множество музыкантов. Барабаны и салютные выстрелы. Генерал со всею разношерстной толпою провожает нас в наш лагерь. Заодно любопытствует посмотреть наши вещи, объявляя, чтобы «руки меньших чинов не касались вещей великих людей».

Генерал Капшепа принял подарок и через два дня скрылся. И вместо обещанного продвижения мы остались на открытой ветрам равнине под присмотром пяти солдат и вечно пьяного майора. Начались тягостные попытки послать письма и телеграммы далай-ламе, британскому резиденту в Сиккиме полковнику Бейли и американскому консулу в Калькутту. Но все тщетно. Уверяют, что телеграф разрушен и Лхаса не нуждается более в этом западном изобретении. Вместо помощи майор мешает покупать пищу в соседних аилах *, препятствует переговорам с проходившим караваном и безбожно обсчитывает на размене китайских долларов. Доктор пророчествует о грядущих смертельных заболеваниях при крепнущих морозах. Н. В. [Кардашевский] предлагает переодетым пробраться в Индию, но без языка и при его росте это кончилось бы печально.

Капшепа будто бы приезжал, чтобы выяснить какие-то волнения среди хорпа. Он будто бы также запрещал охоту на мускусных баранов. Совершенно непонятно, почему можно убивать домашних баранов, яков, но все находящееся в диком состоянии защищено. Впрочем, население держится иного мнения и стреляет куланов.

Умирает Чимпа. Он был нам полезен при столкновении с панагами и при решении монголов бросить нас после Нейчжи. Но как только Чимпа дошел до Тибета, его при-

рода взяла верх, а при переезде к лагерю хорчичабы он отделился от нас, забрал пять верблюдов, нашу палатку и прервал все отношения. Тибетская благодарность!

Даже тибетец не выдерживает здешнего климата. Это уже третий мертвец в караване. Монгольский лама от воспаления легких умер, харчинский лама — от высот. Не чуяли ли мертвеца медведи, когда подбирались к лагерю в ночь его смерти? Но им недолго пришлось ждать; уже утром труп был оставлен им на съедение.

Генерал уехал в Кам, и ласковые два дня превращаются
260 в свирепые пять месяцев стояния в летних палатках при морозах свыше — 60° С*, при ураганных вихрях на высоте 15 000 футов [около 4575 м]. Оставлен с нами всегда пьяный майор и дикие оборванцы солдаты. Запрещено говорить с проходящими караванами; запрещено покупать пищу от населения. Медленно погибает караван. Каждый день у палаток новые трупы, и стаи диких псов шумно делят свою новую трапезу. Из 104 караванных животных погибает девяносто. Умерло пять человек: три монгольских ламы и два тибетца. Малонов отек от сердечных припадков и наконец тоже умер. Жена приставленного к нам майора заболевает воспалением легких и умирает. Грифы и орлы спорят со стаями собак о добыче.

Письмо мое к далай-ламе найдено на дороге в изорванном виде, а гонец будто бы исчез. Говорят о пропавших гонцах генерала. Перехвачены письма к полковнику Бейли, британскому резиденту в Сиккиме и к генеральному консулу Соединенных Штатов в Калькутте. Нельзя идти назад, запрещается двинуться вперед. Возмутительно! Несмотря на знание Юрием тибетского языка, мы можем лишь изучать тибетскую жизнь во всем ее неприкрашенном виде, но помочь своему положению не можем. Тибетцы лгут ежедневно*. Рассказывают, что телеграф между Лхасой и Индией уничтожен, ибо теперь Тибет не нуждается в сношении с «пелингами», что лхасское правительство не принимает во внимание свидетельство доктора о болезнях. Что наш паспорт потерян по дороге, но тут же свидетели опровергают эту выдумку.

Весь народ, эти черные хоры, толкутся, как нибелунги. Спят сидя, едят сырое мясо, прикрыты полуистлевшими, черными от копоти костров меховыми кафтанами. Шепчут: «Завалили край неслыханные снега. Падут наши яки и бараны. Не будет цампы (ячменя), умрут наши дети, и мы

умрем. А все оттого, что правительство поступает с великими приезжими людьми бесчеловечно».

Гадают ламы, и все у них выходит, что вестник с добрым ответом уже едет, уже завтра прискачет. Но дни тянутся. Крепнут морозы и вихри. На белой равнине нет никого. Падают кони и верблюды. За ночь подходят дрожащие животные к самым палаткам, дергают веревки, точно стучатся, а на рассвете находим их мертвыми. И закутанные в овчину люди тащат павших за несколько шагов от лагеря. Иначе стаи диких собак и грифы-могильщики не дают покоя. Одна стая собак, около пятнадцати, уже пробовала нападать на людей. Весь день оружие остается при нас. Хочет майор купить наше оружие, чтобы лишить средств всякой защиты. Берегите оружие.

Морозы, вихри, запрещение покупать пищу и сноситься с проходящими караванами. Приходы лживого и пьяного майора. Восстание и отделение наших лам-бурят, думавших ложью и клеветой улучшить свое положение.

И так каждый день среди мерзлой равнины с вялыми линиями разложившихся гор. Затем — переезд из Чунаргена в Шаруген*. Два часа пути — и опять тот же плен. Просили пустить нас в ставку Капшепа в Каме, ответили: «Нельзя». Просили пропустить нас восточным Тибетом — «нельзя». Просили вообще отпустить нас назад — «нельзя». Все нельзя. А в то же время генерал Капшепа пишет нам нелепое письмо о каплях милосердия, падающих с пресветлых пальцев далай-ламы!

Проходят недели. И вдруг сами правители Нагчу едут*. Неслыханное дело, чтобы сами правители выезжали. Пришли в черных очках, в мохнатых малахаях; шумели, чтобы навести страх. Удивлялись, что мы придаем значение тибетскому паспорту, и вообще вели себя глупо и нагло. Один из них — бывший лама, как говорят, задушивший сининского амбаня. Другой — старый маньчжурист-чиновник*, проевший зубы на кляузах. Пережили все их благоглупости. Теперь нас перевезут в Нагчу, но ведь это тот же плен. А затем будто бы «упадут капли милосердия» и нам разрешат пройти на Сикким. Конечно, будет избран самый нелепый путь. Конечно, при всяком удобном случае еще задержат, еще потребуют подарки, но все-таки когда-то двинемся. Кто из нас надеется, что наш плен ограничится ста днями, но не будет ли правильнее предположить сто пятьдесят дней, да прикиньте еще все задержки по пути. Значит, на задержание положите полго-

да. Конечно, за это время тибетцы дают нам необычайный случай знакомиться с их жизнью, обычаями и этикой. Без сношений с губернаторами, генералом, дзонгпенами*, офицерами, старшинами и ламами мы не могли бы составить убеждение в действительности Тибета.

Всюду знаки креста. И старые монгольские монеты несторианских ханов с крестом. И над древним буддийским монастырем под Пекином — крест. И на чепраке седла — крест. И налобник уздечки снабжен крестом. И на камнях Ладакха и Синьцзяна — кресты. Несториане и манихеи широко прошли по Азии. На фресках монастырей —

кресты*. На узоре кафтана, на четках, на шее, на ладанках — тот же крест. Не свастика со струями огня, но равноконечный вечный символ жизни. На китайских шапках тибетских генералов горит рубиновое крестообразное дордже. Конь счастья несет знак его. Старые бронзовые фибулы, может быть из могил,— крест в круге.

Всюду же и знаки чинтамани. И колонки домов и стены глинобиток отмечены этим трижды мощным изображением. Налобники мулов, чеканные серебряные сосуды, военное знамя, лист деревянной гравюры, молитвенный флаг укреплены символом мощи...

Монастыри бон — черной веры, враждебной Будде,— вызывают любопытство. В черной вере, как и в «черной мессе» (дьяволиады), в точности повторяются ритуалы буддийской веры, но наоборот, и все враждебно буддистам. Если буддисты обходят храм слева направо, то бон-по делают это в обратном направлении. Если свастика буддистов повернута по солнцу, то у бон она повернута в обратном направлении. У них свои собственные святые и свои священные книги. Они изобрели своего особого покровителя вместо Будды, и если вы познакомитесь с биографией этого легендарного покровителя, то, к изумлению, обнаружите те же детали и происшествия, что и в жизни Будды: он так же происходил из царского рода. Бон не разрешают буддистам входить в их храмы и не признают ни далай-ламу, ни таши-ламу. Для них далай-лама — только светский правитель, собирающий налоги.

Они очень приветливы с иностранцами, потому что верят, что иностранцы не имеют ничего общего с буддизмом. Вначале они сердечно нас приветствовали и предлагали читать их книги и посещать храмы, где мы увидали множество перевернутых буддийских символов. Но когда

они поняли, что мы интересуемся буддизмом, то их поведение изменилось.

Вы понимаете наше удивление, когда мы обнаружили подобное явление в буддийской стране. Как нам говорили, их много, и много богатых и очень самоуверенных. Это не тайная секта, и тибетцы рассказывают, что число их возрастает. Эти люди не только изобрели себе Будду, но и имеют мистических богов свастики. Это напоминает доисторические времена, примитивные религии огнепоклонников-друидов, боги которых здесь превратились в непостижимо странных богов свастики. Вместо священного слога «ОУМ»* они употребляют слог «А». В древних оккультных учениях такое же выражение «А» употреблялось для обозначения materia matrix [материнской изначальной материи]. Интересно бы исследовать происхождение бон, что-нибудь нашлось бы общего с друидами и огнепоклонниками*.

Вспоминаем, сколько раз тибетцы повторяли нам, что на Западе нет буддизма и что там вообще буддизма не знают. Сколько раз тибетцы презрительно говорили о японцах, китайцах, монголах, сиккимцах и о хинаяне Бирмы и Цейлона. Неслыханное самомнение отделило Тибет от всего мира. Лучшие люди бегут из Тибета и не желают возвращаться под произвол дикого правительства. Невежество закрыло глаза Тибету. Страна лишилась своего духовного вождя — ушел из Тибета таши-лама. Тибетцы не хотят познавать и учиться. Ученые ламы переходят границу Индии. Бегут переодетыми; кто одевается торговцем, кто надевает парик и гримирует лицо. Среди ужасающей грязи, зловония и падали в Нагчу тибетский чиновник удивленно говорил нам: «Если Нагчу вам кажется грязным, то что сказали бы вы о Лхасе, где даже питьевая вода иногда насыщена отбросами». По пути узнаем, что Ринпоче из Чумби не в Китае, а в монастыре Хум. И этот умный лама понял, что сейчас невозможно оставаться в Тибете.

Ни одному сообщению нельзя верить. Все мертво кругом. За пять месяцев по главной дороге на Китай и Монголию прошло три каравана. Тибетцы-кочевники шепчут о трудных временах для Лхасы. Конечно, в подобном состоянии страна существовать не может. Наконец губернаторы Нагчу удовлетворились подарками и после сообщения, что деньги у нас кончились, начали отправлять нас кружным путем через Чантанг на Намрудзонг, Шенцзадзонг*,

через не показанные на картах перевалы в 20 600 футов высоты, на Сакадзонг, через Брахмапутру, на Тенгри-дзонг, на Шекардзонг, на Кампадзонг и через Сепола на Сикким *. Очевидно, решили показать нам все области Тибета, чтобы у нас не оставалось сомнения в этой стране. Хотя не легкий путь, но от Улан-Батора до Сиккима никто не проходил.

Непонятно, для чего дзонгпены (власти) тибетских дзонгов (крепостей) стараются показать себя с самой отвратительной стороны. «Смотрите, мол, какие мы грязные, вонючие, невежественные и лживые». Народ рассказывает
 о лхасском девашунге (правительстве) мрачные истории. Недовольства и восстания. Требуют всюду приложения нашей печати, ибо не верят приказам своих властей.

Хороши одни лишь развалины старого Тибета. Эти древние башни и стены складывали какие-то иные люди. Строители их знали и о Гесер-хане и о владыке Шамбалы. Здесь были и ашрамы великих махатм. Но ведь теперь ничего этого нет...

Около Тенгри-дзонга видели Эверест во всей его сверкающей красоте.

Вспоминаю камни «чудских» могил на Алтае; там прошли готы, пронизавшие своим влиянием всю Европу. Вот и в Трансгималаях мы встречаем такие же древние могилы. Находим места древних святилищ, которые переносят мысль к солнечному культу друидов. Мечи северян, жителей Трансгималаев, могут быть вынуты из готской могилы южнорусских степей. Наплечные фибулы готских погребений, разве не напоминают они пряжки тибетских племен? И почему Лхаса когда-то называлась Гота? И откуда название племени готл? Откуда, куда и как двигались гонимые ледниками и суровыми моренами прародители готов? Нет ли в застывшем обиходе северян-тибетцев древних черт их ушедших собратий? Удивительно: один хор-па напоминает Мольера, другой годился бы для типа д'Артаньяна, третий похож на итальянского корсара, четвертый с длинными прядями волос близок портрету Хальса или Паламедеса *; а тот, черный и мрачный с орлиным носом, разве он не палач Филиппа II? * Не будем бояться сопоставлять то, что ярко бросается в глаза.

«Ки-хохо!» — несется клич из стана голоков. «Хой-хе» — отвечает наш стан. Так всю ночь предупреждают врагов о недреманной бдительности стана. Но конечно, голоки

уже осведомились о нашем оружии, учли всю боеспособность. Учет сделан в нашу пользу, и сегодня мы увидим дружественный лик опасных кочевников.

Свиреп предрассветный мороз. Конечно, более 70° Цельсия *. Утром у доктора замерз коньяк. Сколько же градусов было, чтобы крепкое вино замерзло? Доктор по-прежнему пессимистичен и ждет опасностей. Здоровье Н. В. и П. К. плохо. Очеру предсказана смерть. Хорошо держатся Людмила и Рая, или, как тибетцы зовут их, Мила и Рея.

Какие скучные холмы между Чунаргеном и Нагчу. Давно разложились горы, и сейчас догнивают кучи щебня и гальки. Ни куста, ни дерева. Только высокие, неприятные коням кочки с усатой колючей травою. Говорят нам, что, придя к Центральному Тибету, мы будем поражены переменой природы, но другие усмехаются, говоря, что до самых Гималаев будем следовать кладбищем разложенных гор. Бедные хор-па! Зубы выпадают от цинги. Мускулы дряблы. Сил меньше, чем у тринадцатилетней Раи. Конечно, тощее сырое мясо и горсть грязной цампы * не дадут здоровья. И как безмерна подозрительность друг к другу. Не верят никому, боятся, готовы ждать постоянную напасть. Монголы, несмотря на дунганских каверзных чиновников, сравнительно с тибетцами — свободные люди.

Черная вера бон так гармонична с черными палатками. На длинных веревках, как хищные пауки, бесформенно чернеют палатки. Около них черные пятна — или отбросы, или падаль. Сухость воздуха уменьшает зловоние тления. Пронзительный ветер уносит высохшие кости. Вспоминаем широковещательные полномочия ургинского донира. Как поразительно отличен Тибет на расстоянии. Толкуют и шепчут о восстаниях...

На каждой остановке то же самое. Если остановка у обычного аила, то и хлопот не будет с животными. Если в местечке живет старшина, то уже обеспечены неприятные разговоры. Но если вы попадаете в дзонг или монастырь, то будьте готовы к задержанию. Ничто не приготовлено, несмотря на несколько даиков — писем, посланных вперед заблаговременно. Окажется, что даики вообще не дошли, что будто бы ошибкой их послали в другом направлении. Окажется, что аилы, где имеются животные, очень далеко, и потребуется несколько дней, пока соберут яков и коней. Наконец, окажется, что по обыкновению

крестьяне просто не слушают дзонгпена и не желают исполнять его приказ. Слишком он грабил их, слишком многое за ним известно, и крестьяне взяли его в руки. Опять дзонгпен предложит вам самим вести переговоры с крестьянами и написать в аилы наше письмо за нашей печатью; и печать должна быть красной, иначе же нам придется простоять около дзонга немало дней. Или так бывает, что один старшина предлагает нам арестовать другого непокорного. Сам ведет нас в его ставку и предлагает связать и отправить в Лхасу. Было и так, и наши торгоуты накрепко скрутили за спиною руки старшины и тогда его сородичи пришли с высунутыми языками и согласились исполнить

указ далай-ламы. Или губернатор предлагал нам арестовать местного майора и самим везти его связанным в Лхасу. При таком обороте дела майор понизил тон и сделался сговорчивым.

Когда люди лгут для своей выгоды, еще можно, с огорчением, понять их низкие намерения, но когда они лгут против самих себя, тогда все становится окончательно мрачно непонятным. Что только не рассказывается тибетцами друг про друга, про правительство, про самого далай-ламу. Даже сочетали его с какой-то монахиней. Приписали ему убийство и отравление лам и сановников. Прямо делают из правителя какого-то изверга.

Перед Сака-дзонгом два неожиданных перевала, один показан на картах, но другой, еще больший, более 20 000 футов, не указан. Впрочем, эта дорога на картах показана лишь пунктиром. Никто, видимо, по ней не ходил. Есть другая, обычная южная дорога, но тибетское правительство посылает именно северной неисследованной тропою: пусть, мол, лучше узнают нашу страну.

По пути старшины отказываются давать животных и опять просят вместо паспорта правительства всюду посылать письмо за нашей печатью. Народ не послушает приказа из Лхасы. Но наша сургучная гербовая печать производит лучшее впечатление.

С гребня перевала показалась мощная белая цепь снежных великанов. Ведь это уже Непал, долгожданные Гималаи по ту сторону Брахмапутры...

В стане некоторое волнение. Подходим к Брахмапутре. Та самая, которая берет исток из священного Манассаровара* — озера великих нагов. Где родилась мудрая Ригведа*, где близок священный Кайлас*, куда ходят пилигримы, предчувствуя, на каком великом пути лежат

эти места. Уже попадаются вереницы пилигримов. С копьями, мрачные и всклокоченные.

Нет, эти ничего не знают. Просто ползают в безделии по лицу земли. Не грабят ли при случае?

Среди скал и песков, в лиловых и пурпурных тонах залегла Брахмапутра. В мае она еще не полна, но разливы берегов показывают, насколько увеличивается река за июнь, когда к таянию снегов прибавятся еще и дожди. К Брахмапутре еще большее уважение, чем к Голубой реке. Голубая Янцзы — длиннейшая [в мире]*, но Брахмапутра (сын Брахмы) овеяна богатым узором преданий. Она связует священное русло Ганга с Гималаями, а Манасаровар близок к Сатледжу, к началу великого Инда. Там же зародилась и Ариаварта *.

Рассказывает монгольский лама: «Жил очень ученый и замечательный геше. Но он ходил всегда в самом скромном одеянии. Вот пошел геше навестить своего учителя, бывшего настоятелем большого лабрана. Увидели напыщенные приближенные настоятеля скромного посетителя и прогнали его. И еще раз пришел геше и еще раз выгнали его. Тогда пошел геше к торговцу на базар и просил его одолжить ему богатое платье, и положил геше за пояс несколько камней, видом похожих на слитки китайского серебра, и в этом виде был немедленно допущен к своему учителю. Вошел геше, снял свое богатое платье, вынул из-за пояса камни и сложил все это в угол. Потом поклонился камням и платью, и только потом отдал поклон своему учителю.

Тот спросил геше: «Разве не я ваш учитель? Почему же раньше меня вы кланяетесь камням и одежде?»

«Правда,— отвечает геше.— Вы мой учитель, но без этих вещей я не мог дойти до вас, а потому я поклонился тому, что довело меня до моего почтенного учителя».

Очевидно, монгольский лама знал обычай Лхасы. Умные ламы, вспоминая о предсказании Танджелинга, шепчут: «Если далай-лама есть постоянное воплощение Авалокитешвары, то как объяснить, что один далай-лама высок разумом и ведет праведную жизнь, а следующий за ним и слабоумен, и даже преступен, и даже, говорят, обрекал достойных людей на пытки и мучения? В истории таши-лам не заметно таких странных колебаний достоинства». При этом ламы вспоминают, как грубо обращались приближенные далай-ламы с людьми, приходившими к нему во время его бегства в Индию. Один паломник был сброшен с лестницы и едва не умер.

Безбоязненно нужно рассматривать всю правду. Если полагается, что далай-лама обладает ясновидением, то почему его святейшество не знает, о чем ему своевременно надлежало бы знать?

Если его святейшество сохранил силу воли, то почему он не проявляет ее в отношении своих недостойных приближенных? Многие вопросы справедливо волнуют пытливые умы.

Недалеко от Брахмапутры прислонились к скалам Шату-Гомпа пять монастырей. Из них два — красной секты и три — бон, черной веры. Притом монастыри черной веры выглядят гораздо и новее, и чище, нежели красной секты. Из окон большого дуканга* красного монастыря торчит солома, вокруг уныло бродят несколько лам безнадежно запущенного вида. Черноверцы, узнав, что мы сочувствуем буддизму, просят к их монастырям даже не приближаться.

С удивлением рассматриваем шо — единственно ходячую медную монету Тибета. Ни серебра, ни золота ни в дзонгах, ни у народа мы не видели. Хотя на маленьких медяках чеканка плоха, но зато громка надпись: «Правительство победное во всех направлениях». Удивительно, что полу-шо и четверть-шо размерами больше самого шо. Все наоборот.

Вот и переправа через Брахмапутру около монастыря Читу. Небольшая лодка-паром с резным коньком на носу. Особенно трудно грузить верблюдов. Течение довольно быстрое.

Тенгридзонг хотя и называется сильной крепостью, но представляет жалкое игрушечное укрепление, имевшее значение разве до изобретения пороха. Монастыря нет, но есть субурганы красной секты со страшными ликами и полосами, как знак принадлежности к красной секте. Вспоминаем те же страшные лики на тантрических тханках. Чего только на них нет! И магические мечи, и содранные человеческие кожи, и страшные рожи с оскаленными зубами, и обращенные вниз треугольники. Весь набор черной магии.

Около Тенгридзонга показался Эверест во всей его сверкающей красоте.

Встречаем людей, знавших Свена Гедина. Хвалят его и жалеют, что он не говорил по-тибетски. Слышали здесь и о Фильхнере. Сложены уже какие-то легенды, что он на

Голубой реке оставил трех мальчиков — Мышь, Хорька и Суслика. Откуда сие? Конечно, без языка было бы совсем трудно. Такое счастье, что знание Юрия самими тибетцами ставится вторым после сэра Чарльза Белла, которого нам называли «Офицер мира», ибо он вел мирные переговоры.

Старый монастырь Чундю, принадлежащий к королевскому монастырю Саскья. Видимо, над древними стенами прошло многое. Вот зонтик над большим субурганом — знак прежнего королевского отличия. Вот обвалившиеся китайские стены — память порабощения Тибета. Вот длинный ряд старинных субурганов — память о временах спокойного века. Вот нагромождение старых и новых закоулков и построек — вид современного нищего Тибета.

Тоже старинное место — Шекардзонг. Когда тибетцы были смелыми орлами, они не боялись взлетать на отвесные скалы и лепили на кручах свои защищенные святыни. Целая декорация башен, переходов и храмов. Но теперь тибетцы опустились в долину. Начальники уже не живут в замке, а ютятся внизу, обирая народ произвольными жестокими поборами. Только издали привлекательны старые дзонги Тибета. Цены на продукты велики до бессмыслия. Мешок плохого ячменя в 29 фунтов (причем в этом числе до 5 фунтов камней) стоит в дзонгах 11 норсангов, т. е. около 9 рупий. Маленький кусок ячменного сахара — около 4—5 рупий. Лошадь на два дня пути — 8 рупий, а грузовой як — 4 рупии.

Переходы неравномерны. То они кратки, то вдруг идут почти рысью девять часов. Спешим к Кампадзонгу. Последний дзонг перед границей Сиккима. Где же замок? Долго не принимаем массив, далеко видный уже, за дзонг. Правда, строение поставлено высоко, сливаясь со скалою. Дзонгпен приветливее прочих. Кажется, сильно пьет, но все-таки проявляет хоть какую-нибудь деятельность.

Еще выше замка на скалах вознесся монастырь. Теперь там всего восемь лам. Но ведь там двор, отмеченный в письмах. Там была школа, основанная махатмами, теперь школы уже давно нет. Опять лхасское правительство мешало ее жизни. Но старики еще помнят, что здесь была «религиозная школа», и помнят про «высоких азара» из Индии.

Последний перевал — Сепо-ла. Легче всех прочих. Проезжаем бирюзовое озерко — место рождения [реки] Лачен. Скромными ручьями начинается поток, который через два дня пути уже будет шуметь и сделается непроходимым без моста.

Можете себе представить радость всех нас, когда после перевала Сепо-ла, подходя к сиккимскому селению Тангу, мы увидели ароматные кусты балю, кедры, тую, залитые цветами рододендроны и, наконец, настоящую землянику.

В Тангу уже ждал нас дом — дак-бунгало * и даже кем-то забытые журналы 27-го года. Ведь более года мы вооб-
270 ще пробыли без известий из внешнего мира.

Из всех наших верблюдов два перешли Гималаи. Один родом из Балагуна (Северная Монголия), другой — из Цайдама. Они будут первыми, дошедшими до Гангтока*— столицы Сиккима. Оставим их махарадже Сиккима. По всему пути от Нагчу до Гангтока верблюды привлекали толпы любопытных. Ведь этих зверей по всему этому пути вообще не видали. От Лхасы до Калькутты верблюды не водятся.

Сказка водопадов! Целая симфония. Узорчатые струи. Несколько дней идем книзу. Мимо проходят все пояса растительности. Наконец показались пальмы, и около реки прошли два леопарда. Красочно-желтые, с густыми черно-теплыми пятнами. Все перевидано. И черные с белым ошейником медведи Чантанга, и серны, и аргали, и каменные круторогие бараны, и, наконец, нарядные леопарды, которые дружественно приветствовали нас и скрылись.

Скромная финская миссия в Лачене. Приветливая мисс Кронквист, одиноко заброшенная среди скал. Ее рассказы об обвалах, угрожающих по всему Сиккиму. Неужели по южной стороне Гималаев идет тот же мертвящий процесс, который разложил вершины Чантанга? Под шум потока Лачена, который родился и окреп на наших глазах, вспоминаем Иматру, и Финляндию, и симпатичного Реландера, и Акселя Галлен-Каллела *. Такие же синие дали в Финляндии.

Подводим итоги каравана. Американское снаряжение выдержало все испытания. Сундуки «белбер» прошли из

Америки по всей Азии через все переправы и перевалы за четыре года без единого повреждения. Палатки «Аберкромби и Фитч» тоже устояли под всеми вихрями.

Затем осталась легкая часть пути до Гангтока. Гостеприимный дом британского резидента Ф. Бейли. Рассказываем о нашем пути. Полковник знает тибетцев и потому ничему не удивляется. Одно обстоятельство его изумляет: зачем было держать нас всю зиму на высотах? Посланы письма в Америку. Нам дан надежный сардар до Даржилинга. Мы сделаем весь путь от Гангтока в один день. Но придется переменить три мотора, ибо на Тиште только что снесен мост и нужна пересадка. Значит, в один день три мотора и десять миль на лошадях — крутой подъем от Тишты через Пешок.

Нужно собрать и обработать все собранные материалы. Не скоро удастся все это. Юрий, доктор, Н. В. [Кардашевский] и П. К. [Портнягин] тоже готовят записки. Быстро разлетятся спутники — кто в Италию, кто в Китай, кто в Австралию. Всюду вспомнят неповторенную красоту Гималаев.

Наш путь шел от Гималаев и обратно к ним. Величествен Каракорум и ледяное царство Сасира. Прекрасен Куньлунь. Фантастичен Тянь-Шань — Небесные горы. Широк кругозор Алтая. Декоративен Наньшань. Суров Ангар-Дакчин. Но все это только пролог перед невыразимым величием Гималаев...

Наши друзья в Сиккиме рассказывают нам, что еще зимою они слышали, что перед Нагчу стоят сильные отряды русской кавалерии. Такие сведения причиняли много беспокойства. Между тем это была одна из очередных нелепых легенд о нас.

За эти годы мне пришлось побывать и французским и американским королем, и командиром русского корпуса, и королем всех буддистов. Успел два раза умереть. Успел быть одновременно в Америке, в Москве и в Тибете. По словам Бенуа, был закадычным другом далай-ламы, а по своим запискам,— критиком этого правителя.

По словам цайдамских монголов, я вел войну с сининским амбанем, а по словам хотанского даотая, привез маленькую пушку, которая в десять минут уничтожит весь Хотан и его сто тысяч жителей.

Ко всему привыкли, и никакими «достоверными» слухами удивить нас нельзя.

Монголы твердо запомнили об Амери-хан. Так претворилось [в их сознании] слово american в какого-то воите-

ля. Из Лхасы нам передавали целые сказки, и мы с трудом находили в них свои признаки...

В Лхасе на улицах запрещено электричество. Запрещен кинематограф. С прошлого года в Тибете запрещено светским людям стричь волосы, носить европейскую обувь и опять приказано носить длинные халаты. Современные формы и обычаи армии названы красными обычаями и запрещены. Так рассказывается самими тибетцами. Значит, и то немногое, что открывало Тибету путь к обновлению, пресечено и отвергнуто. Значит, опять остается мрак невежества, со всеми суевериями, убийствами, пытками

и отравлениями. Этот мрак оправдывается недопустимыми суевериями.

Так, отравитель человека высокого положения будто бы получает себе все счастье и преимущества отравленного. Существуют какие-то семьи, в которых право отравительства передается как родовое преимущество и в семье хранится состав особого яда. Потому расположенные тибетцы советуют быть очень осторожными с чужой пищей. Можно слышать многие рассказы, как люди были отравляемы чаем или пищей, присланной им на дом как бы в знак особого уважения. Это напоминает старые повести об отравленных предметах и особенно кольцах. Такие кинжалы и кольца с приспособлениями для помещения яда приходилось видеть. Такие вещи бывали и непальской работы. Видимо, и там подобные обычаи издавна процветали. Передают, что до сих пор при погребении махараджи старший брахман должен съесть кусок мяса покойного, и за это съевший попадет в верхние сферы неба. Много рассказывается такого, чему даже трудно поверить. Если привести рассказы о способах лечения, то тоже не верится, что сказанное относится к нашему времени. Но тем не менее с пищей надо быть очень осторожными, тем более что помимо намеренного отравления могут быть случаи [отравления] недоброкачественной [пищей]. Сушеное мясо может быть несвежим. Зерно — перемешано со всякой грязью, хлеб — недопечен. А китайские консервы вследствие долгого пути и плохой упаковки могут быть испорчены. Конечно, одна и та же посуда служит для всевозможных, неожиданных употреблений. Невежество и чистота не уживаются.

Все-таки пройдена прямая дорога от Монголии через Цайдам, Тибет и Гималаи. Сперва тропою Джа-ламы, потом, пересекая в новом направлении Цайдам, через дзонги

Тибета, по горным проходам хранилищ снегов. Помог ли нам в пути паспорт далай-ламы? Помог ли паспорт, данный «в величественном снежном дворце» губернаторами Нагчу? Конечно, сундук серебряных рупий или китайских долларов помог бы больше. Но зато мы видели, как старшины отказывались признавать приказ Лхасы. Начальники дзонгов просили нас прикладывать нашу печать, а иначе их не послушает народ. Нам предлагали связать непокорных старшин. Нам предлагали немедленно самим ехать в Лхасу и везти с собою арестованного майора. Сами губернаторы предлагали такие самочинные меры. И мы имеем право сказать, как зря избитый солдатами тибетец говорил нам, выплевывая кровь разбитых зубов: «Видите, как обращается девашунг со своим народом».

Есть что-то сужденное в умирании старого Тибета. Колесо закона обернулось. Тайна ушла. Тибету нечего охранять, и никто не хранит Тибет. Исключительность положения как хранителя буддизма более не принадлежит Тибету, ибо буддизм по завету благословенного Будды делается мировым достоянием. Глубокому учению не нужны суеверия. Исканию истины противны предрассудки. Померк ореол далай-ламы...

Померк ореол далай-ламы. Из наместника Будды он сделался отставленным правителем, лишенным почитания. В заключении Норбулинга* он пишет свое жизнеописание, пишет, как ему приходилось бегать во всех направлениях. Как ему, не признающему иностранцев, приходилось просить иностранные державы о заступничестве. Но может быть, он пишет о том, что Тибет был и есть покровитель Великобритании и Китая? Ведь границу «тибетских» преувеличений определить невозможно.

Скажите, какие именно достижения, какие именно силы дают Тибету преимущество перед другими народами? В каких достижениях Тибет может равняться с Индией, где овладение силами, где глубина мысли были известны в далеких тысячелетиях? Какою силой гордится Тибет, когда даже первое изображение благословенного Будды получено Тибетом от Непала и от Китая. Получено только в седьмом веке, более чем через тысячу лет после учения и жизни Благословенного. Получено после того, как в Индии сложилась уже блестящая литература последователей буддизма. Получено первое изображение тогда, когда уже по всей Азии высились прекрасные вихары*, перед которыми дуканги Тибета стоят, как бедные младшие братья...

Многие писавшие о Тибете называли его «чудо из чудес». Но это название могло относиться или к прошлому Тибету, или к непониманию писателей, загипнотизированных традицией. Правда, можно было называть чудом школу, образованную махатмами около Кампадзонга. Но ведь уже много лет эта школа не существует. И кем же нарушена она? Теми лхасскими ламами, которые не имеют ничего общего со многим замечательным, совершившимся на территории Тибета. Все это — прошлое... Но самое большое испытание для лам — если вы предложите им [вопрос]: «Спросите вашего оракула, что я сейчас думаю и какие намерения имею?» Тогда гадатель и прозорливец

окажется отсутствующим, а ламы приходят в смятение. Те же, кто развил в себе ясновидение, не живут в монастырях, не живут в Лхасе.

Правда, в горах бывают удивительные явления, но они не имеют отношения к ламству. Вспоминаем этот поразительный огонь в палатке, опять бывший на Чантанге*. Вспоминаем волны тепла среди жестоких морозов. Вспоминаем многие проявления тонких энергий, но ведь Лхаса-то тут не при чем! Поразительно проходить местами, где еще недавно были ашрамы. Но самая необычайная встреча не будет иметь ничего общего с правительством далай-ламы. Смешение двух совершенно различных понятий следует расчленить. И Тибет не имеет более права укрываться за не принадлежащей ему таинственностью. Рад, что мы шли открыто, что мы спрашивали открыто тибетское правительство и говорили с тибетцами открыто. Старая тропа переодеваний слишком импозантна для Тибета. Сейчас он должен сказать открытое слово.

Было бы нелепо осуждать все миллионное население Тибета. Опять ламы могут стать образованными. Опять может появиться просвещенное правительство. И народ снова может обрести восхождение. Многое, что представляется «павшим», просто еще «не поднялось».

Но сейчас следует показать отсталым, что их состояние замечено и признано недопустимым. Чтобы войти в семью человечества, они должны после внесения соответствующих исправлений устыдиться и в корне измениться. Примеры таких проблесков мы знаем; предлагая тибетцам покинуть ложь, нечистоту и невежество, им дается лучший дружественный совет...

Во всяком случае даже сами тибетцы, т. е. более разумные и удалившиеся за границу, понимают, что так про-

должаться не может. Страна с миллионным населением не может отказаться от всех признаков цивилизации. Но продолжать отрицание всего иностранного и тайком покупать хотя бы третьесортные продукты иноземного производства и самим стремиться проникать через все границы уже недопустимо. Это шутовство невежества уже замечено и сделается невозможным. Границы могут быть закрыты. Также нельзя иметь за границей тибетских доньеров-консулов с широковещательными полномочиями и не признавать документов, выдаваемых этими государственными чинами. Нельзя называть себя «океан знания», будучи невежественными. Нельзя называть себя «победными во всех направлениях», когда тибетское войско вообще непригодно для современного боя. Вообще нельзя лгать по привычке и безнаказанности.

Как жаль, что лик Тибета затемнился мрачной действительностью. Но друзья остаются друзьями.

Спросили меня: «Как будете теперь говорить о Тибете?» — «Как всегда, буду возносить свет и поражать тьму. Только правдой исправляются несовершенства. Если та-лама возбудил к себе общее уважение, это нужно сказать. Если лхасское правительство создало вокруг себя отвращение, и это должно быть сказано». Спросили: «Но ведь тибетцы не любят правду?» «Не все, и мы будем с теми, которые желают совершенствоваться». Кроме того, духовный водитель Тибета вовсе не далай-лама, а таши-лама, о котором известно все хорошее. «Обычаи панценринпоче совсем другие» — так говорят тибетцы. Теперь же, совсем недавно, Лхаса хватала родственников таши-ламы и заковывала их в цепи. Дзонгпен в Паридзонге обрезал женщинам уши, нескольким мужчинам — руки и ноги. Четверо умерло в мучениях. Все это известно от самих же тибетцев. Они осуждают теперешнее положение Тибета сильнее нас...

Но Гималаи и Сикким закрывают Тибет. Нигде нет такого сверкания, такой духовной насыщенности, как среди этих драгоценных снегов. Нигде нет такого определительного слова, как в Сиккиме. Здесь ко всему прибавляется понятие геройства. Мужчины-герои, женщины-герои, скалы-герои, деревья-герои, водопады-герои, орлы-герои... Сюда шли великие отшельники, ибо где же в два перехода можно подняться от тропической растительности до вечного снега. Все стадии напряжения сознания здесь. Приветлив Сикким, приветлив махараджа Сиккима.

Приветлив Ладенла. И опять священная долина Ташидинга. Как средоточие накоплений тайны и сокровищ. Значительное место для всего Сиккима и Бутана. И старик настоятель Ташидинга еще жив. Но постарел и уже не сходит со своей священной горы. И опять близость великой Индии.

Опять индиец поет: «Как могу я говорить о самом создателе, если знаю несравненную красоту Гималаев».

Геше Ринпоче, настоятель Донкара в Чумби, знает, что на север от Канченджанги лежит пещера. Вход в нее очень узок, но затем она расширяется и приводит в целый город. Настоятель многое знает и просит молчать до времени. Должное следствие получается лишь во времени, когда соблюден точный срок. Сознание геше глубоко. Он видит далекие события. Выходя как бы из полудремоты сосредоточения, он говорит о самых неожиданных действиях, о дальних отсутствующих людях. «Как ей трудно, как она мучается»,— вдруг замечает он и начинает молиться за лицо, находящееся за тысячу миль, которое болело в это время,[— так рассказывали нам]. По старому обычаю высоких лам, настоятель спать не ложится, но проводит ночные часы сидя. Сейчас он является главою Сиккима, ибо, по завету, истинное учение уйдет из Тибета. Настоятель знает о Шамбале во всем ее значении. Он заботится о восстановлении учения и готов встретить новую эру...

Конечно, мы знаем, как по всей Азии ожидается наступление новой эры *. Каждый толкует по-своему, кто ближе, кто дальше; кто прекрасно, кто извращенно, но все об одном и том же сужденном сроке...

Н. К. Рерих и его экспедиция

Перевернута последняя страница этой необычной книги, кончилось наше путешествие с Н. К. Рерихом по Азии, длившееся пять лет — с 1923 по 1928 год. Пройден путь длиной в двадцать пять тысяч километров — по Индии, Гималаям, Тибету, Западному Китаю, Алтаю, Монголии и снова по Китаю и Индии. Вместе с экспедицией Рериха мы преодолевали высочайшие в мире снежные перевалы, любовались сверкающими вершинами Гималаев, упирающимися в самое небо, проходили по пескам, солончакам, степям, пересекали много азиатских рек. Позади остались непривычно звучащие названия: Бкра-Шис-Лдинг, Талай-Пхо-Бранг, Пир-Панджал, Ладакх, Ламаюра, Лех, Такла-Макан, Карашар.

В тумане воспоминаний остались храмы Индии, брахманы и ламы, снега и пронзительные ветры. Осталась Азия, чудесная, все еще во многом загадочная, огромный и доныне еще не совсем изведанный мир.

И когда мы окидываем прощальным взглядом эти далекие пространства, когда расстаемся с автором книги, в памяти невольно возникает образ другого замечательного землепроходца, который несколько веков назад совершил свое удивительное путешествие из лесов и болот родной России через моря, пески и джунгли в далекую «страну чудес» Индию,— Афанасия Никитина.

Не случайно вспоминается нам сегодня Афанасий Никитин, его далекий пятнадцатый век. Но и помимо «Хожения за три моря» сколько книг посвящено описанию тех же стран, по которым проходила экспедиция Рерихов! Вспомним хотя бы монументальные труды великих русских исследователей Внутренней Азии, посвященные их замечательным открытиям. Перед Пржевальским и Козловым впервые открывалась природа Внутренней Азии. Каждый из нас проносит в памяти и сердце переживания, рожденные при прочтении этих книг. Так необычны

описанные в них ландшафты, остры гранитные пики гор, свежи альпийские луга и беспредельны пространства, по которым неделями, месяцами, годами шагают верблюды усталых караванов. Но если, скажем, Пржевальский шел по пустыням, по Гоби, подобно космонавту по лунной поверхности, открывая для себя и всего человечества все новые и новые морщины на лике планеты — горы и долины, реки и озера, то Афанасия Никитина и Николая Рериха больше всего волновал человек. Есть что-то близкое, родственное во внутренней сущности, в главной направленности мыслей у этих двух путешественников, разделенных по времени четырьмя с половиной веками. Они,

конечно, потрясены, взволнованы природой стран, по которым шагают их усталые ноги. Их одинаково, быть может, влекли к себе спокойствием и прохладой снежные горы, голубые, синие, фиолетовые и багряные цепи гор. Есть что-то созвучное и родное в их тяге к легенде, мечте о мире правды и совершенства. И конечно, где бы ни пролегали их пути, как бы далеко ни занесла их беспокойная душа, она была полна нежной привязанности к родным снегам и зеленым рощам берез, светлой тоски по России. Не напрасно, однако, прошли века от времени Афанасия Никитина до дней, когда совершал путешествие Николай Рерих.

Рерих шел по Азии, разбуженной от вековых снов. Шел под впечатлением грандиозных событий — отзвуков первой мировой войны и особенно Великой Октябрьской социалистической революции, встряхнувшей самые глубинные страны Азии. Эти грандиозные потрясения, «десять дней», перевернувшие мир,— вот общий исторический фон, на котором развертывается многоплановое повествование Рериха о его одиссее.

Но эта книга рассказывает не только об уникальной экспедиции, о многих странах и людях. Книга эта — зеркало, в котором отражена богатая, сложная душа самого автора. Он стоит перед нами как живой, сегодняшний. Замечательный мастер кисти, один из выдающихся художников своего и нашего времени, он выступает в ней и как мыслитель, искатель, археолог, исследователь искусства Востока *. Он был также страстным публицистом, агитатором своих идей, неутомимым общественным деятелем.

---

* О жизни и деятельности Н. К. Рериха, его картинах см.: *П. Беликов, В. Князева.* Рерих (серия «Жизнь замечательных людей»). «Молодая гвардия». М., 1972; *Е. Полякова.* «Николай Рерих». «Искусство». М., 1973.

Достаточно сказать, что еще за десять лет до начала второй мировой войны мир узнал о Пакте Рериха — проекте специального международного договора по охране памятников искусства и научных учреждений в период военных действий. Так из путевых записей, сделанных в продуваемой ветром палатке, на угловатых камнях привалов, после утомительного пути через ледники и горные реки, родилась эта книга, полная острых впечатлений, глубоких мыслей и переживаний.

Оставляя в стороне хронологическую канву путешествия, на которой построена книга «Алтай—Гималаи», опуская детали и частные события, следует сказать лишь о самом существенном в содержании этих дневниковых записей, характеризующих то время, ту эпоху и нравственный облик самого автора. Он выступает здесь прежде всего как путешественник. С такой же несгибаемой волей, с таким же неукротимым упорством в достижении большой цели, как Пржевальский и другие выдающиеся землепроходцы.

Чтобы оценить эти свойства Рериха-путешественника, достаточно вспомнить его сентябрьский переход через перевал Сасир в Западных Гималаях. Путь лежит по гигантской морене, покрытой леденеющим снегом. Шесть долгих часов сквозь колючую пургу по обледенелым карнизам, временами настолько узким, что остается место только для конского копыта. По сторонам трупы животных, лошади скользят по зеленоватому льду. У спутников на такой огромной высоте идет кровь из носа, они падают с лошадей. А над вершинами гор с беспощадным блеском сияет равнодушное, холодное, словно враждебное человеку небо. И пронизывающий ветер, такой ветер, что «шуба становится легче газа». «Особенно опасно подыматься по полусферической поверхности шапки глетчера»,— скупо записано в дневнике путешественника. Всего семь слов, но только тот, кто сам карабкался по обледенелым скалам, под чьими ногами раскачивались между крутыми склонами мостики — овринги, а внизу зловеще бурлили горные реки, может в полной мере понять смысл этих строк...

Или вот еще более тяжкое испытание воли и мужества. Не короткий переход, а почти полгода вынужденного стояния в летних палатках на великом тибетском нагорье. Мороз, не уступающий стуже в Верхоянске или Оймяконе, такой, что замерзает коньяк в походной аптечке. Но в Якутии, царстве льда и холода, в такое время как бы замерзает самый воздух, царит мертвая тишина. Лишь

в сумерках полярной ночи слышен «шепот звезд» — кристалликов замерзающего пара, образующихся у рта при дыхании. Здесь же, в Тибете, на огромной высоте свирепствуют ураганные ветры.

...Оцепенел скованный морозами и безмолвием караван экспедиции, ее участникам властями Тибета запрещено общаться с местными жителями. Запрещено даже говорить с проходящими караванами. Экспедиция медленно погибает. Чувствуя близость конца, ночью приходят к палаткам дрожащие от холода голодные животные, «дергают веревки, словно стучатся, а на рассвете находим их мертвыми»,— пишет холодными, не слушающимися пальцами в своей палатке Рерих. Каждый день у палаток новые трупы. Из ста четырех верблюдов и лошадей падает девяносто. Стаи диких тибетских псов шумно делят добычу, грифы-стервятники и орлы спорят из-за падали со стаями собак. «И закутанные в овчину наши люди тащат павших за несколько шагов от лагеря. Иначе стаи диких собак и грифы-стервятники не дадут покоя. Одна стая собак, около пятнадцати, уже пробовала нападать на людей». Обреченно гибнут и люди, даже абориген — тибетец Чимпа умирает...

Читая эти строки, от которых леденеет кровь, невольно вспоминаешь картину Рериха «Град Обреченный». Не так ли вот стянут, сжат в этих надоблачных высях и лагерь его экспедиции, окружен невидимым тугим кольцом змеиного тела? Не ее ли, эту картину, навеянную древними легендами на Руси, вспоминал он в своих видениях?

Горы Высокой Азии соседствуют с великими пустынями. Под молчаливыми вершинами гигантских хребтов, под снегами перевалов тянутся безграничные дали равнин, усыпанных мелкой черной галькой — Черная Гоби. Безжизненные россыпи галек сменяются грядами желтых барханов. И всюду беспрепятственно гуляют, не зная преград, ветры пустынь. В жару они не приносят прохлады, лишь сушат лицо, соленой корой покрываются глаза и губы, а зимой пронизывают насквозь. Достигая ураганной силы, несутся облака пыли, и острые мелкие камни секут вам лицо и руки, жгут и кусают все части тела, не защищенные одеждой. Все это в полной мере испытывала не раз и экспедиция Рериха.

Одна из таких бурь в пустыне напомнила Рериху их переезд через Атлантику, когда все кругом гремело «аккордами океана».

Свирепствует буря, бушует шамаль — океан пустыни над хрупкими палатками экспедиции. И путешественник-

художник заносит в дневнике такие строки: «Шли одиннадцать часов. Елена Ивановна даже поцеловала свою лошадку...» Поцеловала, как верного спутника, товарища и друга на жизненном пути. Так сила духа, воля к победе преодолевают и мощь стихий и коварство враждебных людей.

Но об этом, о главной силе, которая помогала Рериху и его спутникам преодолевать все препятствия, о вере в Человека, о гуманизме мы еще скажем дальше.

А сейчас — несколько слов о наблюдательности Рериха как путешественника, исследователя, художника. Видеть, ловить на ходу мимолетные впечатления, фиксировать их, пока они не исчезли,— не в этом ли главная обязанность и талант путешественника? И действительно, перелистывая этот дневник, не устаешь поражаться меткости и остроте глаз путешественника, массе увиденного им и лаконично, но точно описанного.

При этом Рерих смотрит на все окружающее не так, как его предшественники, в том числе Пржевальский или даже Козлов. Он видит этот далекий и необычный мир прежде всего глазами художника. Перед нами как бы наброски или этюды будущих картин, лаконичные, сочные. Порой строки дневника Рериха сверкают красками, словно завершенные картины. Вот явственно высятся ослепительные, окутанные фиолетовой дымкой горные вершины, еще выше парят прозрачные облака, проступают призраки то Майтрейи, то Стражей Востока...

Итак, экспедиция Рериха идет навстречу неизведанным просторам, оставляя позади сотни и тысячи километров. Сквозь равнины, горы и реки, через города и села, заселенные разноязычными племенами. Вокруг слышится непонятная речь, звучит гортанный говор индийцев, тибетцев, монголов. Сменяются разнообразные ландшафты, струятся их ароматы — то терпкий запах полыни, то фимиамы индуистских храмов. Медленно курятся ароматные свечи перед изваяниями многоруких божеств. Какая пища для воображения, для чувств!

Наряду с художническим восприятием всего увиденного во время путешествия Рерих остается также верным увлечениям своей юности — археологии, новгородским древним могилам-жальникам, курганам, скифам, наконец, готам.

Вот экспедиция покидает весеннюю Джунгарию с ее синими снеговыми горами, хризопразами взгорий и «давно невиданными» цветами — дикими пионами, желтыми

лилиями, ирисами, головками огненно-оранжевого цвета. Рерих едет вместе со стражей из «киргизов» (местных казахов). Всадники мчатся за волками, а у Рериха в памяти встают скифы кульобской вазы: «Те же скифы, те же шапки, и полукафтанья как на кульобской вазе».

И впрямь, короткие куртки наездников-казахов, как и их далеких предков, степных кочевников времени тюркского каганата, которые оставили нам великолепные накладки на седельные луки из кудыргинского могильника на Алтае, сами говорят за себя. И погоня на конях за степной дичью, изображенная на седлах первого тысячелетия нашей эры, поразительно близка к той живой картине степной жизни, которую видел художник-путешественник на границе китайской Джунгарии и нашего Алтая. Нечего и говорить о шапках-малахаях, отороченных пушистым лисьим мехом. Они на самом деле точь-в-точь такие, как у геродотовых скифов.

Места древних святилищ, в том числе ряды вертикально поставленных столбов, как в Бретани и в знаменитом английском Стонхедже, «рождают мысль о солнечном культе друидов». Камни «чудских» могильников на Алтае в свою очередь будят в нем старые увлечения готами и готской проблемой.

Конечно, это слишком смело — вслед за Палласом выводить готские племена из Внутренней Азии. И вообще готы в его глазах значили и для истории Южной России, и для мировой истории слишком много, хотя в действительности они сделали для нее гораздо меньше, чем этого хотел Рерих-археолог.

Но мы до сих пор недооценивали роль индоевропейских племен на крайнем Востоке нашего азиа-американского материка, нашей «Амеразии». И быть может, Г. Е. Грум-Гржимайло, убежденный сторонник и создатель теории об европеоидных динлинах на Востоке, сторонник теории о родине готов в районе Гималаев и Тибета, был не так уж далек от истины, как и Рерих. Ведь найдены теперь на скалах Средней Азии, Алтая и Монголии наскальные изображения боевых колесниц, похожих на колесницы Рамзеса Второго и на хеттские колесницы, или колесницы гомеровского эпоса, датируемые вторым тысячелетием до нашей эры. Временем широкой, можно сказать трансконтинентальной, экспансии индоевропейцев и их культуры, когда вместе с колесницами распространялись до реки Хуанхэ бронзовые мечи, втульчатые топоры-кельты и копья карасукского типа, такие же, как в знаменитом Бородинском кладе на нашем юге.

Не менее прозорливы в свете новейших изысканий и догадки Рериха о солнечном культе друидов в связи с оценкой изваяний бронзового века, «оленными камнями» Забайкалья и Западной Монголии. Летящие в космос птицеголовые мифические олени на этих изваяниях сопровождаются изображениями литых бронзовых дисков-зеркал. Каждое такое сияющее зеркало означало солнце. И не случайно у наших северных оленей зеркало-солнце вырастает прямо из их ветвистых рогов, указывая тем самым на космическую природу священного зверя древних кочевников Евразии.

На пути экспедиции встречаются статуи-гиганты, высеченные в скалах убежища буддийских общин — пещерные монастыри и храмы. Часто попадаются наскальные рисунки. Не случайно одна из картин Рериха называется «Меч Гесера» — самого популярного героя народного эпоса племен Внутренней Азии. Археологически точная зарисовка на картине позволяет определенно датировать наскальный рисунок, послуживший прототипом для нее. Это характерный меч или кинжал эпохи плиточных могил, такие нередко встречаются у нас за Байкалом и в Монголии на оленных камнях как важнейшее оружие древнего воина конца второго — первой половины первого тысячелетия до нашей эры.

Чаще попадаются в Центральной Азии фигуры козлов, поражающие своим обилием и однообразием. Такие фигуры тоже изображены на одной из его картин. Вместе с козлами изредка встречаются и более интересные сюжеты, наполненные глубоким мифологическим и вообще культурно-историческим содержанием. На глянцевитом коричневом массиве, или, как мы сказали бы, по фону скалы, покрытому пустынным загаром, выбиты не только козлы, но и олени и кони. Светлыми силуэтами на темном фоне выступают стрелки из лука, ритуальные танцы, хороводы и шествия вереница людей. Рерих дает петроглифам Монголии и Тибета четкую стилистическую характеристику. Они делятся по стилю на две группы: можно различить «твердую, сочную стилизацию древности и более сухую, резкую линию поздних рисунков». Продолжая свой анализ наскальных изображений еще дальше, он делит их на три последовательные группы: относит к неолиту, древней вере бон и «суевериям более позднего времени».

Делается попытка не только датировки петроглифов Ладакха, Тибета в целом, но и перекидывается мост из Азии в Америку! «Та же техника, та же стилизация и то

же уважение к животным», мало людских изображений. «Через эти изображения Америка и Азия протягивают руку друг другу»,— заканчивает свои мысли Рерих. Для истории изучения наскальных изображений Центральной Азии и Алтая эти замечания имеют определенную ценность, в них мы находим немало созвучного и нашим современным представлениям, в том числе и мыслям об известном сходстве между петроглифами Азии и Америки.

Сохраняет свою ценность и общая художественная характеристика эволюции стиля рисунков на скалах. Как показывает наш анализ петроглифов Сибири, Алтая и Монголии, действительно наблюдается переход от более

сочной стилизации ранних рисунков к более сухой позднейшей.

Не менее ценна мысль о принадлежности древнейших наскальных изображений Китайского Туркестана даже не бронзовому веку, а каменному — эпохе неолита. Эта мысль подтверждается и анализом наскальных изображений Монголии, где, быть может, есть еще более древние рисунки, например на горе Тебчи у Хобд-сомона, где они найдены мной еще в 1949 году.

В поле зрения путешественника наряду с археологией всегда и неизменно — живая археология, этнографические сюжеты. Этнография, предания, мифы, красочные обряды, яркие, нередко фантастически богатые одежды — все как бы плывет целой рекой, само идет в руки. Только успевай брать, не опаздывай, лови! В шумной толпе на базарах, у погонщиков верблюдов на караванных тропах, в таинственной тишине храмов можно собирать рассказы, обнаруживать образцы народного искусства...

И Рерих, не уставая, непрерывно черпал отовсюду и во всем это неиссякающее богатство этнографической стихии, бушевавшей, лившейся вокруг него.

С каким восторгом, с каким праздничным подъемом духа описаны народные торжества в Сиккиме — «пестрые, шумные, барабанные, трубные». С драконами и самодельными конями, с бумажными яками. Гремят хлопушки, пылают разноцветные огни, взрываются снопы пламенных искр, и пестрая толпа уходит в лиловую эмаль ночи. «Это половецкие пляски!» — радостно восклицает автор дневника. Каждая фраза здесь—целая картина, законченная и четкая, каждое слово словно слиток бронзы, тяжелое и весомое.

Помимо археологических и этнографических сведений Рерих заносит в свою тетрадь беглые, но касающиеся существа здешней экономики данные о торговле в Ки-

тайском Туркестане, в том числе о затруднениях с продажей шелка и хлопка на древнем шелковом пути, который теперь ориентирован уже не на Византию и не на Китай, а на Америку! И совершенно неожиданный рассказ о том, как разоряются две фирмы, немецкая и американская, обрабатывающие кишки для колбас, о том, как оболочка для колбас на рынках Америки поступает из Хотана и Аксу! Столь же поразителен рассказ о китайско-туркестанской «валюте», о «чепухе», которая здесь происходит. О том, как вместо денег служит какая-то промасленная тряпочка и грязная костяшка. О неразберихе в пересчете ланов кашгарских на урумчинские ланы, а тех в свою очередь на кульджинские. «Вы скажете: это чепуха. Я с вами согласен, но от этой чепухи страдают миллионы людей»,— горестно замечает Рерих.

Так же картинно и празднично, с тонким юмором нарисован образ казахского певца-сказителя, бахши, который может и былины петь, и чертей гонять, рассказывается о работе кашмирского ткача или тибетского иконописца. Художник-лама поет и играет на флейте во время работы; каждый узор на ткани у ткача имеет свой напев. Так возникает гармония труда. Именно так, под воздействием ритма трудового процесса, как показал еще К. Бюхер, возникали предпосылки образного отражения действительности — художественного творчества.

Сквозь древние мифы, поэтические предания внезапно прорываются острые социальные и политические мотивы фольклора.

Так, в легендах отразилась извечная и грустная мечта о счастье: оно улетает от простых людей, как Синяя птица. И не случайно, должно быть, так упорно искали свое «Беловодье», край, где вольная земля и нет феодального гнета, на Алтае и в далекой Джунгарии сибирские крестьяне-раскольники, бежавшие от заводского тягла. Они слышали, видимо, такие легенды от своих соседей — калмыков и алтайцев. Слышали и бежали на поиски страны мужицкого счастья, да так и не нашли его.

Под шум бурана в Джунгарии записан рассказ, почему здесь такие жестокие ветры и вихри. Китайское войско гналось за калмыцким богатырем. Но он вызвал на помощь вихрь, разметавший китайское войско. С тех пор здесь вихрь и остался. Так через легенду спустя почти три века дошли до нашего времени отзвуки тех лет, когда маньчжуро-китайские армии с кровавой жестокостью подавляли движение за независимость, поднятое ойратами-калмыками.

Однако Рерих выступает в своих дневниках не только как вдумчивый собиратель фольклора, но и как друг угнетенных, как суровый обличитель социального зла и несправедливости в самой жизни.

Внимательный глаз исследователя всюду находит нечто яркое, запоминающееся, характерное. Целые россыпи таких сведений наполняют дневник, от первых страниц до последних. И это не бесстрастные рассказы, а живые картины, пронизанные критическим отношением ко всему старому, отжившему. Достаточно, например, прочесть рассказ о положении брахманов в новой Индии, неразберихе каст, тяжелых семейных драмах вплоть до убийств

и самоубийств вследствие кастовой разницы между мужьями и женами, чтобы вместе с автором книги почувствовать отвращение к этим пережиткам феодализма.

С беспощадной откровенностью и гневом рисует он картины тогдашнего Тибета: отсталого и нищего, эксплуатируемого духовными и светскими феодалами. Одна из сильнейших картин Рериха изображает тибетский кочевой лагерь на рассвете: на своих растяжках палатки раскинуты, как «черные пауки». Внутри их люди, одетые в шкуры, под которыми живым слоем шевелятся паразиты. Эти жалкие одежды носят, пока они не свалятся. Едят сырое мясо. И кажется, с немым укором смотрят на их дикую нечеловеческую жизнь в двадцатом веке высокие горы.

Задержав экспедицию на полгода в Тибете, дали ей, по словам Рериха, «необычайный случай познакомиться с их жизнью, обычаями и этикой». Увидеть грязь, нищету, жестокие поборы, безграничный произвол духовных и светских властей. На улицах Лхасы запрещено электричество. Светским людям запрещено стричь волосы, носить европейскую обувь и опять приказано носить длинные халаты. Современные формы и обычаи армии названы красными обычаями и запрещены. На дорогах свирепствуют разбойничьи шайки, как и во времена Пржевальского.

С такой же силой нарисованы потрясающие картины Китайского Туркестана, охарактеризована его «темная жизнь» — рабство, продажа и купля людей в двадцатом веке: «Обычное здесь явление умыкания и продажи детей с целью работы, а чаще с целью разврата. Зачем созывать лицемерные конференции о невольниках Африки, когда повсюду в Китае продажа людей — самое обычное явление». Как и в Тибете, нищета ужасающая, какую трудно

вообразить. Техника сельского хозяйства: «Плуг каменного века, два вола тащут одну рогатую деревяшку». Произвол начальства: один грабитель сменяет и распинает другого грабителя ради сведения личных счетов и личного обогащения. А пособники власти — богатеи гуляют нагайками по согбенным спинам бедняков...

«Совершенно так же, как во времена Пржевальского,— замечает Рерих,— [казахи] мечтают освободиться от ига китайцев старого типа со всеми их поборами и притеснениями. Так же точно стоят еще дунганские могилы, свидетели «покорений китайских». «Точно так же вспоминают люди Якуб-бека, кратко мелькнувшего в сознании [казахов]. Так же точно берегут [казахи] мечту о свободе».

До далекого Хотана и Урумчи доходят, впрочем отрывочные, но тем более воодушевляющие вести о том, что происходит далеко на юге Китая — в Кантоне: «Мечта работает и зовет невиданных кантонцев, которые должны убрать грабительских амбаней, должны умéрить купцов и дать свободу краю развиваться».

Эта же мечта тревожит и греет самого Рериха, который, как и его хотанские друзья, страстно ждет обновления Китая. «Отчего гниет Китай?» — задает он вопрос и отвечает: — В Китае совершается освободительный процесс. Когда свершится великий перелом и «преступная власть уйдет», все пойдет иначе и в далеком Синьцзяне. «Именно дружба к молодому Китаю дала мне право записать случаи стольких ужасов... Желаю, искренно желаю Китаю скорее скинуть все убожество и скорее смыть грязь, наросшую под шелком внешнего наряда. Желаю успеха всему молодому, понимающему ужас лицемерия и невежества» — этими словами кончается рассказ о путешествии по Китаю.

Так же беспощадно клеймит Рерих язвы тогдашней колониальной Индии, эксплуатируемой и угнетенной английскими империалистами. Достаточно прочесть хотя бы те страницы, где говорится о старом Бомбее, Калькутте и Мадрасе, шумных портовых городах. Города эти, говорит он, полны противоречий, несовместимых совпадений.

И вообще нет никакой идеализации пережиточной старины — ни священных коров, ни даже факиров. Вот на базаре сидят факиры, «очаровывая» старых полуживых кобр, лишенных зубов, а потому и безопасных, несмотря на весь свой отвратительный и грозный вид. Вот некий шарлатан «спиритуалист» предлагает заставить двигаться коляску без лошадей, но для этого нужно, чтобы «на небе

не было ни одного облачка», а облачка где-то обязательно имеются, если не здесь, то в каком-то другом месте.

Зато как восторженно оценивает художник-гуманист высокие нравственные качества близкого ему индийского народа, его честных тружеников, понимание ими культурных ценностей. Всюду в жизни индийцев обнаруживается старая мощная культура, особенно наглядно «в песенном ладе», в движениях. «Показывать картины индийцам — настоящая радость»; «Вы будете изумлены замечаниями о тональности, о технике и выразительности линий». Полнее же всего и глубже эта мощь древней культуры, уходящей в глубь тысячелетий, задолго до тех времен, когда возникли Рим и Греция, сказывается в мировоззрении, в мыслях ее философов: ведь «никакого Рима и Греции не было, когда цвела Индия».

Однако в чем же корень, в чем причина всех бед и несчастий Индии? Конечно же, в политической ситуации, в колониализме. Нельзя, например, войти в редакцию газеты, ибо «могут возникнуть подозрения». За мятежную литературу здесь приняты книги безобидного в политическом отношении содержания. Глухо и осторожно говорится о встречах с друзьями в Индии, чтобы не повредить им. Как мрачное видение, как зловещая тень проходит британский империализм через всю Индию, через все страницы этой книги, вплоть до козней против экспедиции агентов английской администрации и за границами самой Индии.

«Трудно лучшим людям Индии» — при этих словах нельзя не вспомнить Индию тех времен, когда Джавахарлал Неру и его соратники сидели в тюрьмах за железными решетками, мужественно вели борьбу за освобождение своей страны от чужеземного гнета.

И можно понять силу возмущения, с которой критикуется поведение «цивилизованной Европы» по отношению к Индии и вообще народам Азии. Это критика того, что называется колониализмом. Художник-гуманист решительно протестует против всякого иноземного гнета так же, как и против старой азиатчины амбаней Китайского Туркестана. Борьба против тех, кто «играет в гольф и поло», когда население «гибнет в заразах» и полном отупении. Сэр Аурел Стейн опасается, как бы примитивность Хотана не нарушилась проведением железных дорог и проявлениями цивилизации... «Этот сентиментализм граничит с бесчеловечием»,— заключает Рерих. Нужны самые экстренные меры просвещения. Нужны и железные дороги, и «стальные птицы» — самолеты.

Интересно, как созвучны эти мысли Рериха словам наркома иностранных дел Советской России Г. В. Чичерина, писавшего в октябре 1924 г.: «Громадная армия английских агентов разнообразного типа как будто старается наперерыв показать, на что она способна... Сила английской дипломатии в ее многочисленных агентах, которые... подстрекают одни азиатские племена против других, а также племена против центральных правительств, наводняют своими шпионами и другими агентами Среднюю Азию, искусственно поддерживают и подталкивают бухарскую контрреволюцию, пробираются в глубину Тибета и на Дальний Восток, поднимают против китайского национального движения компрадорскую буржуазию...»

Раз уж зашла речь об отношении Рериха к культурам Востока, и в частности к мировоззрению его народов, их философии, в том числе буддизму, нельзя не сказать несколько слов и о мировоззрении самого художника. Конечно, есть определенный смысл в словах Г. В. Чичерина, сказавшего, что он увидел в Рерихе «полубуддиста-полукоммуниста».

Все художественное и литературное творчество Н. К. Рериха пронизывают идеи нравственного обновления человека, всеобщего примирения между людьми и их объединения, в первую очередь слияния, синтеза Востока и Запада. При этом художник-романтик видел пути к объединению и обновлению человечества не в социальных битвах и преобразованиях, а в овладении всеми людьми этическими нормами древних философских и религиозных учений, особенно индийских и буддийских, а также в приобщении людей к Красоте, к художественным ценностям человечества.

Правда, сам Рерих не был ни религиозным реформатором, ни религиозным проповедником. Он энергично протестовал против попыток изобразить его, например, апостолом буддизма или христианства. Но все же в его философских и этических высказываниях совершенно очевидны начала, близкие к пантеистическим и деистическим воззрениям. Это особенно ясно видно в его собирательном образе Матери Мира, в преклонении перед «Учителем» — Буддой и других моментах.

Рерих всей душой тянулся к познанию еще неизученного вплоть до еще неведомых качеств человеческой психики, скрытой в ней энергии. Разоблачая шарлатанство факиров и лам, их своекорыстие и тупость, автор дневников говорит об «истинном буддизме» прошлого, о восстановлении заветов основателей буддизма как философского уче-

ния. Для него Будда не божество, не существо, стоящее над миром, а учитель мудрости. «Учитель»,— пишет Рерих о нем с большой буквы.

Рериха увлекли также апокрифические легенды об Иисусе-Иссе, некогда побывавшем якобы в глубинах Азии. Он с энтузиазмом ищет забытые рукописи в Азии и внешние символы христианства, которые могли бы служить подтверждением таким легендам. Но не эти увлечения определяют суть мировоззрения Рериха.

Автор росписей церкви в Талашкино, человек, создавший монументальную композицию Царицы Небесной — Матери Мира, художник, который с таким чувством пи-

сал на фоне снежных вершин Гималаев образ Майтрейи, не был ни марксистом, ни буддистом, ни православным. Он был художником, чья творческая фантазия пропитана романтическим восприятием действительности, красочной образностью легенд. И самое главное, повторяем, убежденным гуманистом — активным и деятельным, мечтавшим о братстве народов и рас, о слиянии Востока и Запада, а не об их противоборстве, о великом синтезе культур.

Отсюда интерес ко всему, что свидетельствует о подобном синтезе, будь это сочетание форм деревянных церквей Норвегии и китайских пагод с их шатрами и резными драконами, или гандхарские статуи, где древнее искусство Индии соприкасается с эллинским гением. Или, наконец, хороводы Сиккима и русский танец.

Рерих верит в реальность мечты о стране счастья — Шамбале, хотя за ее туманным очарованием по сути скрывается то обновление Азии, которого жаждут ее народы, хотя это только символический образ такого реального перелома.

Но где бы ни был Рерих, о чем бы и что бы он ни писал, о той же, например, Америке или Шамбале, он всегда, неизменно остается русским по мыслям, чувствам. Его сердце полно горячего патриотизма, преданности обновленной революцией России, тоски по ее людям, по русским северным просторам.

Вот у подножия Гималаев, в Сиккиме, во время лунного затмения, когда, по народному преданию, демон Раху пожирает луну, или во время солнечного затмения проглатывает солнце, народ устремляется к большой ступе в костюмах «будто из «Снегурочки» — красных, желтых, белых, лиловых, в остроконечных шапках с опушками — «чистые берендеи». А затем добро побеждает, и демон посрамлен, луна возвращена миру, и вокруг той же глав-

ной ступы начинаются танцы — «сущий русский хоровод» и песни «тоже русские». Высокие пороги у тяжелых дверей монастыря в Сиккиме вновь переносят воображение художника к деревянным храмам Северной России. В Хотане Рериха обрадовали танцы, и какие — «настоящий русский танец с ухаживанием молодца за девицами под струны, похожие на балалайку». Танцы Сиккима, так остро напоминавшие ему собственные эскизы театральных костюмов к «Снегурочке», будят и звуки родной музыки.

Мысль о берендеях, о русских хороводах и песнях неотступно преследует его и дальше. За воротами монастыря Пемайандзе стоят, как стражи, трехсотлетние деревья — настоящий сказочный лес Берендея, а улочка ламских домов раскрашена и оснащена цветными крылечками и лесенками, как берендейская слободка...

Следя внимательным глазом художника и археолога за работой лам-иконописцев, Рерих «узнает» способы работы совершенно такие же, которые применяли русские иконописцы. Так же готовят доску или полотно, одинаково готовят левкас и полируют его рогом или раковиной. И те и другие поют за работой священные стихиры. Распевая старинные стихи об Иоасафе-царевиче, русские мастера иконной живописи и не подозревают, что их Иоасаф — испорченное слово бодхисаттва!

Что-то знакомое, родное «странно и четко звучит в кашмирской речи»: самовар, сундук, караул, черпак, чай, кавардак, колпак и много других слов. И даже плетеные лапти, правда не из лыка, а из кожи, «напоминают о других, северных путях».

И уж совсем по-русски, как дома, на далеком севере, встречают гостей тюркоязычные обитатели Санджу. Те же кафтаны, и бороды, и пояса цветные, и шапочки, отороченные мехом волка или речного бобра. На память приходит «милое Ключино, Новгород, раскопки каменного века» и радушный Ефим. «И трудно себя уверить, что эти люди не говорят по-русски, хотя многие из этих бородачей знают отдельные русские слова и очень гордятся, если у них есть какая-нибудь русская вещь»...

С радостью отмечается тяга к России, ко всему русскому у местного населения. В Кашгаре, например, все хорошее — дома, сапоги, кони, телеги — русское.

Уважение ко всему, что идет из России, нашло и совершенно неожиданное, поистине эпическое выражение. В хотанской пустыне прошел слух о русском путешественнике Козлове. Оказывается, когда он проходил Карашар,

там жил страшный дракон. Но Козлов победил дракона, заклял его и запечатал, как некогда Соломон-Сулейман запечатал джинна в стеклянную банку и тем спас целый край... Русский путешественник, ученик и продолжатель дела Пржевальского — в роли азиатского драконоборца Георгия Победоносца! Это ли не символ отношения к России, ко всему русскому, и, что всего примечательнее, к новой уже России, советской, красной — недаром даже тибетские генералы обеспокоены проникновением «красных» идей в их армию.

К этой новой России и влекло Рериха. Экспедиция проходит мимо последнего степного монастыря, где чтут

Майтрейю-Майдари. Позади — Китай. «Как торжественна эта ночь...»— сказано в дневнике. Впереди — Алтай, «величавая песня Сибири», и «сибиряки как будто тесанные из камня». Вот наконец она, Россия, русская земля, которая весь долгий путь по Азии манила к себе запахом степной полыни, шумом тайги и прохладой севера. И воспоминаниями о давно пережитых днях. О «Снегурочке». Как-то встретит она, земля родная, своих уставших от долгих странствий сынов?

В дневнике записано 28 мая: «Выходят навстречу бравые пограничники... Где же грубость и невежественность, которой мог бы отличаться заброшенный, не помеченный на карте маленький пост?!» И еще: «Где же такая пограничная комендатура, где можно было говорить о космосе и мировой эволюции? Радостно». Красноармейцы просят показать картины, внимательно слушают рассказ об индийской философии, хотят узнать побольше о загадочных йогах.

И это в то время, когда еще свежи рассказы о чудовищных преступлениях атамана Анненкова, когда еще шарят в степи, как стаи волков, кровожадные хищники — казахские баи, бандитские шайки. Бандиты из-за угла нападают на пограничников, грабят деревни, угоняют скот у крестьян. В словаре Рериха нет слов «классовая борьба». Но она — кругом.

И Рерих не безучастен к ней. Он на стороне новой России, всем сердцем с ней, с ее трудной борьбой за новую жизнь. В поле зрения Рериха входят воочию черты новой, истинно грядущей Шамбалы, а не призрачной страны счастья. Старовер-кержак, собиратель целебных трав, толкует о машинах и пользе кооперации. Бородатый крестьянин из Нижнего Новгорода скорбит на Алтае о том, что люди не могут преодолеть мелкособственнических традиций и инстинктов, норовят отделиться

в деревне, «а как способнее бы скопом хозяйствовать...».

На этом можно было и кончить послесловие к необычному, можно сказать удивительному, путешествию Рериха, мыслителя, «социолога», как мы сказали бы модным теперь словом, и, разумеется, художника. Притом не только мастера кисти, но и художника слова, пера — так картинны, сочны эти полевые записи, так живописны эти новеллы реальной жизни далекой Азии. В его словесной живописи слова горят, как краски на картинах, образы так же монументальны, строги и выразительны.

Но нужно упомянуть еще одно имя, которое звучало не так часто, но зато пронизывало в подтексте, в самой глубине мыслей и переживаний всю его книгу. Это имя — Ленин. Как говорят о нем «устные газеты» степей, как свидетельствует их «обширный политический отдел», «калмыки очень хвалят Ленина»: «удивительно, как быстро добрая слава о нем прошла по всем калмыцким землям». И калмыки «ждут, ждут» Ленина. И это его, Ленина, страшатся те, кто в Урумчи не позволил закончить недостроенный памятник Ленину и написать это слово. Боятся одного имени! Страшатся не напрасно: «ведь к этому имени тянется весь мыслящий Восток и самые различные люди встречаются на этом имени».

Через всю жизнь Н. К. Рерих пронес это глубокое уважение к В. И. Ленину и понимание его великой роли в истории человечества. Он записывает 24 мая 1926 года в дневнике: «Велик Ленин в своем приказе: «Учиться! Учиться! Учиться!» Велик он в призыве к движению, к вечной диалектике. Эта подвижность, бесстрашие, одоление невежества есть завет истинного созидателя»...

Так после долгих исканий открывается наконец истинная правда, к которой стремился Рерих.

А. П. Окладников

Комментарии

Стр. 10 **Источник Авраама** — источник и оазис на Синайском полуострове, близ побережья Средиземного моря, где библейский патриарх Авраам якобы останавливался со своими стадами.

Джидда, Мекка — города провинции Хиджаз в Саудовской Аравии. Джидда — порт на побережье Красного моря, откуда мусульмане-паломники следуют в Мекку — на родину основателя ислама Мухаммеда (Магомета) к священному храму Кааба.

Нубия — древнее название Судана.

Чермное море — в русских дореволюционных изданиях Библии название Красного моря.

Корна Морна — здесь — таинственная, сокровенная страна счастья и благополучия.

Стр. 11 **Сфинкс** — памятник 3-го тысячелетия до н. э., высеченный из целой скалы и изображающий фигуру льва с человеческим лицом; находится на западном берегу Нила, против Каира, близ г. Эль-Гизы. Во время египетского похода Наполеона солдаты, забавляясь стрельбой из пушек, избрали мишенью лицо Сфинкса и повредили его.

Ланка, Рамаяна — Ланка — древнее название острова Цейлон, ныне Республика Шри Ланка («счастливая Ланка»). Рамаяна (колесница Рамы)—древнеиндийский эпос, в котором повествуется о подвигах легендарного царя и героя Рамы во время его похода на Ланку; Рама чтится как первый объединитель Индии.

Сингалезы (сингалы) — коренное австралоидное население Цейлона; говоря о них: «Неужели все переехали в театры Европы...», Н. К. Рерих подчеркивает типичную для колониальных стран картину, когда не только низшие государственные должности, но и мелкая торговля нередко захватывались «белыми»; в двадцатых

годах на Западе была популярна опера Бизе «Искатели жемчуга», в которой фигурировали сингалы.

Будда, Майтрейя — Будда (буквально — «знающий», «просветленный»), согласно преданию, был сыном царя из рода (или небольшого племени) шакья по имени Сиддхартха Гаутама, жил, согласно традиции, между 624—544 гг. до н. э., в современном востоковедении даты его жизни 563—483 гг. до н. э.; считается основателем буддизма. Многие индийские историки полагают, что первоначальный буддизм был просто философско-этическим учением, лишенным религиозной окраски; это, в частности, и привлекало Н.К. Рериха к личности и учению Будды. Но буддизм как мировая религия создавался на протяжении более двух тысяч лет и лишен всякой натурфилософской основы. Майтрейя — в буддизме будущий будда, который должен явиться миру, когда окончится текущий цикл развития мира.

Хинаяна — буквально «малая колесница» — одна из двух основных разновидностей буддизма, преследующая индивидуальное «избавление» от бесконечной цепи перерождений человека, доступное немногим. Поэтому хинаяну называют еще «узкий путь».

Махаяна — «великая колесница», или «широкий путь»,— второе из двух основных, более позднее течение буддизма; предполагает возможность спасения для всех, а далеко продвинувшимся на пути «спасения» вменяет в обязанность помогать другим (отсюда — институт лам). Махаяна возникла в конце 1-го тысячелетия до н. э.— начале н. э. в Северной Индии и широко распространилась на всю Среднюю и Центральную Азию, Китай, Монголию, Корею и Японию.

Ступа (санскрит. «навершие») — буддийский погребальный (а также реликварный, мемориальный или символический) памятник, имеющий в разных странах различную форму.

Хануман — персонаж Рамаяны, военачальник войска обезьян, верный союзник и слуга Рамы. Широко почитается в Индии как идеал деятельности, предприимчивости и скромности.

Равана — в индийской мифологии — персонаж Рамаяны, владыка демонов на Ланке, угрожавший покорить все «три мира» (земной, промежуточный и небесный), был побежден и убит Рамой. Миф и эпос отражают события, связанные с борьбой коренных жителей Индостана и Ланки с пришлыми арийскими племенами.

«...Лучшего времени учения» — то есть времени рас-

цвета буддизма на Цейлоне в конце 1-го тысячелетия до н. э.— начале 1-го тысячелетия н. э.

Анурадхапура — административный центр Северо-Центральной провинции Республики Шри Ланка; основана не позднее III в. до н. э. и более двенадцати веков была резиденцией сингальских правителей. Сохранились развалины сооружений начиная с буддийской эпохи и замечательная скульптура.

Боробудур — буддийский архитектурно-художественный памятник Центральной Явы, основанный около 800 г. Представляет собою пирамиду, состоящую из основания и восьми ярусов, символизирующих «миры» махаяны, а также «обитель богов» — мифическую гору Меру; украшен рельефами на темы из жизнеописания Будды и сотнями статуй будд.

Стр. 12 **Данушкоди** — таможня в Калькутте.

Дравиды — группа народов, населяющих преимущественно Южную Индию и говорящих на языках дравидийской семьи (телугу, тамили, малаялам, каннара и др.). Дравиды темнокожи, поэтому Н. К. Рерих называет их «черными дравидами».

Веды (буквально — «Знание») — древнеиндийские «священные» книги, приписываемые великим мудрецам-праотцам — риши. Создавались в эпоху проникновения в Индию скотоводческих арийских племен на протяжении 3-го—2-го тысячелетий до н. э.

Махабхарата («Великая Бхарата», Бхарата — древнее название Индии)— популярнейший индийский эпос, своеобразная энциклопедия истории, знаний, обычаев и верований. Повествует о междоусобной борьбе за власть в Индии Лунной династии Кауравов и Солнечной — Пандавов. Основой для эпоса, видимо, послужили события 2-го тысячелетия до н. э., но формирование его заняло более тысячи лет — до начала н. э.

Мадурай — крупный город Южной Индии в штате Тамилнад; в годы путешествия Н. К. Рериха имел около 350 тыс. жителей, ныне — около 500 тыс. «Один миллион жителей» — ошибка.

Саиб (сахиб) — «господин», обращение к знатному лицу, а в колониальной Индии — к европейцу.

Махараджа — «великий царь»; в древней и средневековой Индии титул крупного правителя.

Тагор, Рабиндранат (Рабиндранатх Тхакур, 1861—1941 гг.) — великий индийский поэт, философ, музыкант, художник и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе.

С. Левн — Сэлнвеи Леви (1863—1935) — французскнй востоковед и санскритолог.

Стр. 13 **Наваб** — «наместник», титул правителей индийскнх провинцнй, отделнвшихся в XVIII в. от империи Великих Моголов и превратившихся в самостоятельное государство. Этот титул сохранялся за многими вассальными князьями и крупными феодальными помещиками — заминдарами.

Стр. 14 **Юрий** — Юрий Николаевич Рерих (1902—1960 гг.), старший сын Н. К. Рериха, известный востоковед, участник опнсываемой экспедиции.

Бабу — почетное обращение (в смысле «господин», «почтеннейшнй») к имеиитым или образованным людям, а также к домохозяевам и землевладельцам в Бенгалии.

Тагор, Абаниндранат (по-бенгальски — Обониидронатх Тхакур) — племянник (а не брат) Рабиндраиата Тагора.

Бенгальская школа (или «Бенгальское Возрожденне») — иаправление в индийском искусстве, опнравшееся на иациональные традиции. Возникло в Бенгалии на рубеже XIX и XX вв. в связи с подъемом иационально-освободительного движения в Индии.

Бхош, Джагадис Чандер (1858—1937 гг.) — известный иидийскнй физиолог и биофизик, основатель и директор иаучно-нсследовательского института фнзнологнн в Калькутте; открыл бноэлектрнческую деятельность растнтельных организмов. Это, хотя и открывало иовую сграницу в физиологии, долгое время не принималось всерьез, так как сам Бхош пытался объяснить его с точкн зрения древнеиндуистских взглядов на роль «психнческой энергии» в прнроде.

Лабораторня имени Внвекананды — физиологическая лабораторня, организованная учеником Джагадиса Бхоша Бхош Сеном, которую, поддерживал матернально Н. К. Рерих; Вивекананда — духовное нмя Норендроиатха Дотто (1862—1902 гг.), крупного индийского религиозного реформатора, основоположиика философии иеоведанты н одного из ранних идеологов национально-освободительного движения. Внвекананда, объявив себя социалистом, проповедовал единство всех людей иезавнсимо от кастовой принадлежности, равиоценность н грядущее единство великих религнй, что импонировало Н. К. Рериху. Для пропаганды своих взглядов Внвекананда основал «Миссию Рамакришны», о которой Н. К. Рерих говорит иииже.

Стр. 15 **Рамакришна Парамаханса** — духовное нмя Гададхара Чаттопадхайи (1835—1886 гг.), известнейшего реформа-

тора индуизма, йога, жреца богини Кали храма в Дакшинисвара под Калькуттой. Рамакришна проповедовал учение Веданты, признавал единство происхождения религий и в основе всего считал «всемирное творческое начало природы»; учение о единстве корней религий соответствовало взглядам Н. К. Рериха, высоко ценившего Рамакришну.

Садху — в обычном понимании — странствующий отшельник, обязанный жить подаянием и помогать «спасению» других.

«...Гибнет народное сознание» — Н. К. Рерих, очевидно, вкладывал в это выражение влияние на повседневную жизнь индийцев западной буржуазной цивилизации.

«Модерн Ревью» — журнал националистического направления, издававшийся в Индии в начале XX в.

Стр. 16 **«American Express»** — американская фирма, обслуживавшая туристов.

Джайпур — город на северо-западе Индии, административный центр штата Раджастхан; в колониальной Индии был центром вассального княжества. Памятники прошлого — дворцы XVIII в., обсерватория, известный художественный музей.

Голта Пасс (правильно Галта) — архитектурный памятник XVI—XVIII вв. могольской эпохи в Амбере (близ Джайпура), старой столице раджпутских правителей.

Хатха-йог — аскет, практикующий хатха-йогу — систему упражнений, которыми достигается способность саморегулирования физиологических функций человеческого организма. В данном случае речь идет о базарном факире-фокуснике.

Раджпутана — прежнее название области на северо-западе Индии, ныне штат Раджастхан.

Фатехпур Сикри (Фатехпур) — резиденция Великого Могола Акбара близ города Агры, основанная в 1569 г.; постройки отличаются сочетанием традиционных индийских и индо-мусульманских черт архитектуры.

Агра — город на северо-западе Индии, в штате Уттар-Прадеш. С 1526 по 1707 г.— одна из столиц Могольского государства, в XVIII в. пришел в упадок. Известен своими крепостными сооружениями, дворцами и мавзолеем жены могольского императора Шах-Джахана Тадж-Махал, шедевром мировой архитектуры.

Аджанта — населенный пункт в Западной Индии, в шта-

те Махараштра, близ которого расположен комплекс пещерных храмов и монастырей II в. до н. э. — VII в. н. э.; славится замечательной архитектурой, скульптурой и особенно живописью (знаменитые стенописи Аджанты).

Акбар (буквально — «великий») — прозвище Джелал эд-дина Мухаммеда, индийского императора (1556—1605 гг.) из династии Бабуридов (Великих Моголов), объединившего большую часть Индии. Будучи мусульманином, Акбар проявлял веротерпимость, пытаясь объединить индусов и мусульман.

Бирбал — индийский раджа, один из приближенных Акбара, в народных преданиях слыл мудрецом.

Стр. 17 **Новый Дели** (Нью-Дели) — ныне район столицы Индии с современной застройкой; в колониальной Индии возник как административный центр, «европейский» город после перенесения столицы из Калькутты в 1911 г.

Бенарес — искаженное европейцами название древнего индийского города Варанаси в штате Уттар-Прадеш, крупного центра индуизма, известного памятниками старинной архитектуры, университетом; место паломничества индуистов к священной реке Ганг.

Пуэбло — земледельческие племена индейцев на юго-западе США и севере Мексики, а также их поселки — дома-селения родовых общин.

Санта-Фе — город на юго-западе США, центр штата Нью-Мексико; в двадцатых годах текущего века в его архитектуре использовались традиции пуэбло.

Стоксунд — пригород Стокгольма.

Команчи и апачи — в прошлом крупные родо-племенные объединения американских индейцев на территории США.

Пранаяма — элемент хатха-йоги, упражнения, посредством которых контролируется дыхание и, как верят последователи йоги, регулируется приток жизненной силы — праны.

Брахманы Золотого Храма — брахманы — высшая каста в Индии, по традиции — священнослужители. Золотой Храм — главный храм города Варанаси.

Стр. 18 **Ибн-Фадлан** — арабский путешественник и писатель X в., посетивший Волжско-Камскую Болгарию.

Световитовы кони — Световит у прибалтийских славян — бог света, солнца и огня; как и греческий бог солнца Гелиос, он, согласно мифам, объезжал небо на конях. В Индии есть обычай, связанный с культом богини плодородия: вокруг полей ставить изображения

коней из керамики. Этих коней Н. К. Рерих и называет «светозвитовы».

«...Тонкие тела женщин мчатся по ночам» — Н. К. Рерих описывает один из обрядов, сохранившихся со времен культа богини плодородия. Считалось, что, если обнаженная женщина обойдет или объедет поле, это принесет богатый урожай.

«...Скачка валькирий» — валькирии в древнескандинавской и германской мифологии — воинственные девы (буквально — «выбирающие убитых»), дочери бога Одина (германского Водана), дарующие в битвах победу героям и относящие павших в чертог Одина Вальхаллу. Изображались мчащимися на конях.

Стр. 19 **Свами** — в индуизме — последователь какого-либо учения; вступая на путь духовного развития, он принимал новое имя и назывался «свами» (например, Свами Вивекананда, Свами Шивананда и т. д.).

«...На высоте Пенджаба в Майявати» — Пенджаб (Пятиречье) — географическая область, лежащая по среднему течению Инда и его притокам до подножия Гималаев (ныне западная часть этой области — провинция Пакистана, восточная — штат Индии). Здесь, в пенджабских Гималаях, в Кумаоне, находится община последователей Вивекананды Майявати, о которой и упоминает Н. К. Рерих.

Тримурти Элефанты — скульптура верховного божества шиваистов — Шивы Махадевы в пещерном храме на острове Гхарапури (или Элефанта, «слона») близ Бомбея, созданная в VIII в. Шива изображен трехликим, поэтому ранее эту скульптуру считали образом Тримурти — «троицы»: Брахмы-творца, Вишну-хранителя и Шивы-разрушителя,— олицетворяющим здесь всех трех богов.

Сарнатх — населенный пункт близ г. Варанаси на северо-востоке Индии, где, по преданию, Будда прочел свою первую проповедь. Здесь была поставлена памятная колонна и воздвигнута гигантская ступа с превосходной резьбой по камню, ныне полуразрушенная.

Ганеша — одно из популярнейших божеств у индуистов, воплощение житейской мудрости. Изображается ребенком с головой слона и четырьмя руками; в шиваизме считается сыном Шивы и супруги последнего — Парвати.

Гхош, Ауробиндо (1873—1950 гг.) — выдающийся индийский философ и общественный деятель, в 900-е годы — один из руководителей левого крыла националь-

но-освободительного движения, создатель идеалистической философии истории на основе индуистских представлений о цикличности развития мира. Н. К. Рерих разделял его идеи о неизбежности возрождения Азии, необходимости проникновения «индийской духовности» в Европу и Америку, грядущем развитии человеческого сознания до космических масштабов и т. п.

«... Слова о семи нациях» — в фантастической оккультно-теософской «истории» семь рас последовательно создавали «великие цивилизации»: лемурийская, черная, атлантская, семитская, арийская, турано-монгольская, белая. Ауробиндо Гхош принимал эту «историю» человечества всерьез.

Мировые катаклизмы — будучи индуистом, Ауробиндо Гхош разделял и представления ряда индийских религий о цикличности истории мира, согласно которой каждый цикл начинался и кончался катастрофическими потрясениями в природе и обществе.

Стр. 20 **«Экспортеры Цейлона, Ассама и Дарджилинга...»** — экспортеры чая; Ассам — штат на крайнем северо-востоке Индии, у подножия Восточных Гималаев, в бассейне Брахмапутры. Дарджилинг — город и округ на крайнем севере индийского штата Западная Бенгалия, в Восточных Гималаях.

Китайский Туркестан — устаревшее название Синьцзяна.

Томас Кук и К° — английская фирма, обслуживающая путешественников и туристов.

Сварадж (санскр.— «свое правление») — лозунг, выдвинутый индийскими националистами в период подъема освободительного движения в 1905—1908 гг.

Дас, Читтаранджан (1870—1925 гг.) — индийский адвокат, участник национального движения в Бенгалии, один из лидеров и идеологов правого крыла Индийского национального конгресса; вместе с Мотилалом Неру (см. ниже) возглавлял движение свараджистов.

Ганди, Мохандас Карамчанд (1869—1948 гг.), прозванный индийцами Махатмой («великой душой»). Один из выдающихся руководителей индийского национально-освободительного движения, почитаемый как «отец нации».

Найду, Сароджини (1879—1949 гг.) — участница национально-освободительного движения, видный деятель Индийского национального конгресса; поэтесса-лирик, писала стихи на темы сельской жизни.

Неру, Мотилал (1861—1931 гг.) — индийский адвокат,

один из руководящих деятелей Индийского национального конгресса, отец Джавахарлала Неру.

«Линга — сосуд знания» — формула, излагающая краткую суть древнейших религиозно-философских представлений индийцев: все в мире происходящее — результат взаимодействия женского начала, хранящего истину, и мужского (линга), извлекающего эту истину. Эта формула возникла в эпоху культа богов плодородия, а в новейшие времена многие индийские философы пытались модернизировать эти примитивные представления.

Стр. 21 **Уложение каст** — система каст (каста по-индийски «джати») — португальское название эндогамных общественных групп людей с традиционными занятиями, возникли на основе варн. Варн было четыре: брахманы — духовное сословие, кшатрии — военно-землевладельческое, вайшья — торговцы, ремесленники и земледельцы, шудры — все остальные, обслуживавшие высшие варны. Со временем каждая варна (особенно вайшьи и шудры) раздробились на более мелкие подразделения по профессиональным или профессионально-племенным признакам; эти-то подразделения, собственно, и называли кастами, принадлежность к которым определялась рождением.

«...В следующем воплощении...» — в индийских философско-религиозных системах существует представление, что душа каждого человека после смерти вновь возрождается в другом облике.

Веданта и Адвайта — Веданта («конец» или «результат Вед») — одна из шести традиционных религиозно-философских систем индуизма, возникшая в 1-м тысячелетии до н. э. Веданта дуалистична: ведантисты средневековья (Рамануджа, Мадхава) наряду с единым богом допускали существование объективного мира. Адвайта («недуализм») монистична: направление в школе Веданты, основанное Гаудападой и Шанкарой (788—820 гг.), признавало в мире только одну реальность — бога (Брахмана).

«...Великой Матери Кали» — женская, или творческая, энергия (шакти) бога Шивы-разрушителя, его супруга. Известна в двух модификациях: символизирующей мягкость и женственность— У́мы («света») и Парва́ти («горянки») — и грозной богини Дурги («неприступной»),Кали («черной») или Бхайрави («ужасной»). В этих последних видах поклонение ей сопровождалось кровавыми жертвоприношениями.

«**В атмане нет различия...**» — атман — душа; здесь — высшее «Я», абсолютный субъект, «осуществляющий себя», то есть мировая душа, бог.

Большой каньон Аризоны — Большой каньон в штате Аризона (США), протянувшийся на 320 км по среднему течению р. Колорадо; склоны каньона представляют собой фантастическое нагромождение скал, башен и других форм выветривания.

Силигури — город у подножия Гималаев, в штате Западная Бенгалия, по дороге на Дарджилинг.

Стр. 22 **Лебонг** — населенный пункт в Сиккиме у подножия Главного Гималайского хребта, где начинаются дороги на Тибет через перевалы Нату-ла и Джелан-ла.

«**...Здесь жил далай-лама во время своего... бегства...**» — «здесь» — это усадьба Талай-Пхо-Бранг под Дарджилингом, в которой размещалась экспедиция Н. К. Рериха; далай-лама (тибетск.— «океан-лама» в значении «высочайший») с XVII в.— глава ламаистской церкви и правитель Тибета. В канун буржуазной революции 1911 г. в Китае далай-лама, используя национально-освободительное движение и далеко не бескорыстную поддержку англичан, попытался отделить Тибет от Китая. Китайское правительство ответило оккупацией Тибета, и далай-лама вынужден был бежать в Индию под защиту англичан. После 1911 г. тибетское население изгнало китайцев и далай-лама вернулся.

Шерпы — народность тибетского происхождения в высокогорной части Непала.

Ордос — пустынное плато в Китае внутри большой петли, образованной р. Хуанхэ.

Стр. 23 **Арья-Самадж** — «Общество ариев», основано Даянандой Сарасвати (1824—1883 гг.); выступало за реформацию индуизма под лозунгом «назад, к Ведам», было связано с мелкобуржуазным крылом национального движения. Впоследствии превратилось в организацию индуистской реакции.

Племя кхампа и дикие голоки — непрочные объединения монголо-тибетских родов на северо-востоке Тибета.

Зигфрид — раннесредневековый германский эпический герой из «Песни о Нибелунгах», убивший дракона Фафнира. Нарушив клятву жениться на валькирии Брунхильде, погиб вследствие ее мести.

«**Его страна**», «**Знамена Востока**» — серии картин Н. К. Рериха, сюжеты которых навеяны впечатлениями описываемого путешествия. Под местоимением «его» подразумевается Майтрейя. «Знамена Востока» — по-

пытка символически выразить дух народов Востока, как его понимал художник.

Темпера — живопись красками, смешанными с яичным желтком и клеем.

Сикким — княжество на крайнем северо-востоке Индии, в Гималаях, расположено между Бутаном и Непалом, находится под протекторатом Индии.

«...Один из ашрамов махатм» (санскрит. ашрам — «ступень») — в брахманизме — ступени жизни верующего, которые каждый должен пройти (годы ученичества, главы семейства, отшельничества и аскетизма); также — духовная община; махатма— буквально «великая душа», якобы законоучитель человечества, посвятивший себя делу объединения буддийского мира и работе на благо человечества. Н. К. Рерих верил в реальность существования махатм и их ашрамов.

«...Ринпоче из Чумби» — ринпоче («великая драгоценность») — эпитет наиболее влиятельных духовных деятелей ламаистского Тибета; Чумби — крупный монастырь, буддийский центр в Сиккиме.

Шамбала — в центральноазиатской махаяне в символическом смысле — небесная страна, олицетворение времени грядущей правды, человеческого совершенства, страна святых мудрецов и праведников, откуда в конце текущего цикла развития жизни выйдет воинство на борьбу с отступниками от буддизма и неверными и восстановит мировое господство «истинного» учения Будды. Н. К. Рерих, основываясь на сведениях, полученных от лам, преувеличивал роль учения о Шамбале в ламаизме и сознании населения Центральной Азии. Он воспринимал легенды о Шамбале двояко: как символ грядущего справедливого общества, установление которого ожидалось из Советской России (не случайно Н. К. Рерих постоянно подчеркивал, что Шамбала — северная страна); с другой стороны, он считал реальностью Шамбалу — сокровенную страну, затерянную в лабиринте Гималайских хребтов, где находится община «держателей» и носителей «будущего» мира.

Атиша (982—1054 гг.) — глава последователей махаяны в Бенгалии, крупнейший деятель тибетского буддизма. Организовал перевод буддийских текстов на тибетский язык, в монастырских уставах усилил дух аскетизма и этические требования, проповедовал в Тибете тантрийскую систему (см. ниже) калачакры («колеса времени»), ставшей основой важнейших доктрин ламаизма; в 1050 г. созвал VII собор буддистов, на время объединив-

ший монахов Тибета и индийских пандитов (ученых-буддистов).

Миларайпа (1038—1112 гг.) — буддийский поэт-отшельник, автор сборника гимнов и повестей о своих скитаниях, отвергал схоластику буддийских философских школ, выше всего ставил самосозерцание и экстаз. Н. К. Рерих передает здесь легенду из жизни Атиши и Миларайпы.

Стр. 24 Татхагата (следующий сути мира) — эпитет Будды.

Гопи, Кришна, Лель и Купава — гопи — пастушки в легендах о Кришне; Кришна — «черный», в индийской мифологии — воплощение Вишну, хранителя Мира, персонаж Махабхараты, также — популярнейший бог любви, возлюбленный пастушок-гопи; Лель и Купава— персонажи оперы-сказки Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка», в оформлении которой Н. К. Рерих участвовал в Западной Европе и США.

Эверестская экспедиция — впервые о следах «неизвестного существа» было опубликовано в 1898 г. в отчете Гималайской экспедиции Уэделла 1889 г., но, возможно, здесь речь идет о первой Эверестской экспедиции 1921 г., возглавлявшейся английским полковником Ч. К. Говардом-Бери, участники которой тоже видели за снеговой линией странные, человекоподобные следы.

Statesman — в то время ежедневная газета на английском языке, продававшаяся в Калькутте, орган английских дельцов в Индии.

«Саиб видел «снежного человека»» — одно из многих «свидетельств» о недоказанном наукой существовании «снежного человека» как какого-то обезьяноподобного существа, покрытого волосами и не знающего орудий. В долинах юго-восточного Тибета и прилегающих областях Таиланда и Южного Китая до тридцатых годов текущего века жили племена, пользовавшиеся луком и стрелами и одевавшиеся в шкуры или совсем не имевшие одежд, кроме набедренных повязок. Очевидно, встреча с представителями одного из таких племен здесь и описана.

Стр. 25 **«...Махендра Пратап... говорит о Лемурии...»** — Махендра Пратап — один из индийских членов теософского общества в Мадрасе; Лемурия — гипотетический материк, якобы находившийся, как полагали некоторые исследователи середины XIX в., на месте Индийского океана несколько десятков миллионов лет назад. Согласно фантастической «истории» человечества, в основу которой легли некоторые легенды тами-

лов, Лемурия существовала еще несколько тысяч лет назад и была колыбелью древнейшей цивилизации человечества, погибшей в геологической катастрофе вместе с материком.

«Тибет помнит о троекратном разделе ... имуществ...» — местная историческая традиция в Тибете приписывает такой акт правителю Муни Дзэнпо (VIII—IX вв.). На самом деле это была эпоха ожесточенной борьбы центральной власти против феодалов и последователей старой веры бон против буддизма, в ходе которой конфисковались то феодальные владения, то владения буддийских монастырей, то имущество сторонников бон.

Марк Аврелий (121—180 гг.) — римский император, известен также как философ: в сочинении «Наедине с собой» говорит о самосовершенствовании и выражает неверие в совершенствование политического строя.

Стр. 26 «Дао дэ-цзин» — сочинение китайского философа VII—VI вв. до н. э. Лао-цзы, в котором он излагает учение о дао (дао — «путь») — абсолютном, неопределимом, лежащем в основе мира; понятие «дао» имеет некоторые общие черты с индуистским Брахманом — абсолютным духом.

Упанишады, Бхагаватгита — Упанишады — более ста прозаических трактатов-комментариев к четырем первым Ведам, созданным до VIII в. до н. э. В них разработана религиозно-философская система космического характера и система самопознания; Упанишады являются основой всей позднейшей философии Индии, включая Веданту. Бхагаватгита — важнейшее религиозно-философское сочинение индуизма, входит в Махабхарату.

«...Последние раскопки начинают поддерживать этот... вывод» — речь идет о раскопках городов 3-го—2-го тысячелетий до н. э. в долине Инда (Мохенджодаро и Хараппы), открытых Ракхалдасом Банерджи и Раем Бахадуром Сахни; раскопки с 1922 г. возглавлял Джон Маршалл.

Стр. 27 «...Колесница Джагарната» (Джаганнатха) — колесница «владыки мира», служит для торжественной церемонии перевозки статуи божества.

«Страшных нагов Раджпутаны...» — наги — небольшое племя, живущее в индийском штате Раджастхан; одноименные племена обитают также в Ассаме и Северо-Восточной Индии. В индийской и тибетской мифологии наги — также обитатели подземного царства Поталы, имеющие облик змей.

«Есть, есть и они» — Н. К. Рерих говорит здесь о махатмах — «великих душах».

«Белая Тара» — один из вариантов Тары (или Долмы), главной богини северного буддизма, милосердной покровительницы человечества.

Пураны (древние сказания) — санскритские сборники, содержащие повествования о происхождении мира, повторных сотворениях после его периодического разрушения, генеалогию богов и мудрецов-риши, а также истории древних царей; созданы в нынешнем виде уже после начала нашей эры, хотя и содержат сведения, относящиеся к очень ранним временам.

Стр. 28 Калиюга («век», «эпоха богини Кали», «черная эпоха») — эпоха, в которую мы живем. В индуизме история мира развивается циклами большей или меньшей продолжительности. Большой цикл махаюга делится на четыре периода: сатью, или деваюгу («святую», «божественную» югу), третаюгу, двапараюгу и калиюгу; по завершении калиюги катастрофические катаклизмы меняют облик Земли и очищают ее от скверны, после чего новый цикл начинается счастливой эрой справедливости — сатьяюгой. Об этом Н. К. Рерих и говорит. 307

Вишнупурана — одна из пуран, в которой богом-созидателем, хранителем и разрушителем, основой всего сущего считается Вишну. В этом произведении также фигурирует Майтрейя.

Чинтамани — в индийской и центральноазиатской мифологии — волшебный камень, исполняющий все желания; иногда его везет белый конь.

«С двух сторон пытались поработить Тибет» — речь идет о борьбе за контроль над Тибетом между Китаем и Англией в первой четверти XX в.

Стр. 29 Гум — местность и монастырь в непальских Гималаях, на левобережье истока р. Карнали — Мугу-Карнали.

Потала — дворец-крепость далай-ламы в Лхасе, на холме Потала, один из шедевров мировой архитектуры (в современном виде относится к XVI в.).

Стр. 30 Архат («достойный», от палийского арахант — «заслуживающий») — в буддизме — монах, достигший высшей земной ступени совершенства и святости, не подлежащий больше перевоплощению.

Каббала — религиозно-философское учение в иудаизме, возникшее во взаимодействии с древнееврейской космогонией, вавилоно-персидской магией и мистическими учениями; в практической части Каббала — приемы гадания, магии и т. п.

«...Напоминает «библейские» обряды» — древние евреи во время молитвы закутывали голову полой одежды, чтобы «остаться наедине с богом».

Аполлоний Тианский — новопифагорейский философ I в. н. э., считался магом. Посетил, по преданию, буддийский университет в Таксиле (на северо-западе Индийского субконтинента, ныне в Пакистане) и «общину мудрецов» в Гималаях.

Сен Жермен — известный французский авантюрист XVIII в., считался графом, слыл предсказателем и «загадочной личностью».

Блаватская Е. П. (1831—1891 гг.) — натурализовавшаяся в США русская эмигрантка, авантюристка, известная в России как писательница Радда-Бай. В 1875 г. вместе с американцем Генри Олькоттом учредила в Нью-Йорке «Всемирное теософическое общество», центр которого в 1879 г. перенесла в Индию. Поскольку теософическое общество поддерживало антианглийское движение в Индии, с ним оказались связаны некоторые лидеры этого движения. Отправляясь в Индию, Н. К. Рерих очень интересовался обществом, но посещение его центра разочаровало художника.

Бульвер-Литтон, Эдуард-Джордж (1803—1873 гг.) — английский романист, написал «Последний день Помпеи» и другие произведения.

Бейли, Фредерик Маршман, полковник — английский резидент в Сиккиме, руководивший английской агентурой в Тибете и Синьцзяне; его стараниями экспедиция Рериха была задержана в Тибете в тяжелых зимних условиях, приведших к гибели вьючных животных и участников экспедиции.

«...Экспедиция с Эвереста» — третья Эверестская экспедиция 1924 г. под руководством генерала Ч. Г. Брюса и полковника Э. Ф. Нортона, во время которой два ее участника — Д. Г. Л. Меллори и Э. Эрвайн — погибли.

Стр. 31 «Сжигание тьмы» — картина Н. К. Рериха, изображающая закат в Гималаях, находится в Музее Н. К. Рериха в Нью-Йорке.

«...Изберем раджу...» (раджа — буквально «царь») — в Индии в древнейшие времена раджа — выборный вождь племени, позже — наследственный правитель. Здесь Н. К. Рерих говорит об отборе «лучших» из всех индийских варн (древних сословий).

«Призрак пламени костра над вдовицей» — в Индии существовал обычай «сати», распространенный главным

образом среди высших каст,— сожжение вдовы вместе с телом ее мужа. Нередко вдова добровольно шла на костер, так как вдовы были лишены права вновь выйти замуж, всеми презираемы, отвержены. В 1829 г. английские власти запретили этот обычай.

Стр. 32 **Сангха** — в Индии буддийская община.

Хадак (хатык) — «плат счастья», шарф, служащий почетным даром уважаемым лицам.

Стр. 33 **«...Пятнадцать вершин гималайской цепи превосходят Монблан»** — данные устаревшие: во время путешествия Н. К. Рериха Гималаи были еще плохо изучены геодезически и определения высот были сделаны «на глаз». По современным данным, в Гималаях 11 вершин превышают 8000 м, а «семитысячников» более 80. Да и средняя высота Главного Гималайского хребта (6000 м) намного превышает Монблан (4810 м).

Великий Рангит — река на северо-востоке Индии, берущая начало на склонах Главного Гималайского хребта в районе Канченджанги.

Шигацзе — крупный монастырь в Тибете, в верхнем течении р. Брахмапутры, юго-восточнее Лхасы.

Изображение рыбы — у ранних христиан символизировало имя Иисуса Христа, так как инициалы этого имени в соединении с греческим словом «тео» (бог) образовывали криптограмму «ихтео», близкую латинскому «ихтиус» — «рыба».

«Колесо жизни» Будды («колесо рождений и смерти», «колесо бытия») — символизирует бесконечную цепь перевоплощений человека, его души после смерти. В буддизме колесо — вообще важнейший символ, выражающий сущность учения.

Колесо Иезекииля — библейский пророк Иезекииль якобы имел на р. Ховар в Сирии видение, в котором фигурировали концентрические и покрытые глазами колеса. Н. К. Рерих, исходя из представлений о едином источнике всех религий, считал возможным сводить воедино символику даже немного схожих образов, как в данном случае.

Серафимы (евр. «пламенные») — высший ангельский чин в христианском учении, иногда изображались многоокими и многокрылыми.

Дуккар — «Мать Мира», добуддийская богиня плодородия, покровительница человечества, божество, возникшее в эпоху матриархата и вошедшая в буддийский пантеон в Ладакхе.

Зороастр (перс. Заратуштра) — основатель религии

огнепоклонников, по-видимому живший в VII—VI вв. до н. э. при персидском царе Гуштаспе Ахемениде Старшем. Его религия (зороастризм) основана на представлении о борьбе двух начал — добра и зла и на почитании «основы жизни», всеочищающего огня. До арабских завоеваний зороастризм был широко распространен в Персидской империи, Азербайджане и Средней Азии; ныне его последователи в небольшом числе имеются в Индии (главным образом в районе Бомбея — парсы).

Шекели — древнееврейские денежные единицы, исчислявшиеся определенным весовым количеством серебра; в тексте есть неточность: чеканка монет впервые началась в малоазиатском государстве Лидия, через 400—500 лет после времени Соломона.

Соломон — царь объединенного царства Израиля и Иудеи, правил около 960—935 гг. до н. э. У мусульман Соломон (Сулейман) считается одним из пророков.

Чандрагупта Маурья — правитель Индии между 322 и 298 гг. до н. э., основатель династии Маурья (322—185 гг. до н. э.); создал могущественную империю, объединив значительную часть Индии и западные области Ирана.

Сергий Радонежский (1314 или 1319 — 1392 гг.) — крупный деятель русской православной церкви, основатель Троице-Сергиевого монастыря (ныне Загорск).

Стр. 34 **Бодхисаттва** — «тот, сущность которого знание»; в позднем буддизме существа, ставшие в результате накопления неизмеримого объема добродетели потенциальными буддами, но отказавшиеся от нирваны (состояния освобожденности от цепи перерождений) ради достижения такого же состояния всеми людьми. Хинаяна признает лишь двух бодхисаттв — Сиддхартху Гаутаму до его рождения и будущего будду—Майтрейю; в махаяне их много, но главных — восемь и среди них—Авалокитешвара, якобы воплощающийся в каждом далай-ламе.

Друиды — у кельтских народов и древних саксов — жрецы.

Чаша Грааля — по легенде, чаша, в которую была собрана кровь Иисуса из раны, нанесенной копьем легионера. Символ чистой высокой цели.

Давид — отец Соломона, древнееврейский царь (конец XI — начало X в. до н. э.), которому приписывают сочинение псалмов (песнопений).

«Камни Стефана» — речь идет о католическом «святом»

Стефане, якобы побнтом камнямн во время гонення на хрнстиан.

Кампо Саито — итальянское кладбище в виде двора, окруженного аркадамн, с гробницамн под ннмн, украшенными статуямн. Самое известное Кампо Санто — в Пизе, сооруженное в 1278—1283 гг. по плану Джованни Пнзаио, в готическом стнле, распнсанное фресками.

«...Орлиные гиезда Фаэнцы или Монте Фальконе» — города в Севериой Италии, в области Эмнлня-Романья, в окрестностях которых сохранилнсь средневековые романские замки.

Гайя (ныне Бодх-Гайя) — место близ Сарнатха, где, согласно буддийской траднцнн, Сиддхартха Гаутама, неудовлетворенный аскетизмом как методом достижения истины, предался размышленням и созерцаиню. В результате на него синзошло «просветленне», то есть он стал Буддой. Священное место для буддистов н индуистов.

«...Известиы места рождеиия и смерти учнтеля — в Непале» — здесь неточность: согласно буддийской традиции, Будда родился в Непале, в саду Лумбинн (современный Руммнндей), но умер он в Кушннагаре (ныне Касня), в округе Горакхпур, штат Уттар-Прадеш, Индия.

Стр. 35 **Меру** — символическая гора, центр мнра н обнтель богов индуистской мифологии; в Махабхарате иазывается также Мандара, в поздних текстах буддизма — Сумеру.

«...Прав ли старый лама» — пророчить неудачу третьей Эверестской экспедицнн ламе было нетрудно: к прнезду Рерихов в Дарджнлннг ее работы после гнбелн двух участников, собственно, уже окончнлнсь и больше не возобновились.

«...Из этого окна» — то есть одного нз окон усадьбы Талай-Пхо-Бранг.

Стр. 36 **Амбаиь** — в дореволюцнонном Китае уездный начальинк, в Монголии н Западном Китае в эпоху маньчжурской днластин — наместнмк.

Чудь — древнерусское наименованне эстов, а также племеи, обнтавшнх в пределах владений Новгорода Велнкого — от Онежского озера до Урала.

«...Земля толкует о подземных городах... храмах, ушедших под воду» — имеются в виду легенды и предання у разных народов об «ушедших» под землю нлн под воду городах (как в «Сказании о граде Кнтеже»).

Такие легенды часто возникают на основании реальных событий — истории известен ряд случаев, когда поселения проваливались в результате обрушения кровли подземных пустот или уходили под воду вследствие опускания суши.

Галдан — буддийский монастырь вблизи Лхасы.

Дзонкхапа (1357—1419 гг. или несколько позже) — известный тибетский реформатор буддизма, основатель ламаистской церкви и секты гелуг-па («школа добродетели») или «желтых шапок» — желтой секты; автор множества буддийских сочинений.

Стр. 37 Матерь Мира — культ «матери-земли», богини плодородия у древних народов, возник в эпоху матриархата, часто отличался грубонатуралистической ритуальностью.

Стр. 38 «Культ... Медведицы и Ориона» — у ранних земледельческих народов засушливых районов существовал культ звезд, связанный с развитием примитивной астрономии. Наблюдение за звездным небом было необходимо для определения сроков полевых работ, так как появление одних созвездий и исчезновение других связано с климатическими сезонами в зависимости от положения Земли на ее околосолнечной орбите. Эта связь породила веру в зависимость всех событий жизни от сочетаний звезд и планет, а отсюда и астрологию.

Иов — по Библии, автор одной из ее частей — «книги Иова», философско-религиозного трактата, созданного неизвестно кем в VI в. до н. э.

«Три Мага» — в Евангелии три волхва (мага, ведуна), предсказавшие рождение Иисуса Христа и пришедшие на поклонение; здесь — три яркие звезды «пояса» созвездия Орион, астрологически определявшиеся как «три мага».

Канченджанга (тибетск. Канг-чен-дзо-нга — «пять сокровищниц больших снегов») — пятивершинная гора, из которых главная — третья в мире по высоте (8585 м) находится в крайнем северо-западном углу Сиккима.

Падмасамбхава («рожденный из лотоса») — выходец из Индии (вторая половина VIII в.). Ему приписывают насаждение тантризма в Тибете и Гималаях и основание секты «красных шапок», одной из важнейших в тибетском буддизме.

Стр. 39 Бкра-Шис-Лдинг — буддийский монастырь в Сиккиме.

«Разноцветная толпа фигур ада...» — Н. К. Рерих описывает здесь картину ламаистского ада, который всегда изображается в буддийских храмах Центральной Азии.

Белые духи — в ламаистской мифологии духи смерти, наказывающие грешников в аду.

«...После узорчатости персидской и могольской миниатюры» — иранская (персидская) миниатюра сохранилась с XIV в. и возникла на основе стенной живописи на юге Ирана. В дальнейшем миниатюра органически связывается с текстом и оформлением рукописей, обретает свою технику и стиль; подъем и расцвет ее относится к XVI—XVII вв., когда главную роль начали играть северные школы миниатюры и она приобрела самостоятельное значение, появилась портретная миниатюра. Могольская миниатюра сложилась в последней трети XVI в. при дворе императора Акбара как первая в средневековой Индии светская школа живописи на базе творчества местных художников, при участии нескольких известных миниатюристов Ирана, а также Средней Азии. Вначале больше иллюстрировались хроники, мемуары Великих Моголов, при Джахангире широко культивировался портрет; начиная со второй половины XVII в. могольская миниатюра приходит в упадок.

Стр. 40 **Харахото** (Хара-хото; монг. «черный город») — развалины города тангутского государства (X—XIII вв.), которые открыты П. К. Козловым, проводившим там раскопки в начале XX в. В 1914 г. развалины исследовал английский археолог Аурел Стейн.

Мессия (евр. мешиах — «помазанник», греч. христос — «помазанный») — в период борьбы за независимость от господства Селевкидов мессией называли себя вожди еврейских повстанцев, а после завоевания Иудеи Римом так стали называть грядущего избавителя от римского господства. В христианстве это Иисус Христос.

Ташилумпо — монастырь в Шигацзе, настоятель которого, таши-лама, был правителем провинции Цзан (Западный Тибет) и вторым лицом по значению в ламаистском Тибете после далай-ламы, носил титул панчен-ламы и эпитет по названию монастыря — ташилама. С точки зрения догматики он считался выше далай-ламы как «воплощение» Будды Амитабхи, основы всего сущего, но его светские функции вопреки представлениям Н. К. Рериха были довольно ограниченны. Панчен-ламы, как правило, были ставленниками Китая и проводили прокитайскую политику.

Стр. 41 **«... Маски хранителей»** — хранители — духи-охранители «закона», веры в ламаистском пантеоне; речь идет

о масках, надеваемых ламами во время ритуальных танцев.

Учение тантры — тантра в общем смысле — текст с описанием основ той или иной индуистской культовой практики, в данном же случае речь идет об одной из основ тибетского ламаизма — тантризме. Сущность его состоит в представлениях о том, что человек (микрокосмос) — копия вселенной (макрокосмоса), чем и обусловливается их тесная связь: человек якобы способен управлять силами природы путем заклятий, таинственных формул, магических текстов и т. п.

Стр. 42 **«Астрологически он установил ряд важных событий будущего»** — астрология — мнимое искусство предсказывать судьбу человека или будущие события по положению звезд; предсказания обычно составлялись в нарочито двусмысленных и неопределенных выражениях, затемненных специальной терминологией, так что их можно было толковать в зависимости от хода реальных событий. Астрологией в древности также называли и настоящую астрономию, поэтому труды крупнейших астрологов далекого прошлого являются источником и для понимания путей развития астрономии.

Стр. 43 **«...Трактат о переселении душ»** — здесь перечисляется тематика тибетских книг. Верование в переселение душ, то есть в повторные воплощения на земле на основе индивидуальной кармы (закона причинности), является необходимым звеном в системе религиозной философии индуизма и буддизма.

Кереш, Чома де (1784—1842 гг.) — венгерский филолог и путешественник, основатель европейской тибетологии. Умер и похоронен в Дарджилинге.

«...Перевал увенчан... менданrом» — менданг — небольшое каменное сооружение, увенчивающее вершину холма или иное возвышенное место, обращенное фасадом на восток. Служит сидением для отшельников и лам, когда они уединяются для «размышления и созерцания».

«Здесь медитируют ламы и путники» — медитируют — размышляют, созерцают, практически же большей частью просто отдыхают.

Стр. 44 **«И бессмертную амриту»** — амрита — напиток бессмертия у индийских богов, добытый, согласно мифологии, при пахтании «молочного океана».

Танжерины — апельсины из Танжера (Северо-Западная Африка).

«Иногда вода уменьшается, но никогда н сильно увеличивается» — в подобных случаях, как правило, результат бывает таким, какой удобен для реальной к моменту распечатывания сосуда ситуации: священнослужители могут снять крышку, отлить или долить воды и снова опечатать сосуд; все остальное — спектакль для верующих, но возможно и так, что помимо опечатанного отверстия в сосуде имеется еще одно, замаскированное,— такие сосуды известны.

Асура Раху (или Рагху) — асуры в индийской мифологии — демоны, а не боги; Раху — демон, который стремится поймать и проглотить Луну и Солнце — так объяснялись затмения. По старым поверьям, в таких случаях надо производить как можно больше шума, чтобы испугать Раху и заставить его выпустить Солнце или Луну. Это здесь и описывается.

Мажента — красная анилиновая краска.

Стр. 50 **«Инвольтация черных магов...»** — инвольтация — колдовские действия над какими-либо предметами, которые используют, чтобы причинить вред, несчастье; также манипуляции с куклой — условным изображением человека, которого хотят погубить (например, прокалывание области сердца иглой). Эта «магия» основана на суевериях глубочайшей древности. Черные маги здесь — колдуны дравидийских племен Малабарского побережья (юго-западная прибрежная полоса полуострова Индостан).

Стр. 51 **«Владыка Мира»** — имеется в виду будущий будда Майтрейя.

«...Недалеко от Ташидинга... жил сам Падмасамбхава» — здесь и в предыдущих нескольких абзацах излагаются буддийские легенды.

Стр. 52 **«И река донесла колокола...»** — в этой легенде фигурируют китайский император Кан-си и первый из монгольских богдо-гегенов Ундур Геген (1636—1723 гг.). Легенда сочинена в XVII в. по случаю пребывания последнего в Пекине.

Стр. 53 **«...По неразумию они убивают животных»** — буддизм в принципе запрещал убивать животных, так как в любом из них, согласно учению о переселении душ, мог быть воплощен человек.

Стр. 54 **«Что делается на монгольской границе?»** — это были годы коренных преобразований в Монголии: весной 1924 г. умер последний богдо-геген (глава церкви и государства), монархия была ликвидирована и Великий народный хурал провозгласил Монголию народной

республикой (ноябрь 1924 г.), начались реформы во всех областях жизни государства. О положении в Монголии и на ее границах ходили самые невероятные слухи, в том числе и связанные с таши-ламой.

Стр. 55 **Гаруда** — в индийской мифологии — божественный царь пернатых в виде получеловека, полуптицы, одно из олицетворений огня и солнца, исконный враг змей (нагов-демонов), символизирующих воду, тесно связан с хранителем Мира богом Вишну, который летает вместе со своей супругой Лакшми на Гаруде.

Стихиры — молитвенные песнопения, которыми часто сопровождали свою работу русские иконописцы.

Мунтазар — в шиитском толке ислама — последнее воплощение «божественной» души Мухаммеда, «ожидаемый», «скрытый» имам (духовный руководитель) будущего, при котором ислам якобы победит во всем мире. В этом смысле Мунтазара можно сопоставлять с Майтрейей, что Н. К. Рерих и делает.

Стр. 56 **Пир-Панджал** — западная часть Малых, или Низких, Гималаев, отделенная от предгорных Сиваликских холмов и Больших (Высоких) Гималаев депрессиями тектонического и ледникового происхождения.

«...Исчезнувшее колено израилево» — согласно древнееврейской мифологии, израильский народ составлял 13 «колен», то есть родов; 12 из них осели в Палестине («стране филистимлян»), а тринадцатое отделилось и ушло неведомо куда на Восток.

«Трон Соломона» — горы на западе Пакистана, Сулеймановы горы.

«Где пути Христа-странника?» — Н. К. Рерих имеет в виду кашмирские и ладакхские легенды о путешествии Иисуса (Иссы) Христа на Восток в молодости.

Бон — добуддийская религия Тибета, близкая к шаманизму, характеризуется обожествлением природы, культом предков и домашних божеств. Называлась также черной верой, видимо, потому, что применяла магические обряды, шаманские призывания. Сохранилась и при буддизме, особенно в Восточном Тибете.

Джахангир — индийский император из династии Великих Моголов, правил в 1605—1627 гг.

Хотан — река и оазис в пустыне Такла-Макан (между Каракорумом на юге и Куньлунем на севере); Хотан имеет два верховья: Каракеш — с истоками в Каракоруме и Юйкеш, начинающуюся на южном склоне Куньлуня.

«Где таинственная пещера Амаранта?» — Амарант — сказочный герой, живший во дворце-пещере, полной сокровищ и чудес.

«Где тропа великого Александра к забытой Таксиле?» — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) подчинил себе царство пенджабского царя Пора Таксилу на последнем этапе своего похода на Восток; Таксила — в древности крупный город, до VI—V вв. до н. э. столица государства Гандхара, позже — резиденция царей Таксилы. Развалины ее находятся вблизи Равалпинди в Северном Пакистане.

Ашвагхоша (I—II вв.) — проповедник буддизма, ученый, автор драмы и эпических поэм, в том числе «Буддхачариты» («Жизни Будды»).

Авантисвамин — вероятно, Авантисварман, кашмирский раджа (IX в. н. э.), поэт-лирик.

Ашока — известнейший из императоров Индии династии Маурья, правил с 268 по 232 г. до н. э., властвовал почти над всей Индией, кроме крайнего юга, и над прилегающими с запада областями Ирана и Афганистана, покровительствовал буддизму, но терпимо относился и к другим религиям. Указы свои высекал на скалах и колоннах, почему Н. К. Рерих и говорит о «камнях Ашоки».

Пешавар — город в современном Пакистане, административный центр Северо-Западной пограничной провинции.

Сонамарг — одно из названий горного массива северо-восточнее г. Сринагар.

Соджи-ла (Зоджи) — горный перевал на пути из кашмирского Сринагара в ладакхский Лех через горный массив Зоджи. Высота перевала — 3529 м.

«Весна Священная» — балет известного композитора И. Стравинского на тему из жизни языческой Руси, написанный в 1913 г. Либретто и декорации Н. К. Рериха.

Станицы гусей — здесь «станицы» в смысле «стаи».

Стр. 57 **Сринагар** — главный город штата (в прошлом княжества) Кашмир и Джамму на крайнем северо-западе Индии, в котловине между Малыми и Большими Гималаями; в средневековье — летняя резиденция Великих Моголов. Начальный пункт путешествия Н. К. Рериха по Центральной Азии.

Жадеит — нефрит, полудрагоценный поделочный камень.

Гандхара — область, включавшая Восточный Афга-

нистаи и прилегающую к иему часть Пеиджаба, где в первые пять веков иашей эры переплеталось искусство эллиинистического и индийского мира, выражеииое в скульптуре и архитектуре. Для гаидхарского искусства характерны буддийские сюжеты, например изображения сцеи из джатак (житий будущего Будды) и т. д. Скульпторами в индийской Гандхаре были главиым образом местные, сильно индианизироваиные греки, частично их индийские учеиики и мастера, выписываемые из Малой Азии. Вначале сильио эллинизироваиный образ Будды постепенно приобретает более индийские черты, почему Н. К. Рерих и говорит о том, что «Гандхара сводит воедино... ветви Запада и Востока».

Стр. 58 «...Облицовки стеи Шах-Джахана и Аурангзеба» — Шах-Джахаи, Великий Могол, сын Джахаигира, правил с 1628 по 1658 г. При нем построеио много дворцов, мечетей, облицованных белым мрамором, инкрустироваиным самоцветами. Из сооружений его времени наиболее известеи Тадж Махал в Агре — усыпальница его жены Мумтаз Махал. Аураигзеб — сын Шах-Джахана правил с 1659 по 1707 г.

Махадева — «великий бог», один из эпитетов бога Шивы, третьего из Тримурти брахманистов, главного бога шиваистов, замеияющего всех богов Тримурти.

«Такая же гора в [Русском] Туркестане» — горой Сулеймана иазывался останец древних (палеозойских) пород у города Оша в Киргизии.

Стр. 59 «...На развалинах Мартанда и Авантипура» — иаселенные пункты на северо-западе Иидии, в окрестностях которых находятся руины архитектурных памятииков средиевековой Индии: в Мартаиде — храм Солнца VIII в., в Авантипуре — вишиуистский храм Аваитисвами IX в. и. э.

«...Колыбели романеска» — ромаиеска — итальянский иародный таиец, был распространеи в окрестностях Рима с XVI в., исполнялся под мелодию, иазывавшуюся «ромаиеска».

Вишну — индийский бог, достигший в послеведическую эпоху в религии вишнуизма значения верховного божества; второе лицо брахманской Тримурти — бог-храиитель вселенной.

Гор — древиеегипетский солнечный бог, бог света, сын божеств плодородия Осириса и Исиды, победитель бога пустыни и тьмы Сета. Символ Гора — сокол, тотем фа-

раона, поэтому в данном тексте имя Гор иносказательно означает фараона.

Урей — один из отличительных знаков фараона в Древнем Египте: изображение поднявшейся для броска кобры над лбом царя, сделанное из металла или золоченого дерева.

Сихмет — древнеегипетская свирепая богиня, губительница людей; олицетворяла пустынные самумы и зной. В этой песне, прославляющей подвиги царя, противопоставляются Гор, покровитель Севера, и Сихмет, владычица Юга.

Сенусерт III — египетский фараон XII династии эпохи Среднего царства, правил с 1887 по 1849 г. до н. э., успешно воевал в Нубии и Азии.

«Гулиджан-Марда», «Илло-Алладин—шабаша» и т.д. — возгласы, которыми гребцы, говорящие на тюркских языках, подзадоривали друг друга.

Стр. 60 **Вальхалла** — в древнескандинавской и германской мифологии — чертоги отца богов Одина (Водана), куда валькирии уносят на крылатых конях павших в битве героев для вечного пира.

Готы — восточногерманские племена, в начале нашей эры обитали вдоль южного побережья Балтийского моря, во II и III вв. продвинулись в бассейн Вислы и в Северное Причерноморье, вторгались на Балканы; после разгрома в 375 г. гуннами разделились: остготы, занимавшие низовья Днепра, ушли в пределы Восточноримской империи и Северную Италию, а вестготы — из Поднестровья прошли всю Европу вплоть до Испании и Северной Африки. Восточнее Днепра готы никогда исторической роли не играли.

Фибулы — застежки в виде булавки со щитком; форма и орнамент щитка были характерны для определенных народов, например для готов, скифов. Фибулы известны с 3-го — 2-го тысячелетий до н. э., когда для их украшения на огромных территориях был типичным «звериный стиль».

Стр. 61 **Бандипур** — начальный пункт западного, более короткого пути на Хотан через перевалы Трагбал (около 3000 м), Бурзил (около 4200 м), Гилгит, долину р. Астор, мимо вершины Нанга-Парбат, долину Хунзы, перевал Балтит (через хребет Кайлас), далее через Каракорум и Восточный Памир в верховья р. Ташкурган.

Ситара (ситар) — народный струнный музыкальный инструмент в Индии (щипковый) и Средней Азии (смычковый, называемый сетар).

Сааз (саз) — струнный щипковый музыкальный инструмент в Закавказье, Иране, Афганистане, Турции.

Стр. 63 «Серия «Знамена Востока» сложилась» — здесь перечисляются названия картин, составляющих эту серию: Н. К. Рерих взял для нее эпизоды из жизни мифических личностей вроде библейского вождя евреев Моисея, японского Иенно, «махатмы» Ак-Дордже (молния) и т. д., основателей религии (Будда, Иисус, Мухаммед), философов-этиков (Конфуций) и т. п., которые, по его представлениям, боролись за благо народов и выражали душу и чаяния народные.

«На Двине сидел Прокопий...» — Прокопий Устюжский, юродивый, происходил из Скандинавии, в Новгороде принял православие, жил в Великом Устюге, умер в 1303 г. (есть картина Н. К. Рериха «Прокопий благословляет плывущих»).

Стр. 64 «Основатель так называемого манихейства, Мани...» — манихейство — религиозное течение, возникшее на Ближнем Востоке в III в. н. э., названное по имени его легендарного основателя Мани (около 216—277 гг.). Являлось смесью христианства и древнеперсидской религии маздеизма (разновидность зороастризма). Преследовалось как христианской, так и мусульманской церквами; последователи манихейства были распространены от Рима до Китая вплоть до X в.

Гуру — у индуистов — духовный наставник, учитель; также обращение к особо уважаемым лицам.

Гоццоли, Беноццо (1420—1497 гг.) — итальянский живописец флорентийской школы. Здесь речь идет об одной из его фресок в Пизе, на Кампо Санто.

«Пардусы» — леопарды и другие кошки близких к ним видов; здесь имеются в виду прирученные для охоты гепарды.

Блес, Генри (или Мет де Блес — около 1480—1550 гг.)— фламандский живописец, писал картины на библейские сюжеты; один из основоположников фламандской живописи.

Несториане — христианская секта, основанная в V в. константинопольским патриархом Несторием (V в.), осужденным как еретик на III Вселенском соборе в Эфесе в 431 г.; подвергаясь гонению в «христианских» странах, несторианство было широко распространено среди христиан Азии до Китая включительно.

Гуаньинь — буддийская богиня милосердия в Китае, видимо, соответствует добуддийской Нюй-ве — прародительнице и покровительнице людей.

Фуриозо (ит.) — неистовство, свирепость, ужас.

Стр. 65 **Тирон, Федор** — римский легионер, при императоре Диоклетиане, гонителе христиан, принял христианство и был замучен около 306 г.

Стр. 66 **Ладакх** — хребет и историческая область в Западных Гималаях.

Сарасвати — Н. К. Рерих ошибочно отождествляет ведическую реку Сарасвати с р. Инд; Сарасвати была одним из истоков давно исчезнувшей реки Брахмаварта, крайнего восточного притока Инда.

«Говорил Будда...» — здесь и далее — выписки из сутр или изложение их; сутры — жизнеописания и поучения Будды, созданные начиная с III—II вв. до н. э.

Стр. 67 **Кашьяпа** — по преданию, главный жрец одной из сект огнепоклонников (зороастрийцев), которого вместе с его последователями Будда обратил в буддизм после шестилетних убеждений.

«...Восемьдесят лет... в учительстве...» — Н. К. Рерих здесь неточен: согласно преданию, Будда прожил 80 лет, проповедовать начал в тридцатипятилетнем возрасте, следовательно, «учительствовал» всего 45 лет.

Стр. 68 **Раджагриха, Весали (Вайшали), Патна (Паталипутра)** — города на северо-востоке Индии, где во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. состоялись первые соборы буддистов, канонизировавшие ранние буддийские произведения и доктрины.

Нагарджуна (I или II в. н. э.) — крупнейший философ, ученый и реформатор буддизма, основатель первой и важнейшей школы махаяны — мадхьямики, в которой признается только одна неопределимая абсолютная реальность — бог; в этом мадхьямика сближалась с брахманизмом и адвайтой.

Озеро Юмцзо (Юмцо) — озеро Ямдок, находится в центральной части южного Тибета.

«Ни у Алары Каламы, ни у Уддаки Рамапутты...» — имена учителей Будды в период его отшельничества.

«И сказание о Белом Бурхане...» — в сказаниях алтайцев это Майтрейя, будда будущего.

«Около таинственной Урувелы...» — правильнее Урувилвы, на берегу р. Найрнагары, близ нынешней Бодх-Гайи, в северо-восточной Индии; здесь, по преданию, Будда достиг просветления, сидя в размышлении под деревом, где ныне лежит памятная плита Ашоки.

Капилавасту — город, столица царства Шакиев в

Непале, где, по преданию, находилась резиденция отца Будды, царя Судходданы.

Конфуций — правильно Кун-цзы (551—479 гг. до н. э.), древнекитайский философ, создатель этико-политического учения, регламентирующего поведение людей в семье и обществе; в основе его лежит почитание старших (в том числе и по положению в обществе), проповедь гуманности и культа предков, но в целом его учение имело классовую аристократическую направленность.

Стр. 70 **Ориген** (около 185—254 гг.) — богослов и философ, руководил христианскими школами в Александрии (Египет), затем в Кесарии (Палестина). В своих сочинениях пытался сочетать христианство и античную философию, особенно Платона. Многие сочинения Оригена церковь осудила как еретические.

«Все же верующие были вместе и имели все общее...» — Ориген здесь сообщает исторические факты, описывая общину древнееврейской секты ессеев (II в. до н. э. — II в. н. э.). Учитель и основатель ее, как свидетельствуют так называемые кумранские свитки, найденные в 1947 г. на западном побережье Мертвого моря, проповедовал уравнительный коммунизм и право борьбы угнетенных против своих угнетателей.

Стр. 71 **«В книге Садур»** («садур» — от санскритского слова «сутры») — так в алтайской песне о Белом Бурхане называется «священная» книга жизнеописания Будды.

Стр. 72 **Тангмарг** — селение северо-восточнее Сринагара, на пути в долину р. Синдху.

Африди (правильно — афридии) — группа пуштунских племен, обитавшая на северо-западе Индии (ныне в Пакистане).

Стр. 73 **Балтал** — невысокий перевал и селение на пути из долины р.Синдху на один из отрогов горного массива Зоджи.

Драс — населенный пункт на р. Шунго, на пути из долины Синдху в долину р. Инд, за перевалом через массив Зоджи.

Дарды — народности индо-иранской языковой группы, живущие на севере Индии, Пакистана и северо-востоке Афганистана.

Джалама (Дже-лама) — Джамби-Джамцан, калмык по происхождению. В начале двадцатых годов под предлогом борьбы за освобождение монголов от китайского ига собрал разбойничью шайку, грабившую население Западной Монголии. Ликвидирован в 1922 г.

Хошун — монгольская территориально-администра-

тивная единица в прошлом; также — отряд воинов из определенного хошуна.

Цайдам — обширная полупустынная котловина в провинции Цинхай, между главным хребтом Куньлуня на юге и горами Наньшань и Алтынтаг на севере.

«... Балтистанцы, ладакхцы, астарцы, яркендцы...» — собирательные географические этнонимы разноплеменного населения областей Балтистана, Ладакха в бассейнах рек Шайок, Шигар, Астар и Яркенд.

Шикари — индийский охотник, проводник.

Стр. 74 **Маульбек** — ламаистский монастырь и населенный пункт на пути из Драса к р. Инд.

«...Фантастикой песчаных изваяний» — здесь Н. К. Рерих говорит о причудливых формах выветривания в песчаниках предпоследнего, третичного геологического периода.

Фа Сянь — китайский паломник-буддист, совершивший в 399—411 гг. путешествие через Центральную Азию в Индию и на Цейлон. Оставил важные для истории и этнографии записки, в которых описывается все, что связано с буддизмом, а также культура в целом и политическая обстановка в странах, им посещенных.

Гесер-хан — главный герой монголо-тибетского героического эпоса, широко распространенного в Центральной Азии, в котором Гесер воспевается как народный герой, борец за свободу и счастье народа.

Стр. 75 **Ламаюра** — тибетский монастырь в долине верхнего Инда, один из центров последователей Падмасамбхавы, секты «красных шапок»; поскольку тантрической обрядности, свойственной этой секте, близки многие ритуалы религии бон, то Ламаюра была убежищем и приверженцем этой древней религии, что Н. К. Рерих и отмечает.

Саспул (Саспулгампо) — населенный пункт в долине верхнего Инда, на пути от Кхалацзе, где находится переправа через Инд в Лех.

Манджушри и Авалокитешвара — ламаистские бодхисаттвы; Манджушри — «очаровательное счастье», божество, видимо, китайского происхождения, по легендам XVIII—XIX вв., проповедовал в Непале, где якобы основал монастырь Манджупаттана. Считается божеством Знания. Авалокитешвара («Ишвара, взирающий с высоты») — один из восьми главных бодхисаттв ламаизма, перерождением которого будто бы являются далай-ламы.

Стр. 77 **Лхамо** — в ламаизме — страшная «хранительница за-

кона» и «защитница веры». Беспощадная к отступникам от веры, Лхамо изображается увешанной черепами и костями, скачущей через море крови на муле, покрытом кожей ее собственного сына, убитого ею за измену буддизму. Покровнтельница Лхасы.

Махакала («великое время») — один из эпитетов бога Шивы; в ламаизме — один из грозных «защитников» веры (докшитов).

Дюрандаль (Дурандарт) — меч доблестного рыцаря VIII—IX вв. Роланда, героя французской эпической поэмы «Песнь о Роланде».

Бругума — возлюбленная и жена Гесер-хана.

Брунхильда — одна из валькирий, осужденная за провинность к изгнанию на землю; Зигфрид дал клятву жениться на ней, но отдал ее другому, за что Брунхильда уговорила своего мужа и его родственников убить Зигфрида.

Локи — в древнескандинавской и германской мифологии бог огня, олицетворение разрушительной силы, лжи и коварства.

Саньясин — бродячий аскет в Индии.

«...Звучит «Ковка меча», и «Клич валькирий», и «Заклятие огня», и «Рычание Фафнира»» — музыкальные картины Р. Вагнера из цикла «Кольцо Нибелунгов». Фафнир в «Песне о Нибелунгах» — дракон, охранявший сокровища карликов-нибелунгов, убитый Зигфридом.

«Необыкновенный огонь в местечке Ниму» — сухой высокогорный воздух часто бывает насыщен электричеством, которое скапливается на поверхности предметов из непроводящих материалов и может стекать с него в виде холодного синего свечения (например, «огни святого Эльма»). В данном случае электростатическое электричество скопилось, очевидно, на шерстяном одеяле и дало разряд, едва Е. И. Рерих прикоснулась к нему. Ниму — последняя ночевка перед Лехом.

Баюль — то же, что Шамбала.

Франке — вероятно, О. Франке, немецкий синолог конца XIX — начала XX в.

Брэгдон, Клод — американский художник и писатель, автор предисловия к книге Н. К. Рериха «Altai — Himalaya».

Стр. 78 **Ассур** (Ашшур) — один из мифических библейских праотцев, родоначальник ассирийцев, создавших в VIII—VII вв. до н. э. могущественное государство.

Тенгирас Очиртай («Сошедший с неба с молнией») —

у ордосских монголов — одно из названий Майтрейи.

Стр. 79 «... «Охраненных» мест в пределах Хангая и Гоби» — Н. К. Рерих говорит о легендах, связанных с Шамбалой и чжоченами. Хангай — нагорье в центральной части МНР; Гоби — обширная центральноазиатская пустыня между Алтае-Саянской горной системой и Большим Хинганом, Наньшанем и Хуанхэ.

Венок Гесера — цикл эпических песен о Гесер-хане, часть из которых перечисляется у Рериха.

Уч-Сюре, Уч-Орион — уч по-тюркски «три», следовательно, по толкованию Н. К. Рериха,— «три жилища богов», или «жилище трех богов»; название Уч-Орион связано с тремя звездами «пояса» Ориона.

Стр. 80 «Особенно труден Кардонг и Сасир» — речь идет о перевалах через горные хребты Кардонг и Сасир, лежащие между котловиной Леха и горной системой Каракорум, высотой до 6000 м и более.

Хеми — ламаистский монастырь в окрестностях города Лех.

Стр. 81 «О манускриптах об Иисусе...» — здесь и далее Н. К. Рерих передает рассказы о так называемой сокровенной литературе, восходящие не далее как к XVI—XVII вв. Речь идет о легендах о путешествии молодого Иисуса Христа вместе с караваном купцов в Индию и Тибет.

Стр. 82 Тханка — буддийская икона в виде живописного свитка.

Стр. 83 Гелонг (тибетск.) — монах.

Хутухта (монг.) — «святой» — титул, который маньчжурские императоры Китая жаловали высшим чинам монгольской ламаистской церкви до революции 1911 г. Ургинский (уланбаторский) хутухта был духовным главой Монголии.

Стр. 84 Исса — арабская форма имени Иисус.

Стр. 85 «Здесь предание соединило пути Будды и Христа» — то есть, как допускал Н. К. Рерих, основываясь на легендах, в свое время через Лех проходил Будда в своем странствовании на Север за «истиной», а столетия спустя сюда пришел Иисус и читал свои проповеди.

Стр. 86 «Мехески — лунный народ» — картина Н. К. Рериха (1915 г.).

Стр. 87 ««Снегурочка» в чикагской постановке» — постановка оперы Н. А. Римского-Корсакова в Чикаго в оформлении Н. К. Рериха (1921 г.).

Красный всадник — Ригден Джапо, или Эрэгдын-Догбо-хан, 25-й, будущий царь Шамбалы в ламаистской

мифологии, который возглавит буддистов в «северной войне Шамбалы» с неверными и отступниками. «Пророчество» об этой войне в ламаизме связывается с приходом Майтрейи. Для Н. К. Рериха Ригден Джапо символизировал революцию, поэтому он написал и подарил правительству МНР картину «Красный всадник» (1926 г.).

Стр. 89 **Зоравар** — вождь племени догра, вторгавшийся в Западный Тибет из Кашмира.

Краледворская рукопись — «найдена» в 1817 г. в Кралевом Дворе Вацлавом Ганкою как памятник древнечешской литературы, в свое время эта находка произвела сенсацию, но затем обнаружилось, что это подделка.

Евангелие эбионитов (евангелие Двенадцати) — имело хождение среди последователей эбионитской секты (II—IV вв. н. э.); Иисус Христос характеризовался в нем не как бог, а человеком-мессией.

Иероним — Иероним Блаженный (около 340—420 гг.), славянин по происхождению, один из «отцов» христианской церкви, философ и ритор. Перевел греческий текст Библии на латинский язык; Adversus Pelagianos — «Противостоящий Пелагианам» — его сочинение.

Епифаний (умер в 403 г.) — выходец из Финикии, епископ Кипрский.

Ириней (около 130—202 гг.) — один из «отцов» христианской церкви, грек из Малой Азии, проповедовал христианство в Галлии (Франции), где был епископом Лионским.

Кардонг — горный отрог (более 6000 м) между Лехом и массивом Сасир, перевал через него — Чангла (5599 м).

«...На голой арктической поляне...» — в Тибете и Гималаях ниже зоны вечных снегов распространен ландшафт горных тундр и каменистых пустынь арктического типа.

Стр. 90 **«...Долины реки Нубры»** — Нубра — река бассейна р. Шайок, правого притока Инда; после перехода через Кардонг дорога идет вниз по течению р. Нубры.

Террит — небольшое поселение в долине р. Нубры в одном переходе от перевала Чангла.

Стр. 91 **Ворота-чортен** — чортен (тибетск.) — «ступа», следовательно, здесь — ворота в форме ступообразной башни.

Стр. 92 **Сандолинг** — ламаистский монастырь в долине р. Нубры на полпути от Террита в Панамик.

Панамик — небольшой поселок на левом берегу р. Нубры.

Стр. 93 **Караул-Даван** — перевал через отрог массива Сасир в дневном переходе от Панамика.

Магомет (арабск. Мухаммед, около 570—632 гг.) — араб из города Мекки, основатель ислама и арабского государства в Аравии. По мусульманским представлениям, он пророк, «посланник аллаха». Об «уважении» к женщине в исламе говорить не приходится: согласно и Корану, и обычаю, мусульманская женщина бесправна.

Ахмадии (ахмадие) — одна из сект в исламе суфийского толка, основана Мирзой Гулямом Ахмадом (1835—1908 гг.), выдававшим себя за новоявленных в одном лице Иисуса, Махди (мусульманского мессию) и воплощения Кришны. Проповедовал, что мусульмане Индии — отдельная нация, что вело к религиозной розни, прославлял «благонамеренность британского управления», организовал свои миссии в Европе и США.

Стр. 94 **«...Не понимает двадцатипятивековую организацию»** — Н. К. Рерих имеет в виду «организацию лам», в существование которой он верил. На деле единственной «организацией» была ламаистская церковь; «знания» лам не возвышались выше уровня средневековой науки и собственного жизненного опыта. Кроме того, буддийская церковь возникла в Тибете в IX в., а окончательно оформилась только лишь в XV в., так что ни о какой «двадцатипятивековой организации» не может быть и речи.

Сасир — перевал (5364 м) через горный массив Сасир в долину притока Шайока р. Чапчак; далее экспедиция шла по долине р. Шайок.

Стр. 97 **«... Чуете какую-то непонятную вам длительную работу гигантов»** — так образно описывает Н. К. Рерих нагромождение скал, систему долин и геологических наслоений в бассейне Шайока на юго-западном склоне Каракорума.

Стр. 98 **Пик Годвина** (ныне Чогори) — горный узел, высочайшая (8611 м) вершина Каракорума.

Экспедиция Филиппи — Филиппо де Филиппи возглавлял итальянскую географическую экспедицию 1913—1914 гг., исследовавшую Гималаи, Каракорум и Восточный (Китайский) Туркестан.

«... Вместо Каргалыка идти на Сугет-даван и на Санджу-даван» — Каргалык — древний город в бассейне Яркенда, после выхода ее с гор; Сугет-даван и Санджу-даван — высокогорные (св. 5000 м) перевалы через северные отроги Каракорума на пути в долину Хотана.

Стр. 99 **Каракорум** — здесь перевал Каракорум (5575 м) через

одноименный хребет, из долины р. Чапчак (бассейн Шайока) в долину р. Чобру; далее экспедиция, переправившись через Чобру, поднялась на перевал Сугет (5285 м), спустилась в долину р. Каракаш (один из истоков р. Хотан).

«...Дошли до раздела путей на Кокяр или Санджу» — путь в Хатан через селение Кокяр в долине р. Каракаш длиннее, через хребет Санджутаг — короче.

Махатма Ак-Дордже — ак — «белый», дордже — «молния», символ огня; возможно, Н. К. Рерих имеет в виду тибетского «мудреца», философа Гуичеи Чжамьяна Шадпа Дордже (XVIII в.).

Стр. 100 Курул (Караул-Сугет) — пост у северного подножия хребта Сугеттаг, по дороге от перевала Сугет-даван в долину р. Каракаш.

Стр. 102 «Кто хочет писать бегство в Египет?» — Н. К. Рерих имеет в виду эпизод из Евангелия: родители младенца Христа бежали из Иудеи в Египет, когда царь Иудеи Ирод приказал истребить всех первенцев-мальчиков, родившихся одновременно с Христом.

Яхтан — походный сундучок, сделанный из дерева и обтянутый кожей.

Пелинги — люди Запада, в данном случае европейцы.

Стр. 103 Ахун — старший мулла у мусульман, также звание мусульманских образованных и ученых лиц.

Дуньхуан — древний город на западе китайской провинции Ганьсу, в окрестностях которого расположен буддийский пещерный монастырь IV в. Цяньфодуи («пещера 1000 будд»), состоящий из более 200 пещер.

Стр. 104 «... Старого Босха или Питера Брейгеля» — Босх Ван Акен, Иероним (около 1450—1516 гг.), нидерландский живописец, сочетавший в своих картинах средневековую фантастику с демократическими тенденциями. Брейгель, Питер Старший (1525 или 1530—1569 гг.) — нидерландский живописец, рисовальщик и гравер, лучшие произведения — сцены из народной жизни, проникнутые демократическим духом.

Стр. 105 «...Из Санджубазара или из Гумабазара (Санджу и Гума) — оазисы и населенные пункты в долине Хотана у подножия массива Санджу, по дороге на оазис Хотан.

Стр. 106 Дардистан — область на севере Индии и Пакистана, где живут дарды.

Дастархан (тюркск.) — застолье, угощение.

«...Америка и Азия были неразорванным континентом» — речь идет, видимо, о времени, когда на месте современных Берингова моря и пролива 15—20 тыс.

лет назад существовала суша, соединявшая Азию и Северную Америку в единый континент.

Стр. 108 **Такла-Макан** — обширная песчаная пустыня, занимающая Таримскую впадину в Западном Китае, между Куньлунем и Тянь-Шанем.

Тохары — народ из Тохаристана (территория современных Узбекской и Таджикской ССР), во II в. до н. э. завоевавший грекобактрийское царство.

Стр. 109 **«...От Пналмы до Зуава»** — оазисы и населенные пункты у подножия гор Санджутага, по дороге на Хотан.

«Неожиданный Сан Марко» — Сан Марко (святой Марк) — собор в Венеции; видимо, Н. К. Рерих сравнивает здесь мазар и мечеть с этим собором из-за обилия голубей.

Стр. 110 **Даотай** — в старом Китае чиновник для особых поручений; в Хотане даотай ведал религиозными делами; запрещая Н. К. Рериху рисовать, он, видимо, ссылался на запрет Кораном изображать людей, поскольку население Хотана было мусульманским.

Стр. 111 **Виктрола** — так до начала тридцатых годов назывались механические проигрыватели пластинок, патефоны.

Ямынь — здесь канцелярия уездного начальника.

Стр. 112 **Тибетские волкодавы** — крупные длинношерстные собаки, способные в одиночку справиться с медведем; ныне — исчезнувшая порода.

Стр. 114 **Урумчи** — административный центр Синьцзяна.

Кашгар — город в западной части Синьцзяна на р. Кашгар, левом притоке Яркенда.

Стр. 115 **Гедин, Свен** (1865—1952 гг.) — шведский путешественник, исследователь Гималаев и Центральной Азии.

Фильхнер, Вильгельм (1877—1940 гг.) — немецкий геофизик, вел магнитометрические съемки в Центральной и Средней Азии и в Китае, результаты которых опубликовал в ряде капитальных трудов, писал также о культуре Центральной Азии.

Стр. 116 **Сутры** — обширная индийская литература, примыкающая к Ведам; буддийские сутры описывают легендарные случаи из жизни Будды и излагают приписываемые ему проповеди, образуют второй раздел основного буддийского канона Трипитака, или Типитака («Три корзины»).

«...Вести о разрушении французами Дамаска» — в 1925—1927 гг. французские империалисты вели жестокую борьбу с сирийскими повстанцами, добивавшимися независимости своей страны.

Стр. 117 **Белл, Чарлз Альфред** (1870—1940 гг.) — британский политический эмиссар, с 1913 по 1935 г. проводил в Центральной Азии английскую политику, пытаясь распространить влияние Англии на Тибет.

«Будда мог быть монголоидного происхождения» — для такого предположения нет никаких данных; по преданию, жизнь Будды до «просветления» обычна для правоверного индуиста, а название его клана шакья (саки) скорее свидетельствует о его скифском происхождении.

«...Почему китайская рука писала... о Майтрейе?» — в Китае тоже был распространен буддизм махаяны.

Стейн, Аурел (1862—1943 гг.) — крупный английский археолог и востоковед, с 1899 г. исследовал памятники Центральной Азии и опубликовал ряд трудов, не потерявших своего значения до сих пор.

Боде — возможно, Вильгельм Боде (1845—1929 гг.) — немецкий историк искусства и музейный деятель; с 1906 по 1920 г.— генеральный директор берлинских музеев.

Маршалл, Джон (1876—1958 гг.) — крупный английский археолог, с 1902 г. директор археологической службы Индии, руководил раскопками в Таксиле и Мохенджо-даро памятников древнеиндийской цивилизации.

Стр. 118 **«...Пути, разветвляющемся на Аксу, Кучу и Дуньхуан»** — Аксу — приток р. Тарим; также оазис и город на этой реке у южного подножия Тянь-Шаня; Куча — оазис и город у северной окраины Таримской впадины, восточнее Аксу.

Ганьсу — провинция Северо-Западного Китая, граничащая с северо-восточным Тибетом.

Аппиева дорога — мощенная каменными плитами дорога от Рима до Капуи (около Неаполя), проложенная в 312 г. до н. э. по распоряжению римского цензора Клавдия Аппия; позже она была продолжена до южного порта Бриндизи. Сохранилась и действует до наших дней.

Остия—морские ворота Рима, порт в устье р. Тибр, испытавший расцвет в конце I в. до н. э. — начале II в. н. э.

«... Там везде... имеются следы буддизма... не открытые» — Н. К. Рерих был прав: в последующие десятилетия в советской Средней Азии открыты значительные памятники буддизма.

Пеллио, Поль (1878—1945 гг.) — выдающийся фран-

цузский востоковед, автор трехтомного описания Дуньхуана (Париж, 1914—1920 гг.).

Янь — Янь Цзэнь-синь — губернатор Синьцзяна, назначенный еще императорским правительством в 1908 г., удержался на должности до 1928 г. Крайний реакционер и самодур.

Стр. 119 **Ригден Джапо** — см. «Красный всадник».

«...Гигантские зобы у населения» — заболевание щитовидной железы, вызванное нехваткой йода в питьевой воде.

Стр. 120 **«...Ездил с большим ученым П.»** — неясно, о ком здесь речь; возможно, что это известный французский востоковед Поль Пеллио, о котором говорилось выше.

Стр. 121 **Гран Гиньоль** — парижский театр, возник в 1899 г., ставил детективные и скабрезные пьесы, инсценировки бульварных романов, близких мелодраме, «театр ужасов».

Стр. 123 **Музей Виктории и Альберта** — художественный музей в Лондоне, основан в 1852 г.; обладает ценной коллекцией произведений мирового искусства, в том числе народов Востока.

Стр. 124 **Чжан Цзо-лин** (1876—1928 гг.) — китайский милитарист, глава реакционной фынтяньской (мукденской) группировки генералов, прояпонский политический деятель; выступал против прогрессивных сил в Китае, в 1924—1925 и 1926—1928 гг. контролировал центральное пекинское правительство.

Стр. 126 **«...Превращенное в мумию тело одного ученого»** — на большой высоте в условиях морозного и сухого климата может происходить естественная мумификация тел умерших.

Стр. 127 **Великая аватара** — в индуизме будущее, десятое воплощение на земле «хранителя мира», бога Вишну.

Давид-Ниль, Александра — французская исследовательница Тибета, перевела на французский язык восточно-тибетскую версию Гесериады (Париж, 1931 г.).

Стр. 131 **Бамиан** — город в Афганистане на р. Бамиан; до арабского завоевания в VII в. — крупнейший буддийский центр (сохранился монастырский комплекс I—VIII вв. из более чем 2000 пещер, украшенных росписями, резьбой, статуями Будды).

Стр. 135 **Камио** — вероятно, имеется в виду один из изначальных духов — Камио-мусуби в древней японской религии синто; считается покровительницей города Нары, где находится главный синтоистский храм.

Двенадцатизначник (додекаэдрон) — додекаэдр, один из

пятн типов правильных многогранников с двенадцатью гранями, символ Матери Мира; также алхимическо-астрологнческий символ.

«... Зажигающнй, явленный в молнии! » — в последних абзацах главы приводятся древние гимны культов богинь плодородия.

Стр. 136 Карашар — оазис и населенный пункт на северо-восточиой окраине пустыни Такла-Макан, у подножия Тянь-Шаня.

«Остановки до Кашгара...» — Зуава, Пиалма — см. комм. к стр. 109; от Пиалмы далее: Зангу (Чуда), Гума, Чолак, Акин — оазисы и населенные пункты у северного подножня Куньлуня, на юго-западной окраине Таримской впадины; Каргалык, Фоскан, Яркенд — города и селения у подножия крайних северо-западных отрогов Куньлуня; Кокрабат, Кизил, Янгигисар, Яборчат — у подножия восточных склонов Памира.

Стр. 138 «...Главному покровителю опиума в Калькутте поставлена статуя» — имеется в виду, очевидно, генерал-губернатор Индии Гастингс (в период 1813—1823 гг.), покровительствовавший вывозу индийского опиума в Китай.

Потаи (искаженное от китайск. «бао-тай») — глинобитные колонны или башенки, которыми в старину отмечали вдоль дорог Китая каждые 10 ли, или 4,5 км. Н. К. Рерих называет потаями не только башни, но и расстояния между ними.

Стр. 140 Харон — в древнегреческой мифологии перевозчик душ умерших через пограничную реку царства мертвых; также мудрый кентавр (получеловек-полуконь), воспитатель многих мифических героев.

Стр. 142 Владимирцев Б. Я. (1884—1931 гг.) — выдающийся советский монголовед, автор таких фундаментальных работ, как «Чингис-хан», «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», «Монголо-ойратский героический эпос» и др.

Руднев А. И. (1878—1958) — русский монголовед, первый учитель Ю. Н. Рериха.

Лянгар — постоялый двор в Центральной Азии и дореволюционной Средней Азии.

Стр. 143 Дягилев и Больм — Дягилев С. П. (1872—1929 гг.) — русский театральный деятель; в конце 90-х годов XIX в. — один из создателей объединения художников «Мир искусства», с 1907 г. — организатор «русских сезонов» — симфонических концертов, оперных и ба-

летных спектаклей за границей, в оформленни которых участвовал Н. К. Рерих. Больм, Адольф (Эмнлий) Рудольфович (1884—1951 гг.) — русский артист балета, балетмейстер, в 1908—1916 гг. работал в труппе С. П. Дягилева.

Стр. 145 «...О... выступлениях Фыня» — Фын Юй-сяи (1882—1948 гг.) — полнтический н военный деятель гоминдановского Китая; порвав с Чжан Цзо-лнном, вступил в гоминдан, возглавил объедннеиные в народнореволюциоииую армию левогоминдановские и коммуиистнческие отряды н выступил в 1925—1926 гг. против мукденских милитаристов. В дальпейшем неоднократно действовал в союзе с коммунистнческимн снлами (главным образом в борьбе с япоицами) и конфликтовал с Чан Кай-шн.

Кашгарский хребет — неясно, что имел в виду Н. К. Рерих, такого хребта нет. Видимо, зто отроги Куньлуня.

Стр. 146 Каракумские (то есть «черные») — здесь названы по нх цвету — черному из-за пустынного «загара» (железисто-марганцевой пленки иа песчинках).

Стр. 147 Мазар Мирнам — Н. К. Рериху, видимо, рассказали об зтой гробнице как о «гробнице Марин, матери Иссы», иа самом деле под Кашгаром есть мазар Бнби Анны, местной легендариой «святой», мать которой якобы беременной приехала из Египта.

Стр. 147 Рицинус, лакрица, дигиталис — рицннус — растенне семейства молочайных, желудочное средство; лакрица относится к семейству бобовых, корень лакричника входнт в состав грудного чая; дигиталнс — травянистое растенне семейства коричниковых, наперстянка, сердечное средство.

Стр. 148 «...Пии и стволы давних лесов...» — юрские угленосные и меловые морскне н озерные отложения (древиость 70—150 млн. лет) Синьцзяна содержат не только пни и стволы лесов того временн, ио и остаткн ранее погребенных лесов.

«Чепраси» (чапрасн; хиндн) — вестник, курьер, слуга, полицейский.

Стр. 149 Увеселнтельные моторы — механическне музыкальные ящнкн.

Стр. 151 Лекок А.— немецкнй археолог, возглавлял вторую (1904—1905 гг.), третью (1906—1907 гг.) н четвертую (1907 г.) немецкие экспедиции в Центральную Азию, самостоятельно и совместно с искусствоведом Грюнведелем нзучал памятиики оазисов от Турфана до Хамн,

в Куче, Карашаре, Комуле, Кокяре, Хочжу и Малалбаши; занимался также проблемой роли античного наследия в центральноазиатском искусстве.

Кейсар (Кесар, или Гесер) — по-видимому, модификация имени Гесерхан, герой эпоса о Кейсаре Лингском, широко распространенного в Тибете и Монголии (см. *Ю. Н. Рерих.* Избранные труды. М., 1967, стр. 181—215).

Стр. 155 **«...Государство с 400 000 000 населения...»** — имеется в виду весь Китай.

Стр. 157 **Барат** — название месяца в мусульманском календаре, соответствует времени от середины февраля до середины марта.

Торгоуты — этнографическая группа западных монголов, или олетов, говорят на торгоутском диалекте монгольского языка.

Стр. 158 **Кумган** (кунган) — металлический сосуд с высоким носиком и ручкой, широко бытует в Средней Азии, Иране, Кашмире.

Стр. 159 **«...Причина, гнавшая великих переселенцев и завоевателей...»** — Н. К. Рерих имеет в виду точку зрения французской исторической школы того времени, объяснявшей причину Великого переселения народов IV—V вв., завоеваний арабов и нашествия монголов «иссушением» климата в областях их обитания. На самом деле в передвижениях народов основную роль играли социальные причины.

Стр. 160 **«...Вспомнили рассказы М. ...»** — М., возможно, Мещеряков, служащий фирмы Бреннер в Куче.

Сарты — в царской России название киргизов и казахов, представлявшее презрительную кличку. В годы путешествия Н. К. Рериха продолжало бытовать в Синьцзяне.

Стр. 161 **Уч-Турфан** — оазис в низовьях р. Тарим.

Стр. 163 **Тамаша** — шумное и веселое представление.

Стр. 164 **Якуб-бек** — предводитель повстанческого движения среди мусульманского населения Хотана в шестидесятых годах XIX века.

Кокто, Жан (1889—1963 гг.) — французский писатель, художник, театральный деятель и киносценарист; после 1910 г. сблизился с постановщиком русских балетов в Париже С. П. Дягилевым и увлек его кубизмом и футуризмом, впоследствии сторонник абстракционизма и попарта.

Стр. 165 **«...Перевал Музарт — на Илийский край и к калмыкам»** — в Восточном Тянь-Шане перевал в долину верхнего течения Или р. Текес и вниз по Текесу в

Джуигарию. Здесь, у севериого подножия Тянь-Шаня, дорога разветвляется на запад в Кульджу, на р. Или, н иа северо-восток, к предгорьям Алтая, где жилн ойроты, которых, как н других западных монголов, относили в то время к калмыкам.

Стр. 170 Арбакеши, мафакеши, керакеши (тюркск.) — арбакеши — владельцы арб, двухколесных телег; мафакеши — владельцы маф, повозок; керакеши — владельцы лошадей.

Стр. 171 «...Пришел народ...н неизвестно как растворнлся, пропал бесследио» — иароды бесследио ие исчезают: Н. К. Рерих сам в этой киите приводит иемало примеров, говорящих о возможиости культуриого взаимовлияння иародов еще со скнфских времеи, даже такнх отдалеиных друг от друга районов, как Европейская Россия н Центральная Азия.

Стр. 172 Лоб — средневековый город у древней западной береговой линии озера Лоб-Нор в Западном Китае, оставленный жителями вследствне отступления озера н изменения русла р. Тарим.

Токсун — населенный пункт у северной окраины Турфаиской впадины.

«... Через калмыков, по горным путям» — то есть через Восточиый Тяиь-Шаиь, иаселеииый западными моигольскими племеиами.

Стр. 173 «... Д. здесь называют ншаном...» — Д.— сотрудник фирмы Бреииера Дмитриев; ишаи (таджикск. эшо-н) — «они», вежливая форма множествеиного чнсла в обращеиии к духовному руководителю в исмаилитской секте суфийского толка ислама; ишаны былн не только «духовнымн руководителями», но н феодальными светскими владетелями и правителями.

«Б. недавно видел...» — возможно, А. Е. Быстров, геиеральный коисул СССР в Синьцзяне, с которым Н. К. Рерих устаиовил переписку еще во время пребываиия в Хотаие.

«Берцовая кость... длнною 6 четвертей» — по-видимому, кость одного из живших 15—20 млн. лет назад, в миоцене, гигаитских безрогнх иосорогов — индрикотериев — крупиейших из когда-либо существовавших наземных млекопитающнх; в Центральной Азии сделано много таких находок.

Д. и М. — Дмитриев н Мещеряков, сотруднкн фирмы Бреииер в Куче.

Стр. 175 Рескиннзм — утопнческая теория, идеализнрующая ручное производство, которое якобы одно может быть

художественным в отличие от машинного; название — по ее автору, английскому искусствоведу-теоретику и публицисту Джону Раскину, или Рескину (1819—1900 гг.). Рескин выступал за возрождение «наивного» искусства раннего Возрождения (до Рафаэля), против крупного машинного производства и считал, что только искусство может «облагородить» современное ему общество. Положил начало движению прерафаэлитов, оказавших большое влияние на бенгальскую школу индийской живописи.

Стр. 176 «Сегодня день наших учреждений в Америке. День учредителей» — то есть годовщина учреждения акционерного общества Музея Рериха в Нью-Йорке и Института и школы объединенных искусств при нем.

«Сколько монгольского в типах... майев и у краснокожих индейцев» — это естественно: американские индейцы относятся к монголоидной расе, сохранив ее ранний тип.

Стр. 177 Бакша (киргизск., у монголов — багша) — у киргизов в прошлом — прорицатель (шаман), у калмыков — духовный титул, а также сказитель и певец.

Стр. 178 «Два лада идут» — очевидно, Н. К. Рерих говорит о двухголосом пении, распространенном у эвенков, нанайцев, башкир, алтайцев, тувинцев и некоторых других народов Азии; певец сопровождает основную мелодию носоглоточным вторящим звуком.

Мингесаур (Мингсаур) — тюркск. мин — «тысяча», саур — «могила», следовательно, правильный перевод «тысяча могил».

Стр. 179 Джунгария — географическая область на севере Синьцзяна, между Восточным Тянь-Шанем на юге, Алтаем на северо-востоке и Джунгарским Алатау на северо-западе.

Стр. 180 «...Олеты занимают Илийский край» — здесь и ниже перечисляются племена западных монголов и районы их кочевок и поселений. Калмыцкие улусы Кавказа и под Астраханью — ныне территория Калмыцкой АССР; на Алтае имеются в виду алтайцы, в прошлом называвшиеся ойротами.

Айша — калмыцкий хан, в русских документах XVII в. «царь», при котором в Поволжье пришли западные калмыки, признавшие русское подданство.

Гаутама — Будда, Гаутамой назывался как член рода Готама.

Стр. 181 «...Высокий Текедаван... пойдем через более низкий Сумундаван» — перевалы в Восточном Тянь-Шане.

Кобдо — город на западе МНР на р. Буянту, административный центр, крупный узел дорог и важный пункт торговли в годы путешествия Н. К. Рериха.

Стр. 185 «Не бывать ему больше бурханом» — бурхан у монголов-буддистов — идол, изображение будды или святого; здесь — в смысле «святым», поскольку хан, о котором идет речь, был якобы воплощением святого.

Нойонский налог — от монгольск. нойон — «князь», значит, «княжеский налог».

Стр. 187 «...Времен завоевания Андижана и Ферганы» — уйгурский правитель Яркенда хан Абубекр в начале XV в. на короткое время завоевал часть Средней Азии — Бадахшан, Фергану, Андижан — вплоть до Ташкента.

Стр. 192 Мантенья, Андреа (1431—1506 гг.) — выдающийся итальянский живописец и график падуанской школы, писал на религиозные и мифологические сюжеты; главные произведения — росписи в церкви Ден Эремитани в Падуе и в палаццо Дукале в Мантуе.

Стр. 194 Хами — город и оазис в восточной части Синьцзяна.

Стр. 195 «...Иду к консулу Быстрову» — А. Е. Быстров в годы путешествия Н. К. Рериха — Генеральный консул СССР в Синьцзяне.

Стр. 196 «Рассказывает ужасы об Унгерне, Семенове, Анненкове» — перечисляются руководители белогвардейских отрядов на Алтае и в Монголии; речь идет об эпизодах гражданской войны и преступлениях атаманов карательных отрядов контрреволюции.

Стр. 197 Мирбо, Октав (1850—1917 гг.) — французский романист и драматург; первые его романы выражали критическое отношение к буржуазному обществу, католической церкви и мещанской морали, хотя и страдали натурализмом и эротикой, позднее вытеснившей из его творчества антибуржуазные мотивы. Одно из таких произведений Мирбо — «Сад пыток».

Стр. 199 «...Расхищение мечетей Прикаспийского края...» — Н. К. Рерих говорит об англичанах, которые в 1918—1919 гг. вывозили из оккупированных ими и занятых белогвардейскими войсками территорий ценности и художественные памятники.

«В Мерве, Полторацке, в оазисе Анау...» — Мерв — город и оазис в дельте р. Мургаб, ныне Мары, здесь — памятники античной эпохи и более поздние; Полторацк — ныне Ашхабад; Анау — холм и селение в Южной Туркмении, остатки древнейших земледельческих поселений культуры Анау (4-е—3-е тысячелетия до н. э.).

«...Гиганты Атлантиды» — Н. К. Рерих имеет в виду статуи острова Пасхи, о мнимой гибели которого до экспедиции дошли слухи. Согласно фантастической оккультной «истории», эти статуи были некогда воздвигнуты атлантами, империя которых будто бы простиралась от Тихого океана до границ Древнего Египта.

Сантана — «движение», «поток», в индуизме — непрерывный поток поколений.

«...Космическая энергия закрепляет шаги эволюции человечества» — в индуизме, буддизме, а также в тантризме существует представление о единстве микрокосмоса (человека) и макрокосмоса (вселенной). Поэтому процессы, происходящие во вселенной и в организме человека, якобы взаимно влияют друг на друга, эволюция одного есть эволюция другого.

Стр. 201 «...Приходит Зенкевич...» — вероятно, А. П. Зинькович, старший переводчик консульства в Урумчи.

Стр. 202 «...Ф.» — Фельдман, директор Русско-Азиатского банка.

Стр. 203 «...Г.» — А. А. Голубкин, завхоз экспедиции.

Стр. 204 «...Конечно, что-то могло случиться в области гейзеров и старых вулканов» — со времени А. Гумбольдта долго существовало ошибочное мнение о наличии современной вулканической активности в горных системах Центральной Азии, поэтому, услышав о странном случае, якобы имевшем место в Тибете, Н. К. Рерих связал его с вулканическими процессами.

Ольденбург С. Ф. (1863—1934 гг.) — крупный русский востоковед, академик, автор работ по буддизму, фольклору, этнографии и искусству народов России, Западной Европы, Индонезии, Китая, Афганистана; участвовал в научных экспедициях в Синьцзян.

Стр. 205 «...Не решались прийти на открытие памятника Ленину...» — речь идет о бюсте В. И. Ленина, который предполагалось установить во дворе консульства СССР в Урумчи; Н. К. Рерих спроектировал для него пьедестал в виде усеченной пирамиды на платформе; когда пьедестал был готов, губернатор Синьцзяна Ян Цзесинь запретил установку бюста и открытие памятника.

Стр. 208 Амдосский край — Амдо, старинное название провинции Цинхай на северо-востоке Тибета. Это горная страна высотой от 3,5 тыс. до 5 тыс. м.

Стр. 209 Лабран — один из влиятельнейших в прошлом монастырей в Центральном Тибете.

«Длинное ухо», или узуи-кулак, — по древнему обычаю кочевых народов, каждый, услышавший или увидевший что-либо новое, обязан передать новость дальше. Таким образом новости распространялись с большой быстротой на обширных пространствах.

Стр. 210 **Куинджи А. И.** (1842—1910 гг.) — выдающийся русский живописец-пейзажист, учитель Н. К. Рериха.

«... Вести о движениях кантонских войск» — очевидно, речь идет о народно-революционной армии генерала Фыня, созданной после объединения левогоминдановских и коммунистических отрядов.

Стр. 211 **«...Правительство Кантона»** — то есть правительство Сунь Ят-сена, резиденция которого была в Кантоне; однако правительство Сунь Ят-сена к этому времени не существовало уже около трех лет.

Остаде, Адриан, ван (1610—1685 гг.) — из Харлема (Нидерланды), живописец, рисовальщик и офортист, мастер крестьянского бытового жанра, представитель голландского реализма.

Яфетиды — якобы народы, говорившие на «яфетических» языках, создатели древней культуры, по терминологии известного советского языковеда академика Н. Я. Марра, выдвинувшего ошибочное учение о существовании в прошлом особой, «яфетической», стадии развития у всех языков мира.

Стр. 212 **«...Срок выезда М. и З.»** — Морис Лихтман и Зинаида Лихтман (ныне Фосдик), друзья и сотрудники Н. К. Рериха по Музею и Институту Рериха в Нью-Йорке; с ними Рерих вел переписку во время путешествия. Они участвовали в экспедиции по Алтаю.

Стр. 213 **«...Почему Германии все можно?»** — после поражения в войне 1914—1918 гг. Германия вела активную политику в Азии, стремясь восстановить свое влияние и расширить рынки, поддерживала реакционных генералов и гоминдан. Во время экспедиции Н. К. Рериха в Китае уже действовала миссия немецкого генерала фон Секта, способствовавшая организации антиреволюционной армии и ее командного состава.

Стр. 214 **Оккультные силы** — таинственные, непостижимые силы природы, свойства материи, человеческого организма, которые, по мистическим представлениям, якобы существуют и доступны только познанию избранных, специально для этого подготовленных лиц — служителям культов, колдунам, магам, факирам. На деле «таинственные силы» были либо искусством иллюзионизма и гипнотического внушения, либо мошенничеством.

Геше — здесь монах-лама, сведущий в буддизме; во время описываемого путешествия был ассистентом Ю. Н. Рериха.

Сеизар — «сензарский» язык в эзотернзме (учении для «посвященных») — условный, непонятиый для посторонних.

«...Телеграмма Чичерина...» — Чичерин Г. В. (1872—1936 гг.), старый большевик, крупный государственный деятель, в 1918—1930 гг.— народный комиссар иностранных дел; речь здесь идет о переписке по поводу посещения Рерихами СССР и проезде экспедиции через советскую территорию в Монголию.

Стр. 215 **«Читали записки Е[лены] И[вановны] по основам буддизма»** — во время путешествия Е. И. Рерих писала брошюру «Основы буддизма», изданиую в Улан-Баторе.

«...Из семи голов вышло семь чаш...» — обычай делать чаши из черепов побежденных врагов имел ритуальное значение и существовал у миогих иародов иа стадии разложения родового строя.

Манзал-Гормо — одна из богинь шаманского пантеона у монголов.

Трипитака (саискр., на языке пали Типитака, буквально «три корзины») — основной буддийский канон, состоящий из трех частей, в которых излагаются правила приема и поведения в буддийских общинах, поучения Будды и сущность буддийской философии.

Рибхвасы (рибхва) — космические духи.

Сома — одно из имен Луны в индийской мифологии, божество мужского пола; по одной из версий — сын Сурьи — солица; также священный иапиток древних ариев, нечто вроде пива или браги.

Джиль-кор (или мандала, у монголов «сансарнн-хурдэ») — в индуизме, в Тибете и Монголии — модель Мира, изображеииая либо иа металлическом блюде, либо рисоваиная; иа ией расположеи «центр мира» и все «три мира» (напрнмер, подземный, земной и небесный), а также (в буддийской модели) — все стадии развития человеческого духа.

Стр. 216 **Манас** — здесь река в Синьцзяне.

Стр. 218 **«...Вулканические показания в районе Чугучака, Кульджи, Верного [Алма-Аты] и Ташкента»** — ии в одном из этих районов «вулкаиических показаний» моложе двадцати миллионов лет нет, в настоящее время вся Центральная и Средняя Азия отиосится к вулканнчески иеактивным зонам. Однако области, примыкающие к Памиру и Тянь-Шаню, подвержены землетрясениям.

Юлдусы — высокогорные котловины с хорошими пастбищами.

Стр. 219 Манас — здесь город на р. Манас в Синьцзяне.

Стр. 220 «Расстояние между Олон-Булак и Кульдиненом» — населенные пункты к западу-северо-западу от Урумчи, у северного подножия Восточного Тянь-Шаня, на пути к долине р. Манас.

«...Прн восстании дунган» — восстание, вспыхнувшее в 1862 г. в китайской провинции Шэньси среди китайской народности дунган (хуэйцзы), исповедующей ислам. Восстание использовали в своих целях западнокитайские феодалы и мусульманское духовенство. Позже оно перекинулось в Ганьсу, национальная верхушка отошла от восставших и повстанцы постепенно были вытеснены в Синьцзян. В 1877 г. их остатки под предводительством крестьянского вождя Биянху перешли русскую границу и поселились в Казахстане. Волнения среди дунган Синьцзяна, однако, продолжались и позже, в частности в период экспедиции Н. К. Рериха.

Стр. 221 «...Настроение в ощущение участка» — имеется в виду полицейский участок.

Стр. 223 Бентлей — телеграфный шифр.

Стр. 224 Цаган-хутухта (святой старец) — титул «заслуженного» алтайского ламы.

Чугучак (Дачэн) — город в Синьцзяне, административный центр Тарбагатайского округа.

Стр. 226 «Петля на Монголию задумана генерал-губернатором широко...» — генерал-губернатор Синьцзяна Ян Цзэсинь широко использовал религиозную рознь и предрассудки, национальную рознь, всячески разжигал их. Увидев невозможность военного вмешательства в монгольскую революцию, он решил воспользоваться религиозными чувствами западных (из области Кобдо), а также тибетских монголов, распустив слух об избрании таши-ламы китайским императором, полагая, что личность этого почитаемого ламаистского главы привлечет верующих.

Стр. 227 Лауфер, Бертольд (1874—1934 гг.) — американский антрополог и востоковед, участник экспедиций в Китай и Тибет, автор многих работ по археологии и филологии Востока.

Стр. 228 «...Хризопразами взгорий» — хризопраз — разновидность халцедона (полудрагоценного поделочного камня), вследствие примеси никеля имеет яблочно-зеленый цвет; таким образом, Н. К. Рерих здесь говорит о «зелени взгорий».

Кульобская ваза — золотая ваза с изображением сцен из жизни скифов. Найдена в 1830 г. археологом И. А. Стемпковским в курганном захоронении скифского вождя в Куль-оба под Керчью (Крым), относящемся к IV в. до н. э.

Стр. 230 **«На стене висит Никола и премия «Нивы»»** — то есть икона Николая-угодника, православного «святого»; «Нива» — дореволюционный популярный литературно-художественный журнал, издавался в Петербурге, постоянным подписчикам высылал премии, в частности репродукции картин.

Стр. 233 **Барантачество** — разбой, угон бараньих стад — барант.

«И земля — земля Будды — переносится на великую могилу» — посетив в 1926 г. Москву, Н. К. Рерих передал народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину ларец со священной для индийцев гималайской землей, чтобы ее поместили «на могилу» В. И. Ленина, а также сопроводительное «письмо махатм» (см. *С. Зарницкий* и *Л. Трофимова*. Путь к Родине.— «Международная жизнь» № 1, 1965 г.).

«... Поймали богатого бая-разбойника» — Н. К. Рерих упоминает в книге о налетах последних басмаческих банд и китайских торговцев опиумом — контрабандистов. Не представляя себе, в каких сложных классовых условиях утверждалась Советская власть в Средней Азии и Казахстане, он воспринимал слышанные им случаи как обыкновенный разбой.

Стр. 234 **«...Сон Востока»** — картина Н. К. Рериха, написанная в 1920 г., на ней изображен богатырь с восточными, скифскими чертами лица в глубоком сне. Прибыв в СССР, художник привез в Москву развивающую эту тему картину «Явление срока» (1926 г.): над спокойной землей — голова гиганта богатыря, в лице которого узнаются черты Ленина, зорко глядящего на Восток. О толковании этой картины и спорах вокруг нее и говорит здесь Рерих, так определявший ее идею: «Настал срок восточным народам пробудиться от векового сна, сбросить цепи рабства».

Стр. 235 **«Т. не знает...»** — о ком идет здесь речь, установить не удалось.

«Как Ленин говорил: «Претворение возможности в необходимость» — В. И. Ленин в различных аспектах писал и говорил о «претворении возможности в действительность».

Стр. 236 **«... Стан половецкий»** и **«Заморские гости»** — работы

Н. К. Рериха. «Половецкий стан» — эскиз и декорации, созданные для дягилевской постановки оперы Бородина «Князь Игорь» в 1909 г., «Заморские гости» (варяжские купцы) — известная картина 1902 г.

«...Место, где утонул завоеватель Сибири» — то есть Ермак; в действительности место гибели Ермака точно не установлено.

«...Б. многое рассказывает» — очевидно, Борис Константинович Рерих, брат художника, приехавший встречать его в Омск.

«...От реки Тишта поднимались к Чаконгу...» — р. Тишта, или Тиста, в Сиккиме, истоки — с восточной стороны Канченджанги; Чаконг — монастырь в ее верховьях.

Стр. 237 Козлов — П. К. Козлов (1863—1935 гг.) — выдающийся русский советский исследователь Центральной Азии.

«В полночь приходит поезд» — речь идет об отъезде Рерихов в Москву, где они пробыли с 13 июня по 22 июля 1926 г.

Стр. 240 «...Трава и цветы в рост вершников» — вершники (старорусск.) — «всадники».

«...Имя Ойрота приняла целая область» — Ойротская, ныне Горно-Алтайская область, названа не по мифическому герою сказания о Белом Бурхане, а по народности ойроты.

Аконит — ядовитое растение семейства лютиковых с оригинальными синими или фиолетовыми листьями (почему Н. К. Рерих и называет его черным), употребляется в фармакологии.

Беловодье — у русских староверов, начиная с XVII—XVIII вв., страна обетованная, с богатыми землями и природой, где живут праведники и нет бояр и «гонителей веры»; в поисках Беловодья староверы уходили в уральские и сибирские леса и горы. По мнению Н. К. Рериха, на Алтае легенда о Беловодье приняла некоторые черты легенды о Шамбале.

«...Дед Атаманова...» — Атамановы — семья староверов на Алтае, у которых останавливались Рерихи.

Стр. 241 «...Denis Соколиха с бухтарминскими...» — Соколиха — Соколова, местная жительница; «бухтарминские» — жители долины р. Бухтармы на Алтае.

Стр. 242 Сказ про Иоасафа — «Повесть о Иоасафе, царевиче Индийском», памятник средневековой русской литературы, переведенный с греческого (византийского) и представляющий собой пересказ жизнеописания Сиддхартхи Гаутамы (бодхисаттвы-Будды).

Пантелей Целитель — врач Пантелеймон из Никомедии, в 305 г. казнен как христианин, признан церковью «святым».

Скрыни (или скрынь) — старорусск. — «укладка», «сундук», «ларец».

«...Прикинулись коммунарами и наехали грабить» — в первые годы Советской власти в Казахстане и Средней Азии кулачество и белогвардейцы вели борьбу против создававшихся коммун, для чего враги советского строя умышленно называли себя коммунарами.

Стр. 243 **«В Лахоре... Барамуле...»** — Лахор—город в Западном Пакистане, на левом берегу р. Рави. Барамул — местность и населенный пункт на севере штата Джамму и Кашмир в Индии.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы и т. д. — русские религиозные секты разного толка, каких на Алтае было много: начиная с XVII в. туда бежали сектанты, спасаясь от преследования официальной церкви и правительства России. Особенно много было староверов, по-сибирски — кержаков.

«...Сделана разбивка линии до Котанды» — этот проект постройки железной дороги не был осуществлен.

Стр. 244 **«...Деления на гуннов, аланов...»** — гунны (кит. хунну) — тюркоязычный кочевой народ, передвигавшийся в первые века нашей эры из Центральной Азии в Казахстан, Среднюю Азию, на Урал, Волгу, Дон и далее по Восточной и Западной Европе на запад вплоть до Франции и Испании; аланы — ираноязычные племена, обитали на Северном Кавказе до р. Дон, во II в. создали сильное государство, разгромленное в IV в. гуннами.

«Оленьи камни, керексуры, каменные бабы» — «оленьи камни» — неолитические и более поздние памятники — каменные плиты и скалы, покрытые стилизованными изображениями оленей, человеческих фигур и т. п., очевидно, имели ритуальное значение; керексуры — огражденные каменными столбами или плитами с нанесенными на них знаками, похожи на кельтские менгиры в Европе; каменные бабы — намогильные памятники Алтая, многие из которых относятся к уйгурской эпохе (X—XIV вв.), имеют надписи, ныне частично прочитанные.

«...Предание о черном камне...» — видимо, речь идет о чинтамани, или, как говорят монголы, чиндамани.

Стр. 245 **«...Говорят, В. и Р. ...поработали»** — о ком идет речь, выяснить не удалось; судя по контексту — о

художниках, подделывавших картины Н. К. Рериха.

«...Крепко стоят Юон, Машков, Кончаловский, Лентулов, Сарьян, Кустодиев... Бенуа... Добужинский... Сомов, Бакст» — крупные русские и советские художники.

Щусев и Щуко — Щусев А. В., Щуко В. А. — выдающиеся русские советские архитекторы.

Стр. 246 Вольтер А. А. (1889—1973 гг.) — советский художник, ученик Н. К. Рериха.

«...Луначарский говорит...» — приведены слова А. В. Луначарского из его выступления, опубликованного в газетах 1924 г.

Стр. 247 «По заметкам Сапожникова» — речь идет о В. В. Сапожникове (1861—1924 гг.), ботанике и географе, исследователе природы Алтая.

«Саин галабын судур» (монг.— «Сказание о добром веке») — сказание о наступлении в будущем века справедливости и счастливой жизни; источником, очевидно, была санскритская Бхадрáкальпасутра — «Сутра о счастливой кальпе» (кальпа — мировой период).

Бальдр (Бальдур) — в древнескандинавской мифологии сын «отца богов» Одина, бог добра, юности и красоты, вероломно убитый по наущению злокозненного бога Локи; в обновленном мире Бальдур должен воскреснуть.

Стр. 248 «...Приезжают наши американцы, с ними Борис» — «наши американцы» — вероятно, имеются в виду Кардашевский и еще кто-то из европейских спутников Н. К. Рериха по экспедиции из Улан-Батора в Гималаи. Борис — Б. К. Рерих, брат художника.

«...Нашелся П. К. Людмила и Рая поедут с нами» — П. К. — Павел Константинович Портнягин, врач, участник экспедиции на маршруте от Улан-Батора до Сиккима. Людмила и Рая — Богдановы Людмила Михайловна (умерла в 1962 г.) и Ираида Михайловна (ей было тогда 13 лет) — сестры-сироты, взяты Рерихами в Улан-Баторе. Они прошли с экспедицией до конца маршрута и в дальнейшем жили в семье Рерихов.

Стр. 249 «...Владыка Шамбалы» — картина Н. К. Рериха, подаренная им в 1926 г. правительству МНР.

«Хлопочет Ж.» — Цэбэн Жамцарано (умер в 1941 г.), крупнейший ученый Монголии того времени, один из организаторов Ученого комитета (ныне Академия наук МНР).

Нарабанчи и Эрдени-цзу — крупные монастыри в Монголии.

Стр. 250 **Юм-бейсе** — моиастырь, ныие населенный пункт на юго-западе МНР, на северном склоне Гобийского Алтая.

«До Шибочена (за Аньси)...» — Аньси — город на р. Сулэхэ, у южиого подножия хребта Бэйшаиь. Шибочеи — озеро у северного подножия Наиьшаия, к югу от Аньси.

Стр. 252 **Синема** — кинематограф, кинофильм.

«...Где притаились всякие останки древних гигантов» — Н. К. Рерих имеет в виду местонахождения захоронений костей динозавров (ископаемых гигантских рептилий), обнаруженных американской экспедицией Эндрьюса.

Стр. 253 **«...Во время бегства далай-ламы в 1904 году»** — далай-лама бежал в Моиголию в связи с вторжеиием в Тибет английского воеиного отряда и попыткой подчииить страну Британской империи.

«...Триста наречий Азии» — здесь неточность: только в Индии существует около 200 языков и 845 наречий, в Китае языков и иаречий — около 200 и т. д. Возможио, Н. К. Рерих имеет в виду только Центральную Азию.

Стр. 254 **«...Прискакал Ч.»** — Ч.— Чахаибула, прозвище участника экспедиции Н. К. Рериха Н. В. Кардашевского.

«...От непонятной причины у Я.» — Я.— Яруя, прозвище друга и корреспондеита Н. К. Рериха В. А. Шибаева. Выезжая в Индию и опасаясь «внимания» английских властей к своей корреспоиденции и диевиикам, Н. К. Рерих условился со своими друзьями о шифровке имен и названий (Россия — «А», Кардашевский—«Ч», Шибаев—«Я» и т. д.).

Стр. 255 **«...Пролетел ярко-белый, сверкавший на солнце шаровидный аппарат»** — в английском издании записок Н. К. Рериха «Алтай — Гималаи» этот эпизод описан значительно подробнее и позволяет предположить, что речь идет о крупной шаровой молнии, плывшей на большой высоте в потоке воздуха, меияющем направление в зависимости от рельефа.

Сининский амбань — амбань города Синин, расположеииого восточиее озера Кукунор.

Стр. 256 **Нейчжи** — перевал через восточную окоиечность Куньлуия, от Цайдама к верховьям Янцзы.

Стр. 257 **Панага** — один из родов, входящих в объединение голоков.

«...Гейзер глауберовой соли» — в Тибете иет гейзеров. Н. К. Рерих, видимо, иазвал гейзером отложеиия солей

вокруг выхода восходящего источника минерализованных подземных вод.

Стр. 258 «...Области Хор» — северо-восток тибетской провинции Цинхай (Амдо), населенной «людьми хор» (тибетск. «хорпа»); хоры, или хорпа — смешанное тюрко-монгольское население провинций Цинхай и Ганьсу.

«Глубокие долины заполнились...» — Н. К. Рерих излагает гипотезу, согласно которой Тибетское плато — горная страна, разрушенная выветриванием и погребенная продуктами выветривания. На самом деле в основании плато лежит разбитая тектоническими разломами платформа, возникшая около 2 млрд. лет назад (в протерозое), поднятая на большую высоту во время горообразовательных процессов последней, альпийской складчатости.

Кам—ныне историческая область на юго-востоке Тибета.

Стр. 260 «...При морозах свыше —60° Цельсия» — такие температуры для Тибета науке неизвестны. Но мороз в 30—40° при относительно умеренной силе ветра на такой высоте (свыше 4500 м) может быть эквивалентен указанным температурам.

«Тибетцы лгут ежедневно» — то есть должностные лица, приставленные к экспедиции, изобретают самые невероятные предлоги, чтобы объяснить задержку. На деле все это было следствием «хлопот» английских эмиссаров (в частности, того самого полковника Бейли, к которому пытался апеллировать Н. К. Рерих) и пекинского правительства, в одинаковой степени опасавшихся появления русских как в Тибете, так и в Синьцзяне, боявшихся выражения симпатий народов к России.

Стр. 261 «...Переезд из Чунаргена в Шаруген» — урочища и становища тибетцев в Восточном Тибете, в бассейне верховьев р. Янцзы, у северного подножия хребта Тангла.

«...Правители Нагчу едут» — Нагчу — город в Восточном Тибете, на р. Нагчу (исток р. Салуэн).

«...Старый маньчжурист-чиновник» — то есть сторонник свергнутой в Китае Маньчжурской династии, служивший еще до революции 1911 г.

Стр. 262 Дзонгпен — глава административной единицы в старом Тибете, начальник округа, города, крепости (от тибетск. дзонг — «крепость», «резиденция правителя»).

«На фресках монастыря — кресты» — для Н. К. Рериха подобные символы были несомненным доказательством взаимовлияния культур и религий разных наро-

дов, но сходство символов или изображений еще не может говорить о взаимовлиянии. Так, кресты встречаются и у народов, никогда не имевших ничего общего ни с христианским, ни с буддийским миром.

Стр. 263 **«Вместо священного ОУМ...»** (точнее «ОМ») — священная формула в ламаизме.

«...Нашлось бы общего с друидами и огнепоклонниками» — в своем предположении Н. К. Рерих прав: в религии бон действительно есть элементы огнепоклонничества, например почитание солнечного бога Митры; после религиозной реформы персидского царя Хшаярша (Ксеркса) в V в. до н. э. большое число приверженцев старой религии бежало в Согдиану (Средняя Азия) и Западный Тибет, где они ассимилировались с местным населением и привнесли свою культуру.

«...Кружным путем через Чантанг на Намрудзонг, Шенцзедзонг...» — тибетские власти в конце концов разрешили экспедиции Рерихов продолжать путь, минуя Лхасу и Шигацзе, через озерный край Тибета — южнее озер Селлинг и Дангра. Перечисленные здесь монастыри и населенные пункты лежат на этом отрезке маршрута экспедиции.

Стр. 264 **«...Через непоказанные на картах перевалы в 20 600 футов высоты на Сакадзонг, через Брахмапутру на Тенгридзонг, на Шекардзонг, на Кампадзонг и через Сепо-ла на Сикким»** — «непоказанные на картах»: перевал — это Сангмо-Бертин (5819 м), юго-западнее оз. Дангра (или Данграюм); Сакадзонг — населенный пункт на левом берегу Брахмапутры в ее верховьях, почти прямо на север от столицы Непала Катманду; Тенгридзонг в отрогах Главного Гималайского хребта, севернее Джомолунгмы, Шекардзонг — между районами Джомолунгмы и Канченджанги; Кампадзонг — у северной оконечности массива Канченджанги, а перевал Сепо-ла — восточной.

«...Портрету Хальса или Паламедеса» — Хальс, Франс (около 1580—1666 гг.) — известный голландский живописец, портретист. Паламедес-Стевартс — фамилия трех голландских живописцев. Н. К. Рерих, очевидно, имеет в виду Антониса Паламедеса (1601—1672 гг.), писавшего сюжеты из быта среднего сословия и портреты. Другие двое были в основном баталистами.

Филипп II (1527—1598 гг.) — испанский король с 1556 по 1598 г., крупнейший представитель абсолютизма и феодально-католической реакции.

Стр. 265 **«...Более 70° Цельсия»** — см. комм. к стр. 260.

«...Горсть грязной цампы» — цампа — поджаренный ячмень.

Стр. 266 Манассаравар, или озеро Нагов — озеро в Тибете, из которого вытекает один из основных притоков Инда — р. Сатледж. Н. К. Рерих ошибочно связывает это озеро с Брахмапутрой, истоки которой только близко подходят к озеру.

Ригведа — первая и древнейшая из Вед.

Кайлас — здесь вершина в Главном Гималайском хребте высотой 6714 м; наряду с хребтом Кайлас в западной части Каракорума в индуизме считается обителью бога Шивы. Поэтому этот район для индуистов священен и служит местом паломничества.

Стр. 267 «Голубая Янцзыцзян длиннейшая [в мире]...» — данные ошибочные, так как длиннейшей рекой мира и тогда уже считалась система рек Миссури — Миссисипи, затем Нил и Амазонка.

Арнаварта — древняя, давно уже исчезнувшая река на востоке Пенджаба, была притоком Инда.

Стр. 268 Дуканги (тибетск.) — храмы.

Стр. 270 Дак-бунгало — гостиница при почтовой станции.

Гангток — столица княжества Сикким, расположена на левом (восточном) берегу р. Тисты (Тишты), конечный пункт описываемой экспедиции.

Галлен-Каллела, Аксель Вальдемар (1865—1931 гг.)— финский живописец, писал на сюжеты из народного эпоса «Калевала», увлекался модерном и символизмом, создавал и реалистические пейзажи («Иматра зимой», 1893 г., и др.).

Стр. 273 Норбулинг (или Норбулинг-ка) — дворец и парк при нем, резиденция далай-ламы в Лхасе.

Вихары — буддийские святилища.

Стр. 274 «...Огонь в палатке, опять бывший на Чантанге» — в Чантанге (монастырь западнее Нагчу в Тибете) наблюдался разряд статического электричества.

Стр. 278 «...По всей Азии ожидается наступление новой эры» — двадцатые годы были временем, когда Октябрьская революция вызвала подъем национально-освободительного движения и на Советскую Россию были обращены взоры надежды; иногда эти надежды о переменах принимали форму пророчеств о «свершении сроков», о скором «приходе» царства Шамбалы и явлении Майтрейи. Об этом и говорит Н. К. Рерих.

Содержание

Рерих Н. К.

Р 42 **Алтай — Гималаи. Предисл. Б. Г. Гафурова. Послесл. А. П. Окладникова. М., «Мысль», 1974.**

350 с. с карт.; 16 л. илл. (XX век: Путешествия. Открытия. Исследования).

Выдающийся русский художник Н. К. Рерих с 1923 по 1928 год совершил небывалое путешествие по Азии, пройдя более 25 тысяч километров по безжизненным пустыням и горам с перевалами высотой до шести тысяч метров. Попутно он изучал древние памятники культуры в Индии, Китае, Монголии и других странах. Обо всем этом рассказывается в дневниковых записях. Своеобразное и красочное повествование дополняется репродукциями картин Н. К. Рериха.

Р $\frac{20901\text{-}225}{004(01)\text{-}74}$ подписное

91 (И5)

Рерих,
Николай Константинович

АЛТАЙ — ГИМАЛАИ

Главная
редакция
географической
литературы

Редакторы
Е. И. Белев,
С. Н. Кумкес

Младший редактор
З. В. Кирьянова

Редактор карты
Г. Н. Мальчевский

Художественные редакторы
В. Ф. Найденко,
В. И. Суриков

Технический редактор
Ж. М. Конобеева

Корректор
И. В. Равич-Щербо

Оформление
и макет серии
Д. А. Аникеева

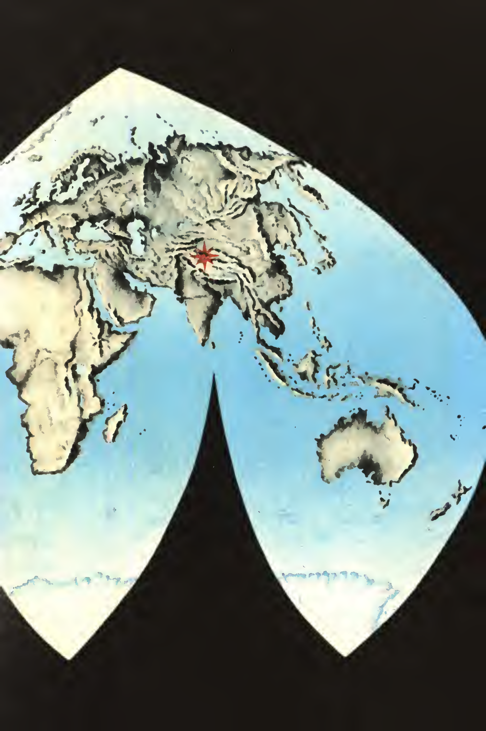
На суперобложке —
фрагменты картин
Н. К. Рериха

Гравюра художника
Л. С. Быкова

Сдано в набор 19 февраля 1974 г.
Подписано в печать 12 июля 1974 г.
Формат 60×84$^{1}/_{16}$. Бумага типогр. № 1.
Усл. печатных листов 22,32 (с вкл.).
Учетно-издательских листов 21,59
(с вкл.). Тираж 150 000 экз. А08082.
Заказ № 1096. Цена 1 р. 45 к.
Издательство «Мысль». 117071.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

1 р. 45 к.

